

Региональная стипендиатская программа
Фонда им. Генриха Бёлля для молодых ученых на Южном Кавказе

Южный Кавказ: Территории. Истории. Люди.

С б о р н и к   с т а т е й

- п Современная история
- п Социология
- п Урбанистика

 HEINRICH
BÖLL
STIFTUNG

Южно-кавказское региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля

**Южный Кавказ: Территории. Истории. Люди.
Сборник статей.**

Научный редактор

Екатерина Герасимова, кандидат социологических наук; Центр
независимых социологических исследований, С.-Петербург

Ответственный редактор

Нино Лежава, координатор программ Фонда им. Генриха Бёлля

Георги Таблиашвили
Нино Гурули

© Фонд им. Генриха Бёлля, 2006

© Heinrich Böll Stiftung, 2006

– Тбилиси, ФГБ, 2006. 400 стр.

ISBN 99940-45-49-0

Издательство «Диогене», Тбилиси 0179 ул. Кекелидзе, 6.
тел.: 95 63 94; тел./ факс 96 79 71; www.diogene.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ	7
PREFACE	9
«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»: ИСТОРИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	
Грант Тер-Абраамян	
Ереванская городская среда и инакомыслие	13
Введение	13
Город и среда	13
1.1. Некоторые черты идеологии Еревана в национальном самосознании и их развитие	16
1.2. Предпосылки формирования особой городской среды и городского самосознания	18
2. Самосознание города	22
3. Новый ереванский стиль: альтернативность официальному	23
4. Антисоветское инакомыслие как часть городской среды	27
5. Эпилог. Мифология 1988 года и ереванское самосознание	31
Заключение	37
Акоп Акопян	
Некоторые характеристики развития рок-движения в Армении	38
Введение	38
Историография рока в Армении	38
Путь рокера	41
Источники информации	41
Ахпары и контакты с Западом	41
Поколение Локи	46
«Уехали, все уехали...»	48
Рокер рокеру брат	49
Мотив запрета	49
Восприятие рока	50
Рокеры пели в церковном хоре: Национальный дискурс, или КRYPTOистория начала Карабахского конфликта	50
«Несть в Роке ни эллина, ни иудея»	53
Рабиз или Действие Невидимой Руки рынка в условиях, приближенных к коммунистическим	54
Рабиз как социальное явление и как социальная группа	59
Ильгам Аббасов	
«Национальная история» в средних учебных заведениях в контексте образа «исторического врага»	62
1. Официальный дискурс	64
2. Пастырский уровень	72
3. Бытовой дискурс	77
Заключение	78
Сурен Манукян	
Возникновение националистического дискурса и подпольного движения в Армении в начале 1960-х годов	81
Лейла Сайфутдинова	
Армяне в азербайджанской художественной литературе: межгрупповая граница, факторы ее усиления и ослабления	93
Введение	93
Материал и методика исследования	95
Идентификация и проведение межгрупповой границы	96

Ослабление межгрупповых границ	99
Усиление межгрупповых границ	102
Заключение	104
Севи́ль Гусейнова	
Бакинские армяне: этническая идентичность в контексте повседневности	106
Анна Челидзе	
Этнический национализм в духовенстве Грузинской Православной Церкви	132
Методология социологического исследования	132
Понятие национализма и религиозного национализма	133
Ресурсы авторитета церкви	136
Религиозный национализм в Грузии	137
Православный национализм и его характеристики в Грузии	140
Айсель Везирова	
Хиджаб в большом городе: современная дискуссия о единстве, свободе и головных платках в Азербайджане	148
Платок и свобода	148
Трудности перевода	159
Иа Цулая	
Быть кистинцем: между грузинами и чеченцами	169
К вопросу об этнической идентичности	169
Быть кистинцем	170
Историческая память	173
«Здесь моя Родина»	174
Самые вайнахские вайнахи?	177
Адат	179
Религия	181
Война в Абхазии	183
Дискриминация	184
Ubi bene ibi patria?	185
Границы изнутри	186
Выводы	188
Арсен Акопян	
Татоязычные армяне: 15 веков от «армянства» к «армянству»	190

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРАХ ВЛАСТИ

Диана Тер-Степанян	
Конструирование власти через неформальные практики	213
Введение	213
Кейс-стади: выборы в органы местного самоуправления	216
Заключение	232
Тамар Чарквиани	
Неформальные трудовые практики на государственной службе	234
Анализ данных экспертного опроса	236
Анализ данных анкетного опроса	244
Заключение	248

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Хатуна Гварадзе	
О характере женского движения в Грузии (в конце XIX – начало XX века)	253
Возникновение «женского вопроса»	254
Женские организации в начале XX века	259

Женское движение в период октябрьской революции	264
Анна Папян	
Общественно-политическая активность женщин в современных сельских общинах в Армении	268
Введение	268
Женщины во власти в Армении: факты и цифры	269
Методологические основания работы	271
Объект и методика исследования	274
Женщины в процессе принятия решений на местном уровне (на примере одной общины)	275
Факторы, влияющие на политическую активность женщины в сельской общине	286
Заключение	290
Екатерина Пирихалава	
Трансформации гендерных ролей и их влияние на распределение власти в семье	293
Семья и семейные отношения	294
Властные отношения	297
Методика исследования	298
Результаты исследования	299
Основные выводы	306

ГОРОД И СРЕДА

Заруи Амирагян	
Историко-культурный потенциал района Конд в контексте социально-экономических и градостроительных изменений	309
Введение	309
Ереван как исторический город	310
Квартал Конд в контексте истории города	311
Структура Конда	314
Конд в период изменения форм собственности на землю (1991—2005 гг.)	316
Перспективы квартала Конд	319
Тамара Хоштария	
Функционально-планировочное развитие курортов Боржомского района	324
Введение	324
Общие данные о Боржомском районе	325
Курорты Боржомского района	327
Развитие туризма в Боржоми	329
Олимпиада 2014 года в Боржоми: есть ли шанс?	336
Экологические проблемы района	337
Международные проекты в районе	338
Рекомендации по развитию курортов Боржомского района	339
Предложения по сохранению экологического равновесия Боржомского района	340
Перспективы дальнейших исследований	341
Заключение	341
Манана Гедеванишвили	
Состояние системы зеленых территорий г. Тбилиси и возможности ее развития	343
Введение	343
Материалы и методы исследования	344
История и структура озеленения Тбилиси	345
Планирование озеленения Тбилиси	346
Классификация озелененных территорий	348
Законодательно-правовая база	350
Менеджмент зеленых насаждений	353
Мнение граждан	357
Выводы и рекомендации	360

SUMMARIES

<i>Hrant Ter-Abrahamyan</i>	
Yerevan Urban Milieu and Dissent	365
<i>Hakob Hakobyan</i>	
Some Features of the Development of the Rock Movement in Armenia	366
<i>Ilham Abbasov</i>	
National History in Secondary Schools in the Context of the Image of «Historical Enemy»	367
<i>Suren Manukyan</i>	
The Genesis of Nationalist Discourse in Soviet Armenia at the Beginning of the 1960's: The Rise of Underground Groups	369
<i>Leyla Sayfudinova</i>	
Armenians in Azeri Fiction Literature: Intergroup Boundary and the Factors of its Strengthening/Weakening	371
<i>Sevil Huseynova</i>	
Agents of Reproduction of Ethnicity in the Context of the Aura of Fatality of Nationality	373
<i>Ana Chelidze</i>	
Ethnic Nationalism in Georgian Orthodox Clergy	375
<i>Aysel Vazirova</i>	
Hijab in a City: Modern Discussion on Unity, Freedom and Headscarves in Azerbaijan	377
<i>Ia Tsulaia</i>	
Past, Present and Future of Kist Identity	379
<i>Arsen Hakobyan</i>	
Tat-speaking Armenians: 15 centuries from «Armenianhood» to «Armenianhood»	380
<i>Diana Ter-Stepanyan</i>	
Construction of Power through Informal Practices	383
<i>Tamar Charkviani</i>	
Informal Labour Relations in Governmental Institutions	385
<i>Khatuna Gvaradze</i>	
Characteristics of the Women's Movement at the end of 19 th and the beginning of 20 th century in Georgia	387
<i>Anna Papyan</i>	
Political and public activity of women in rural communities of Armenia	389
<i>Ekaterina Pirtskhalava</i>	
Transformation of Gender Roles and Their Influence on Power Distribution in the Family	391
<i>Zaruhi Amiraghyan</i>	
District of Kond: Historical and Cultural Capacities and Its Place in the Contemporary Social-Economic and Urban-Planning Changes	393
<i>Manana Gedevanishvili</i>	
Research of the Tbilisi landscaping system and opportunities for its development	395
<i>Tamara Khoshtaria</i>	
Functional Planning Development of Health Resorts in the Borjomi District	397

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой научные результаты второго года **стипендиатской программы** Южно-кавказского регионального бюро Фонда им. Генриха Бёлля для молодых ученых из Азербайджана, Армении и Грузии. В книгу вошли те индивидуальные исследовательские работы стипендиатов, которые проводились в рамках программы в сфере социальных наук в 2005 году.

Работы в междисциплинарном плане касаются тех тем, которые важны для элементарного понимания **социальных и политических процессов** в южно-кавказских обществах, и притом почти не играют существенной роли в общественных дискуссиях, а в некоторых случаях даже табуированы. И, тем не менее, всем, кто занимается проблемами общественной модернизации и демократизации в этом регионе, не миновать критического обсуждения по рассматриваемым в данном сборнике вопросам.

Статьи в **первой части** книги – **«Свои» и «чужие»: история, этничность, повседневность»** – затрагивают исторический и социологический ракурс изменений религиозных, этнических и национальных конструкций идентичности в обществах Южного Кавказа в XX веке. Они рассматривают и исследуют переосмысление этнической принадлежности, функцию и принцип действия стереотипов, развитие субкультур, роль разных религий в государстве и обществе, а также значение историографии и художественной литературы для конструирования идентичностей и националистического дискурса в постсоветских обществах.

Во **второй части** – **«Неформальные практики в структурах власти»** – речь идет о механизмах неформального осуществления власти и неформальном регулировании доступа к власти. Эти неформальные формы часто являются более эффективными, чем официально декларируемые и легализованные формы власти. При этом важную роль играют неформальные сети, неформальная коммуникация, допуск женщин к определенным должностям или, напротив, исключение из них.

Статьи в **третьей части** книги – **«Гендерные исследования»** – затрагивают историю развития женского движения, общественно-политическую активность женщин в современных сельских общинах, а так же трансформацию гендерных ролей в ракурсе распределения власти в семье.

Статьи в **четвертой части** – **«Урбанистика»** – сборника посвящены практическим

вопросам: защите окружающей среды, устойчивому развитию южно-кавказских городов. Авторы изучают конкретные проблемы окружающей среды и инфраструктуры урбанных центров, историко-культурный потенциал развития городов и курортных регионов. Хочется надеяться, что эти работы будут способствовать повышению интереса к такой малознакомой в регионе дисциплине, как урбанистика – научное исследование высококомплексного феномена города, и эта наука вскоре приобретет здесь большую известность.

Региональная южно-кавказская стипендиатская программа Фонда им. Генриха Бёлля преследует две цели:

- Побудить молодых ученых к таким индивидуальным исследовательским проектам, которые подразумевают междисциплинарность и вносят свой вклад в обновление социальных наук в регионе посредством использования инновационных исследовательских методик;
- Содействовать формированию региональной сети молодых высококвалифицированных специалистов для осуществления в будущем межграницных проектов в сфере общественно-политического образования и социальных исследований.

Издатели надеются, что второй сборник окажется интересным не только для узких научных кругов, но и для тех, кому не безразличны политические и общественные процессы на Южном Кавказе и кто активно участвует в гражданских инициативах. Мы также надеемся, что эти публикации помогут некоторым молодым исследователям открыть **доступ к международному научному сообществу**, и это тем самым послужит дальнейшему развитию южно-кавказских обществ и их открытости для международного обмена идеями и мнениями.

Выражаем особую благодарность всем **экспертам**, как на Южном Кавказе, так и за его пределами, которые внесли большой вклад в стипендиатскую программу Фонда им. Генриха Бёлля своими научными знаниями и личным активным участием.

Тбилиси, Июль 2006 г.

Региональное бюро Фонда им. Генриха Бёлля на Южном Кавказе

Вальтер Кауфманн
Директор

Нино Лежава
Координатор программ

PREFACE

This volume contains a collection of papers presenting the individual research of young social scientists from Azerbaijan, Armenia, and Georgia. The projects were carried out in 2005, within the framework of a scholarship programme run by the South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation.

The authors have taken interdisciplinary approaches to subjects that are of fundamental importance for the understanding of social and political processes in the societies of the South Caucasus, but which are hardly touched upon in public debate, or even fall into the realm of taboo to some extent. And yet anyone who attempts to foster social modernization and democratization in this region has to take a critical look at these very themes at some point.

The articles in the **first section** of the book – **‘One’s own people’ and ‘strangers’: history, ethnicity, and present-day life’** – deal historically and sociologically with the changes in concepts of religious, ethnic, and national identity in the societies of the South Caucasus that took place during the 20th century. They investigate the shifts in the meaning of ethnic identity, the function and operation of stereotypes, the development of subcultures, the roles the various religions play in the state and the society, as well as the significance that historiography and literature have for the construction of identities and nationalistic discourse in the region’s post-Soviet societies.

The **second section** – **‘Informal practices within the bodies of power’** – deals with the forms of the informal exercise of power and with the informal regulation of access to power. These informal patterns are often far more potent than officially proclaimed and legalized forms of power. Informal networks, informal communication, and the admission or exclusion of women to or from certain positions of power all play an important role in this respect.

The papers in the **third section** – **‘Gender research’** – look at the history and the development of the women’s movement, socio-political involvement of women in present-day rural communities, as well as the transformation of gender roles in the context of changing power distribution within the family.

The papers in the **fourth section** – **‘Urban studies and planning’** – are devoted primarily to practical questions concerning the sustainable, environmentally sound development of various South Caucasian cities. They deal with concrete environmental and infrastructure problems affecting urban centres and with the historical and cultural development

potentials of cities and resort areas. Hopefully, these papers will contribute to raising the profile of a discipline that is still very little known in the region: urban studies, the scientific study of the highly complex phenomenon of the city.

The Heinrich Böll Foundation's Regional Scholarship Programme for the South Caucasus has two major objectives:

- It hopes to encourage young researchers to take on interdisciplinary, individual research projects and to contribute to the renewal of the social sciences in the region through the use of innovative research methods.
- It seeks to construct a cross-border network of young, highly qualified specialists that can serve as a framework within which cross-border projects in the field of socio-political education and social science research can be carried out.

The editors hope that this volume, which is already the second, will provide interesting information not just to a specialized public, but to anyone interested in the political and social developments in the South Caucasus or involved in civil society initiatives. We also hope that this publication will create **doorways to the international scientific 'community'** for these young scientists and, by doing so, encourage the process of opening up South Caucasian societies to the international exchange of ideas and opinions.

We would like to express our sincere gratitude to all of the **experts** in and outside of the South Caucasus who are guiding and supporting our scholarship programme with their scientific expertise and personal commitment.

Tbilisi, July 2006

South Caucasus Regional Office of the Heinrich Boell Foundation

Walter Kaufmann
Director

Nino Lejava
Scholarship Programme Coordinator

**«СВОИ» И «ЧУЖИЕ»:
ИСТОРИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

Грант Тер-Абраамян

ЕРЕВАНСКАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ИНАКОМЫСЛИЕ

*Посвящается моей матери и ее поколению,
давшему нам возможность свободно мыслить*

Введение

В статье делается попытка обосновать связь городской среды с инакомыслием на примере Еревана 1960—80-х годов. Возможно, фоновые предпосылки городской оппозиции официозу заложены уже в «мета-идеологии» архитектурных решений. Городская среда представляется как основа для возникновения альтернативного дискурса, общественной сети и «новой гражданственности». Кроме того, в тот период формируется особое ереванское городское самосознание, основанное на противопоставлении себя общесоветскому пространству. Прослеживается связь конкретной диссидентской активности с городской альтернативной средой и изоморфизм повседневной диссидентской культуры и общегородской. Для автора несомненно также влияние городской «альтернативы» 1960—1980-х гг. на демократическое и национальное движение 1988—1990 гг.

Исследование, на основе которого написана данная статья, опирается в первую очередь на собранный автором материал, состоящий из двенадцати «глубинных» интервью, дополненных некоторыми письменными источниками и общетеоретическими работами. Статья представляет собой сжатый обзор итогов исследования с вытекающими из подобной сжатости минусами. Поскольку тема исследования является новой для армянского материала, основные тезисы статьи нуждаются в дальнейшей разработке и уточнении.

Город и среда

Ереван как столица Армении, по сути, является городом-проектом. Во-первых, Ереван-столица не вырастает постепенно из существовавшей

до начала XX века Эривани,¹ он, скорее, отрицает ее. Во-вторых, в контексте устоявшейся городской мифологии Ереван можно назвать осуществлением воли и задумки одного человека — архитектора Таманяна.²

Архитектурное решение плана нового Еревана³ вполне вписывается в «проектный» контекст. Оно предполагает город с рациональной планировкой, широкими прямыми улицами и строениями в неоклассицистском стиле. Дух модерна, а в более узком смысле — модернизма, проявляется здесь не в самой конкретике архитектуры (которая как классицистская ориентирована на «возрождение прошлого», а не на авангардность), а в проектности как таковой и в идеологическом контексте — национальном и советском. Основной структурный элемент — это претензия на возрождение некоего «великого прошлого»: в случае классицизма вообще это античное прошлое; в случае же таманяновского неоклассицизма оно имеет национальные черты. Внешне это проявляется через цитирование архитектурных решений, выявленных в ходе раскопок Ани — столицы X-XI вв. старшей линии армянских Багратидов (885—1045) и иных памятников «национальной античности». Кроме этого, общий план города представляет собой вписанный в круг центр города, вокруг которого развиваются новые круги в виде городских окраин, сохраняя в целом радиальную структуру.⁴ Эта округлость плана, с одной стороны, гармонирует

¹ Ср.: «Общность судьбы ... обеих ... столиц — Антиохии и Александрии — замечательна. Ни тот, ни другой город не выросал мало-помалу, из века в век... не знал ...архаической планировки... как Афины и Рим до них, как Париж, Лондон... после них. Они были с самого начала задуманы как столицы и возникли ... по замыслу, плану, приказу; их планировка рациональна и парадна... К этому же типу столицы относится и ... Константинополь. Правда, на его месте почти тысячу лет существовал греческий городок Византий... Но Константинополь не вырос из Византия; напротив, Византий должен был кончиться, чтобы Константинополь начался. В идее столица Константина выросла как бы на пустом месте, и если эмпирически это было не совсем так, идея этим только подчеркнута». Аверинцев С. Предисловие//От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 14-15.

² Роль особого символа приобрела и сама графическая схема плана Таманяна, высеченные рельефы которой можно найти в нескольких местах в городе. Ср. в этом смысле также акцию под названием «Съем тебя» — по поеданию плана Таманяна в виде торта, проведенную группой ереванских художников в 2003 г. в рамках проекта «Наследственная преобразуемость телесной среды» группы «Утопиана». (Наследственная преобразуемость телесной среды». Женева, 2004. Р.74-79 (на армянском яз.). Ср. там же проект «Женереван» швейцарского художника У. Фишера с наложением карты-схемы плана Таманяна на карту Женевы (С. 65-69).

³ Вопреки распространенным до сих пор представлениям, план Таманяна не является продуктом советской эпохи, что важно для более верного понимания нашего изложения. Еще в период независимой Армянской Республики (1918—20/21), в мае 1920 г., было создано государственное «Архитектурное управление» под руководством А. Таманяна, в рамках деятельности которого и был разработан вариант нового генплана Еревана. После окончательной советизации Армении (июнь 1921 г.) Таманян, как и большая часть армянской интеллигенции, эмигрировал и жил в Тебризе. Лишь в 1923 г. он вновь вернулся в Армению, и тогда же было дано начало практической реализации его плана. (Врачян С. Республика Армения. Ереван, 1993. С. 454 (на армянском яз.). Это важно, т.к. фактически национальный неоклассицизм нового Еревана возник независимо от неоклассицизма советского. План новой столицы именно как государственная программа предшествует советской эпохе, и исходя из этого, более понятными становятся также фоновые предпосылки противостояния Еревана с советским центром.

⁴ Надо сказать, что на план Таманяна повлияла и известная идея «города-сада» Э. Говарда (округлый план в виде концентрических кругов, большая окружная дорога, засаженная деревьями, между центром и внешним кругом, вынесенная на периферию заводская окраина и т.д.). Сама идея Говарда имела не столько архитектурный, сколько социально-утопический генезис, и таким образом в модернистской проектности Еревана подспудно была заложена не только национальная, но и социальная идея, что коррелирует как с социалистическим характером идеологии правящей партии («Дашнакцутюн») Первой Республики (1918-20), так и с советской идеологией. В конечном счете,

с общей округлостью конкретных архитектурных решений (арки и прочее), с другой — опять подспудно намекает на «античную («римскую») идею» и идею «возрождения»⁵ (круг как символ возрождения), заложенную в проекте классицизма вообще.

Таким образом, архитектура представляет собой метаидеологическую матрицу, которую можно наполнить конкретным идеологическим содержанием в рамках одного из проектов модерна: в данном случае, это может быть как общесоветский (сталинский «неоампир»), так и национальный проект (тоже модернистский). Вместе с тем, опосредованность ереванского неоклассицизма национальными традициями в достаточной степени отдают его от общесоветского неоклассицизма, и придают ему уникальное лицо, создают фоновые условия для возникновения некой обособленной роли. Тем более, есть все основания предполагать, что таманяновский проект, задуманный еще в период Первой Республики, намеренно включал элемент национальной идеологии.

идея округлого в плане города имеет весьма древние истоки (утопические и мифологические), ведь округлость по сути выражает «солнечность» (ср. «Город Солнца» Кампанеллы и метафору Чаренца из стихотворения, посвященного Таманю: «...Ему привиделся, наверно, солнечный город... Вот карта города — солнечные часы, ...а в центре — достигающее небес гранитное капище» (перевод подстрочный — Г. Т.-А.)) (Чаренц Е. Сочинения. Ереван, 1954. С. 199 (на армянском яз.). Примечательно, что Чаренц (коммунист по убеждениям и футурист в поэзии) вводит в свой стих отчетливые религиозно-мифологические мотивы: видение, солнечные часы, капище, достигающее небес. Ср. совпадение мотивов: «И Сивиллы книги хранят память о Новом Иерусалиме, где в центре сверкает **“храм с высокой башней, коя касается облаков”**» (Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб, 1999. С. 10). Связь элементов: солнце, круг, поселение выявляется на сравнительно-лингвистическом материале (Мифы народов мира. Т. II. М., 1992. С. 18-19). Ее же можно увидеть на примере архаичного полисемантизма в таком языке, как абхазский (от одного корня образованы слова, призванные обозначать народ, страну, солнце и небо) или единого древнемесопотамского клинописного детерминатива для обозначения понятий «страна», «гора», «восход солнца». В близком семантическом поле находится и идея «справедливости»: «Наиболее простое представление и пример изображения всех вещей являет собой...круг... Солнце обладает высшей добродетелью, и мы представляем его кругом, имеющим видимый центр». (Ди Дж. Иероглифическая монада. <levity.com/alchemy/monas_r.html> 23.05.06). Выражение «высшая добродетель» в ее связи с кругом и солнцем указывает нам на исходную мифологическую точку упомянутой в начале данной сноски утопической идеи: округлый план «Города Солнца» является отражением стремления к обустройству общества «высшей добродетели».

⁵ Наконец, сама идея возрождения также имеет четкие мифологические истоки. «Все царские города Индии... построены по мифической модели небесного града, где во времена Золотого Века, обитал Верховный Владыка. И следуя его примеру, царь старался воскресить Золотой Век» или «Сеннахериб приказал строить Ниневию «по проекту, сделанному в **стародавние времена**, на основании небесного предначертания»». (Элиаде М. Указ. соч. С. 9-10). Города в древних культурах имеют свой небесный прототип: в «идеальном небесном краю, вечности» (Там же). Выражением вечности как раз и является круглый план (круговорот). Ассоциацию с «небесным прототипом» видим в выше процитированном стихотворном отрывке из Чаренца — «солнечные часы — план города». Вместе с тем, циклическую (круговую), ориентированную на возрождение «золотого века» структуру имеют не только мифологические представления, но и проекты модерна в контексте которых существуют план Таманяна: национальный («великое национальное прошлое»), либеральный («конец истории») и особенно социалистический. Ведь построение коммуны мыслится как возвращение к коммунизму доклассового общества на новом этапе (возвращение утерянного рая). Ср. «...первобытнообщинный строй не знал эксплуатации, а в ходе истории сменился эксплуататорским обществом.. С переходом же к социализму эксплуатация человека человеком уничтожается и в этом смысле социалистическое общество сходно с первобытнообщинным» (Основы марксизма-ленинизма. М., 1959. С. 86) или концепцию Маркузе о возрождении принципа удовольствия на новом этапе как возвращение «потерянного рая» и «остановку времени» (Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003. С. 202-203). Но это то же, что возвращение к свободе в древнейших шумерских новогодних праздничных обрядах (в буквальном переводе «возвращение к матери», т.е. в тех же (!) психоаналитических терминах, что у Маркузе, притом что материнское начало вообще ассоциируется с кругом), когда «рабыня госпоже своей равна была» и «человек к человеку не нанимался», трактуемое самими шумерами как временное возвращение золотого века. (Емельянов В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб, 2003. С. 66, 71, 83).

Будучи в типологическом смысле порождением того же модернистского мировосприятия, что и советский неоклассицизм, ереванский стиль, однако, не порождает город как форпост Империи в чужеродной стихии периферии, призванный властвовать над ней, воспитывать и просвещать. Если он и противостоит конкретной среде в виде старой Эривани, то это противостояние протекает в рамках *национального* модернизма, воспринимающего эту среду как «искажение» «истинно национального» под восточным, «инокультурным» влиянием.⁶ «Восточное» является здесь синонимом не только косного, грязного, средневекового, а в архитектурном плане еще и неправильного (кривые улочки, хаотичность⁷), но также инородного, чужого и т.д. В этом контексте Ереван как «Рим», хоть и призван «просвещать» провинцию, но в национальном, а не имперском смысле.⁸

1.1. Некоторые черты идеологии Еревана в национальном самосознании и их развитие

В рамках национальной мифологии и в прямой связи с архитектурными решениями Ереван прежде всего наследник армянских столиц древности и средневековья, большая часть которых располагалась в Араратской долине или прилегающих местностях, т.е. вблизи самого Еревана. «Древность» города предполагается априори, еще до открытия существования на его территории

⁶ Относительно важности для становящегося в XVIII-XX вв. современного армянского самосознания дискурса о «восточной порче» см. следующие цитаты из статьи Кристапора Микаэляна, одного из основателей партии «Дашнакцутюн» и бывшего члена российской «Народной Воли»: «Видимо, наш народ под долгим азиатским игом лишился многих своих прекрасных качеств... Взгляды Григора Арцруни о врожденных свойствах армянина также известны всем: «Наряду с большими достоинствами у армян есть и крупные недостатки, ...но все это следствие многовекового...существования под мусульманским игом...»» (Историческое зло. <armenianhouse.org/christopher-mikaelian/evil.html> 10.01.06). Тот же дискурс находим и в предисловии к роману «Раны Армении» Х. Абовяна: «многовековое персидско-турецкое иго исковеркало образ мышления и духовный мир армянина». (Ереван, 1977. С. 13). Ср. тот же дискурс в грузинском контексте: «Ибо в то время грузины были мужественными, твердыми в вере, честными, несребролюбцами, [а] он (царь Ростом) привел из Персии омуслиманившихся .. и по их вине распространились среди грузин роскошь, кизылбашские пиршества, прелюбодеяние, ложь, наслаждение тела... щегольство непристойное...». (Багратиони В. История Царства Грузинского. Тб., 1976. <armenianhouse.org/bagratiuni/history-ru/2.html> 02. 03.06).

⁷ См., например: «По сравнению со своими великими и прославленными предшественниками, Ереван на протяжении всего персидского периода остается убогим и карликовым...с узкими, грязными улочками, полным болезней азиатским городом...» (Словарь топонимов Армении и сопредельных областей. В 4-х тт. Т.2. Ереван, 1988. С. 216 (на армянском яз., перевод здесь и далее автора).

⁸ В пользу изначальной вписанности ереванского генплана в национальный нарратив свидетельствует и общая ориентированность города на вид на Арарат. Главные проспекты проектируемого города должны выходить на вид горы. Деликатность ситуации в том, что Арарат, воспринимаемый как важнейший национальный символ, находится вне территории Армении как государства, и вид на него служит постоянным зримым напоминанием о т.н. «Еркире» («Стране», т.е. Западной Армении). В этом контексте новую нюансировку получает расположение Еревана вблизи армянско-турецкой границы. Тут Ереван можно уподобить тем поселкам беженцев из Западной Армении, которые располагаются в максимальной близости к турецкой границе, причина чего, согласно местным преданиям, в том, чтобы, как только «откроется дорога» в «Еркир», они могли первыми вернуться туда.

центров урартского периода, и она же, опять-таки, заложена в идеологии таманяновской архитектуры (*«возрождение славного прошлого»*).

Открытие в 1950-е годы развалин урартского города Эрбунни к юго-востоку от тогдашней черты города стало счастливым фактом, подтвердившим идеологему о «древности». Само название Еревана восходит к Эрбунни.⁹ Таким образом стало возможно проведение прямой линии от Эрбунни¹⁰ к Еревану, минуя враждебный и к тому же «бесславный» Ираван¹¹ (персидское название города) и губернскую Эривань. Эта линия и проводится в песне-гимне Еревана: *«Ставший Ереваном, наш Эрбунни, ты наш новый Двин, наш новый Ани»*. Данная цитата фактически содержит в себе подспудную идею «вечного города»: в течение веков происходит превращение из Эрбунни в Ереван, и, с другой стороны, из Двина и Ани в Ереван, но остается всегда некая идея Города и постоянного становления и возрождения. Структурно песня отражает ту самую идею круга (круговращения), что и таманяновский радиальный план с его неоклассицистской идеей «возрождения славного прошлого» и «Рима». Таким образом «древность» переходит в «вечность» (вечное возвращение).¹²

Другими элементом идеологемы Еревана в рамках национального дискурса является представление о Ереване как столице или центре мирового армянства. Если эта претензия и не реализуется буквально, то она осуществляется в виде нескольких волн репатриации западных армян

⁹ Впервые эта этимология дана в: König F. Die Gründung der Stadt Erivan. «Handes Amsorea» (арм. «Ежемесячный журнал» — Г. Т.-А.). 1954. №№ 7-8. S. 291-297. См. также: Пиотровский В. Ванское царство (Урарту) (М., 1959. С. 31) и др.

¹⁰ Более того, парадоксальным образом надпись Аргишти об основании Эрбунни смыкается с модернисткой составляющей таманяновского города-проекта. Город урартского царя также был «проектным»: «земля была пустынной» подчеркивает самодержец; Эрбунни основан актом воли «для могущества Биайнили и усмирения вражеских стран». (Арутюнян Н.В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 1998. С. 212).

¹¹ «Ираван» как центр Ереванского ханства и продолжающая его во многом русская Эривань враждебны Еревану и национальному сознанию в двух смыслах. Во-первых, в культурном. Это чужая культура — мечети, персидский, восточный стиль, «сладость» архитектуры, противоположность тому, что национальный дискурс интеллигенции воспринимает как свое. Кроме того, это «малоценная» культура. Еще и потому Ираван не может быть предшественником национального Еревана, что он захолустен, незначим по сравнению с исконно армянскими столицами, его возвышение происходит на фоне и благодаря падению последних. Во-вторых, Ираван враждебен политически, как символ иноземного и инокультурного владычества и унижения, что отражено у Х. Абовяна в романе «Раны Армении»: «как некий тысячеглавый демон... высится... *Ереванская крепость-людоедка*... Враг армянина, мулла... когда подымался на минарет и пел азан... когда прикладывал руку свою к уху и визжал, казалось, что это труба самого сатаны зовет армян оплакать свою горькую судьбу, ибо не раз случалось, что какой-нибудь... из армян как раз в это время... шел себе на базар... как его вдруг так начинали лупить по ногам и по голове... а все лишь оттого, что в час молитвы случайно коснулся одежды мусульманина и тем осквернил ее... Ереванская крепость, ереванская крепость! Ах, провались я на месте,— сколько, сколько она армянского мяса поглотила! Сколько, сколько невинных душ, из года в год подвергаясь казням и пыткам, живо приняли венец мученический! Сколь многие, все перенес, все претерпел— и огонь, и пламя, и вертела железные, и молотки, и кирпич раскаленный,— вылетали из пушки вместе с ядром, разрывались на тысячу кусков...» (Абовян Х. Указ. соч. С. 95-105).

¹² То, что это так, подтверждается подспудным присутствием римской темы и темы «вечного города» в официальном дискурсе о Ереване, в виде постоянных напоминаний о том, что город старше Рима на 29 лет. Ср., например, в энциклопедическом издании: «Эрбунни был основан ... в 782 г. до н.э. ... Т.е. Ереван старше легендарной даты основания «вечного города» Рима». (Словарь топонимов Армении и сопредельных областей. Т. II. С. 361).

из диаспоры. Начиная с 1920-х гг. вокруг Еревана образуется целая сеть населенных пунктов с характерными названиями, начинающимися на слово «нор», т.е. новый. Почти все эти поселки со временем войдут в черту города, напоминая о географии расселения армян в Западной Армении и Анатолии: Нор Себастья, Нор Малатия, Нор Бютания (Вифания), Нор Киликия, Нор Арабкир, Нор Зейтун, Нор Мараш, Нор Харберд и т.д.¹³ Это дает новую нюансировку проекту «возрождения» и «вечности», заложенному в идеологии Еревана: он не только наследник столиц, но и множества городских центров, населенных армянами, все тех же Себасти, Малатии, Харберда и т.д. Само слово «новый» становится почти ключевым для темы города,¹⁴ причем парадоксальным образом «новый» здесь передает не только прямой смысл — «новизну» (в т.ч. и модернизм и действительную молодость самого таманяновского Еревана), но и ... «древность». Ведь «новый Двин и новый Ани» вкуче с «Новой Себастией и Новой Малатией» означают новизну в смысле возрождения, возвращения, круговорота и соответственно «вечности» и .... радиального плана.

1.2 Предпосылки формирования особой городской среды и городского самосознания

1.2.1. «Ахпары»

«Ахпарами» в разговорном восточноармянском¹⁵ называют западных армян диаспоры (за пределами бывшего СССР) и первое поколение репатриантов всех волн. В первую очередь речь идет о волне конца 1940-х, а также отчасти о последующей уже не массовой, частной репатриации. Большинство репатриантов — городские жители, имеющие опыт хотя бы минимальной политической и гражданской свободы в странах своего первоначального проживания. Репатрианты обычно считаются «повинными»

¹³ Продолжая аналогии между проектностью таманяновского Еревана и Эребуни, можно заметить, что население Эребуни также было в значительной степени составлено из переселенцев. Но, что почти курьезно, переселенцы эти были, согласно уже цитируемой надписи Аргишти, «из стран Цупани и Хатти», что буквально географически совпадает с бассейном верхнего Евфрата и прилегающими областями, в которых располагались также и все (!) населенные пункты давшие названия перечисленным в нашем тексте районам Еревана с определением «Нор». Совпадение просто-таки удивительное.

¹⁴ Интересно, что если посмотреть на карту Еревана, то в тех местах, где поселения репатриантов с неизменным элементом «нор» не замкают круг вокруг центра города, им «на подмогу» приходят более старые по времени поселения, вошедшие в черту города, с тем же элементом «нор» в своем названии: Норк («Новые»), Норагюх («Новое село»), Норагавит («Новый притвор») и совсем уж каламбурно звучащее название советской новостройки Нор Норк («Новый Норк», т.е. фактически «Новые Новые»).

¹⁵ Существуют два литературных армянских языка нового времени (восточный и западный) и, соответственно, их разговорные варианты.

в распространении западной моды в одежде и музыке. С ахпарами связывают также некоторые новые бытовые, культурные и поведенческие явления,¹⁶ к которым прилагается эпитет «первый в городе». Скажем, это «первый в Ереване» исполнитель на гитаре и т.д.

Возможно, с ахпарами отчасти связано и оживление национального дискурса, а также первые зародышевые попытки инакомыслия и проявлений гражданской свободы.¹⁷ Об этом может свидетельствовать хроника арестов по политическим мотивам в Армянской ССР, приведенная в вышедшей в конце 2005 года на армянском языке книге «Политическое инакомыслие в Армении. 1950-1988 гг.». Так, из упомянутых в книге девяти арестов по статье «антисоветская агитация и пропаганда» за период 1950-53 гг. четыре дела были заведены на репатриантов.¹⁸ Обвинения, предъявляемые им, можно сгруппировать по трем пунктам: недовольство материальными условиями, которые лучше в зарубежных странах, откуда прибыли обвиняемые; недовольство отсутствием свобод; национальный вопрос.

1.2.2. *Кафе*

В послевоенный период в архитектурном и социокультурном ландшафте Еревана происходит важная перемена, связанная с появлением открытых кафе, которые становятся любимым местом времяпрепровождения интеллигенции 60-х. Открытое летнее кафе как место времяпрепровождения можно, следуя В. Воронкову, назвать «приватно-публичным» пространством,¹⁹ если считать, что кроме дружеской атмосферы, здесь может формироваться публичный дискурс, отличающийся от официального. Оно отличается от собственно приватной личной территории — квартиры, где человек остается наедине с собой, а с другой стороны, оно отличается от общественного публичного пространства — площади, где господствует официальная идеология.²⁰ В предшествующий историчес-

¹⁶ Интересно следующее воспоминание моей знакомой, выросшей в квартале на юго-востоке Еревана, построенном специально для репатриантов (Вардашен). «Я помню, как наш сосед каждое утро в шортах выходил поливать цветы в своем садике и говорил мне «бонжур»».

¹⁷ Кроме этого, стоит отметить, что из среды репатриантов рекрутировалось и большинство служителей церкви. Так, даже по состоянию на 2003 г. из 47 епископов Эчмиадзинского братства лишь 12 рождены на территории бывшего СССР. Только на уровне рядовых инок (т.е. более молодых) наблюдается паритет между «советскими» и «зарубежными». (Церковный календарь на 2003 г. Эчмиадзин. С. 207-212 (на армянском яз.)).

¹⁸ Манукян А. Политическое инакомыслие в Армении, 1950-1988. Ереван 2005. С. 6-30 (на армянском яз.).

¹⁹ Воронков В. Поколение шестидесятников и движение протеста в СССР // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 168-201.

²⁰ Ср. «для климатических условий Армении характерным типом поведения является... отношение к улице, как к «дому для всех», где можно прогуляться, увидеть знакомых, посидеть в открытом кафе». (Тер-Степанян А. Среда города и этнические стереотипы поведения. // Материалы докладов республиканской конференции аспирантов Армянской ССР. Ереван. 1987. С. 24).

кий период таким «приватно-публичным» пространством в Ереване, огороженным от официальной публичности, был двор, общий для нескольких соседских домов. Однако для двора характерно соседское общение, которое, хотя и предполагает некую пассивную оппозиционность официозу, все же не может служить местом становления самостоятельного, активно противостоящего дискурса. Кафе же приходит на замену старому дворику как пространство друзей, равных по статусу единомышленников. Здесь закладываются основы уже собственно городского явления.

1.2.3. Студенческие выступления 24 апреля 1965 года

Важной событийной вехой в становлении ереванского самосознания стала демонстрация 1965 года. В нашем исследовании мы опирались на описание событий, данное в интервью с Х. Стамболцяном.

В 1964 году арестовали и судили семерых молодых людей, которые организовали кружок, борющийся за чистоту армянского языка. Это вызвало брожения в среде студентов Университета... Начиная с сентября 1964 в частности среди студентов факультетов физики и математики, зарождается идея «сделать» что-то в связи с приближающейся 24 апреля 1965 г. 50-летней годовщиной геноцида армян. Происходят собрания, которые вскоре охватывают весь факультет. Возникает идея демонстрации...

В 10.30 площадь была полностью заполнена, основную массу составляли студенты Университета. Присоединялись и другие горожане и даже гости города. По словам Стамболцяна, для участия в акции приехали не только армяне из Тбилиси, но отдельным автобусом прибыли и грузины, которые, не выходя из автобуса, у здания Консерватории приветствовали демонстрантов возгласами: «*Seni Wi ri me*»²¹.

Посланные властями известные научные и общественные деятели уговаривали народ разойтись, но демонстранты повернулись к ним спиной в буквальном смысле слова. Узнав, что студентов многих вузов закрыли в зданиях институтов, шествие направилось в северную часть центра города, где расположено большинство вузов. Участники смогли настоять на том, тобы двери многих институтов открыли, и выпущенные студенты присоединились к ним. По дороге манифестанты выводили на зданиях надписи «50», и когда кончилась краска, стали делать это губной помадой. Работники магазинов выставляли по пути шествия коробки с минеральной

²¹ Груз. букв. «унесу (возьму на себя) твою боль»; в данном случае выражает чувство симпатии и восторженности.

водой, чтобы участники могли утолить жажду (естественно без взимания платы). Сами шествующие следили, чтобы никто из них не стоптал газоны, уступали друг другу очередь к питьевым фонтанчикам вдоль улиц. Атмосфера была праздничная. Выйдя из центра города в южном направлении, шествие подошло к парку Комитаса... Здесь толпа разделилась: одна часть вошла в парк, другая спустилась дальше в заводской район города.

Уже к вечеру решено было идти к зданию оперы, на Театральную площадь, где должно было открыться заседание «представителей общественности». Театральная площадь была оцеплена милицией, но толпе удалось прорваться. Одна группа смогла войти в здание оперы и проникнуть в зал заседаний. Высокопоставленные партийцы поспешно покинули зал через черный ход. На следующий день город, и в частности площадь Ленина, был оцеплен не только милицией и дружинниками, но и войсками. А уже на следующий год, 23 апреля 1966 года, всех активистов движения арестовали и дали по 15 суток, так что повторения событий 1965-го не удалось.²²

Это было очень важным внутренним опытом самоорганизации и несанкционированной общественной активности. Как видим, даже если власти до какого-то момента не собирались противостоять акции, то они довольно скоро спохватились, и последовали и разгон демонстрации, и предполагаемые провокации, и аресты. Тот же Стамболчян описывает это в следующих выражениях: *«Для нас это была высота, взятая нами, пример человеколюбия — нам приносили кушать, пить, не был раздавлен ни один газон... Это осталось в памяти как наша победа. О нас передавали по «Голосу Америки», по «Свободе»...»*

С точки зрения ритуальности происходящего и с точки зрения городской тематики, интересно, что шествие, очерчивая круг вокруг центра города, спускается к южным заводским районам, возвращаясь оттуда вновь в центр. Таким образом как бы «отмечаются» все наиболее важные точки Еревана, очерчивается некое «свое» пространство. Конечно, это было обусловлено практическими соображениями, но здесь можно увидеть и некий магический элемент: шествие как бы создает «огороженную» территорию, которая призвана быть локусом свободы. Этим актом город воссоздается в новом смысле, не в архитектурном, а в символическом аспекте.

²² Активисты, все с обритыми головами, вышли на свободу как раз к официальной манифестации 9 мая. Они надели береты, и когда проходили под трибуной с руководителями, все по предварительной договоренности шапки сняли и обнажили свои обритые головы.

В выступлении 1965 г., как видим, соединились две волны: возрожденный и заявивший о себе во весь голос национальный дискурс и гражданская (граждане=горожане!) самоорганизация, через которую и проявился новый городской дух. Обе составляющие вскоре встанут в ту или иную форму оппозиции официозу. Их можно рассматривать в качестве двух разных ветвей ереванского инакомыслия, но две эти ветви переплетены между собой множеством нитей, взаимопроникающих идей и т.д.

2. Самосознание города

Анализ материалов исследования привел нас к выводу о существовании особого ереванского самосознания 1960—80-х гг., основанного на противопоставлении себя общесоветскому пространству.²³ Структура самосознания построена на бинарной оппозиции образа себя и образа другого. В данном случае это противопоставление охватывает широкое поле смыслов от подчеркивания особенностей и отличия до конфликтности и противостояния. Что касается конкретного наполнения структурной схемы, то под «мы» подразумевается Ереван, причем характеристики, присущие ереванской среде, переносятся на Армению в целом. Под «они» может иметься в виду советская действительность, Советский Союз в целом, «Россия» как страна и «Москва» как символ «российско-советского». Здесь мы приведем лишь часть конкретных бинарных пар, обнаруженных в материалах исследования. Подчеркнем, что приводимые ниже характеристики, безусловно, отражают субъективные представления респондентов и интересны именно как таковые. Обсуждение степени их соответствия «объективной реальности» находится вне рамок нашего рассмотрения.

Ереван – большая свобода слова VS «Москва» – меньшая свобода слова

Ереван – свобода антисоветского разговора в дружеской среде VS «Москва» – отсутствие такой свободы

Ереван – свобода антисоветского высказывания в официальном учреждении VS «Москва» – отсутствие такой свободы

Ереван – отсутствие общественного осуждения инакомыслия VS «Москва» – наличие такого осуждения

Ереван – солидарность общества с диссидентскими настроениями VS

²³ В рамках этой статьи мы можем лишь констатировать полученные выводы. Подробный же анализ, на основе которого эти выводы получены, можно найти в отчете, предоставленном Фонду Г. Бёля.

«Москва» – отсутствие такой солидарности

Ереван – отсутствие страха перед доносами VS «Москва» – страх перед доносительством

Ереван – свобода искусства VS «Москва» – гонение на авангардное искусство

Ереван – неверие в официальную идеологию, несерьезное отношение к символике VS «Москва» – вера в официальную идеологию, серьезное отношение к советской символике²⁴

Если обобщить характеристики, то схема представляет собой противопоставление двух пространств — (более) свободного и несвободного.²⁵ Перед нами признаки особого самосознания, особой идентичности, которая, как известно, основывается в первую очередь на оппозиции образа себя и образа другого. Это противопоставление не является тождественным инакомыслию или диссидентству в узком или прямом смысле слова. Но оно, во-первых, безусловно, является благоприятной средой для возникновения такого, и, во-вторых, будучи все же противопоставлением, если не прямо, то косвенно «инакомысленно».

3. Новый ереванский стиль: альтернативность официальному

Здесь мы рассмотрим те культурные условия, которые, с одной стороны, стали основой становления ереванского самосознания, с другой же — отражают его. Речь пойдет об альтернативности формирующегося городского стиля официальному советскому дискурсу. Стиль, о котором мы говорим, концентрируется и формируется вокруг открытых летних кафе. Практически все наши респонденты упоминают о кафе в связи и ассоциации с такими понятиями, как «особая атмосфера», «жизнь города», «свободное обсуждение» или даже «антисоветские разговоры».

²⁴ Подробнее: Таблица 1 в тексте отчета об исследовании, предоставленного Фонду Г. Бёлля.

²⁵ Если рискнуть продолжить аналогии с Эребуни, то весьма интересным выглядит следующее. Название Эребуни уникально в урартском контексте, т.к. обычно основанные урартскими царями города называются либо по имени самого царя-основателя, либо по имени одного из богов урартского пантеона. Исключительность Эребуни в этом смысле наталкивает исследователей на мысль об особом статусе этого города. Недавно А. Петросян выдвинул версию, согласно которой топоним Эребуни этимологизируется из хетто-лувийского *arawa-*, *arawas-*, *arawanni-* «свободный, освобожденный (от обязанностей, налогов)», что коррелирует с предполагаемой этнической принадлежностью упомянутых выше поселенцев из страны Хатти в городе. Этот корень лежит в основе названия городов Аравана в Пафлагонии и Ерева в Ликии, что отражало их особый статус «вольного города», с населением, свободным от принудительных работ и уплаты налогов. Если верна такая этимология Эребуни, то этот топоним можно перевести как «вольный город, поселение», что отражает его особый статус. (Петросян А. Вопросы этногенеза армян. Ереван, 2006. С. 34-36 (на армянском яз.)).

Наиболее часто упоминаются четыре кафе — «Копеечка», «Козырек», «Поплавок» и «Сквознячок» (все названия не официальные, а народные). Все они находились в центре города. Интересно замечание Л. Абрамяна о неслучайности пространственного расположения кафе в центре города и их центральности с точки зрения городской жизни. Это мысль подтверждается цитатой из интервью с Х. Стамболцяном, которого сам Л. Абрамян называет «классическим «кафейным» персонажем»: *«Когда скажем, с «третьего участка»²⁶ или в центр, то говорили «пойдем в город», имея в виду «пойдем в кафе»».*²⁷

Кафе становятся не только местом бытового дружеского общения, но и интеллектуального обсуждения, дискуссий на темы литературы, искусства. Перед нами — место формирования альтернативного официальному дискурса. Основными темами для обсуждения были философские, мировоззренческие, духовные вопросы, а также политические и общественные дискуссии: *«Когда уже мы все друг друга знали, и появилась атмосфера доверия, начались дискуссии на политические темы — о советской власти, о марксизме, о национальном вопросе, о свободе слова...».* Создается единая среда общения,²⁸ настолько постоянная, что *«если приходил в кафе новый человек, мы его сразу замечали».*²⁹

Иначе говоря: «В последние три десятилетия существования советского общества в нем сформировалось «вторая» публичная сфера, или, можно сказать, публичная сфера «реальной жизни», которая была отделена от первой жесткой границей ...возникло коммуникативное пространство — назову его **приватно-публичной сферой**, — где и обсуждалось практически все».³⁰

Итак, перед нами два важных момента: *а) формирование единой, плотной (но не закрытой) среды общения, б) формирование в рамках этой среды альтернативного официальному дискурса.*

3.1. Игровой элемент ереванской культуры

«Времяпровождение лепилось по образцу парижских кафе:

²⁶ «Третий участок» — окраинный заводской район города.

²⁷ Интервью с Х. Стамболцяном.

²⁸ Это как бы возникновение полиса в античном смысле слова, но полис порождает и свою «политику», и свое общество как «общение»: «...больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех... Это общение и называется полисом или общением политическим» или «Итак, ясно, что государство (полис) не есть общность местожительства, оно не создается ... ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налично..., но даже при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет полиса; он появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования». (Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. Москва, 1984. С. 376).

²⁹ Интервью с Х. Стамболцяном.

³⁰ Воронков В. Указ. соч.

*стиль и образ поведения — сочинять стихи на салфетках, как Аполлинер. У студенчества в подсознании было так — подражание божественному стилю, взятому из литературы. Сами мы себя представляли такими, сидящими в парижских кафе... Думаю, многие заранее дома готовились и заучивали фразы, которые потом бросят при разговоре в кафе».*³¹ Эта цитата из собранного нами материала наводит на мысль о наличии некоего игрового, театрализованного элемента в ереванской «культуре кафе».

Нам кажется, что это весьма важный элемент в нашем контексте. Игра здесь связана не только с некой «забавой», а с позиционированием, «разыгрыванием себя». Возможно, это связано с самим процессом становления ереванского самосознания, сепаратного от общесоветского. В начале становления самосознание вообще нуждается для своего утверждения в качестве особой единицы в «придумывании себя».³² Играют при этом, как видим, в «Париж», т.е. в нечто, что кажется по стилю противоположным ритму бодрого и пуританского советского дискурса, и тем самым дистанцируются от него. И действительно, окончанием приведенной нами в самом начале длинной цитаты о студенчестве, подражающем Аполлинеру, является фраза: *«Это само по себе ставило нас в противоположность советскому строю, по образу жизни».*

3.2. Непоощряемые культурные и интеллектуальные увлечения

Как известно, в Советском Союзе существовала довольно большая группа культурных явлений, хотя и не находящихся под запретом и не классифицируемых прямо как антисоветские, но все же в разной степени не поощряемых и «разоблачаемых» как «тлетворное влияние Запада» (другое дело, что на самом Западе многие из этих явлений — авангардная живопись, рок, хиппи и т.д. — ассоциировались как раз с левыми идеями, к вящему изумлению постсоветских граждан; в этом как раз интересная смычка советской идеологии с правой «буржуазно-консервативной» идеологией по стилю). Эти явления охватывают довольно широкий спектр: мода, рок-музыка, авангардное искусство и т.д. Сюда же можно причислить также мировоззренческие течения, которые не уживались с «диалектическим материализмом», но, опять-таки, не были прямо запрещены, к примеру, разного

³¹ Интервью с В. Тер-Абраамян.

³² «...культура, в ее первоначальных фазах, играет. Она не произрастает из игры, как живой плод, который высвобождается из материнского тела, она развертывается в игре и как игра». (Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1997. С. 166).

рода теософские, «оккультные» или «мистические» направления.

Если речь идет о Ереване описываемого периода, то можно выделить почти все перечисленные течения как часть интеллектуальной моды. Так, можно зафиксировать, что существование и развитие живописи и, шире, изобразительного искусства вне рамок официального соцреализма — важная составная часть ереванского самосознания и важный элемент противопоставления себя «Москве». Как выразился в интервью с нами Л. Абрамян, *«соцреализма в Армении не было в тот период, а если и был, то кто их принимал в расчет?»*.

Рок-музыка присутствует в культурном ландшафте в схожем контексте. По информации с сайта arminrock.am, первые рок-группы в Армении появились в конце 1960-х. В Ереване же проходят и первые рок-фестивали с участием групп из Армении и разных республик Союза при поддержке, как можно понять из текста, теневого «бизнесмена» Р. Мкртчяна. Практика этих фестивалей прекращается то ли в 1970, то ли в 1973 году в связи арестом Мкртчяна.

Еще один комплекс непоощряемых увлечений мы можем условно назвать «теософией» или «оккультизмом». В 1960—70-е гг. мы имеем дело в первую очередь с неким общим увлечением «восточными учениями», «Индией» и т.п., это явление имеет не только общесоветские,³³ но и общеевропейские аналогии. Среди городских персоналий, у которых можно было брать соответствующую литературу, был Эдик Виноградов («Эд»). Виноградов обычно сидел в «Козырьке», у него были *«брюки по щиколотку и 10 копеек в кармане»*. Иногда он где-то работал, но чаще нет. У него была богатая литература по индийской философии, йоге и теософии. Другая такая же богатая библиотека упоминается у молодого человека по кличке «Хотабыч».

Здесь стоит упомянуть и о некоторых тенденциях в армянской литературе того времени. Можно вспомнить имя В. Петросяна. Считалось, что он пишет о молодежи и отражает ее представления. В нашем контексте может оказаться интересным, что многие герои его произведений отпускают длинные волосы, слушают «битлов», вешают в комнатах портреты Леннона (не путать с В.И. Ленином), встречаются в кафе, жеманно упоминают имена французских импрессионистов, позволяют себе сомнительные шуточки по поводу преданности Родине или советских героико-романтических фильмов и не склонны хранить традиционное

³³ Ср., например: Гамсахурдия З. Духовная миссия Грузин. <www.abkhazeti.ru/pub/documents/gamsakhurdia> 10. 01.06)

девичество до замужества.³⁴ На этой оптимистической (а может, и наоборот) ноте, можно завершить эту часть.

Таким образом, в целом шло интеллектуальное и культурное размежевание с официальной идеологией. Формировалась городская альтернативная коммуникационная сеть, альтернативная гражданственность и общественная активность. Граница между этим явлением и инакомыслием не всегда четкая: одно переходит в другое. От такого противопоставления до прямого инакомыслия, думается, лишь один шаг. И теперь мы как раз рассмотрим, каким образом возникло и существовало открытое антисоветское инакомыслие в контексте и рамках описанной нами городской среды как его составная часть.³⁵

4. Антисоветское инакомыслие как часть городской среды

Наша главная задача — показать инакомыслие как часть культурного ландшафта Еревана в тесной связи с предыдущим изложением. Для этой цели мы выбрали из нескольких групп «диссидентствующих» одну — круг общения вокруг преподавателей Ереванского государственного университета Рафаэля Папаяна и Эдмонда Аветяна, а также переехавшего из Москвы Георгия Хомизури. Такой выбор обусловлен несколькими факторами. Во-первых, на примере этого круга наиболее наглядно можно показать связь диссидентства с городской средой. Во-вторых, кажется, эти люди более всего приближаются к тому, пусть и стереотипизированному, образу «классического» советского диссидентства, который закреплен в сознании «широких народных масс».

4.1. Люди (действующие лица)

Эдмонд Аветян (1929—2002). Сын драматурга и литературоведа, репрессированного в 1937 г. Из своих антисоветских взглядов Аветян никогда не делал секрета, в том числе во время лекций в университете: «*Посмотрите на это животное*», — говорил он студентам во время лекций, показывая на портрет Брежнева. Во второй половине 70-х Аветян сотрудничает с

³⁴ См., например: Петросян В. Аптека «Ани» // Армянские эскизы. Ереван, 1975. С. 237-307.

³⁵ Здесь мы рассмотрим формы существования собственно диссидентства в узком смысле антисоветского правозащитного инакомыслия в Ереване 1960—80-х гг. Деятельность организованного национально ориентированного подпольного движения в Советской Армении (Объединенная Национальная Партия) вынесена за пределы данной работы, поскольку история эта будет писаться отдельно.

Хельсинкской группой, участвует в подготовке и переправке документов по нарушениям прав человека в Армении, продолжая эту работу и после разгрома АХГ. Арестован в конце 1982 года. Был заключен в психиатрическую лечебницу.

Александр (Сандро) Манучарян (1929—1998). Один из близких друзей Аветяна. Как и у Аветяна, у него был репрессирован отец. Работал в Институте археологии и этнографии, преподавал в Педагогическом институте; отказался от защиты докторской диссертации, потому что непременным условием было написание ее на русском языке. В конце 70-х вокруг Манучаряна собралась группа студентов, которым он давал читать свои самиздатовские работы «Империализм» и «Национальный вопрос». В брошюрах говорилось о том, что Советский Союз продолжает политику царской России, является империалистическим, колониальным государством и т.д. Манучарян был арестован в 1980 году вместе с двумя своими бывшими студентами — А. Апикианом и С. Мелконяном.

Рафаэль Папаян (р. 1942). Учился в Тарту, где во многом сформировалось его диссидентское мировоззрение. Через свои тартусские связи познакомился с ленинградскими и московскими правозащитниками. Преподавал в ЕГУ на факультете русской филологии. Благодаря своим связям и поездкам регулярно переправлял в Армению самиздатскую и запрещенную литературу. Папаян активно сотрудничал с АХГ и переправлял лично документы, связанные с нарушением прав человека и т.д. Арестован и осужден в 1982 году.

Георгий Хомизури (р. 1942). По национальности грузин, родился в Баку. Затем живет в Москве. Первое время, сохраняя верность коммунистическим идеалам, увлекся радикальными левыми идеями, революционным романтизмом. Одновременно сближается с правозащитным движением, печатает сам и распространяет самиздат. Уже в советское время написал несколько работ, в том числе «Историю 26 бакинских комиссаров», где на основании сугубо легальных советских источников доказывал несостоятельность официальной версии этой истории. В 1979 году он переезжает в Ереван. Здесь по контакту, данному Т. Великановой, знакомится с Папаяном. Участвует в деятельности АХГ, также не имея в ней формального членства. Арестован в 1982 году.

4.2. Другие действующие лица; вписанность в городской контекст

Вокруг этих людей собираются не только их друзья, но и молодое

поколение, в основном студенты Аветяна и Папаяна, а также просто знакомые. Границы круга четко определить невозможно, он сам может включать в себя несколько кругов в зависимости от регулярности и близости общения и т.д. «Круг» собирается либо в кафе, либо в домах у Папаяна и Аветяна. Одновременно те же люди являются составной частью общей городской среды, «культуры посетителей кафе», носителями ереванского самосознания. Все они в той или иной степени увлечены перечисленными выше «непоощряемыми культурными увлечениями». *«...Мы не были изолированными ... мы вполне органично вписывались в это общество... Я думаю, мы наиболее концентрировано выражали, то, что было в воздухе, в головах людей... Ведь даже если дети в школе посмеивались над галстуками и знали, что это несерьезно, тем более их родители...»*³⁶

Студенты и вообще молодежь, собиравшаяся вокруг старших товарищей, не только участвовали в обсуждениях «диссидентского характера», не только читали и передавали «литературу», но и сами участвовали в работе с документами, предназначенными для ХГ.

4.3. Места «сбора» и их функции

Основными местами встреч и сборов для данного круга были, с одной стороны, кафе, а с другой — квартиры, в первую очередь квартиры Папаяна и Аветяна. Квартиры, подобно кафе, играли роль «приватно-публичной сферы». Функции, которые в подобном контексте выполняли «места сбора», можно выразить терминами «место общения», в том числе и на специальные темы («семинар»), «библиотека», «рабочий кабинет» (правозащитные документы), «праздничная функция».³⁷ Фактически, это был неформальный общественный институт.

4.4. Повседневная культура диссидентского круга.

4.4.1 Ритуализированность, праздничность и ирония Ритуализированность могла принимать как серьезные, пафосные и даже мрачные тона («*Это были траурные дни, мы пели польские песни — очень серьезно, строго, тихо, предварительно подняв тост за Польшу*»³⁸),

³⁶ Интервью с В. Тер-Абраамян.

³⁷ Ср. Чуйкина С. Открытый дом и его хозяйка // *Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции*. СПб, 1996. С. 287-94.

³⁸ Интервью с В. Тер-Абраамян.

так и веселые и бесшабашные (юмористические, песни, стихи и особые «празднества»). Писались пародии на советскую поэзию: Маршака, Михалкова, Баруздина. Вообще «унижалась» советская символика: в туалете у Аветяна висели советские плакаты. У Хомизури там же над унитазом висел «Устав Коммунистической партии».

Еще более впечатляющими кажутся специальные собрания, в основном дома у Аветяна, посвященные «празднованию» юбилеев советских вождей: *«Отмечались их дни рождения, юбилеи... Ну, например Ленина... невероятные, экспромтом тосты, сплошной юмор. «За здоровье всех мальчиков из Политбюро». Эдмонд досконально знал все их дни рождения. На день рождения Ленина собирались абсолютно все, все студенчество Папаяна. В мрачно-веселых тонах. Под общий хохот ... пелись коммунистические песни. За Брежнева пили как за упокой души – за живых пили как за мертвых, а за мертвых как за живых. Когда пили за Брежнева – очень траурно, все замолкали...»*³⁹

Специальные «юмористические заседания» были посвящены чтению журнала «Корея сегодня»: *«Эта «Корея сегодня» раскупалась мгновенно по несколько экземпляров, в киосках не понимали, что творится. Потом у Эдмонда это при обыске нашли, не понимали, в чем дело»*.⁴⁰

4.4.2. «Серьезность» диссидентской иронии. «Трикстерская» функция.

Как известно, праздник («карнавал») — это «особое время», противопоставляемое обыденному: это временное нарушение табу, повседневных иерархий, их переворачивание. Диссидентское высмеивание имеет явные карнавные аналогии. Конечно, юмор здесь имеет и специфическое психологическое значение: это способ снижения до анекдотического уровня советской идеологии. Кроме того, он в каком-то смысле призван вообще

³⁹ Интервью с В. Тер-Абрамян.

⁴⁰ Возможно, самое интересное в том, что все это иронизирование завершилось аккордом в стиле черного юмора с мистическими нотками. Дело в том, что на свой день рождения в 1982 г. Аветян предсказал смерть Брежнева. По этому поводу Жорой Хомизури были составлены пригласительные билеты на смерть Брежнева, которые должны были быть розданы приглашенным на день рождения. Тройная мистика и черный юмор этой истории в том, что Брежнев действительно умер в день рождения Эдмонда Аветяна, но как раз за несколько дней до этого и его, и Хомизури, и Папаяна арестовали, так что день рождения справить не успели. Более того, следующий советский вождь — Ю. Андропов умер уже в день рождения самого Хомизури. У истории есть и постскриптум, т.е. естественно, что смерти Черненко ждали в день рождения третьего «подельника» — Р. Папаяна. Этого дня с интересом ждала вся зона. Но Папаян подвел — на его день рождения умер лишь некий советский деятель с Украины. Однако дело в том, что в отличие от прочих смертных у него было два дня рождения: один, тот что записан в паспорте, а другой — настоящий. Так что теперь вся зона ждала «настоящего». И правда, с утра по радио и ТВ шла классическая музыка, утренней зарядки не было. Но хотя на этот раз Папаян был ближе к цели, однако до генсека он не дотянулся. В тот день умер Громыко. Кстати, пригласительные билеты на смерть Брежнева нашли при обыске, но КГБ не знало, что с ними делать, то ли пришить дело о терроризме, то ли... В итоге их выбросили — от греха подальше.

противостоять бравурному пафосу, патетике официозного стиля (хотя, мы видим, что в самом диссидентстве достаточно много и пафоса, и патетики, но это свой пафос, высмеивается же чужой). Эта ироничность близка к трикстерской и шутовской функциям. Ведь шут важный персонаж Праздника, и его устами говорится правда, притом, что форма, в которой она говорится, «несерьезная».

4.5. Выводы

При анализе конкретных элементов диссидентской повседневности можно заметить, что диссидентская культура изоморфна общегородской: и там, и здесь особая тематика обсуждения, стиль общения, интеллектуальные увлечения, самоощущение своей «центральности», элементы игровой культуры и иронии и т.д. Диссидентство в принципе расширяет и углубляет те зачатки гражданственности, автономии общества, неформальной сферы, которая создается в общегородской среде. Диссидентский круг — активный субъект городской коммуникации: идет постоянный обмен между диссидентским кругом и городским сообществом, например, в форме передачи литературы.

5. Эпилог. Мифология 1988 года и ереванское самосознание

1965—1988 гг. представляют один целостный этап в истории Еревана. Тем не менее, многие его аспекты могут оказаться не до конца понятыми и раскрытыми без представления о «мифе 88 года». Прежде всего, надо уяснить, что, несмотря на общеармянский охват, движение 1988 года остается в первую очередь ереванским явлением не только по месту основных событий, но и по составу лидеров и масс, по озвучиваемому дискурсу, который формировался в предшествующие этапы именно в ереванской среде, по своей психологии и атмосфере, а также по своей позитивной включенности в городскую мифологию в качестве некоего архетипа, «идеального времени», на которое постоянно делаются ссылки.

Для неармянского читателя, наверное, стоит пояснить, что несмотря на связь с карабахской темой, восприятие «88 года» происходит именно в контексте ереванской идентичности. Конечно, национальный дискурс и карабахская тематика как его составная часть сыграл роль наиболее мощного катали-

затора «88 года» (экологические митинги 1987 г. таким катализатором стать не смогли), но здесь есть множество нюансов. Во-первых, речь идет о карабахской теме как составной части национального дискурса, который формировался в Ереване и носителем которого была ереванская интеллигенция. Т.е. это не было чем-то неожиданным и неизвестным, а воспринималось как давно знакомое и само собой разумеющееся. Во-вторых, в культурном смысле это было ереванское городское «действие», т.е. сам факт быстрой гражданской самоорганизации стал возможен благодаря тем зачаткам гражданственности и автономности общества, которые выявились в ереванской культуре предшествующего периода. И неслучайно, что предыдущий этап развития города начинается с 1965 года. Наличие опыта мобилизации и коллективной памяти о массовой демонстрации служит архетипом для самоорганизации города в 1988.

5.1. Город как сцена. Театральная площадь. Городской праздник

Праздничные элементы не нами первыми замечены в митингующем Ереване 1988 и последующих годов.⁴¹ «Карнавальность», «разыгрываемость» выявляется и в названии символа тех лет — Театральной площади, основном месте митингов. Весь город как будто концентрируется на этой площади. И ее название — «Театральная» — весьма удачно отражает праздничность действия. Город становится сценой. Одной из постановок на этой сцене является праздничное самосозерцание, представление самого себя, похожее на некий смотр сил.⁴²

5.2. Действующие лица: лидеры и массы

Кем были лидеры движения начиная с весны 1988 года? Тут собрались «ереванские парни», известные персоналии городского «общества», «посетители кафе» и носители ереванского стиля и самосознания, которые

⁴¹ Часто встречающееся высказывание о тех временах — «даже ереванские воры решили в эти дни воздержаться от воровства» — как раз свидетельствует о наступлении праздничного, не будничного времени. Об этом аспекте см. также: Abrahamyan L. Chaos and Cosmos in the Structure of Mass Popular Demonstration // *Soviet Anthropology and Archeology*. 1990. Vol. 29. #2. P. 70-71; Abrahamyan L. The Karabag Movement As Viewed by an Anthropologist // *Armenian Review*. 1990. Vol. 43. # 2-3. P. 68-69.

⁴² Вообще, любая революция связана так или иначе с праздничностью, тем более «восточная» революция. В этом смысле замечательны отрывки из воспоминаний одного из лидеров «Дашнакцутюн» Рубена Тер-Минасяна о первых месяцах Османской революции 1908: «В первые дни Конституции исчезла всякая разница между людьми. Лица всех классов, полов, возрастов, народов, независимо от статуса и должности, опьяненные магическим «хурриетом» (тур. «свобода» — Г. Т.-А.), чувствовали себя обязанными выразить свои чувства - один танцем, другой плачем, третий криком; кто-то стрелял из ружья, кто-то произносил речи, кто-то ходил по улицам со стаканом вина или водки, производя шум. Страна стала похожа на сумасшедший дом и одним из шефов этих сумасшедших был я... Толпа бегала за мной крича: «Йашасын Энвер, йашасын эрмени федайилер!» (тур. «Да здравствует Энвер, да здравствуют армянские фидан (гайдуки)!» — Г. Т.-А.). В этом отрывке замечательно, конечно, не только такое трогательное соседство Энвера и армянских фидан, от которого не останется и следа уже через несколько лет, но и точно переданное ощущение «остановки времени», праздника. (Воспоминания армянского революционера. В 7-ми тт. Т. 5. Тегеран, 1982. С. 10-12 (на армянском яз.)).

были порождением «альтернативного сообщества», неформальной публичной сферы. Таким образом, существование этой сферы, опыт которой они перенесли теперь на площади, наложил решающий отпечаток на само движение: на его стиль, идеологию, дискурс и формы.

5.3. Вольный город: от противопоставления до противостояния и войны

Идеи, которые два десятилетия обсуждались за чашкой кофе в кафе, стали озвучиваться через митинговые микрофоны. Город «вольнодумцев» стал на два года «вольным городом», фактически провозгласил свою независимость от официальной власти: ее указы и воззвания не исполнялись, зато строго и дисциплинировано выполнялись (по крайней мере, до определенного периода) решения «ребят из Комитета». Поэтому можно понять ту психологическую эйфорию и то самолюбование, которое тогда царили в городе.

Напомним, что ереванское самосознание было основано на противопоставлении себя «Москве». В новых условиях противопоставление быстро вылилось в противостояние. Именно таким было восприятие⁴³ движения примерно со второй половины 1988-го. Это позже послужило основанием для раскола на тех, для кого противостояние с Москвой было доминантой (и они продолжали возглавлять и олицетворять движение, а затем и новую власть), и на тех, для кого главным противником был Баку (и они стали новой оппозицией, к которым затем присоединились отошедшие от власти коммунисты). Антимосковский дискурс нарастал параллельно с антирусским, пока противостояние не вылилось в официальные заявления о войне в мае 1991 года: *«Заявление председателя Верховного Совета Армении Л. Тер-Петросяна для прессы. Советский Союз фактически объявил войну Республике Армения. Советская армия продолжает свои карательные операции на территории Армении...»*⁴⁴ Этот тон поддерживает даже оппозиционный тогда «Голос Армении» (бывший «Коммунист»), в номере от 21 мая 1991 года которого на первой странице напечатана карта боевых действий, под которой стоит заголовок: *«Здесь прошел советский солдат»*.⁴⁵

⁴³ Конечно, в Азербайджане позиция Москвы также воспринималась как антиазербайджанская. Понятно, что в таких случаях не очень-то и уместно искать «объективность», так как восприятие само формирует реальность. Понятно также, что позиция Москвы в какой-то мере должна была быть обусловлена лавированием между двумя конфликтующими сторонами, и это воспринималось на местах как потакание противоположной стороне. Все же, начиная со второй половины 1990 года и по крайней мере в первой половине 1991 года, когда стало ясно, что в Армении берут курс на отделение от СССР, а в Азербайджане все еще находится коммунистическое правительство, крен Москвы в сторону Баку был явным (операция «Кольцо» и т.д.). В целом же, повторимся, что здесь для нас важно восприятие, а анализ его объективности — другая работа.

⁴⁴ Республика Армения. 1991. 7 мая.

⁴⁵ Голос Армении. 1991. 21 мая.

5.4. Самоорганизация и позиционирование

Дискурс о высокой степени самоорганизации, о «цивилизованности», «сознательности» и соблюдении законности является важной составной частью нарратива о «88 годе». Он выявляется и на армянском, и на «армянофильском» материале тех лет, и в воспоминаниях сегодняшнего дня. Этот дискурс играет важнейшую роль в самовосприятии себя через призму событий того времени. Приведем некоторые наглядные примеры, чтобы понять, о чем идет речь: *«Это были крупнейшие демонстрации в истории СССР... в течение всего этого времени в столице ... не было совершенно ни одного сколько-нибудь серьезного преступления, ни одного нарушения общественного порядка. Когда демонстранты затоптали клумбу,⁴⁶ то после окончания демонстрации добровольцы ее восстановили».*⁴⁷ Эти мотивы в разных раскладах повторяются во многих подобных публикациях. Например, характерны устные воспоминания о вводе в Ереван войск и о комендантском часе. При вводе войск была организована т.н. акция «мертвый город», когда *«...большинство жителей города не выходило 26-27 марта на улицу. Вечерние спектакли и показ фильмов проходили в полупустых залах...»*⁴⁸ При комендантском часе ровно в момент его наступления, по воспоминаниям, *«все жители высыпали на улицу».*⁴⁹

Хотя первая цитата принадлежит Лотману, источники ее в Ереване. Для этих источников принципиально важно именно такое описание себя, не для пропаганды даже (что тоже понятно), а в первую очередь в качестве самовосприятия. Видно стремление подчеркнуть городскую/гражданскую («горожанскую») культуру ереванских демонстраций.⁵⁰ Сложившееся за предшествующий период альтернативное городское сообщество переносит стиль и правила неформального гражданского общества на общенациональные демонстрации. Более того, думается, здесь видно и собственно диссидентское, «хельсинкское» влияние, хотя бы в подчеркивании сугубой

⁴⁶ Как видим, мотив о «затоптанном газоне» апреля 1965 г. повторяется буквально, что как раз свидетельствует о его сильной вписанности в национальный и в городской нарративы.

⁴⁷ Лотман М. Нагорный Карабах — Сумгаит. Полудночная программа Эстонского радио 27-28.05.1988 // Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах. Ереван, 1990. С. 26.

⁴⁸ Медведев Р. Национальный конфликт в Закавказье и кризис политики гласности // Там же. С. 17.

⁴⁹ Воспоминания Нуне Диланян.

⁵⁰ Чтобы понять данный мотив в сравнении, приведем цитату из воспоминаний о подобных демонстрациях в Душанбе: «Я даже тайком от мужа пошла на митинг ... Увидела, что на площади Шахидон много народу ... Поставлены палатки, полно мусора, все загажено. Душанбе на Душанбе не был похож.. Раньше везде цветники были, все чисто, уютно. Как большой кишлак стал ... Я присела на скамейку ... и думаю: «...Какой город был...» (Халимова Н. Воспоминания женщин Таджикистана о гражданской войне 1992-97 // Женская устная история. Ч. 2. Бишкек, 2005. С. 335). Здесь видно, что демонстрация воспринимается как вторжение в город чужеродной провинциальной стихии, как конец города, т.е. в совершенно противоположном ереванскому ключу. Сходные сетования в Ереване появились значительно позже и по другим поводам.

законности действий в рамках Конституции СССР (не говоря уж о том, что каналы «поставки информации» людям, подобным Лотману или Сахарову, все те же старые, диссидентские). Через ту же призму идет восприятие и освещение событий вне Армении: советский официоз сначала замалчивает демонстрации, а затем называет их действиями «кучки экстремистов»; и наоборот, инакомыслящая и «вольнодумствующая» часть советского общества ведет явно проармянскую линию. Относительно последнего показателен как список «сочувствующих» авторов, так и список изданий процитированного сборника («Глазами независимых наблюдателей: Нагорный Карабах»). Среди авторов: Р. Медведев, А. Сахаров, М. Лотман, В. Шейнис, Ю. Афанасьев и т.п., а среди изданий — СМИ «инакомыслящих республик», таких как Эстония, Латвия, либо общесоюзных диссидентских изданий типа «Гласности». Таким образом, мобилизуется не только ереванское «гражданское общество», но и общесоюзная диссидентская сеть, налаженная в предыдущий период.

5.5. Элемент мессианизма

Для самосознания городской среды 60—80-х был присущ мотив нахождения себя в центре. Этот мотив, наложенный на представление «особой свободы» Еревана, имел уже тогда оттенок восприятия себя в смысле «авангардности» по отношению к советскому пространству. Свое полноценное развитие этот элемент получил в рамках мифологемы «88 год».

Мессианиззм «88 года» — это представление себя «локомотивом» общедемократической борьбы с советским тоталитаризмом. «Авангардность» осознавалась и в смысле хронологического первенства, и в смысле количественного и качественного элемента (организованность, многочисленность). Этот дискурс разделялся как самоочевидный, причем были как оценивающие его с положительной стороны, так и с отрицательной. «Национальные консерваторы» говорили о том, что роль «локомотива революции» надорвет национальные силы и отвлечет от решения карабахской проблемы, так как настроит против армян Кремль и т.д. «Молодые» возражали им в том духе, что именно авангардность и демократичность борьбы, ее соответствие мировому тренду, придает особый смысл национальной борьбе, делает ее справедливой в глазах «мира» и т.д. Но сам «факт» авангардности принимался обеими сторонами. Характерна цитата из выступления писательницы С. Капутикян на внеочередной сессии Верховного Совета Арм.

СССР в ноябре 1989 г. Она представляет «консервативную критику»: *«Всевозможными декларациями мы, продолжая претендовать на ... тешащую наше самолюбие роль «будильника» всех демократических движений, хотим прямо сегодня принять решение об отказе от контроля Москвы и о «глубоких демократических преобразованиях в республике, основанных на принципах прав человека...»* Этим своим лихорадочным стремлением непременно первенствовать в деле свержения «тоталитарного общесоветского режима», не напоминая ли мы армянских большевиков 20-ых годов, которые в деле... утверждения «мировой революции» оказались католиками больше, чем сам папа римский и положили на жертвенный алтарь интересы армянского народа? Нужно ли нам сегодня играть «авангардную» роль ради того, чтобы свергнуть «советскую тиранию» на Украине, в Молдавии, а тем более в прибалтийских странах, которые восхищаются нашим мятежным духом, но в решающую минуту не поддерживают нас? Нужно ли нам все это ценой того, чтобы и сегодня поставить под угрозу само физическое существование нашего ... народа?»⁵¹ Это выступление С. Капутикян было ответом на документ, предложенный Верховному Совету Армении Армянским Общенациональным Движением (организованном на основе комитета «Карабах» летом 1989 г.) под названием *«О проведении в Армении радикальных демократических реформ»*. Текст заявления и его обоснование были озвучены будущим президентом Л.Тер-Петросяном: *«Армения должна стать первой республикой в СССР, где будут доминировать общечеловеческие ценности, права человека..., Армения должна стать первой республикой в СССР, где будет ликвидирована монополия власти аппарата Компартии..., Армения должна стать первой республикой в СССР, где будет установлена полная свобода прессы, слова и совести... Только, и только от осуществления этих задач будет зависеть решение вопроса о воссоединении Нагорного Карабаха и Армении»*.⁵² И без дополнительных комментариев, виден «мессианский» дискурс приведенной цитаты.

⁵¹ Коммунист. 1989. 7 декабря.

⁵² Давтян В. На границе мифа и реальности. Ереван, 1996. С. 104-105 (на армянском яз.).

Заключение

Проследив развитие инакомыслия на фоне этапов городской мифо-истории Еревана, мы постарались показать неразрывную связь между этими двумя темами. Мы хотели показать, каким образом гражданственность зарождается из развития городской культуры, а горожане становятся гражданами, вновь возвращая этому термину его первоначальное значение (гражданин — житель города). Альтернативная общественная сеть, порожденная городом, дала начало «вольномудству», в тесной связи с которым зарождается инакомыслие и диссидентство, и оба вместе предоставляют инструментарий для массового национального и гражданского движения. По большому счету данная работа является лишь постановкой вопросов в рамках обширной темы, требующей дальнейшего исследования, и автор надеется, что сумел указать некоторые узловые точки для развития дискуссии.

Акоп Акопян

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАЗВИТИЯ РОК-ДВИЖЕНИЯ В АРМЕНИИ

Введение

В этой работе представлена попытка реконструкции истории развития рока в 1960—1980-е годы в Армении. Исследователь опирался прежде всего на устные воспоминания участников движения, и общая картина создавалась именно на основе этой информации. Всего было сделано четырнадцать интервью. Трудность заключалась в том, что многие из носителей рок-культуры эмигрировали из страны, а также почти в полном отсутствии литературы, посвященной данной тематике. В процессе написания историографической части автор пользовался материалами интернет-сайтов: rock.am, armin-rock.am, hetq.am и др. В статье также отдельно описывается рабиз¹ как социальный и музыкальный феномен, т.к. именно он играл важную роль в идентификационной модели рокеров, которая, можно сказать, выводится из отрицания рабиза и рабизов, причем данное явление прослеживается с самого начала появления рок-культуры в Армении. Это, по сути, проблема взаимоотношений двух молодежных субкультур. Контакты и конфликты происходили именно между рокерами и рабизами юношеского возраста. Большинство рокеров и рабизов (за исключением музыкантов) прекращали свое активное участие в рок-тусовке с окончанием института или, к примеру, после женитьбы, становясь обыкновенными гражданами.

Историография рока в Армении

«Я очень любил «Битлз», - признался архиепископ Паркев и скороговоркой выпалил длинный список своих любимых песен: «Yesterday», «A Hard Day's Night», «Eleanor Rigby», «Paperback Writer»...

Том де Ваал, «Черный сад»

Рок-культура в контексте советской действительности представляет со-

---

¹Рабиз — особый музыкальный жанр. Позже этот термин стал служить также для обозначения приверженцев данной музыкальной культуры. О рабизах см. ниже.

бой по сути развитие традиций стиляг. Первые рок-группы в Армении возникли на волне популярности группы The Beatles в студенческой среде в середине 1960-х годов.² По преданию, первой рок-группой были «Er'azoghner» («Мечтатели») во главе с Ервандом Ерзнкяном. Немного спустя, образовались «Arakyalner» («Апостолы»), куда входили лидер группы Артур Месчян, Григор Налбандян и др. Среди известных групп следует также отметить «1+2», «Volcano», «Erebuni» (лидер — Арут Памбукчян, или Дзах Арут). Как утверждает музыкальный критик Артемий Троицкий, «тогда в республике активно выступали десятки групп, многие из которых отличал высокий исполнительский уровень».³ Часто эти группы исполняли репертуар западных рок-групп, и в этом случае было важно максимально приблизиться к оригиналу. В начале 1970-х годов налаживаются контакты с русскими и прибалтийскими группами. В Ереване организовываются различные фестивали, наиболее значимым из которых стал ежегодный и первый в своем роде фестиваль с участием групп из нескольких республик Советского Союза во дворце «Динамо». Спонсором и организатором являлся Рафаель Мкртчян. Вот что по этому поводу вспоминает А. Макаревич:

*«Появился армянский человек по имени Рафик, осененный идеей проведения концерта суперзвезд московского рока на сцене ереванского Дворца Спорта — затея, по тем временам граничащая с безумием. Рафик составлял московскую сборную. Я втайне надеялся, что может случиться чудо и меня возьмут в этот сверхсостав... Итак, мы, затаив дыхание, сидели на репетициях суперсостава. Рафик притащил целый рулон отпечатанных (в типографии!) афиш. Мог ли кто-нибудь вообразить себе такое? Афиша просто кричала: «Суперзвезды рока! Все из Москвы!» ... Артисты вернулись через три дня, помешанные от счастья. Они рассказывали что-то невероятное. Про колоссальный аппарат, выставленный на сцене (два комплекта «Бига»!), про ревущую толпу ереванских поклонников московского рока, про торжественный пронос артистов на руках от Дворца до гостиницы и т.д. Потом был суд над Рафиком, и участники супергруппы то и дело летали в Ереван давать показания».*⁴

² Эти группы во всем копировали группу The Beatles: прическа, тексты, музыка, все было чисто битловское. А различались по институтам — Битлзы Политеха, Битлзы Университета и т.д.

³ Троицкий А. Рок в СССР. М, 1991.

⁴ Сам овца. Часть 2. Всё очень просто. <http://www.mashina-vremeni.info/content/view/28/43/1/10/>

После ареста Мкртчяна фестивали перестают организовываться, и наступает определенный упадок. Связывается это с некоторыми причинами — со сменой поколений, отъездом видных рок-исполнителей на Запад и растущей популярностью стиля диско. Но несмотря на это, тогда создаются коллективы «Идея», «Меломаны», ленинканский «Бамбир»⁵ и др.

Подобное положение длилось до 1981 года, когда Стас Намин⁶ (чья группа «Цветы» была зарегистрирована при Армконцерте) организовал фестиваль в Ереване с участием английских, голландских и немецких групп. Фестиваль имел большой успех, а журнал The Times назвал его «ереванским Вудстоком».⁷ В результате, однако, группа Намина «Цветы» была изгнана из Армении.

Армения, входившая в СССР, подчинялась указаниям из Центра. Кратковременные периоды послабления (разрядки, потепления) чередовались с жесткими запретами, например, запрет ВИА (вокально-инструментальных ансамблей) в 1984. Все эти директивы так или иначе отражались на положении армянских рокеров, пусть даже и в несколько смягченной форме. По признанию самих рокеров, отношение к року в Армении в целом было более мягким, чем в России. Однако действовавший запрет на трансляцию и иные ограничения тормозили распространение рока. Человеку, никак не связанному с рок-тусовкой, было практически невозможно самому приобщиться к данной культуре.

«Вообще, как я вижу, было две волны, которые повлияли на развитие рока в Армении. Одна волна шла сверху, все началось с брежневских времен... Во время Брежнева наступила «разрядка» и сюда стали приезжать хорошие иностранные группы, не только рок, а всякие, помню, какая-то хорошая кантри группа приезжала.....Но это были только временные поблажки, в основном она давила и давила, не так, как в России, правда, но все же». (Сергей, 55 лет, м.).

С середины восьмидесятых фестивали и концерты начинают органи-

⁵ Бамбир — не дошедший до нас старинный армянский струнный музыкальный инструмент, упоминаемый в источниках V века и в эпических сказаниях, которые уже с начала XX века стали важным символом в рамках национального дискурса.

⁶ Внук Анастаса Микояна.

⁷ Впрочем, существует и иное мнение: «На Вудсток это явно не тянуло. Происходило на велотреке, а не на природе. В числе участников — Валерий Леонтьев, Анне Вески, Тынис Мяги и прочая попса. А вел мероприятие все эти дни совершенно пьяный Александр Масляков. Представляете уровень конференса? Единственная светлая личность был действительно диссидент-отказник Иосиф Киблицкий в роли главного художника мероприятия. Именно он привлек через жену-немку в число зрителей Норберта Кухинке и других известных западных журналистов, которые потом звенели по всему миру. Хотя мероприятие не отличалось от какой-нибудь Юрмалы». (Amalgin. <<http://www.livejournal.com/users/amalgin/22115.html?thread=120931#t120931>>, 24.05.05)

зовываться все чаще как в Ереване, так и в других городах республики — Кировакане, Ленинакане, Сисиане и др. Появляются многочисленные группы. Из музыкальных течений рока наибольшее распространение в этот период получает *hard and heavy*. Группы «Аспарез» и «Айас» играют в стиле, который они сами называют «тяжелый восточный металл». Растет профессиональный уровень групп. «Аспарез» — единственная армянская группа, которая выпустила пластинку в советской фирме грамзаписи «Мелодия». Армянские группы участвуют в разных фестивалях (группа «Олис» выступает на «Литуйнике-86», «Аспарез» участвует в «Рок-панораме-87» и «Heavy Summer» в Таллине). В числе фаворитов того времени также «Tesilk» («Видение»), «36,6», «Ралли» Ара Геворгияна (поп-рок), «Ван» (джаз-рок), «Максимум» и «Эллипс» (*hard rock*). Завершающим аккордом кратковременного подъема рок-музыки в Армении становится выступление Яна Гиллана в мае 1990 года, когда рядом с ним и его группой «Gillan» играли армянские музыканты.⁸ Землетрясение в Спитаке, Карабахский конфликт и блокада на годы задержали развитие рока в Армении.

Путь рокера

Научное наблюдение показывает, что культурные потребности являются результатом воспитания и образования.

Пьер Бурдьё

Здесь мы попытаемся описать некую «модель жизни», которая является характерной для рокеров. При этом мы, конечно же, будем опираться на имеющиеся у нас фактические данные.

Семья

Семья, в которой мог родиться и вырасти советский рокер, должна была быть интеллигентной.

«Из семей служащих, из бомонда, из семей учителей, партийных работников...». (Михаил Ж., 54 года, м.).

⁸ Подобное разделение на два этапа исходит из особенностей развития рок-культуры в Армении, но также общемирового контекста (в 1970-е гг. в той же Европе рок-альбомы, подобные альбому «Thick As A Brick» Jethro Tull, на обеих сторонах которой записана одна поличастная композиция длиной в более чем 40 минут, занимала первое место в хит-парадах, т.е. находилась там же, где сейчас Бритни Спирс. Но уже в 1980-е рок подобного рода воспринимался, скорее, как элитарная музыка, и последнее вдвойне верно для Армении.

Первое знакомство с рок-музыкой у многих происходило в семейном кругу:

«У меня сестры слушали рок, они в консерватории учились».
(Андрей, 36 лет, м.)

«У моего отца была коллекция записей». (Ваагн, 35 лет, м.)

В семье же закладывалась основа мировоззрения рокера. В этом контексте интересно сравнение двух рокеров — участников и основателей групп «Dumbarton Oaks» и «Vostan Hayots», представляющих второе поколение армянских рокеров. Оба они являются сыновьями людей, принимавших участие в диссидентском движении. Отец Ваагна Папаяна — известный правозащитник, один из судей Конституционного суда Армении.⁹ Отец Овика Кургияна, по его словам, так же преследовался за участие в событиях 1965 года.¹⁰

Если в песенном репертуаре «Vostan» большую часть составляют армяноязычные песни о геноциде и аранжировки фольклорных песен, то для второй группы («Dumbarton Oaks») характерны англоязычные тексты (или вообще их полное отсутствие). Если для первой группы характерно звучание в стиле Hard rock, то вторая группа представляет собой арт-роковое течение. Во время Карабахского конфликта О. Кургиян принимал в нем непосредственное и активное участие, в то время как ничего подобного за Папаяном замечено не было. Более подробно мы рассмотрим эти группы в одной из следующих глав.

«Двор»

Как замечает французский социолог Пьер Бурдьё, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как например, кабилский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений...»¹¹ Однако особенности советской системы тормозили всякое стремление к «гармонизации» социального и физического пространств. В одном доме селились и рабочие, и директора, и учителя, и партработники, и музыканты. Дом учителей соседствовал с рабочим домом. Всеобщая занятость способствовала тому, что двор принимал на себя обязательства по социализации будущего рокера. Но у того же Бурдьё

⁹ Армянское диссидентское движение можно условно разделить на два направления — «правозащитное» и «национальное». Подробнее об этом можно прочитать в этом сборнике в работах Г. Тер-Абрамяна и С. Манукяна.
¹⁰ 24 апреля 1965 года произошла массовая демонстрация студенчества, приуроченная к 50-летию геноцида армян в Османской Империи.

¹¹ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 33-52.

есть продолжение мысли: социальное пространство стремится преобразовать более или менее строгим образом физическое пространство с помощью искоренения или депортации некоторых людей. Дворовый микромир вырабатывал свои критерии подростковой пригодности, и те, кто не смог к ним приспособиться, становились ему чужими. По мере взросления степень зависимости от «двора» уменьшалась, на место ей приходила «улица». Однако модус оставался тем же. Еще Аристотель говорил, что город — единство непохожих, и это единство в Ереване сохранялось до тех пор, пока непохожие не становились чужими. «Непохожие» могли говорить на русском или носить длинные волосы, но за честь свою должны были уметь постоять.

«После того, как меня избили четверо и сломали два ребра, но, конечно, сами тоже получили, я был признан как «жених двора». (Михаил Ж.).

На заре своего развития рок-культура являлась некой субкультурой в контексте общегородской культуры и представляла собой лишь «некоторое отклонение от магистрального пути». Быть рокером было в то время просто модно. Тем рокерам была знакома улица, и сами они ей были не чужие, так что могли позволить себе подраться, и значок нацепить с надписью «Смерть рабизам», и с девушками потанцевать рок-н-ролл. Иначе обстояло дело со следующим поколением рокеров. Рок вышел из моды, на место ему пришло диско, и ряды рокеров сильно поредели. Теперь среди рокеров часто можно было встретить тех, кто не сумел приспособиться к «уличной» жизни. Многие из них создавали свой мир, который заменял им суровую реальность. Но были и другие, которые более чем свободно чувствовали себя в дворовой, уличной среде, и именно поэтому могли свободно носить рокерские куртки, и хотя никто это не приветствовал, возразить было нечего — то, что позволено Юпитеру, не позволено быку.

«Я тогда носил большой крест и куртку с сатанистской звездой... Наоборот, мне всегда говорили: «Молодец ты, как ты носишь такие штучки?!» (Артур, 44 года, м.).

Школа и институт

Школа была местом, где рокеры находили единомышленников, завязывалась дружба и создавались первые рок-коллективы. Здесь же происходило знакомство с рок-музыкой тех, кто не имел возможности услышать ее в семье. Для рокеров второго поколения это была также

возможность преодоления дворового одиночества. Как было уже отмечено, большинство из них были детьми людей с высшим образованием, и они также поступали в институты (другое дело, что некоторые их не заканчивали). Институт, по сути, был последним шансом для приобщения к рок-культуре. Обстановка в институтах была достаточно либеральная. В студенческой среде возникло движение шестидесятников, она же породила рок-движение. Студенческие годы были самым активным периодом в рокерской жизни человека. У рокера было множество забот: где купить джинсы подешевле, что нового привезли в город, плюс, если у рокера была группа, постоянные репетиции, проблемы с аппаратурой и инструментами.

После окончания института и поступления на работу для многих активное участие в рок-культуре заканчивалось, оставались лишь любовь к коллекционированию записей и чувство того, что ты был рокером.

Источники информации

В Армении, как и во всем Союзе, слушали передачи Севы Новгородцева по «ВВС», «Радио Свобода» или «Голос Америки», которые также передавали посвященные року передачи. Кроме того, была известна и пользовалась большой популярностью радиостанция «Радио Монте-Карло». Кроме этих «общесоюзных» источников, в Армении с конца 1970-х существовала телевизионная передача «22.30», в которой показывали отрывки из западных рок-концертов, к примеру, из концерта «Black Sabbath». С наступлением перестройки к этим источникам прибавились и печатные издания, среди которых наиболее популярным был журнал «Ровесник» со своей рок-энциклопедией. На страницах армянской периодики также публиковались материалы о роке и рок-группах (например, в литературном журнале «Гарун»).

Ахпары и контакты с Западом

В условиях тотального дефицита для рокеров была важна любая информация об интересующем их предмете: кассеты, записи, альбомы — материальная составляющая рок-культуры, все это ценилось на вес золота.

Тем ценнее были контакты, позволяющие получить желаемое. У армянских рокеров была налажена целая система поставки нужных товаров: *«это была целая индустрия, много людей нас обслуживало — фарцовщики, ахпары, потом дипломаты привозили с собой»*. (Михаил Ж.).

Как и в других центрах рок-культуры в Советском Союзе (Прибалтика, Москва, Ленинград, Тбилиси), в Ереване были налаженные контакты с «Западом», который в данном контексте включает в себя и Ближний Восток — Сирию, Ливан, Египет, страны с большой армянской диаспорой.¹²

«Ахпарами» в Армении принято именовать репатриантов из зарубежных стран, переехавших в Армению после войны. Они были выходцами из Западной Армении, бежавшими от турецкой резни. Привлеченные разнообразными мифами и советской пропагандой, многие из них переезжали в Армению в надежде на коммунистический рай. Отличавшиеся от восточных и «коммунистических» армян ахпары привнесли много нового в местную культуру. Имея связи с оставшимися за рубежом родственниками, они обеспечивали местное население (и рокеров в частности) западными дефицитными товарами. Из их среды вышло также немало рокеров. Репатриация продолжалась до конца 60-х, а затем уже начался обратный процесс. Уезжали вместе со своими семьями, но так как многие уже успели обзавестись знакомыми и друзьями, то связь с Арменией не прерывалась.

«У меня друг в Америку уехал и оттуда прислал джинсы, настоящие американские, мы эти джинсы носили по очереди каждый, кто уезжал за пределы республики, на море или в Москву». (Артур).

«Мне позвонил друг, который сейчас живет в Лос-Анжелесе, и сказал, что получил новые вещи оттуда. Когда я пришел к нему, мы сидели, слушали музыку и курили «Кент». Все было просто отлично. Это был первый раз, когда я услышал «Пинк Флойд»».¹³

Кроме того, в целях «духовного кормления» оставшихся за границей армян в Армении было создано особое Министерство иностранных дел, которое имело свой аппарат, наделенный дипломатическим статусом. Аппаратчики этим удачно пользовались, провозя в своих дипломатах многое из того, что было под запретом в СССР. К этому надо добавить, что многие творческие деятели Армении ездили в заграничные командировки с

¹² Надо отметить, что эти два канала вначале действовали несколько автономно: если наирйская тусовка была русскоговорящей и имела контакты с Москвой и Ленинградом, то рок-массив в Политехе был армяноговорящим и больше связанным с Западом.

¹³ Интервью с Ованесом Кургияном от 2 марта 2005 г. (на англ. яз.) <http://www.hetq.am/eng/>.

официальной целью пропаганды идей социализма за рубежом.¹⁴

Армянская Апостольская церковь, со своим духовным центром в Эчмиадзине, также представляла собой маленькое окошко в западный мир.

Поколение Локи

В советское время для рокера чуть ли не единственной жизненной стратегией оказывалась стратегия трикстера — трюкача.¹⁵ Дефицит и идеологический запрет — Сцилла и Харибда советского строя — преграждали дорогу ко всему, что было так дорого сердцу каждого рокера, и приходилось идти в обход:

«Ну тупая система была, хотел купить электрогитару, она в магазине на витрине лежала. Говорят: «Нет, продаем только организациям». Долго мучился, наконец, через знакомого отца купили и списали». (Артур).

«Альбом был, по сути, призывом к борьбе, и парни из КГБ сказали, что мы не можем сыграть ни одну из них. Тогда мы спросили, что же можно тогда играть. К примеру, там была одна песня про природу, но на самом деле речь шла о Западной Армении, и они сказали, хорошо, можете петь эту. Но когда мы поднялись на сцену, а в это время шла прямая трансляция по телевидению, и начали петь то, что хотели, разразился жуткий скандал».¹⁶

Сам рок уже своим существованием в СССР являл собой постоянную угрозу для существовавшего официоза и «моностилизма». Одной из важнейших характеристик трикстера является его способность, где бы он ни появлялся, вносить хаос и беспорядок. Другой функцией трикстера является его амбивалентность, способность переворачивать все с ног на голову, а также способность к трансформациям и сочетанию несочетаемого (человека и зверя, мужчины и женщины). Сами номенклатурные работники, кричащие

¹⁴ Подобные путешествия обычно заканчивались книгами или воспоминаниями, где наряду с «обязательной программой» — встречей с представителями армянской диаспоры, рекламой советского строя и охаиванием приспешников империализма — дашнаков — встречались весьма любопытные зарисовки фактов западной жизни, начиная от «киндер-сюрпризов» и разноцветной жвачки до описания фильмов и кафе-библиотек.

¹⁵ Трикстер (от англ. Trick, трюк) — культурный герой, мифологический персонаж, известный у многих народов мира, часто прибегающий к плутовству и трюкам. В данной работе перечисление признаков трикстера основывается на классификации, предложенной Хайнсом. См.: Hynes W.J., Doty W.J. (eds.). Mythical Trickster Figures. Contours, Contexts, and Criticism. Tuscaloosa and London, 1993.

¹⁶ Интервью с Ованесом Кургияном от 2 марта 2005 г. (на англ.яз.) <http://www.hetq.am/eng/>.

лозунги с трибун, в частной жизни позволяли себе многое из недозволенного:

«Впервые я услышала рок-оперу «Jesus Christ — Superstar» на даче у Кочинянов (бывший первый секретарь)». (Джулия, 58 лет, ж.).

Такие же примеры «переворачивания» приводятся в других интервью:

«Приходили мы в кино КГБ, там сначала выступал лектор: вот вы сейчас увидите отрывки из кинофильма «Иисус Христос — Суперзвезда», который так сак, в общем изничтожали идеологически, а затем начинали показывать все кино, ну сначала немного отрежут». (Михаил Ж.).

Трикстера также отличает способность к бриколажу — умению изобретательно использовать возможности, имеющиеся под рукой. Рентгеновские пленки с записями и самодельные гитары были привычными объектами для рокера:

«Я не помню даже, каким образом приобщился к року, просто, ну, в классе у кого-то пленка с записью рок-н-ролла, или записи на костях, на рентгеновской пленке. В наше время это было уже официально и называлось «Студия звукозаписи», звуковое письмо, т.е. якобы должна была записываться нормальная песенка, а перед песней или после песни все это сопровождалось «Дорогая, я тебя люблю, вот тебе песенка»». (Михаил Ж.)

Трикстер также не имеет определенного возраста и пола, он играет этими признаками, как Локи, который, став старой ведьмой, родил волка Фенрира от некоего великана:

«Делалось это так. Мы приходили в нашу бывшую школу и говорили: «Нам нужны инструменты, будем выступать на концерте». Они выдавали нам инструменты, и мы на день превращались в старшеклассников и выступали на концерте от имени этой школы. И нам хорошо, и они могут галочку поставить за культурное мероприятие. В остальное время мы для себя играли рок-музыку». (Михаил Ж.).

Наконец, для трикстера характерно то, что многие его трюки оборачиваются против него самого, и жертвой оказывается именно он. Пресловутые ВИА, официально получившие «добро» на выступления на большой сцене, оказывались в плену собственного успеха, не имея возможности исполнять что-либо иное.

«...на концерте-то мы, конечно, что-то легкое исполняли, эстрадное — Битлз, хорошую советскую эстраду, а вот на репетициях уже вовсю гремели». (Михаил Ж.).

«Во время репетиций мы могли играть все, что угодно, но на

концертах такого себе позволить себе не могли. Приходилось организовывать домашние концерты». (Артур).

Вообще стоит отметить, что в целом советская действительность обладала специфическими чертами «трикстерного мира», о чем пишет, к примеру, Л. Абрамян в статье «Ленин как трикстер». Особенно это относится к позднесоветской, застойной действительности, когда официальная парадность по сути была пародией на искренний пафос первых лет революции и когда двойная жизнь, оппозиция публичного и частного стала нормой не только для населения, но и для элиты. Неудивительно, что многих не устраивал подобный «перевернутый» мир, и они уезжали из Союза нередко с помощью *последнего трюка*, например, фиктивного брака.

«Уехали, все уехали ...»

Тема эмиграции была одной из основных в рокерской среде, многие талантливые певцы и исполнители покинули пределы СССР. Армянам решиться на это было легче по причине существования диаспор в разных странах. Но отъезд музыкантов приводил к потере преемственности, к торможению музыкального развития рока.

«У нас это все происходило волнообразно. Было очень много талантливых парней, но просто им не давали играть и давили, у них была возможность уехать, многие и уезжали... Взять, к примеру, Дзах Арута, он же в «Эребуни» играл, или же парни из «Кактуса» тоже уехали, и поэтому цепь поколений разрывалась. А в Грузии, ну что он будет делать, ну перестанет играть, станет башиачником, к примеру, все равно он останется носителем идеи, детей как-то иначе воспитает. А у нас каждое поколение заново для себя открывало, что такое рок... И вторая волна была та, которую уже я отметил, — эмиграция, из-за которой не получилось стабильного развития. И так мало было парней, которые этим занимались, и когда кто-то уезжал, его место никто не занимал». (Сергей, 55 лет, м.).

«Честно говоря, мы понятия не имели, какие группы были до нас; это потом мы познакомились с Джагом (лидер группы «Бамбир») узнали, как они играли, а до этого были мы, наш круг и все». (Ваагн, 35 лет, м., лидер группы «Okseanhem»).

Рокер рокеру брат

Рок-культура даже в самые лучшие для нее времена не была массовой в Армении, и здесь рок-тусовка объединяла людей с самыми разными взглядами и поклонников разных направлений в рок-музыке, которые на «Большой Земле» нередко конфликтовали друг с другом.

«Были среди нас, которые хипповали, был один парень — сатанистом себя считал, был другой, который везде, где только можно, на стенах OZZY выводил». (Грант, 37 лет, м.).

Мотив запрета

В деле приобщения к року немаловажную роль играл идеологический запрет на рок-музыку. Мне трудно сказать, чем был мотивирован запрет на рок-музыку в СССР. Однако для многих рокеров одним из основных мотивов приобщения к данной культуре стало именно то, что рок в СССР находился под запретом. Для каждого поколения сам запрет оказывался важнее самого предмета запрета, а для человека с критическим мышлением, «зараженного» модернистским принципом ставить все под сомнение, запрет придавал року дополнительную привлекательность:¹⁷

«Ну, во-первых, это было запрещено. А если запрещено, то значит интересно, тем более, если это непонятно, то у-у-у!». (Михаил Ж.).

Здесь уместно сослаться на французского философа Ж. Батая, который писал о позитивной, творческой роли запрета, полагая, что он усиливает и интенсифицирует человеческое переживание: «Когда мы тайно стремимся к запретному предмету, оказывается, что именно запрет искажает и освещает свой предмет одновременно гибельным и божественным светом. Он наделяет предмет, к которому относится, значением, которым тот первоначально не обладал. Запрет переносит свой собственный вес, свою собственную ценность на затронутый им предмет. Часто в тот самый момент, когда я намереваюсь нарушить запрет, я думаю, не провоцирует ли меня сам запрет на это нарушение».¹⁸

¹⁷ Возвращаясь к теме трикстера, следует заметить, что нарушение запретов также важный элемент в «трикстеризме».

¹⁸ Батай Ж. Слёзы Эроса // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.

Восприятие рока

Одна часть информантов воспринимала рок как средство удовлетворения собственных интересов, он является частью их личного мира. Увлечение роком нередко приводило к эскапизму — с помощью рок-культуры создается своего рода мир, оторванный от «реальности». Например, лидер группы «Okseanhem» Ваагн Папаян (Джеф), признался, что рок был для него поводом жить в воображаемом «британском» мире:

«Мне всегда нравилась Британия, ее история, короче все».

Другая часть принимала реальность такой, какая она есть, и в этом случае рок-музыка была лишь неким элементом «реальной реальности», средством получения наслаждения и творческого самовыражения. Этот мотив особенно характерен для рокеров первого поколения.

«Просто нравится играть рок, и играть, и слушать. Это мне дает столько адреналина, как ничто другое. Есть в нем какая-то энергия, которую я в других жанрах не чувствую, какой-то нерв жизни». (Арам, 46 лет, м.).

Вместе с тем встречаются два варианта видения рока, которые отражены как в рассказах информантов, так, к примеру, в текстах и музыке рок-певцов. В этих случаях рок служит неким проводником модернизации и развития — *«рок есть прогрессивная музыка»*. Условно их можно обозначить как национальный дискурс и космополитический.

Рокеры пели в церковном хоре: Национальный дискурс, или Кriptoистория начала Карабахского конфликта

Где ты был, Господь, когда разоряли прекрасную землю...
Где ты был, Господь, когда распятыми на крестах молились Амен...
Дай нам света, Господи, чтобы в этом мраке густом путь нащупать...
Дай нам сил, Господь, чтоб с засохшими губами молиться тебе, Амен...

Артур Месчян, Где ты был, Господь...

Одним из проявлений упомянутой модернизации культуры является стремление аранжировать фольклорные и средневековые мотивы по образцу западных групп, как это делали Jethro Tull, Gentle Giant, Led Zeppelin и другие,

что по сути является одним из способов идеализации своей культуры (назовем это национальным дискурсом). Это направление представлено в творчестве таких групп, как «Bambir» и «Vostan Hayots». Перефразируя Мовсеса Хоренаци,¹⁹ можно сказать что изучение творений и сказаний американцев и англичан рождает и в нас желание идти по следам этих мудрых мужей, принявших на себя подобные труды. Мы хотя народ небольшой, весьма малочисленный и часто находившийся под чужим владычеством, однако и в нашей стране много хороших народных песен, достойных внесения в летописи и о которых никто не позаботился саранжировать в новой рок манере.²⁰

Через историю развития национального дискурса в рок-культуре мы попытаемся представить криптоисторию начала Карабахского конфликта. Конечно же, это можно считать чисто литературным приемом, который позволяет представить читателям одну из интерпретаций, но зато в весьма занимательной форме. Термин «криптоистория» был введен в употребление харьковским писателем Г. Олди. Одно из определений криптоистории предлагает А. Валентинов.²¹ «Криптоисторик не спорит с «большой историей», но уточняет, как все происходило, следуя при этом и своей фантазии и своей логике». Далее А. Валентинов пишет: «Возможность самого существования криптоистории заключается в относительности и неполноте наших исторических знаний»; «Смысл метода в том, чтобы показать, какие неизвестные нам причины привели к тем или иным историческим событиям. Мы, криптоистики, не выдумываем небывалое, не говорим о том, что история пошла иначе, как авторы «альтернативной истории». Мы утверждаем, что внешне все выглядело именно так, как мы привыкли, но причины и существенные детали этого могли быть совершенно иными, непривычными, неожиданными для нас».

Итак, начало начал. В то время как в России долго спорили, может ли рок звучать не на английском, Артур Месчан в начале 1970-х сделал рок «армянским». И решил он эту задачу в той же манере, как и Андрей Макаревич, — привнеся в рок-музыку элементы бардовской песни. С этих пор армянский рок стал уже привычно звучать на армянском языке. Для творчества Артура Месчяна характерно проникновение больших цитат из национального

¹⁹ Армянский историк 5 века.

²⁰ Оригинальный текст см. <<http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Horen/frames12.htm>>

²¹ Балод А. Акунин и криптоистория. <<http://www.proza.ru/texts/2004/09/11-108.html>>, 28.05.05; Фрумкин К. Развращающая простота криптоистории. <<http://magazines.russ.ru/neva/2005/9/fr13.html>>, 28.05.05.

нарратива в тексты песен, скажем, темы геноцида, как в приведенной в качестве эпиграфа цитате. Чтобы «душою почувствовать армянский мелос», Месчян в течение года пел в хоре Первопрестольного Собора Св. Эчмиадзина, позже эту традицию продолжил Ваан Арцруни, который стал другой знаковой фигурой в армянском роке и одновременно в бардовской музыке. Группа Артура Месчяна называлась «Апостолы», слово это в армянском языке имеет ярко выраженный оттенок миссионерства. Вообще, появление первых рок-групп в Армении совпадает по времени с новым волнением: возрождением национального дискурса 1965 года, которое выразилось в появлении в студенческих кругах разного рода подпольных кружков, групп и партий типа ОНП.²² Можно сказать так: «Апостолы» оправдали свое название и внесли национальный дискурс в армянский рок. Это направление наиболее концентрированным образом выразилось в музыке группы «Vostan Hayots»²³ (в переводе — Армянская вотчина), первый альбом которых назывался также, как и популярная фольклорно-патриотическая песня, — **«Прощись, сынок»**. Тематика геноцида и потерянных земель является одной из основных в творческом репертуаре группы. Имело ли какое-то отношение название альбома к ожиданию воссоединения Карабаха с матерью Арменией (Армянским доменом) остается только догадываться, однако последующее развитие событий свидетельствуют в пользу этой теории.

Благодаря записям и концертам, которые проходили под полные аншлаги, «Vostan» приобрел широкую известность. Практически через год после образования группы и начала ее активной деятельности начинается национальное движение 1988 года.²⁴

«В год подъема национального движения мы начали наши поездки по стране...» Эти поездки можно обозначить никак иначе, как культурный десант: *«Давно не было такого, чтобы певцы, музыканты и актеры выступали вместе»*.

Они охватывали и те территории, куда раньше не ступала нога рокера: *«Мы не надеялись иметь большой успех, особенно за пределами Еревана, где ментальность людей несколько иная. Но в Сисиане, где мы планировали выступить один день, нас задержали на пять дней, чтобы каждый мог увидеть представление»*.

²² ОНП — Объединенная Национальная Партия, подпольная партия антисоветского толка действовала с середины 1960-х и до конца 1980-х.

²³ Образован в 1986 Арегом Назаряном (род. 18 июня 1964 г.). В первый состав кроме него (бас, вок.) вошли Овик Кургиян (вок.), Варужан Угурлян (гит.), Ашот Калян (уд.) и Мкртич Бабалян (клав.).

²⁴ Реконструируется по интервью с Ованесом Кургияном от 2 марта 2005 г. <<http://www.hetq.am/eng>>

Вскоре, как замечает Кургинян, *«мы заработали репутацию людей, которые появляются там, где должны начаться проблемы»*. И действительно: Капан, Мегри, Агарак — везде вспыхивают волнения, как только появляются парни из «Востана».

«У нас был концерт в Мегри. Затем мы должны были выступить на концерте в Агараке, но молва о наших концертах распространилась среди жителей азербайджанских сел, которые лежали на пути нашего следования, и они закидали нас камнями».

Вершиной этих совпадений становится концерт в Степанакерте в летом 1991 года, в год развала Союза, когда конфликт уже переходит в открытую военную фазу. «Мы были вовлечены в это», — заключает Кургинян.

Вовлеченность в конечном итоге вылилась в то, что басист группы Арег ушел на карабахский фронт добровольцем на два года, и группа на время прекратила существование, а Кургинян получил высокий пост. Таким образом, национальный дискурс в роке наконец-то материализовался, и «вместо гитары рука уже держала приклад Калашникова». Остается только добавить, «что «Vostan Hayots» по сей день является самой популярной и почитаемой армянской рок-группой».²⁵ Сейчас, кажется, начинается новый период любви между роком и национальным дискурсом.

«Несть в Роке ни эллина, ни иудея»

С другой стороны, существует в некоторой степени и противоположный национальному дискурсу, который особо распространяется в рок-среде в 1990-е годы, — «космополитический» дискурс как противопоставление себя всему «армянскому». Под «армянским» при этом понимается что-то близкое к рабизу, в его широком культурно-социальном контексте образа жизни, стиля, стереотипов поведения и т.д. Но что тут интересно: это явление, осознаваемое его носителями как «антинационализм», космополитизм и т.д., само является лишь своеобразным следствием одной из популярных тем национального дискурса, — идеи «восточной порчи», в которой «восточные» черты представляются искажением национального. Новое поколение, однако, неосознанно переиначивает дискурс отцов — «восточное» по-прежнему отрицается, но теперь оно уже идентифицируется с национальным. «Дети» как бы смотрят

²⁵ <rockar.narod.ru/vostan.html>, 27.08.05.

на вещи более трезво, они видят, что восточное трудно отделить от повседневно национального, но само отторжение «восточного» остается в силе.

«Превратились в болото, все это не устраивало меня. Led Zeppelin и Deep Purple, весь мир вперед идет, а мы тут наши песенки слушаем и не нарадуемся. Человек должен рок слушать, чтобы понять жизнь, что такое жизнь». (Сергей).

Рабиз или Действие Невидимой Руки рынка в условиях, приближенных к коммунистическим

Слушаю все, кроме тяжелого рока и рабиза.

Из брачного объявления

В конце хотелось бы обратиться к описанию рабиза и «рабизов», ибо как было уже выше отмечено, противопоставление рабизу и рабизам является одним из главных компонентов в самоидентификационной модели рокеров.

Рокеры дают рабизу множество определений, которые условно можно разделить на несколько категорий:

1. **Армянская народная музыка**, ассоциируется с армянскими народными песнями: *«что пели тогда рабизы не знаю, к примеру, народные песни, например, песню «Я — абрикосовое дерево».* (*Ես ար ծառ եմ ձիթենի*) (Михаил Ж.)
2. **Армянская эстрадная музыка**: *«Они исполняли все, что было модно».* (Грант).
3. **Турецкая и азиатская (восточная) музыка**: *«...эта вся туркомания, азиатчина уже достает, хорошо еще слушали бы ее дома, так нет, от нее же уйти нельзя, город наводнили, обида берет...»* (Сергей)

Подобный разнбой во мнениях вполне понятен для такого широкого и размытого термина, как «рабиз». Рипсима Пикичян в 1982 году выделяла следующие разновидности рабиза в зависимости от этнического элемента: 1. ирано-азербайджанское влияние, 2. турецко-арабское, 3. индийское, 4. греческое, 5. молдавско-цыганское, 6. русское, 7. грузинское, 8. аргентинское, 9. эстрадное, 10. джазовое, 11. классическое.²⁶

Все это жанровое многообразие объединяет армянский текст, но со спе-

²⁶ Пикичян Р.В. Свет и тени явления «рабис» // Культур Лусаворчакан ашхатанк. 1982. № 1. С. 24.

цифическими оттенками стиля той или иной национальной музыкальной культуры (мелодия, ритмика, нюансы, отдельные элементы, фразы, наконец, манера преподнесения музыкального произведения и общий колорит). Ясно, что говорить о рабизе как о чем-то цельном не приходится, для рабиза, по моему мнению, применимо одно определение: рабиз — это армянская поп-музыка. К вопросу о соответствии рабиза поп-музыке мы еще вернемся. Сейчас же хотелось обратиться ко второй составляющей данного словосочетания — «армянская».

Рабиз — результат арменизации слова Рабис, аббревиатуры названия профсоюзной организации «Работники искусств», созданной в начале 1920-х годов и объединявшей работников культуры широкого профиля (музыкантов, художников, артистов и т.д.). Одной из важных функций Рабиса стало бытовое музыкальное обслуживание населения, в том числе во время праздников и траурных событий. Причем как музыка, так и инструменты вначале были исключительно национальными (духовые: дудук, зурна, свирель, из ударных — доол, дап /бубен/).

В 1920-30 годы в число исполнителей рабиз входили лучшие музыканты, исполнявшие армянскую народную и восточную музыку. Но с конца 1930-х и особенно в 1940-е годы они стали постепенно уходить в создавшиеся в тот период более престижные государственные ансамбли и филармонию, что вызвало приток в Рабис непрофессиональных музыкантов. После войны в инструментарий рабиза вошли кларнет,²⁷ аккордеон и гитара, после чего рабиз приобрел свое характерное звучание. Собственно о самостоятельном стиле рабиз можно говорить, видимо, лишь применительно к музыке 1950-60-х годов. В 60-е годы в рабизе образовались две основные группировки — одна, специализировавшаяся в «веселом» жанре и обслуживающая рестораны, свадьбы и пиры, другая — специализировавшаяся по траурным событиям. Впрочем, следует отметить, что само слово «рабиз» многими связывалось собственно с похоронным обрядом и указывало на особую траурную музыку, поскольку до войны траурные мелодии исполнялись исключительно в традиционной манере.²⁸

²⁷ В сельском фольклоре через звуки дудука выражалась печаль, зурна же звучала в радостные моменты, кларнет — более совершенный инструмент — полностью заменил зурну и сильно потеснил дудук.

²⁸ Певцы-исполнители, среди которых были незаурядные, яркие музыканты, выведая анкетные данные покойника, узнав причину смерти (часто трагическую — убийство или смерть в результате несчастного случая), тут же импровизировали на нужную тему, создавая каждый раз (или по крайней мере, для каждого типа случаев) новую песню. Музыкальному языку рабиза этого направления, (которое можно считать в некотором смысле «классическим» рабизом), сложившемуся в результате сплава нескольких музыкальных традиций (в первую очередь, армянской народной и ашугской, с одной стороны, и восточной в стиле мугама, с другой), свойственны чувственный восточный лад и обилие мелизмов, позволяющие легко достигать желаемого эффекта чисто музыкальными приемами. (Абрамян Л.А., Пикичян Р.В. Заметки по этнографии современного города (на примере Еревана). I. Рабиз и изменчивость городской социальной иерархии // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987. С. 136).

Так же, как и рок, рабиз является чисто городским феноменом. Р. Амбарцумян, анализируя феномен рабиза,²⁹ часто употребляет синоним «городской фольклор» (и на этом основании приводит «Апостолов» в качестве примера качественного городского фольклора). Амбарцумян разделяет развитие современной народной (сельской и городской) песни на два этапа. Первый включает 1949-1969 года, второй датируется с 1969 до начала 1980-х годов. Для первого этапа характерно присутствие сельского фольклора, относительно нового городского, а также множества песен, имеющих греко-турецкое или же ирано-азербайджанское происхождение. Связано это, прежде всего, с демографическими и урбанизационными процессами,³⁰ которые происходили в данный отрезок времени. Конец 1940-х знаменует собой начало бума градостроительства в Армении. В это время Ереван представляет собой смешение отдельных групп с совершенно разной бытовой, социальной и музыкальной культурами. Сосуществовали жители деревень со своим сельским фольклором, выходцы из Ирана и Азербайджана, тифлисские армяне и репатрианты из Западной Армении, которые пели свои «ахпарские» на западноармянском, а иногда и просто турецкие или греческие песни без перевода. Особенно были популярны «ахпарские» песни и песни в стиле восточного мугама. На этой мультикультурной основе (ахпарские песни, восточный мугам, традиционные армянские мелодии) начинает формироваться рабиз (примерно в то же время, что и поп-культура). Рабиз вырабатывает некий интегральный механизм, с помощью которого он легко перерабатывает все новые течения и начинает формирование общего культурного поля. Новые городские песни, основанные на ереванском говоре, вытесняют сельский фольклор (который не только музыкально отличен от рабиза, но и пелся на различных, часто взаимонепонимаемых диалектах). Исчезают диалектные и «ахпарские» песни. Проводниками этих преобразований оказываются рабиз-певцы. На втором этапе рабиз или городской фольклор полностью вытесняет собой сельский фольклор.

Поставленная на экономические рельсы, рабиз-культура чутко реагировала на изменения во вкусах населения, стремясь захватить все возможные секторы музыкального рынка и полностью заполнить собой музыкальное пространство. По сравнению с другими жанрами, рабиз обла-

²⁹ Амбарцумян Р. Почва для песенного жанра // Культур Лусаворчакан ашхатанк. 1981. № 8. С. 21-24 (на армянском яз.).

³⁰ Для сравнения: в 1926 году доля сельского населения в республике составляла 89 процентов, к 1979 году эта цифра уменьшилась до 34 процентов. См. Карапетян Э. Т. Этнические особенности семьи // Этносоциология Еревана. Ереван, 1986. С. 126.

дает явными преимуществами. Во-первых, армяноязычным текстом. Во-вторых, вместе с новым и модным в нем потребитель слышит знакомые для себя мелодии, и для него уже не возникает проблемы адаптации к новому.

Во многом распространению рабиза, не имевшего выхода на радио- и телеаудиторию, способствует и магнитофонная революция. Отечественные студии записи один за другим штамповали рабиз-хиты. После наплыва европейской эстрадной музыки в семидесятые годы, рабиз некоторое время находился в упадке, однако затем, переработав в своем оригинальном стиле западные эстрадные мелодии, снова стал популярным, пополнив свой арсенал эстрадным рабизом. Для каждого находилась своя разновидность рабиза. Вместе с тем, как и в поп-музыке, то, что становится непопулярным, мгновенно забывается, и теперь мало кто в Армении помнит, например, об «индийском» рабизе.

Развитию рабиза невольно содействовала официальная эстрада, работавшая в полном отрыве от народа. Профессиональные композиторы считали, что создание «песни» стоит ниже их консерваторского достоинства (практически все рабиз-песни написаны непрофессионалами). «Покажите мне написанные профессиональными композиторами такие песни, которые рабочий народ, так называемые «простые» люди непроизвольно пели бы во время своей радости или печали или напевали бы себе под нос во время работы или в дороге».³¹ Предубеждение было настолько сильно, что даже выпускники консерватории в своих дипломных работах почти не обращались к песенному жанру. С другой стороны, «в 60-е годы и до второй половины 70-х официальная эстрада почти не создавала песен на армянском языке, ... где еще говорить о привнесении армянского фольклора... (это потом начались эстрадные аранжировки народных (сельских) песен, однако они так и остались неким артефактом в музыкальной жизни — А.А.)».³²

Более того, консерваторская «элита» с презрением относилась ко всему, что касалось национального и этнического, а музыканты, играющие на этих инструментах, занимали самое низкое место в музыкальной «иерархии».

«Мы были особой кастой, «народниками» — те, кто играли на национальных инструментах: дудук, тар, в школе сюда зачисляли еще ударные и духовые. Все говорили: «Вот пришли «народники»³³, опять эти «народники» — короче были источником всех проблем и людьми,

³¹ Амбарцумян Р. Презираемый рабиз или современное народное творчество? // Культур Лусаворчакан ашхатанк. 1981. № 3. С. 19 (на армянском яз.).

³² Там же.

³³ Слово в армянской речи произносилось на русском.

далекими от высокого искусства».³⁴ (Армен А., 58 лет, м.).

Нельзя сказать, что подобное отношение вызвано одним лишь цеховым снобизмом. Во многих случаях решение стать рабиз-певцом или учиться игре на кларнете (один из главных инструментов в рабизе) было таким же осознанным, как и выбор профессии стоматолога. В данном случае показательным является пример моего соседа: начав карьеру борца, впрочем не очень удачную, он, обладая громким зычным голосом и отсутствием слуха, удачно переквалифицировался в рабиз-певца, пока не стал охранником у одного из наших министров. Рабиз же, чутко державший руку на пульсе народа, отвечал на любое изменение во вкусах. Невидимая Рука рынка действовала также в условиях, приближающихся к коммунизму. Рабиз был частью теневой экономики Советского Союза, заработанные нелегальным способом деньги оказывались в руках «теневых» певцов и музыкантов.

«Ну, конечно, числились мы в конторе и туда тоже платили, но то, что нам давали на руки, было не сравнимо больше..., а кто тогда в рестораны ходил или празднества устраивал — цеховики, уголовный элемент (gokhakani)... а что заказывали, то и пели, от этого ведь выручка зависела, блатные песни, какие хочешь» (Армен А.).

Для достижения популярности (прибыли) рабиз не был ограничен никакими этическими, юридическими либо идеологическими рамками. Текст и музыка могли быть любого происхождения. Тексты популярных песен переводились на армянский язык в несколько измененном виде (подчиняясь звучанию армянского языка), популярная мелодия могла исполняться на фольклорном тексте или же тексте армянских классиков. Пел рабиз о тех проблемах, которые были близки «простому» народу и был подчинен «народному» дискурсу.³⁵ Р. Пикичян выделила несколько групп по тематическому жанру, представленному в текстах: любовные, философские,

³⁴ Рок-музыка находилась в несколько ином положении — ее не «презирали», а просто не замечали такого музыкального феномена двадцатого века: «За все время учебы я ни разу не слышал от преподавателей упоминания о роке» (Ваагн). *Чтоб имел собственный дом в Монументе (парк отдыха), И где сидел бы с друзьями за чаркой вина И что бы для таких хороших парней Самый плохой день был бы таким.* Прошло всего 20 лет и нынешняя «элита», которая выросла на этих песнях, претворила песню в жизнь...

³⁵ Среди текстов рабизских песен тех лет обнаружилась одна, весьма занятная песня, можно сказать, «манифест» рабизов, наглядный пример того, как сознание формирует бытие, если обстоятельства позволяют. Перевод дословный, без претензии на поэтичность.

*Все что бы в жизни я желал,
Чтобы Ереван был моим,
Чтоб имел собственный дом в Монументе (парк отдыха),
И где сидел бы с друзьями за чаркой вина
И что бы для таких хороших парней
Самый плохой день был бы таким.*

Прошло всего 20 лет и нынешняя «элита», которая выросла на этих песнях, претворила песню в жизнь...

патриотические, бытовые и траурные.³⁶ Среди этих групп основными являются любовные, философские и траурные. Среди бытовых особое место занимают песни, исполняемые на свадьбах, то есть они играют строго специализированную нишу. Количество и популярность патриотических песен в большой степени зависит от конъюнктуры, к примеру, во время начала карабахского конфликта наблюдался всплеск популярности этого направления, однако затем последовал резкий спад.

Рабиз как социальное явление и как социальная группа

Взаимоотношение «рокеров» и «рабизов»

В начале 1970-х слово рабиз стало обозначать не только тип музыки, но и стиль повседневного поведения, некую культуру, присущую представителю этой музыкальной культуры. Им стали пользоваться при оценке человека в целом, его вкусов, одежды, лексики и т.п., причем с некоторым уничижительным оттенком. Возникло производное слово «рабизутион» для обозначения кича, безвкусицы.³⁷

Под словом «рабиз» рокеры обычно понимают человека низовой культуры, недалекого и, главное, ограниченного. Вот как описывают рабизов:

«Отсталые, целый день сидят на корточках и ничего не делают, живут в одном квартале и дальше него не выезжают, жены в халатах, целый день только кофе варят и семечки лущают» (Грант), *«плебс и все... низший слой, мещане»* (Сергей).

Рабизы — это те, кто указывает другим, как жить:

«Ненавижу рабиз, ненавижу, загоняет человека в кожаный мешок и все; больше для него другого мира нет, мало того, что он сам себе не может позволить, так и другим указывает на то, какие они должны быть». (Артур).³⁸

Взаимоотношения рабизов и рокеров с самого их возникновения носили ярко выраженный конфликтный характер. «Хиппи» — одно из первых обозна-

³⁶ Пикичан Р.В. Указ. соч. С. 26.

³⁷ Разумеется, сами «рабизы» это термина не приемлют и вообще не воспринимают себя в качестве отдельной группы («я нормальный парень»). Они также не используют «рабиз» для обозначения музыкального жанра, слушают отдельных исполнителей — Татул, Шаво и т.д. Отличные от них группы классифицируются и получают название именно по причине их не соответствия «канону».

³⁸ Впрочем, «рокеры» также не отличаются толерантностью: «я своих друзей в школе буквально заставлял слушать рок, «что вы все попус слушаете, нормальные вещи слушайте, станьте же наконец людьми» (Грант). Это вполне укладывается в концепцию борьбы разных социокультурных групп за право навязать другому свое «видение мира».

чений рокеров — появилось среди рабизов, а также среди армяноязычного населения в целом в 1970 году после серии статей в местной прессе. После этого длинноволосых или просто выделяющихся своим обликом юношей стали называть «хиппи».

Точная история происхождения термина «рабиз» нам неизвестна, однако один из информантов предложил свою версию. Здесь создателем термина «рабиз» выступают именно рокеры.

«Слово «рабиз» от нас пошло, от наирийцев (первая «тусовка» рокеров, находившаяся около кинотеатра в центре Еревана), рядом с нами располагался Дом Работников Искусств, вот мы их так и называли «рабизами» ...» (Михаил).

Деление на рокеров и рабизов не было единственным в стратификационной системе городской молодежи. Как отмечает Л. Абрамян, социальная стратификация в современном городе весьма неустойчива и размыта. Одновременно могут существовать параллельные иерархические системы, но обычно они перекрываются, сводясь в целом к двум каким-либо противопоставляемым по жизненному идеалу системам ценностей группам.³⁹

Можно перечислить целый ряд стилей, в разные периоды в той или иной степени синонимичных противопоставлению рабиз — рок: рабизы, угловики, кенты — рокеры, хиппи, металлисты и т.д.

Из этих названий наиболее устойчивым оказался рабиз. Исчезли празднующиеся угловики, которые «стояли целый день, упершись одной ногой в стену, никогда не работали, а тогда была статья за тунеядство и они числились где-то сторожами, вахтерами, они так стояли целый день, а вечером в карты резались» (Михаил), исчезли как класс «цеховики», переродившись в респектабельных бизнесменов. Выжили рабизы, быть может потому, что определение «рабиз» было более «полным» и обозначало деление не по экономическому принципу, а по культурному. Изменилась экономическая формация, вследствие чего многие определения оказались «пустыми», культурный же паттерн, обладающий большей степенью инерционности, остался.

Между двумя группами были частые конфликты, и если вначале это были конфликты, которые носили «внешний» характер и касались различия во «внешней» атрибутике (инструменты, одежда, стиль жизни), то во второй половине 80-х, когда рок-культура в известной степени «маргинализировалась» и еще менее массовой, противоречия приняли более глубокий, ценностный,

³⁹ Абрамян Л.А., Пикичян Р.В. Указ. соч. С. 136.

характер. Причины маргинализации рокеров были разного характера: «модный» рок уступил место диско, и если в 70-х годах, например, внешний облик рокера не слишком отличался от модного стиля, то в 80-е рокер с косматой гривой волос на голове смотрелся по-иному: «мы стали динозаврами».

Интересно, что если в начале 70-х в стычках рокеров и рабизов активной стороной были рокеры, то в 80-х годах инициативу перехватили рабизы. Для сравнения предлагаю высказывания двух информантов, принадлежащих к разным поколениям: первый, говоря о 70-х годах, описывает конфликт следующим образом:

«Признаться, в целом мы их чаще задевали ...придирались буквально ко всему, они были для нас какими-то отсталыми, со своими инструментами, всегда при пиджаках...» (Михаил Ж.).

Как указывает антрополог Левон Абрамян, «антагонизм доходил до такой степени, что в те годы можно было встретить молодых людей с самодельными значками с надписью «Смерть рабизам!»⁴⁰ Не менее агрессивно были настроены рабизы по отношению к хиппи.

Сравним теперь с высказыванием другого информанта из «рокерской» среды второй половины 80-х: *«Нелегко было быть рокером в то время, я тогда носил длинные волосы и, по крайней мере, раз в месяц, бывали разборки из-за этого ... каждый раз приходилось доказывать, что и у тебя есть понятия»; «с гитарой в политех (бывшая кузница рокеров) лучше было не заходить».* (Вардан, 41год, м.).

Тут хотелось бы напомнить, что музыканты рабиза необязательно являются носителями культуры «рабиз». Хотя, как следует из собранного материала, их противостояние с первыми «рокерами» и положило начало разделению на рокеров и рабизов, однако в дальнейшем семантика «рабиза» стала более широкой. Однако сегодня определение «рабиза» опять сузилось в основном до направления в музыке. Сегодня рабиз ассоциируется с так называемыми «кярту».⁴¹ Причем если исходить из того, что слово это малоупотребительное, диалектное и вульгаризированное (показателем этого служит изменение **а** на **я**), то можно говорить о некоем названии, которое внутри самой среды рабизов было дано одной его части, наиболее застойной и закостенелой.

⁴⁰ Абрамян Л.А., Пикичян Р.В. Указ. соч. С. 136.

⁴¹ Вероятно, от «кярту» — диал. «старый, древний хлеб».

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗА «ИСТОРИЧЕСКОГО ВРАГА»

*«...ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума;
не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости».*

Ф. М. Достоевский, «Бесы».

Возникновение национальных государств, было ли это в начале XX века, после распада Австро-Венгерской империи, или в конце его, когда рассыпался на пятнадцать республик Советский Союз, сопровождается процессами активного конструирования этнических мифов. Подобная ревизия представлений об истории сообщества, называемого ныне нацией,¹ произошла и в Азербайджане. Точнее, мы можем наблюдать этот процесс в его развитии. В порыве пересмотра и ликвидации «темных пятен» в истории Азербайджана возник целый ряд этнических мифов, призванных обслуживать официальную идеологию теперь уже независимого государства. В качестве главной творческой группы выступают профессиональные историки. Речь идет прежде всего о специалистах, выполняющих государственный заказ по разработке учебников для средних учебных заведений. Сами же тексты, утвержденные Министерством образования и рекомендованные к преподаванию в школах, представляют собой официальный дискурс, в котором отражается новое видение национальной истории.²

В то же время, далеко не все, а точнее абсолютное меньшинство профессиональных историков, участвуют в активной разработке новых нар-

¹ Здесь следует сразу же уточнить, что в отношении феномена нации я разделяю позицию сторонников социального конструктивизма. «Конструктивизм понимает общественные явления не как данности, а как продукты человеческой практики. В этом (и только в этом) смысле они суть социальные конструкты. <...> Конструирование социальной реальности — это ее производство в ходе деятельности людей и их взаимодействия. Если некто утверждает, что нация — социальный (социально-исторический) конструкт, это не значит, что нация есть результат чьих-то манипуляций». (Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 103). См. также: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 29-32; Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. Ростов-на-Дону, 1999. С. 116-138.

² «Школьные курсы основаны на жестком отборе исторических фактов и служат яркими примерами национальных мифов». (Шнирельман В. А. Миф о прошлом и национализм. <http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm> 20.04.2006). См. также: Yasemin K. A. The Teaching of History in Azerbaijan and Nationalism // Ab Imperio. 2005. № 2. P. 469-497.

ративов. В массе своей они выполняют только функцию донесения официально утвержденной картины этнической истории до каждого гражданина страны. Но здесь можно сделать важное допущение касательно того, что повседневный процесс преподавания не может отражать только официальный дискурс. Профессиональный уровень каждого отдельного преподавателя, его субъективные предпочтения и, возможно, его личная интерпретация исторических фактов предполагают наличие определенного разнообразия в самом процессе озвучивания официального исторического дискурса. Этот уровень может быть обозначен как пастырский.

Наконец, третий уровень дискурса — бытовой, это та картина национальной истории, которую может озвучить обыватель.³ В случае моего конкретного исследования речь пойдет об учениках школ. Однако следует помнить, что, говоря о бытовом дискурсе, мы имеем в виду все те представления об истории той или иной нации или государства, которые формируются под воздействием официального дискурса на профанном уровне. Это тот уровень, к которому могут быть отнесены все неспециалисты.

В процессе проведения исследования был осуществлен анализ текстов школьных учебников по истории Азербайджана. Учебники на русском и азербайджанском языках представляют собой одинаковые по содержанию тексты. Мною анализировались тексты на русском языке. Было проведено 18 проблемно-ориентированных интервью с преподавателями истории. Для анализа третьего, профанного, уровня я провел 16 проблемно-ориентированных интервью с учениками средних школ (8–11 классы). Интервью проводились с преподавателями и учениками как в русском, так и в азербайджанском секторах школ. Весь этот полевой материал и послужил основой для написания данной статьи, в которой рассматривается такой аспект, как конструирование образа исторического врага.

---

³ Чтобы описать, почему особый интерес представляет именно этот уровень дискурса, сошлемся на Э. Хобсбаума: «Подобный «взгляд снизу», т. е. восприятие нации не с точки зрения правительств или главных идеологов и активистов националистических (или не националистических) движений, но глазами рядового человека ... уловить чрезвычайно сложно. К счастью, социальные историки постепенно учатся исследовать историю идей, мнений и настроений на сублитературном уровне, а потому сегодня мы уже в меньшей степени рискуем принять передовицы из специально подобранных газет за подлинное общественное мнение, как это обыкновенно случалось с прежними историками. С достоверностью мы знаем немного, однако следующие три обстоятельства вполне очевидны. Во-первых, официальные идеологии государств и [националистических] движений не слишком помогают нам понять, что же в действительности думали даже самые лояльные граждане и верные сторонники. Во-вторых, ... мы не вправе считать, будто для большинства людей национальная идентификация ... исключает ли ... превосходит по своей значимости все прочие способы самоидентификации, присущие человеку в общественном состоянии. <...> И, наконец, в-третьих, национальная идентификация и все, что, как полагают, с ней связано, способны претерпевать изменения и сдвиги во времени, причем довольно резкие». (Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб, 1998. С. 18).

1. Официальный дискурс

Конструирование образа врага начинается уже в учебнике для пятого класса, т. е. с первого года преподавания истории. Учебный материал в нем преподносится весьма эмоционально, и особенно ярко это проявляется в описании столкновений с «историческими врагами». Мотив принесения себя в жертву на благо родины — один из центральных. Так, например, в разделе «Живущие для родины возвышают ее» только небольшая часть посвящена деятелям культуры. В основном рассказывается о героях, среди которых такие хрестоматийные персонажи, как Бабек, Кероглы или Шах Исмаил Хатаи.

Впервые дискурс о «врагах» возникает в ходе описания подвига «нашего предка Уруза».⁴ Речь в данном случае идет о персонаже из известного эпоса (дастана) тюрков-огузов «Деде Коркуд». Упоминается только, что он принял страшную смерть, чтобы спасти мать от рук врага. Здесь образ врага не конкретизируется, это еще весьма схематичный конструкт. При этом ни в самой истории, приключившейся с Урузом, ни в разделе учебника, в который она помещена, нет пояснения, кем же были эти враги. Практически в том же духе, без подробностей, упоминаются войска Кира Ахеминида и арабы (имеются в виду войска Арабского Халифата). Приводятся факты столкновений, но причины и время, когда это происходило, авторы учебника не считают нужным сообщать. Однако именно в этих, пока еще лишенных конкретики текстах и задается схема дискурса о врагах, которые могут появиться в любой момент и посягнуть на родину.

Уже в следующем разделе о врагах говорится больше, но образы все еще очень размыты. Именно происки врагов приводят к раздорам среди «братьев», а под последними имеются в виду все турки. Эти раздоры преподносятся как величайшая трагедия. Угадывается и конфессиональная подоплека этих раздоров. Оправдание тех или иных негативно оцениваемых исторических событий происками врагов является общим моментом практически для всех этноцентристских представлений. Так произошло, по мнению авторов учебников, даже в случае раскола мусульман на шиитов и суннитов.⁵

Эти раздоры иллюстрируются, например, столкновением султана Селима и шаха Исмаила Хатаи. Противоборство между империей Сефевидов и Османской империей действительно проходили по линии религиозного разлома, но кто эти враги, внесшие раскол в религиозное единство, не

⁴ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. Учебник для V класса. 3-е изд. Баку, 2003. С. 8.

⁵ Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. Екатеринбург, 2006. С. 38-40.

уточняется. Впрочем, Исмаил Хатаи был весьма фанатично настроенным шиитом. Сами кызылбаши⁶ даже по тем временам воспринимались как фанатики.⁷ При этом идеология, как это почти всегда случается, служила оправданием политических амбиций и appetитов захватчиков. Видимо, дабы не смущать учеников критикой в адрес Исмаила Хатаи (о нем упоминается как об «объединившем все земли Отчизны, создавшем единое, мощное, централизованное государство, давшем родному языку право быть государственным языком Сефевидской империи»⁸), и понадобился «коварный враг».

Один из наиболее эмоционально окрашенных разделов учебника посвящен захвату Азербайджана Российской Империей. Сами захватчики угадываются только по обозначению частей Азербайджана как «российской» и «иранской». Интересно, что куда больше сказано об участии в этих событиях армян. «Для создания «благонадежного христианского государства» со всего мира стали переселять армян⁹ на земли нашей Родины севернее Аракса — **в Карабах, Гейче, Зангезур, Иреван, Нахичеван ...** Создали сначала армянскую область, а затем и армянское государство на землях Западного Азербайджана, где в свое время огузские джигиты верхом на конях показывали свою удаль...»¹⁰ Уже появляется и христианский субстрат образа врага. Затем задается оценка событий периода Азербайджанской Демократической Республики: трагические события в Баку в марте 1918 года и трагедия города Ходжалы обозначаются как геноцид.¹¹

⁶ «Поддерживавшие их [Сефевидов] туркменские [имеются в виду тюркские] племена, так называемые *кызылбаши* («красноголовые» — они носили красные шапки), должны были признавать не только политическое, но и духовное их [Сефевидов] главенство». (Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971. С. 227).

⁷ Подробнее о противостоянии суннитов и шиитов см.: Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, 2004. С. 69-88.

⁸ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. С. 9.

⁹ После вхождения в состав Российской Империи много армян действительно переселилось на территорию Южного Кавказа. Но, видимо с целью усилить впечатление, упоминается территория всего мира, а не конкретно Ирана и Османской Империи. Либо авторы намеренно искажают факты, либо просто не знают, что одна из двух классических диаспор — армянская, возникла в разных странах только после событий 1915–16 гг. До этого они не были разбросаны по всему миру, по крайней мере, не в таких масштабах.

¹⁰ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. С. 12

¹¹ «Отряд комиссаров, в основном армянского происхождения, захватил город и создал Бакинскую коммуну, небольшой оплот большевизма на антибольшевистски настроенном Кавказе. Когда в марте 1918 года азербайджанцы подняли восстание против Бакинской коммуны, в азербайджанские кварталы хлынули войска большевиков и устроили настоящую бойню, жертвами которой стали тысячи людей. В сентябре, сразу после вывода британских войск и перед вводом оттоманской армии, пробил час отмщения. На этот раз бесчинствовали азербайджанцы, вырезавшие тысячи бакинских армян. В этом противостоянии в 1918 году с обеих сторон погибло почти 20 тысяч человек». Что же касается событий вокруг города Ходжалы, то «Штурм [города армянскими вооруженными формированиями при поддержке 366-го полка Советской армии] начался в ночь с 25 на 26 февраля [1992 года]. <...> Существуют разные оценки числа убитых азербайджанцев в Ходжалы или в его окрестностях. Пожалуй, наиболее правдоподобная цифра — та, которая была получена в ходе официального расследования, предпринятого азербайджанским парламентом. По этим данным, число погибших составило 485 человек. <...> Ответная стрельба азербайджанцев была незначительной и никоим образом не может служить оправданием хладнокровного убийства в открытом поле сотен беспомощных мирных жителей, в том числе и детей». (Вал Т де. Черный сад: Армения и Азербайджан между миром и войной. М., 2005. С. 144; 233-234).

Важен также язык, который используется для рассказа об исторических фактах. В повествовании часто используются фразы «коварные чужеземцы», «предатели и изменники», «захлебнулись в крови», «новая резня», «утраченная сладость свободы»¹² и прочие. Логика использования подобных обозначений становится понятна в свете исследования феномена войн в Новое время. «Наше богатое воображение, подобно фантазии наших предков, неизменно ограничено, когда дело касается мобилизации людей на убийство и самопожертвование. Обязательным условием здесь остается дегуманизация группы, определяемой как «враг». В биологии есть понятие псевдоклассификации видов: внутри одного вида, в нашем случае человеческого, противник рисуется так, что он предстает врагом собственного вида. Тем самым достигается оправдание убийства врага и использование для этого средств, которые до того рассматривались как нелегитимные и античеловеческие».¹³ Стремление дегуманизировать врага мы наблюдаем и в случае с исследуемым в данной статье конструктом.

Обратимся теперь к другому элементу конструкта. Совершенно естественно, что образ врага требует также четкого обозначения того, как надо относиться к героям, с ним боровшимся. Из всего вышеизложенного видно, что герои часто выступают в роли жертв. Иногда создается впечатление, что вся эта тысячелетняя борьба была неким подобием Сизифова труда. Причем каждого нового Сизифа ожидала куда более печальная участь — камень «вражеских происков» становился все тяжелее. Видимо, чтобы внести хоть немного оптимизма в эту череду нескончаемых жертв, авторы иногда делают следующие ремарки: «Те, кто пожертвовали собственной жизнью ради Отечества, за свободу народа, погибли за правое дело — они не будут забыты».¹⁴ Приведенная здесь фраза относится к Бабеку, предводителю религиозно-мистической секты хуррамитов, боровшихся в IX веке с арабским халифатом и противостоявших исламизации.

Стоит сказать, что распространению ислама в Азербайджане авторы не уделяют много места. Они объясняют, что «мудрые люди понимали, что распространение исламской религии в Азербайджане может гарантировать политическую стабильность и национальное единство».¹⁵ Такое описание событий прошлого с использованием современных терминов не раз встречается в учебниках, при этом авторов совершенно не смущают

¹² Представления авторов о свободе требуют отдельного рассмотрения.

¹³ Лангевитше Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // Ab Imperio. <<http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=299&idlang>>

¹⁴ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. С. 57.

¹⁵ Махмудлу Я., Юсифов Ю., Алиев Р., Годжаев А. История Азербайджана. Учебник для 7 класса. Баку, 2001. С. 67

возникающие несоответствия. Они также с легкостью переносят представления о нации в конец первого тысячелетия и просто опускают объяснение того, как следует понимать действия того же Бабека, боровшегося с распространением ислама. Ведь, исходя из их логики, он, будучи непримиримым противником ислама, стоял на пути политической стабильности и национального единства. Они же, избегая упоминания об этом, замечают, что хуррамиты отвергали только «некоторые догмы ислама».¹⁶

Описание арабов сопровождается утверждением, что они сделали ислам своей идеологией. Ислам не критикуется, а все время проводится разделение арабов и ислама. Но перед авторами стояла и еще более сложная задача: определить в конструируемой мифе место и роль христиан, ведь албаны, принятое в отечественной науке обозначение древнего населения современного Азербайджана, или по крайней мере часть из них признаются последователями этой религии.¹⁷ Они предлагают следующую версию: «Предательство привилегированных слоев и, самое главное, измена крупных представителей знати, исповедовавших христианство, их помощь арабам привели к поражению в войне».¹⁸ Из всех причин поражения, а их перечисляется немало (привлечение халифатом на свою сторону тюрок, неравенство сил и прочее), только эта сформулирована очень жестко и бескомпромиссно. Таким образом, постоянно идет конструирование образа врага, одним из важнейших признаков которого является его «иная» конфессиональная принадлежность.

Центральный образ в конструкте врага в учебниках для 5 и 7 классов связан с «неверными в черных одеяниях», на котором мы и остановимся подробнее. Этнолингвистические основания под этот образ поначалу не подводятся. Но в разделе учебника для 5 класса, посвященном эпосу «Деде Коркут», авторы так называют врагов: «Армянские и грузинские феодалы, и их покровители названы в дастане *«неверными в черных одеяниях»*».¹⁹ Далее составители учебника, не обращая особого внимания на эпический характер этого замечательного литературного произведения средневековья, посчитали возможным привести его в качестве доказательства патологической враждебности христиан к мусульманам, а «тюрки», читай «азербайджанцы», и «мусульмане» становятся понятиями тождественными.

¹⁶ Махмудлу Я., Юсифов Ю., Алиев Р., Годжаев А. История Азербайджана. С. 72.

¹⁷ Одной из последних работ по этой теме стала нашумевшая в республике публикация Фариды Мамедовой «Кавказская Албания и албанцы» (Баку, 2005).

¹⁸ Махмудлу Я., Юсифов Ю., Алиев Р., Годжаев А. История Азербайджана. С. 86

¹⁹ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. С. 66.

Далее авторы отмечают, что «Дастан «Деде Горгуд» доказывает, что уже тогда армянские и грузинские правители и другие «неверные» хотели, чтобы тюрки, уничтожая друг друга, ослабили себя. Для этого они старались натравить тюркских храбрецов друг на друга».²⁰ Эта интерпретация накладывается на видение авторами процесса формирования азербайджанской нации.

Так, по ходу изложения авторы поясняют, что наконец на основе ислама образовалось религиозное единство. Теперь вместе с тюрками боролись и другие мусульмане. Все еще держась в русле рассказа об эпосе, авторы не без облегчения замечают далее, что *«наконец сложился единый азербайджанский народ»*.²¹ И в заключении объяснив, что обычаи огузов стали нормой для всех азербайджанцев, они приводят в пример только одну, но весьма красноречивую поговорку: *«Старый враг не может стать другом»*.²² «Неверные в черных одеяниях» потом еще несколько раз появляются на страницах учебника для 5 класса, пока полностью не сливаются с армянами. Выясняется, что восстание «армянских бандитов» в Карабахе в 1920 году было предпринято с целью оттянуть азербайджанскую армию с северных территорий и оставить страну беззащитной перед вторжением 11-й Красной Армии. «Таким образом, армяне достигли своей цели — отправки азербайджанской армии в Карабах. В результате этого северные границы Азербайджана остались беззащитными. *«Неверные в черных одеяниях»* вновь сделали свое черное дело...»²³

В конце концов этот образ окончательно оформляется, встраиваясь в теорию заговора, начало которого теряется во тьме веков, направленного против азербайджанского народа, «нашей государственности» и «тюрко-мусульманского единства». «На протяжении многих веков враждующие с нами *«неверные в черных одеяниях»* — армяне и их покровители для ослабления и изоляции нашего государства прибегают ко всяким коварным и подлым замыслам».²⁴ И только в 1995 году, благодаря принятию конституции, закрепившей название страны и статус азербайджанского языка в качестве государственного (событие, ставшее возможным только благодаря гению президента Гейдара Алиева), удалось сорвать планы этих «неверных».

Этот «страшный» враг еще раз возникает перед учениками школы в учебнике для 7 класса, что объяснимо, так как в нем описывается период,

²⁰ Там же. С. 67.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. С. 211.

²⁴ Махмудлу Я., Халилов Р., Агаев С. Отечество. С. 295.

когда создавался знаменитый эпос. Здесь этому посвящен целый параграф, озаглавленный «Отражение в дастане борьбы нашего народа против «гяуров в черных одеждах».²⁵ Интересна трансформация обозначения: теперь уже не «неверные», а «гяуры». Составители замечают, что так обозначались византийские, армянские и грузинские феодалы, которые еще в те времена (видимо, речь идет о времени создания дастана) «старались натравить тюрок друг на друга, проводили политику уничтожения их своими же руками».²⁶ Далее авторы уверенно заявляют, что «для достижения своих коварных целей они подстрекали гыпчакских тюрок против огузских тюрок, и даже старались посорить огузских джигитов друг с другом».²⁷ Затем, составители учебников с легкостью продолжают линию «заговора» в будущее: «Эта политика «гяуров» впоследствии приобрела более широкий и системный характер. Западноевропейским правителям удалось натравить друг на друга Тимура и Ильдырым Баязита, Узун Гасана и султана Мехмета Фатеха, шаха Исмаила и султана Селима, шаха Тахмасиба и султана Сулеймана Гануни. В результате борьбы великих тюркских повелителей друг с другом общая сила и мощь тюркского мира ослабла».²⁸ Таким образом, перед нами предстает картина масштабного, прошедшего сквозь века противоборства великих империй, причиной которого был заговор против них «христианских правителей». Подобные построения заметно отдают духом квазиисториографии.²⁹

Другими врагами, как уже отмечалось, являются русские и иранцы. Первые возмущали спокойствие азербайджанцев еще в X веке (т.е. когда ни русской, ни азербайджанской нации не существовало). В тот период произошло несколько набегов то ли славян, то ли руссов, а возможно, что и тех и других на территорию современного Азербайджана (910, 914 и 944 годы). Авторы отдают предпочтение славянам. Для достижения наибольшего эффекта они оперируют большими цифрами. Только убитых было около 20 тысяч человек — цифра совершенно нереальная для не самого крупного средневекового города. Причем если в учебнике для 5 класса славян было меньше защитников города, то уже в учебнике для 7 класса славян оказывается больше.

²⁵ Махмудлу Я., Юсифов Ю., Алиев Р., Годжаев А. История Азербайджана. С. 173.

²⁶ Там же. С. 176.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Об этом подробнее см.: Петров А. Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36-59; Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 23-31; Кореняко В. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука // Реальность этнических мифов / Под ред. М. Б. Олкотт и А. Малащенко. М., 2000. С. 34-52.

Наконец, в учебнике для 9 класса, образ «исторического врага» начинает приобретать свое вполне современное звучание. Происходит объединение русских и армян в единую силу, препятствующую процветанию Азербайджана и азербайджанских тюрков. По версии авторов, с целью противостоять захватническим планам Петра I местное население (и шииты, и сунниты) обратилось за помощью к османам. Но была сила, которая мешала османам оказать помощь. Естественно, речь идет об армянах. Именно с этого момента армяне предстают как некое подобие «пятой колонны», хотя авторы отрицают наличие большой армянской диаспоры на территории современного Азербайджана в период до включения в состав России. Итак, «...подручные царизма — армяне — поддерживали связи непосредственно с Россией и обещали помочь ей в завоевании Южного Кавказа, в том числе и других областей Азербайджана».³⁰ Не совсем понятно, какая географическая территория имеется в виду, но главное, что именно тогда и начал, по мнению авторов учебника, оформляться заговор против Азербайджана. Они пишут, что уже со времен Петра и по его личному распоряжению началось заселение современного Азербайджана армянами, при этом изгонялось местное население. Иногда авторы все же вынуждены вскользь сообщать о том, что полунезависимые ханства, образовавшиеся во второй половине XVIII века, имели свои особые отношения с Россией. Очень часто эти отношения носили характер союзов. Но на этом внимание, естественно, не акцентируется. Таким образом, если в советский период искали любого повода, чтобы подчеркнуть добровольное вхождение в состав России, то сейчас все события трактуются абсолютно противоположным образом.

Остановлюсь на интерпретациях в учебниках еще двух исторических моментов. Первый момент относится к периоду существования Азербайджанской Демократической Республики в 1918-1920 гг. (АДР). В конце марта 1918 года происходили погромы азербайджанцев, или скорее мусульман, в Баку, организованные большевиками во главе со Степаном Шаумяном. Впрочем, тот факт, что военизированные формирования, проводившие эту акцию устрашения мусульман, унесшую тысячи жизней, в основном состояли из этнических армян, не вызывает сомнения.³¹ Указом Президента Гейдара

³⁰ Мамедов С., Велиев Т., Годжаев А. История Азербайджана. Учебник для 9 класса. Баку, 2002. С. 52.

³¹ «...у нас были уже вооруженные силы — около 6 тысяч человек. У «Дашнакцутюн» имелось также около 3-4 тысяч национальных частей, которые были в нашем распоряжении. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Мусульманская беднота сильно пострадала, но она сейчас сплывается вокруг большевиков и вокруг Совета». (Шаумян С. Избр. произ. в 3 тт. Т. 2. М., 1978. С. 463).

Алиева от 26 марта 1998 года дата 31 марта была объявлена днем геноцида азербайджанцев. Текст указа в полной форме приводится в учебнике для 11 класса.³² Однако интересно не это, а то, что приводятся слова одного из лидеров АДР М. Э. Расулзаде, посвященные геноциду. Учитывая, что в тот период эта трагедия подобным образом не обозначалась, очевидно, что авторы занимаются откровенной компиляцией, ставя имя Расулзаде рядом со словом «геноцид».

Второй момент связан уже с событиями последних лет. Стоит целиком привести замечательный отрывок из раздела учебника для 11 класса, озаглавленного «Азербайджан на пороге XXI века. Итоги и уроки». Этот отрывок как бы подводит итог всем усилиям авторов, направленным на поиски самого главного врага. Все империи, стремившиеся завоевать Азербайджан, использовали как средство «армянских националистов». Впервые в течение семилетнего учебного курса истории армяне обозначены не как единая группа, а дифференцированы. Ведь если есть армяне-националисты, то логично предположить, что есть еще и какие-то другие. Именно армяне-националисты, как выясняется, «не скупясь предлагали всем свои услуги. Опираясь на русских и европейских покровителей, армяне еще в XIX веке переселившиеся на земли азербайджанского народа³³ под руководством Григорианской церкви стали проводить в жизнь политику «национальной резни»». ³⁴

Остается подчеркнуть, что весь этот курс истории следует причислить, как утверждают авторы, к заслугам предыдущего президента. Именно он начал уделять особое внимание «укреплению исторической памяти азербайджанского народа». ³⁵ Кроме того, именно «Президент Гейдар Алиев поставил перед учеными-историками задачу объективного и всестороннего изучения истории Азербайджана, особенно истории XIX и XX веков». ³⁶ Пророчески звучит фраза французского исследователя Этьена Франсуа: «Выбирая способ увековечить прошлое, нация одновременно выбирает свое будущее». ³⁷ То будущее, которое предлагают авторы школьных учебников, — это состояние перманентного противостояния с «вечными» врагами.

³² Гафаров Т., Мамедов И., Мамедов Х. и др. История Азербайджана.

Учебник для 11 класса общеобразовательной школы. Баку, 2002. С. 17-18.

³³ Ранее авторы упоминали о переселении еще при Петре I.

³⁴ Гафаров Т., Мамедов И., Мамедов Х. и др. История Азербайджана... С. 371.

³⁵ Там же. С. 355.

³⁶ Там же. С. 359.

³⁷ Франсуа Этьен. «Места памяти» по-немецки: как писать историю? // Материалы круглого стола: «Размышления о памяти, империи и нации» // Ab Imperio. <<http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=893& idlang=2C>>

2. Пастырский уровень

Перейдем теперь к рассмотрению второго, пастырского, уровня презентации истории. Ниже приводится анализ наиболее интересных моментов из интервью с учителями истории.

В описаниях образа «заклятого врага» четко заметна разница подходов представителей двух условно выделенных нами «школ», к которым принадлежат профессиональные историки. Первые — это те, кто ассоциирует себя с русскоязычием и, нередко, российской школой; вторые — представители национальной школы истории. Начнем с «русскоязычных». В их интервью акцента на внешнем враге не делается. В ходе свободной беседы рефлексия относительно «образа врага» не возникает в качестве отдельной и важной темы. В случае с Р. (40 лет стажа, ученая степень, ассоциирует себя с ленинградской школой) вопрос приходится озвучивать:

«В: Образ врага, должны ли учителя истории его создавать?»

О: ...я считаю, нет, не должен. Я тебе скажу еще хуже, у нас же... <> Это насаждается сверху — Карабах, тыр-пыр, и воюют все время. <> мы народ жизнерадостный, мы народ оптимист, причем мы молодая нация, молодой народ по сравнению с армянами и грузинами. У нас проторенная дорога «север-юг», все время сюда какие-то племена приходили и были свежие вливания. Поэтому мы молодые <...>. Так вот, мы до сих пор еще не сложились как народ и как нация. <...> Никогда грузин, армянин, если видит, что свой, никогда не спросит, откуда ты. Грузин, армянин, а у нас этого нет. Землячество, клановость. Везде есть, но тот же армянин везде говорит я «армянин», не говорит откуда. То же самое грузин. А у нас нет. Я оттуда-то, а ты откуда? Отсюда и идет. Не может быть речи о патриотизме».

Таким образом, даже при просьбе ответить на конкретный вопрос, Р. уводит разговор в сторону, и возникает тема «наших», собственных особенностей. Однако главное сказано — воспитывать в школьниках особое отношение к «врагам» недопустимо, и это четкая позиция Р.

Такая же позиция у Л. (16 лет стажа преподавания в школе, русскоязычная), которая сама в беседе подняла этот вопрос.

«А еще знаете, что мне не нравится? Вот у меня есть учебник «История Азербайджана» для 11 класса того периода, советского. Вот там 11 Красная Армия пришла в Азербайджан, народ так ждал, а мусависты — враги народа, они, в общем, заглохли. И, короче, Красная

Армия помогла. Народ приветствовал. Сейчас подается наоборот. Я согласна. Но в каждой строке сквозит враждебность по отношению к России. Это неправильно. Зачем образ врага формировать. Тем более политика. <...> В учебнике пишут одно, а тут же наш президент едет налаживать отношения с Россией. Это же неправильно, ведь в учебнике Россия – враг, завоевавший ханства. Возьмите, просто, констатируйте факт – что вторглась, что воевала с Ираном, что раздел произошел. Как это? «Кровавой раной пролегла граница с Ираном...» — это неправильно, так не нужно. Дети этого не понимают. Вот нынешний уровень...»

Это все та же попытка примирить наблюдения и принципы из жизни советской с реалиями сегодняшних дней. Но они, эти реалии, чрезвычайно противоречивы. В те времена, хочется теперь верить, все было понятно, а разнообразие практик не поощрялось. Сейчас же в учебниках пишут одно, а в реальности происходит другое.

Однако в случае с Р. и Л. все не так однозначно. Для обоих главный предмет неприятия — это качество учебников. Будучи профессионалами, посвятившими большую часть своей жизни преподаванию, они главную современную проблему видят именно в плохом качестве учебников — наличие грамматических и грубых фактологических ошибок, отсутствие карт, плохая методика подачи материала школьникам и пр. Пропаганда образа врага, с которой они не согласны, — часть проблемы. Но прежде взглянем на то, как видят эту ситуацию два других историка — представители условно выделенной нами национальной школы.

Г. (20 лет стажа, ученая степень) также критикует учебники за то, что методически они во многом неправильно разработаны:

«Возьмем учебник за 6 класс «Древний Мир», сопоставим с соответствующими учебниками советского периода. Вот «История Древнего Мира» [советского периода], и там около 60 параграфов, и в нашем тоже около 60. Там на 60 параграфов дается около 30 дат, современный учебник — в одном параграфе иногда 30 дат. Как можно ученика 5-6 класса, которому 10-11 лет, за параграф научить сложнейшим именам и вдобавок нескольким датам. Есть определенный объем принятия информации ребенком. В этом плане современные учебники этого не учитывают. Любые учебники сопровождаются датами, именами, фактами. С одной стороны, это хорошо. Кто-то усваивает, кто-то не усваивает. С другой стороны, основная масса учеников этого не

усваивает. Остается в стороне такой обобщающий, иллюстративный материал, который очень хорошо запоминается ребенком. Допустим, приводятся годы правления какого-то ассирийского царя. Ну зачем это? Иногда даже специалисты в этой области не могут по памяти вспомнить эти даты. К чему это в рамках средней школы? Этим мы хотим — не хотим вызывать отвращение у ребенка, который не может запомнить это, идет, получает «двойку», еще «двойку», потом вообще бросает. Вот в этом отношении наше учебниковое дело отстает. Ну, это дело переходное. Я считаю, что за последние 10 лет по созданию учебников был сделан огромный скачок».

Для Г. перечисленные им же самим замечания к качеству учебников не являются основанием для чрезмерно жесткой критики учебников. В ходе интервью, он сам обращается к теме врага и также увязывает ее с проблемой качества учебников:

«Нет, исследования проводятся. Вот я представляю [тех, кто] исследует историю Азербайджана со времен российской оккупации до февральской революции 1917 года, и могу сказать, что по этому периоду история совсем заново написана. Вот возьмите учебники за 7-8 классы и 9-10 классы и современные учебники вы увидите, что это небо и земля. Период новой истории Азербайджана излагался с позиции царизма, царской историографии. В некоторых вопросах царская историография была даже объективнее советской историографии. В царской и ранней советской историографии допускались понятия оккупации, захвата азербайджанских земель Россией, то в историографии после 40-х годов слово «оккупация» вообще было выброшено. Стали говорить о присоединении, а потом уже о добровольном присоединении к России. Но ведь это не логично, это алогично. Ведь никогда самостоятельное государство не согласится добровольно потерять свою самостоятельность. ... Или же вопрос о разделе Азербайджана между российским и иранским государствами: совсем по-другому говорилось, оценивалось так, как будто это большое благо, будто это привело к быстрому развитию Азербайджана. Чушь собачья. Этого не было. Никогда потеря государственной независимости не может считаться прогрессивным явлением. [Последние несколько фраз — это подтверждение факта, что Азербайджан в своих современных границах воспринимается как данность. Только значительная часть этой данности (т.е. Южный Азербайджан/Северный Иран) по сей день несвободна — И.

А.]. Или же восстания в Северном Азербайджане в 30-е годы 19 века. Очень часто этим восстаниям стремились дать классовую суть. Но ведь это же не так. Это было обыкновенное восстание народа против оккупантов. ... Этот материал преподносился с классовой точки зрения, умалчивались [факты] о христианизации населения, говорилось только о прогрессивных последствиях переселения. Россия захватила мусульманскую страну, хотела создать себе опору – христиан. Вначале армян, потом молокан, а позже чисто русское население. А что-это благо для азербайджанского народа? Азербайджанский народ терял свои земли, богатства. Россия уничтожила наши государства. Были ханства, разбросанные, ну и что? В истории у всех народов была феодальная раздробленность. До 15 века не было централизованного русского государства».

Это, казалось бы, еще не образ врага, но в то же время, четко и даже, по моим впечатлениям от интервью, яростно сформулированное требование знать своих прежних врагов. Далее я решился, несмотря на столь эмоциональное восприятие прежних бед, конкретизировать вопрос о том, стоит ли формировать в учебниках образ врага.

«В нашей науке, историографии, такой враждебности нет, в отличие от армян. Вот возьмите события 30-х годов в Армении: повсеместно меняются названия населенных мест с тюркских на армянские. События [19]48 - [19]53. Неужели можно назвать переселение 100.000 азербайджанцев из Армении простым переселением. С нашей стороны этой вражды не было, а у армян всегда это было на уме. Если события конца 60-х годов, когда армяне хотели отнять часть земель Газахского района... Спасибо Г. Алиеву, он спас... [Сказал] им: «Куда вы лезете, это наши земли». Армяне вообще не азиатский народ, они пришли из Фракии, они балканский народ. На определенном отрезке исторического процесса интересы армян создать свое государство на чужих землях и интересы Российской империи совпали, в начале 18 века. Территория современной Армении — не армянские земли. Мы народ — с очень короткой памятью, к сожалению, и все не помним. Мои предки из современной Армении, и, когда я спрашивал своего деда, как это все было, он не говорил, кто его гонял. Забежали в Турцию, в Иран, потом возвращались, но кто, понял, никогда не говорил. А армянин своему сыну показывает памятник геноцида и говорит «это сделали турки, они твои враги». А у нас такого не было. ... Мы забываем, а они

не забывают. Есть армянские планы захвата, отторжения наших земель. В 1918 г. армяне даже не имели города для столицы. Иревань им уступил наш национальный совет в мае 1918 г. Тогда у армян территория была 9,9 кв.км. Сейчас 30.000. За счет чего? За счет Азербайджана. Азербайджан и был 114 тыс. с лишним кв.км в 1918, сейчас 86,6 кв.км. Я уверен, мы обязательно вернем свои земли».

Во всей этой весьма пространной тираде так ничего, казалось бы, и не сказано о том, следует или нет воспитывать образ врага. Информант не стал критиковать учебники за демонстрацию этого образа или за отсутствие внимания к таковому. С другой стороны, сетования по поводу короткой памяти призваны продемонстрировать нам, что мы должны помнить своих врагов. Можно предположить, что Г. считает правильным присутствие данного образа на страницах учебников. Или даже более того, он просто является для него само собой разумеющимся, а выводы он делает только о «правильно» написанной истории: очередные белые пятна были закрашены, была прекращена порочная практика сокрытия нашей истории и события получили объективную оценку.

Из интервью с В. (21 год стажа, ученая степень):

«Да, различие есть. Ни в одном из учебников по истории Азербайджана не было ни слова о произошедших с азербайджанским народом трагедиях, например, произошедшая в марте 1918 года резня никак не освещалась. То же самое об армяно-мусульманском противостоянии в 1905, о репрессиях 1937 г., о депортации азербайджанцев из Армении в 1948-1953 гг., изгнании азербайджанцев из Армении в 1988. Умалчивались также сведения о культуре азербайджанцев, об этногенезе искажалось.³⁸ Но сейчас наши историки внесли ясность во все эти вопросы, и они нашли свое отражение в учебниках. Раньше писалось, что азербайджанцы — пришлые на эти земли, в XI веке после создания империи Сельджуков турки здесь обосновались, и начал формироваться азербайджанский или же тюркский язык. Это в корне неверное мнение, потому что эти идеи пропагандируют наши враги армяне, и даже, некоторые иранские историки тоже придерживаются этого мнения. Однако наши историки в течение последних 20-30 лет усердно работают и доказали, что азербайджанцы имеют очень древнюю историю и являются тюркоязычным народом».

³⁸ Напомню, что Г. критикует тексты за два отсутствовавших в них важнейших момента: ничего не говорилось о древности азербайджанцев и не обращалось внимания на «наши» обиды и на происки врагов.

На мой взгляд, подобная ретроспекция, когда современные этнолингвистические особенности населения той или иной территории экстраполируется в далекое прошлое, прекрасно иллюстрирует принцип создания школьных, а по большому счету и всех, исторических нарративов. «Ясность» о непрерывном и линейном развитии азербайджанской нации была внесена в момент, когда в ней возникла необходимость, в период построения азербайджанского национального государства. Но сами историки эти два явления не связывают. Для них речь идет о восстановлении исторической справедливости, ликвидации белых пятен в истории, написании объективной истории нации или народа.

3. Бытовой дискурс

Что касается бытового дискурса, то в беседах с учениками средних школ мне встретилось только одно упоминание о том, что история помогает дифференцировать мир людей на своих и чужих, на врагов и друзей.

«История для меня в школе 50 на 50. Мне она интересна. Я читаю ее ради того, чтобы аттестат был хороший. Но история нужна, потому что каждый человек должен знать историю своих предков и знать, кто ему враг, а кто ему друг. Из истории можно узнать много обычаев, своего или чужого государства. Короче говоря, это, что в школе преподают историю, это на стольник (т.е. на 100 % — И. А.)» (м., 11 класс).

Следует признать, что образ врага не стал доминирующим в отзывах о преподавании истории, хотя все информанты определяют армян как врага номер один, «армяне» и «враги» — слова практически взаимозаменяемые. Но в рассказах о том, чему должна учить история, этот образ не выглядит эмоционально заряженным или доминирующим. Как, впрочем, мало эмоций вызывают и другие образы. Все, что можно наблюдать в общении с учениками, — это их чувство безразличия, сопровождаемое бездной невежества. Однако именно такие люди-нули становятся пластилином, из которого можно лепить все, что захочет политик. А самым доступным для понимания становится популизм «ура»-политиков, способных пробуждать самые низменные эмоции.

Приведем ряд типичных ответов, которые я получил на вопрос о том, есть ли у Азербайджана враги. Еще раз подчеркнем, что учеников

приходилось наводить уточняющими вопросами на тему о врагах.

«Врагом является Армения, которая захватила ряд районов в Азербайджане. Ими являются Карабах и 6 районов. Война началась в 1988 году и продолжается до сегодняшнего дня. Друзьями являются страны Европы» (дев., 8 класс).

«Друзья нашего государства — Россия, Турция, Иран, Грузия и т. д. С Азербайджаном [у них] связано много деловых отношений. ... Враги Азербайджана — это Армения. Армения оккупировала много азербайджанских районов. Такие как Ходжалы, Лачин и т. д. Армяне страшные враги для нашего государства. В 1988 году они начали оккупацию нашей земли. Но некоторые земли наши солдаты уже захватили и отдали государству. Но армяне хотели захватить Баку, но не смогли. Люди встали на защиту нашего города. Армяне считают Карабах своим районом. Но время придет, и наши районы будут захвачены нашими солдатами» (м., 8 класс).

«Нашими врагами, т. е. врагами нашей республики являются: Армения и Иран (Южный Азербайджан). Эти государства являются нашими врагами потому, что так сложились исторические отношения. И в настоящее время для этого существуют границы, отделяющие свою территорию от чужой, и эти границы охраняются военными силами. А вот про друзей я ничего не знаю» (м., 9 класс).

«Друзьями Азербайджанской республики являются такие страны, как Россия, Турция, США, Иран, Франция и т. д. Эти страны ведут дружеские отношения с Азербайджаном. Врагами Азербайджанской республики является Армения. Армения уже давно оккупировала азербайджанские земли. А именно, 18 лет тому назад, в феврале 1988 года. Армяне захватили юго-западную часть Азербайджана. Армяне ведут перестрелки с Азербайджаном и хотят все больше захватить земель. Азербайджанцы хотят, чтобы этот конфликт прошел, и восстановились дружеские отношения» (м., 9 класс).

Заключение

Итак, центральный тезис, который выдвигается в данной статье, сле-

дующий: конструирование образа «исторического, заклятого врага»³⁹ в современных учебниках по национальной истории в Азербайджане — это центральная, важнейшая часть этноисторической модели прошлого, вокруг которой формируется преподавание предмета истории в средней школе. Причины актуальности именно этого образа следует искать в кровопролитном Карабахском конфликте, который развивался параллельно с процессом обретения независимости. Учитывая специфику армяно-азербайджанских отношений, особый интерес вызывает то, как последнее по времени противостояние ретроспективно проецируется на теперь уже тысячелетнюю историю взаимоотношений. Особенно важна многоуровневость данного дискурса, и здесь можно выдвинуть тезис о том, что на разных уровнях образ врага актуализируется неодинаково. Официальный дискурс может и должен восприниматься неоднозначно, прежде всего, на пастырском уровне. В то же время, успех или провал официальной идеологии (дискурса) на бытовом уровне остается под вопросом. Статистические отчеты по успеваемости в средних учебных заведениях не могут послужить здесь достаточным основанием для каких-либо релевантных выводов, тем более в ситуации весьма распространенной коррупции и nepотизма — получение высокой школьной оценки, как и возможность дальнейшего поступления в институт, зависят не столько от способности ученика хорошо учиться, а от финансовых возможностей родителей или наличия необходимых связей.

Результатом армяно-азербайджанской войны стало то, что в образе «заклятого» или «исторического врага» выступают в первую очередь армяне. Но как это было продемонстрировано на конкретных примерах из учебников, нередко в том же образе предстают и русские. Вместе с тем, существует и некий собирательный образ — армян и русских, нередко обозначаемый через их конфессиональное единство. Когда речь идет о средних веках, к ним присоединяют грузин и византийцев. В результате появляется конструкт, который может быть обозначен как враги-«христиане», или в передаче составителей учебников — «христианский блок». Учитывая, что азербайджанское общество рассматривается как непрерывно существующее с древнейших времен, то описываемая в учебниках этническая/конфессиональная несовместимость и вражда распространяется на весь конструируемый

³⁹ Виктор Шнирельман описывает этот элемент мифа следующим образом: «нередко конструируется образ иноземного врага, борьба с которым цементирует этнос и ведет к высокой степени консолидации (миф о заклятом враге)». (Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. С. 12-33).

период существования данного образования или, по крайней мере, на очень большой отрезок времени. Осталось только добавить Иран, и перед нами предстает практически полный перечень основных недругов.

Низкий качественный уровень учебников (большое количество грамматических ошибок, опечаток, чрезмерная перегруженность текстов маловажными подробностями и пр.) способствует снижению влияния официального дискурса на пастырский и обывательский уровни. Ученики, например, мотивируют свое невежество в области предмета национальной истории невозможностью выучить слишком подробный (в плане имен, дат и пр.) текст. При этом на пастырском уровне неприятие официоза может происходить по разным, и даже прямо противоположным друг другу, причинам. Ряд историков-профессионалов считает пропаганду образа врага, существующую на сегодняшний день в учебниках, недостаточной и предлагает более радикальные варианты. Другие считают, что воспитание в духе «знай своих заклятых врагов» неуместно и проводиться не должно. Условно сторонников первой, радикальной, позиции можно обозначить как этно-националистов, а второй — как либералов (при этом второе обозначение гораздо более условное). Кроме того, учитывая, что чтение учебников перестало носить обязательный характер, степень влияния официального дискурса в большой степени зависит от его восприятия учителями и, соответственно, их желания его пропагандировать. Здесь речь идет о пастырском уровне. Естественно, не следует забывать, что, в свою очередь, влияние последнего на бытовой дискурс учеников ограничено катастрофическим падением интереса к учебе. Можно предположить, что влияние и официального, и пастырского дискурсов на бытовой невелико. Представление об Армении/армянах как о врагах отражает ситуацию, сложившуюся вследствие Карабахского конфликта. Представления о длительной и непрерывной вражде в течение веков пока заметного распространения не получили. Что же касается других составляющих образа врага, то здесь официальный дискурс пока еще менее успешен. Но подчеркнем, что все эти заключения имеют обстоятельство «пока». Пропагандистская машина, набирающая с каждым годом все большие обороты, обладает значительным потенциалом, и в недалеком будущем при условии отсутствия в обществе дискурса, противостоящего созданию образа «заклятого врага», она вполне может добиться куда более впечатляющих успехов.

Сурен Манукян

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ПОДПОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В АРМЕНИИ В НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

1960—80-е гг. ознаменовались в СССР появлением альтернативных действующему строю движений. «Советское диссидентство 1960-1980-х гг. — явление уникальное и аналогов в российской истории не имеющее. Диссиденты в классическом понимании этого слова появились в СССР во второй половине 1960-х, почти внезапно и как бы из ниоткуда, но очень быстро стали заметным фактором культурной и отчасти политической жизни страны, немало озадачив своим появлением западных советологов и советскую идеологическую полицию».¹

В исторической литературе это явление принято называть «инакомыслием» или «диссидентским движением». Однако эти термины не подходят к армянским группам. Во-первых, сами члены этих организаций не соглашались с этим определением. Например, один из самых известных армянских политзаключенных Ашот Навасардян еще в своем первом интервью в 1990 г. отмечал, что правильней будет называть это движение национально-освободительным, поскольку термин «инакомыслие» искажал истинное содержание движения и специально использовался официальными кругами для обобщения этого достаточно разнообразного и сложного явления. «Инакомыслящим» называли и экономиста, предложившего какое-нибудь нововведение и обвиненного в «попытке импорта буржуазной экономики», и людей, которые пропагандировали идею независимости своей родины.² А смысловое наполнение понятия диссидентства как формы деятельности или типа поведения, основанного на игнорировании негласных запретов, не имеющих никакого законного обоснования, причем проявление этого открыто, не прячась, не уходя в подполье, также не совсем соответствует той форме общественной активности, которая осуществлялась членами армянского национального движения.

¹ Даниэль А. Истоки и корни диссидентской активности в СССР // Неприкосновенный запас. 2002. № 1(21) <<http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/>>.

² Да здравствует свободная и независимая Армения. Интервью с Ашотом Навасардяном // Гарун. 1990. № 2. С.13-15 (на армянском яз., перевод здесь и далее автора).

В Армении возникли целые группы, которые действовали в рамках пропаганды национальных ценностей и основной целью считали именно разрешение национальных вопросов (отделение от СССР, создание независимого государства, присоединение турецкой Армении, а также армянских земель Карабаха и Нахичевани), а не социальных проблем и проблем, связанных с реконструкцией существующего строя.³ Поэтому для описания данного феномена мы считаем правильным использовать термин «подпольное движение», а в качестве синонима будем употреблять понятия «национальное движение» и «движение патриотов».

В армянской историографии история подпольного движения является одной из самых малоисследованных. Наше исследование — это попытка в некотором смысле восполнить этот пробел. Кроме того, долгое время историки связывали появление подпольных национальных групп исключительно с мероприятиями, посвященными 50-летию геноцида армян в Османской Империи, и произошедшими вслед за этим событиями, однако исследование архивного материала и интервью с участниками движения показывает, что это утверждение ошибочно.

Цель данной статьи — выявить причины, обусловившие появление и развитие национальных движений в Армении после смерти Сталина.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности, которые позволяют рассмотреть события не изолированно, а в их диалектической связи во времени. Основываясь на этих принципах, в работе были использованы историко-аналитический метод, а также метод устной истории.

Для исследования чрезвычайно ценными были впервые вводимые в научный оборот материалы судебных дел из Фонда приостановленных дел Службы национальной безопасности РА, Национального архива Армении, архива НИО «Мемориал» (г. Москва). Также были использованы работы армянских, советских и российских авторов, периодические издания. К сожалению, учитывая специфику работы, ко многим материалам было сложно получить доступ. Богатый первичный материал содержат и интервью с участниками исследуемых событий, опубликованные в газетах и собранные автором лично.

---

³ В 1974 г. самый известный представитель национального движения — Национальная Объединенная Партия (НОП) пошел на частичное изменение идеологии и положил в основу борьбы именно конституционную борьбу против Системы. КПСС была объявлена орудием насилия, а советская власть — властью, осуществляющую красный террор. В 1974 г. НОП отказалась от антисоветизма. Было провозглашено, что армянский народ, как и другие народы СССР, имеет конституционное право на получение независимости, и партия стремится лишь добиться реализации этого права.

***

Смерть И. Сталина в 1953 г. считается своеобразным водоразделом в общественной истории СССР. Массовые репрессии прекратились. Изменения, произошедшие в стране, коснулись всех сторон жизни государства и общества. Предметом дискуссии стали различные вопросы и проблемы, до этого запрещенные. Все это не могло пройти мимо Советской Армении, где начал развиваться националистический дискурс, который сыграл важную роль в становлении национального движения, а впоследствии привел к возникновению у определенного слоя населения идеи Независимой Армении.

Для рядового армянского обывателя национальные вопросы всегда были одними из первостепенных. Даже в советские годы подчеркивание армянской идентичности было характерно для любого армянина. Националистический дискурс в его умеренной форме существовал открыто и даже проникал в официальную сферу.

С конца 1950-х началась «подпольная» фаза развития радикального национализма, сопровождающаяся запрещенной деятельностью, как например, переписывание, перепечатывание, фотографирование и распространение книги Магды Нейман «Армяне», которая излагала армянскую историю в совершенно отличной от «официально принятой истории» версии.⁴

Начало 1960-х годов характеризуется резким подъемом национального самосознания. Общественные настроения были подхвачены интеллигенцией, которая придала им форму и направление, возглавив национальное движение.

В 1960 году вышло новое издание книги Хачика Даштенца «Ходедан», в которое были добавлены семнадцать статей, не вошедших в предыдущее издание 1956 года. Автор, используя отрывки запрещенного многотомника Рубена «Воспоминания армянского революционера», изображает Западную Армению с привлекательными пейзажами, великолепным народным фольклором, восхваляющим героев-фидайнов.⁵ Еще большее влияние на общество имела поэзия Оганеса Шираза. Его неопубликованные поэмы «Ани» и «Армянский Дантеакан» переписывались и передавались друг другу, а вышедшая в свет вторая книга «Лири Армении», даже с купюрами, стала важным фактором формирования национальной идеи. А «Неумолкающая колокольня» Паруйра Севака вообще открыто поднимала вопрос национального сознания. Был опубликован роман «Мхитар Спарпет» Серо Ханзадяна,

⁴ Оганесян Э. Армянское инакомыслие // Посев. 1979. № 7 (1266). С. 28.

⁵ Арутюнян С. Душа — сердцевина вдохновения // Айк. 1997. 18 октября. С. 3 (на армянском яз.).

посвященный борьбе армянского народа за независимость. Со сцены зазвучала средневековая армянская песня в исполнении Лусине.⁶

Значимым событием стал второй приезд в Армению знаменитого американского писателя Вильяма Сарояна и постановка его пьесы «Мое сердце в горах» в театре им. Сундукяна. В том же театре не сходил со сцены спектакль «Вардананк» — об армянском герое Вардане Мамиконяне. Амбарцум Берберян в Большом зале Филармонии представил ораторию «Вардананк». Возродился струнный квартет под руководством Ованеса Чекиджяна. В эти годы творил художник Мартирос Сарьян. В 1962 г. открылась первая выставка Арутюна Каленца.⁷ Наконец, 6 октября 1964 г. было опубликовано решение об издании многотомной армянской энциклопедии.

В обществе стала складываться особая атмосфера, в которой патриотизм стал играть значимую роль. Одним из мест, порождающих такую атмосферу, был, например, Литературный клуб под руководством Сусанны Бабалян, сокурсницы Паруйра Севака, где получили первое «крещение» многие люди, ставшие потом видными деятелями в армянском обществе.⁸

На этом фоне состоялся приезд в Армению Анастаса Микояна. Видимо, Москва была обеспокоена неуправляемыми процессами в Армении и пыталась направить их в нужное русло. На встрече с представителями Союза писателей (Грачья Кочар, Наири Зарьян) Микоян назвал те принципы, которыми должны были руководствоваться в работе члены этой литературной организации. Было официально принято оправдание Чаренца,⁹ сказано похвальное слово в честь национального героя Андраника. Интересно, что содержание этой встречи было сохранено в тайне от населения, а люди, распространявшие стенографию этой беседы, преследовались.¹⁰

Естественно, что в такой интеллектуальной и культурной атмосфере не могли не произойти события, имевшие также и политические последствия. Например, во время обсуждения материалов XXII съезда КПСС в 1962 г. на общем собрании ЕГУ прозвучало мнение, что, оценивая трагические события прошлого, нельзя исключить возможности повторения их в будущем.¹¹

⁶ Арутюнян С. Душа — сердцевина вдохновения. С. 3.

⁷ Там же.

⁸ Одна жизнь. Роберт Арзуманян (сборник статей, посвященных памяти Роберта Арзуманяна — С.М.). Ереван, 2004. С. 218-234.

⁹ Егише Чаренц (1897-1937) — известный армянский поэт, обвиненный в национализме и павший жертвой репрессий.

¹⁰ Арутюнян С. Душа — сердцевина вдохновения. С. 3.

¹¹ Арутюнян С. У истоков инакомыслия // Айк. 1997. 1 ноября. С. 4.

В 1963 г. в Ереване проходила выставка «Американская графика», на которую приехали и американские художники. Больше месяца в Доме художников проходили обсуждения, споры, в Доме учителя организовывались лекции, на которых обсуждались не только история искусства, но также и различия политических систем, быта.¹²

Интересна также дискуссия в польском католическом журнале «Киерунки». 26 ноября 1961 г. там была напечатана статья польского искусствоведа Богдана Гембарского¹³ «Письмо моему давнишнему турецкому другу», в которой вместе с неприкрытой симпатией к армянскому народу он предлагал пути решения армянского вопроса.¹⁴ Письмо получило широкую огласку в Армении, оно переписывалось и передавалось из рук в руки.

В январе 1962 г. польский автор Генрих Батовский напечатал ответную статью, в которой он заявлял, что армянская проблема уже решена советской властью. В июле 1962 г. тот же журнал печатает статью историка из советской Армении Никогоса Карапетяна — «Нет, ошибаетесь, Генрих Батовский!». Затем эта статья была перепечатана многими зарубежными газетами. Автор был лишен научных званий и должностей с формулировкой «Карапетян в вопросах истории армянского народа вместо классового подхода проявляет националистический подход». Это было следствием острой критики политики Ленина на Кавказе.¹⁵

В этой атмосфере своеобразным символом, невероятно важным для армянского национального самосознания, стала также победа шахматиста Тиграна Петросяна. В 1962 г. он выиграл турнир претендентов в Кюрасао, а в 1963 г. — титул чемпиона мира по шахматам. Вся республика следила за перипетиями этого матча, и празднование его победы превратилось в настоящий национальный праздник. Было символично и то, что новым шахматным королем стал человек с именем самого известного армянского царя Тиграна.¹⁶

Кроме того, в республике наблюдается небывалый уровень роста бытового национализма. В ЗАГСах отказываются регистрировать рождение детей, если их желают назвать неармянскими именами. Музыкальные коллективы

¹² Арутюнян С. У истоков инакомыслия // Айк. 1997. 8 ноября. С. 4.

¹³ Гембарский очень много писал про геноцид армян, про их судьбу и необходимость восстановления прав армян на насильственно отнятую у них родину («Письмо турецким интеллигентам», «Открытое письмо Генсеку ООН Его превосходительству У Тану», «Армянская квадратура круга имеет свое решение» и т.п. См.: Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван, 1991. С.110.

¹⁴ Оганесян Э. Указ. соч. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Арутюнян С. У истоков инакомыслия // Айк. 1997. 1 ноября. С. 4.

начали исполнять забытую армянскую средневековую музыку, в основном церковную. Молодежь стала венчаться в церкви. В Академии Наук для получения ученой степени необходимо было сдать экзамен по армянскому языку. В стране распространялись рукописи, которые критиковали национальную политику Ленина. Причем тот факт, что работы были выполнены на высоком научном уровне, указывает, что писались они ведущими историками и литераторами.¹⁷

Следует отметить, что все это не принимало форму резкой оппозиции местным властям или Москве и центральной власти. Противопоставления не было. Национальное и советское достаточно мирно уживались в обществе. Даже памятник Сталина в Ереване был демонтирован только в 1963 году. Антагонизм появится потом, когда советские власти захотят загнать проявления национального возрождения в жесткие рамки.

В 1964 г. в Армении вышел в свет роман Франца Верфеля «Сорок дней Муса Дага», описывающая героическую оборону армянского населения Муса Дага, во время геноцида 1915 года. До этого по рукам ходил западноармянский перевод книги, который размножался и передавался от знакомых к знакомым. Один за другим вышли в свет исследования Джона Киракосяна, Арамаиса Мнацаканяна и Оника Паникяна, посвященные участию армян в Первой мировой войне.¹⁸ С начала 1960-х стали появляться исследования, которые пока еще в сугубо повествовательной форме описывали геноцид армянского народа на территории Турции, и, вместе с вопросами о его причинах и следствиях, всплывали такие вопросы, как «почему советское государство не осуждает и не предпринимает никаких шагов к смягчению последствий геноцида»¹⁹.

В ноябре 1964 г. в Москве произошла смена власти. На посту Первого секретаря КПСС, а фактически и руководителя всей страны, Н.Хрущева сменил Л.Брежнев. Однако в первые годы новое руководство не пошло на резкую смену курса. В Армении продолжалась «инерция оттепели», и самым главным вопросом в общественном дискурсе стал вопрос геноцида армян. В 1965 г. исполнялось 50 лет с года уничтожения 1,5 млн. армян в Османской Империи, и эту дату уже невозможно было игнорировать, как делалось раньше. Это понимали и в Москве, и поэтому было решено позволить про-

¹⁷ Оганесян Э. Указ. соч. С. 30.

¹⁸ Арутюнян С. У истоков инакомыслия. // Айк. 1997. 8 ноября. С. 4.

¹⁹ Ханзадян Норайр. Национальная Объединенная Партия (НОП-ОНС). Краткая история. Ч. 1. 1966-1973. Ереван, 2002. С. 6.

вести некоторые мероприятия, связанные с этой трагической датой. Было позволено говорить о геноциде, хотя в первые годы мероприятия проходили в контексте благодарности к русским, спасшим армян Российской Империи от истребления.

16 июля 1964 г. директор армянского отделения Института марксизма-ленинизма Т. Агаян, руководитель сектора востоковедения АН О. Инджикян и заместитель начальника идеологического отдела ЦК КПА Дж. Киракосян направили письмо ЦК КПА с предложениями о проведении мероприятий в честь 50-летней годовщины геноцида армян, в числе которых было предложение об открытии памятника жертвам геноцида.²⁰ Эти предложения легли в основу письма первого секретаря КПА Я. Заробяна в ЦК КПСС «О мероприятиях, посвященных 50-летию массового истребления армян в 1915 г.» от 13 декабря 1964 г.²¹

Предложение было принято, и 24 апреля 1965 г. в Ереване прошли очень скромные по масштабам и сдержанные по тону «официальные» мероприятия. Однако кроме «официальных» мероприятий, состоялось незапланированное властями 100-тысячное траурное шествие, участниками которого была в большинстве молодежь. Основным лозунгом, который скандировали участники, был «Земли!» (имелись в виду земли Западной Армении, находящиеся под юрисдикцией Турции, а также Нагорный Карабах и Нахичевань, переданные советским правительством Азербайджану),²² а кроме того демонстранты несли плакаты: «Справедливо решить армянский вопрос!» и т.п. К вечеру еще одна толпа переместилась к зданию оперного театра, где проходило официальное собрание «представителей общественности» по случаю 50-ой годовщины геноцида. После того как на митингующих не подействовали просьбы вышедших к ним представителей интеллигенции и даже Католикоса всех армян Вазгена Первого,²³ в окна оперы полетели камни. Стоявшие наготове пожарники направили на людей брандспойты. Демонстрация была разогнана. В городе дружинники избивали прохожих с траурными значками на груди.²⁴ События были охарактеризованы как хулиганство.

Выступления 1965 г. чрезвычайно важны с точки зрения формирования

²⁰ 50-летие геноцида армян и Советская Армения. Сб. документов и материалов / Под ред. А.Арутюняна. Ереван, 2005. С. 11.

²¹ Там же.

²² По свидетельству очевидца Юрия Манукяна (секретаря комсомольской организации факультата товароведения ЕГУ в 1960-е годы).

²³ Там же.

²⁴ Сообщение очевидца Александра Малахазяна // Архив Самиздата Радио «Свобода», Мюнхен (АС). № 1217. Т. 24. Цит. по Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. <<http://www.memo.ru/history/diss/books/alexeewa/>>

особого общественного сознания, однако их нельзя называть началом национального движения, как это принято в историографии, по той причине, что подпольные национальные организации существовали и раньше, а кроме того, по словам основателя НОП Айказа Хачатряна, «в 1965 году требования национального движения были другими, не было требования свободы и независимости».²⁵

В 1966 г. было приостановлено строительство памятника жертвам геноцида в Цицернакаберде, а от авторов А.Тарханяна и других потребовали максимально возможной скромности в выражении образа. В конце года обелиск был готов, а стена так и осталась необработанной.²⁶

В 1966 г. произошла также интересная дискуссия в связи с книгой Гургена Маари «Горящие сады», в которой в не очень лицеприятной форме была представлена оборона армянского города Вана в 1915 г., образы героев начала века Арама Манукяна и Парамаза, а неуважительная оценка песни «Наша Родина» — гимна Первой, а впоследствии и Третьей армянской республики, звучала как богохульство.²⁷ В апреле 1966 г. участники демонстрации даже сожгли книгу Маари. С другой стороны, многие сторонники «чистой литературы» считали, что книга важна не как историческое исследование, а как литературное произведение, и с этой точки зрения называли книгу удавшейся.

В 1966 г. демонстрации и шествия повторились, но на этот раз власти пресекли их более жестоко. Сотни людей были арестованы, и хотя, как справедливо отмечает Э. Оганесян, властям удалось сбить националистические порывы интеллигенции, эстафета была подхвачена молодежью.²⁸ Результатом арестов 1966 г. стало образование организации, которая стала самой сильной структурой и символом политической борьбы против тоталитарного режима — Национальной Объединенной Партии (НОП), основатели которой познакомились именно в тюрьме после ареста в апреле 1966 г.

***

На вопрос о точном времени возникновения первых подпольных организаций в Армении достаточно трудно ответить. Однако следует сразу отметить, что это произошло раньше середины 1960-х гг. Например, Виген Бабаян в интервью отмечает, что он вовлекся в национальную борьбу в

²⁵ Интервью с основателем НОП Айказом Хачатряном // Гарун. 1990. № 4. С. 35.

²⁶ Арутюнян С. У истоков инакомыслия // Айк. 1997. 22 ноября. С. 4.

²⁷ Арутюнян С. У истоков инакомыслия // Айк. 1997. 22 ноября. С. 4.

²⁸ Оганесян Э. Указ. соч. С.30

начале 1962 г.²⁹ Меружан Оганесян называет также этот год как время возникновения своей организации.³⁰

Причинами возникновения подпольных националистических организаций можно считать следующие факторы. Выше уже шла речь о своеобразном духовном и культурном национальном возрождении, которое переживало армянское общество в 1960-е гг. Оно создало фон и основу для деятельности многочисленных патриотических, национальных обществ, которые воспитывали любовь ко всему армянскому и стали благодатной почвой для развития движений за альтернативный выбор, свободное общество и, наконец, независимость.

Еще одним катализатором возникновения националистических организаций стала репатриация. С конца 1940-х годов в Армению начался приток соотечественников, которые возвращались из стран, где они нашли убежище после геноцида 1915 года. В 1946-48 гг. в Армению приехало около 90 тысяч армян. Хотя этот поток постепенно слабел (в 1950-х их прибыло не более 4 тысяч) и многие из репатриантов были сосланы в 1949 г. в Алтайский край как неблагонадежные элементы, общая критическая масса репатриантов, которые были непосредственными очевидцами резни или потомками жертв геноцида, обладавшие более свободным мышлением и не сломленные до конца атмосферой страха, создала условия для возрождения национальной идеологии. Интересно, что многие лидеры и активисты армянского национального движения были потомками репатриантов.

Стоит еще раз подчеркнуть важность хрущевской «оттепели», которая принесла с собой невиданную степень свободы, а также новые формы деятельности, например, самиздат, который доходил и до Армении.

В этих условиях и стали возникать подпольные организации и студенческие группы, которые пытались сформулировать новое отношение к табуированным до этого проблемам — независимость, выход из состава СССР, воссоединение исторических земель Турецкой Армении, Карабаха, Нахичевани. Впоследствии эти группы сыграли ключевую роль в формировании идеологии национально-освободительного движения.

Самые ранние свидетельства об организованных формах движения 1960-х мы получаем из обвинительного приговора «Семи патриотов». Их арестовали в декабре 1964 г.,³¹ а суд состоялся в августе 1964 г. Хотя судебное

²⁹ «Я не уехал из Армении, я уехал из Советского Союза». Интервью с Вигеном Бабаяном // Ай ашхар. 1991. 4 декабря (на армянском яз.).

³⁰ Интервью с Меружаном Оганесяном, 2.02.2005.

³¹ Интервью с Меружаном Оганесяном, 2.02.2005.

заседание в здании на улице Алавердяна проходило в закрытом режиме, толпы людей стояли снаружи и пытались получить какую-то информацию из здания суда.³² Студент Виген Бабаян, преподаватель ветеринарного института Хачатур Амирджанян, нигде не работающий Меружан Ованнисян были осуждены на 5 лет, студент Карапет Кирамиджян, преподаватель Эчмиадзинской семинарии дьякон (вардапет) Григор-Ованнес Егиян - на 2 года, кандидат наук, преподаватель сельскохозяйственного института Хачик Сафарян - на 4 года, студент Эдуард Какосян - на 1 год и 6 месяцев по обвинению в том, что «на основе общности националистических-антисоветских взглядов пришли к соглашению о создании тайных группировок».³³ Кроме арестованных, в деле фигурирует еще 71 человек, в отношении которых «проводились предупредительно-профилактические меры с привлечением общественности».³⁴

Следственные органы объединили подсудимых после ареста в одно дело, хотя вопрос существования единой организации, членами которой они были, представляется спорным. Все члены этой семерки имели собственные группы, которые вели схожую деятельность. Например, В. Бабаян руководил группой над названием «Хай еридасартац миутюн» («Союз армянской молодежи»)³⁵. Как следует из обвинительного приговора, они приобретали националистические, антисоветские статьи, писали сами, использовали также зарубежную, армянскую буржуазно-националистическую литературу — книги, статьи, ежегодники, газеты, из которых копировали статьи и распространяли их среди единомышленников. Организации, в которых было от 3 до 20 человек, собирались для обсуждения организационных, практических вопросов, собирали членские взносы, пытались соорудить типографскую машину, и даже достать оружие, но потом отказались от этой мысли. Удалось даже послать за пределы страны поэму В. Бабаяна «Завещание сыну-армянину», которое было напечатано в еженедельнике «Спюрк» и в молодежной дашнакской газете «Айастан» в Париже. Некоторые из членов этих групп даже поехали в Карабах для проведения там работы среди жителей Карабаха.³⁶ Обсуждался также вопрос организации 50-тысячного митинга.³⁷

Группы действовали в русле популяризации национальных ценностей и возрождения традиций и идентичности. Работа в основном была «культурно-

³² Арутюнян С.У истоков инакомыслия. // Айк. 1997. 1 ноября. С. 4.

³³ Манукян А. За «антисоветские высказывания» (1960-1970 гг.) / «02». 1997. 18 декабря. С.8.

³⁴ Из записки председателя КГБ Семичастного в ЦК КПСС от 22 января 1965 года // Власть. 2005. № 4 [607]. С. 71.

³⁵ «Я не уехал из Армении...»

³⁶ Архив приостановленных дел Службы национальной безопасности. Д. 10652. Л. 397-399.

³⁷ «Я не уехал из Армении...»

просветительской». Например, член группы Какосяна Зограб Восноян рассказывает, что группа создавалась после того, как он прочитал в «Комсомольской правде», что в России создан кружок «Охраны чистоты русского языка», и решил такое же общество организовать в Армении. Так возникло «Общество чистоты армянского языка».³⁸ Меружан Оганесян также утверждает, что основной целью была борьба против ассимиляции в условиях усиливающейся коммунистической пропаганды.³⁹

В обвинительном заключении говорится о том, что в этих группах существовала идея отделения Советской Армении от Советского Союза и создания независимой Армении, однако в том же интервью Восноян заявляет, что члены их группы не поднимали вопрос независимости. Основной целью было именно национальное просветительство. Он вспоминает празднование дня рождения создателя армянского алфавита Месропа Маштоца в Ошакане, с большим размахом организованное Обществом, кампанию, направленную на то, чтобы в Армении увеличилась подписка именно на армяноязычные газеты, поскольку те закрывались с мотивировкой, что не обеспечивается достаточная читаемость и т.д. А борьбу за независимость они считали даже преждевременной и неэффективной, основной своей миссией считая воспитание поколения, которое впоследствии сможет поднять эти вопросы.⁴⁰

О существовании подпольных организаций еще до 1965 г. говорится также в очень интересной записке председателя КГБ Семичастного в ЦК КПСС от 22 января 1965 года, из которой узнаем, что «зафиксировано проникновение националистических настроений в среду учащихся старших классов некоторых средних школ города Еревана и отдельных районов республики. В 1964 г. было профилактировано 17 учеников, изготовивших и распространивших более 300 листовок националистического характера».⁴¹

Эта же записка подтверждает существование достаточно устойчивого и распространенного национального дискурса. «По сообщению КГБ при Совете Министров АрмССР, в связи с приближением даты пятидесятилетия массового истребления армян турками (24 апреля 1965 г.) отдельные лица из числа интеллигенции и молодежи допускают националистические проявления... За последнее время участились случаи распространения листовок, анонимных писем и надписей с требованием передачи армянских

³⁸ Интервью с Зограбом Воснояном, ноябрь 2005.

³⁹ Оганесян Меружан. Во владимирской тюрьме. Ереван, 2003. С. 7 (на армянском яз.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Из записки председателя КГБ Семичастного...

земель, ныне принадлежащих Турции, а также присоединения к Армении».⁴²

В то же самое время в учебных заведениях Карабаха и Нахичевани распространяются листовки с призывом к воссоединению армян, по селам ходят энтузиасты, обращающиеся к крестьянам с такими же призывами.⁴³

***

Процессы, происходившие в армянском обществе в начале 60-х, обязательно должны были дать плоды. Апрельские события 1965 и 1966 гг. стали лишь последним, самым видимым проявлением бурных изменений в общественном сознании населения Армении. Абсолютно неудивительно, что именно поколение 60-х стало той средой, в которой зародилась идея независимости Армении.

Это поколение литературовед Самвел Мурадян называет «поколением возрождения». Оно воспитывалось на армянской истории и литературе, впитывало ту мизерную информацию, которую дозированно предоставляли власти и неосознанно чувствовало, что есть нечто более важное и величественное. Кроме того, это поколение было молодым и поэтому не очень опасалось репрессий, и стало в полный голос говорить о поправленном национальном достоинстве и прав человека.⁴⁴ Они гордились победой в Великой войне, были непосредственными потомками героев войны и чувствовали в этом свою силу.

Таким образом, мнение о том, что армянское подпольное национальное движение было непосредственным следствием событий, связанных с мероприятиями, посвященными 50-летию геноцида армян в Османской Империи, является ошибочным. Кроме того, этим опровергается мнение о том, что армянское подпольное движение было «запоздавшим движением», и между началом «оттепели» и возникновением национальных организаций в Армении существует «необъяснимый» промежуток. Движение было непосредственным следствием атмосферы национального возрождения, которая возникла сразу же после смерти Сталина, когда многие «запрещенные» до этого вопросы стали подниматься и обсуждаться.

⁴² Из записки председателя КГБ Семичастного...

⁴³ АС. № 1214. Т. 24. Цит. по Алексева Л. Указ.соч.

⁴⁴ Мурадян Самвел // Я пошел в парк Комитаса (1966, 14 апреля). Ереван, 2005. С. 32.

Лейла Сайфутдинова

АРМЯНЕ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: МЕЖГРУППОВАЯ ГРАНИЦА, ФАКТОРЫ ЕЕ УСИЛЕНИЯ И ОСЛАБЛЕНИЯ

Введение

«Мы, карабахские армяне и азербайджанцы, валлах, не знали никаких различий» — эта фраза столь же противоречива, как и восприятие армяно-азербайджанских отношений в азербайджанском обществе. С одной стороны, это вроде бы утверждение некоторого территориального сообщества «мы», в котором, судя по этой фразе, главное — это общая родина, Карабах. Это единство подчеркивается отсутствием всяких различий между армянами и азербайджанцами.

Однако с другой стороны, говорящий проводит очень четкую границу между двумя группами, называя их разными именами. Он откуда-то знает, что есть две группы, что носят они разные названия, и, следовательно, различаются между собой. Тем самым он в одной фразе и утверждает разделение на группы, и отрицает его.

Говорящий использует междометие «валлах», имеющее очевидное арабское и мусульманское происхождение. Можно предположить, что говорящий — карабахский азербайджанец (раз «мы» — это карабахские армяне и азербайджанцы). Однако на самом деле эту фразу произносит боец армянского вооруженного отряда Ашот, герой пьесы Г. Гулиева «Бесаме муча, или карабахские пленники». Действие пьесы происходит во время карабахской войны.

Нагорно-карабахский конфликт — это, пожалуй, наиболее острый конфликт за всю историю армяно-азербайджанских отношений. И дело здесь даже не в количестве жертв, беженцев и перемещенных лиц, разрушенных судьбах и прочих более или менее объективных и исчисляемых характеристиках конфликта. Дело в восприятии этого конфликта и, в частности, в том, как он воспринимается в азербайджанском обществе. Это действительно незаживающая рана, проблема, которую ставят на первое место и политики, и простые люди. Хотя военные действия не ведутся уже почти двенадцать лет, проблема не решается, но и не теряет своей актуальности.

Нагорно-карабахский конфликт, как один из первых и наиболее острых этнических конфликтов на постсоветском пространстве, много исследовался как в Азербайджане и Армении, так и за рубежом. Однако большая часть исследований посвящена историческим, геополитическим или правовым аспектам конфликта. При этом восприятие конфликта сторонами, его смысл и значение остаются малоизученными.

Между тем восприятие конфликтной ситуации, точнее, определение ситуации как конфликтной — это неотъемлемая часть любого конфликта.¹ Восприятие конфликта зависит от предшествующего личного опыта человека, а также от информации и знаний, приобретенных в процессе социализации и коммуникации с другими людьми. Это верно как для межличностных, так и для межгрупповых конфликтов. Специфика межгрупповых конфликтов заключается в том, что идентифицируясь со своей группой, человек перенимает общегрупповые, коллективные представления о конфликтной ситуации в целом и противнике в частности.

Представления, в том числе коллективные, недоступны прямому и непосредственному наблюдению. Их можно изучать только в объективированной форме. Такие объективированные представления можно обнаружить в художественной литературе.

Художественные образы армян в азербайджанской литературе — это бесценный источник информации о том обществе, где они были созданы. Эти образы представляют собой продукт определенным образом преломленного личного опыта авторов и интернализованных групповых представлений.

Исследование литературных образов армян приобретает особое значение в современный период, когда представления об армянах все больше стереотипизируются, потому что большинство населения Азербайджана никак с армянами не сталкивается, а молодое поколение вообще не видело реальных армян. Естественно, что в таких условиях представления об армянах все больше и больше деперсонифицируются — лишаются индивидуальных черт. Художественные произведения, таким образом, предоставляют редкую возможность увидеть, как стереотипные представления о группе в целом преломляются в образах конкретных героев.

Образы в художественных произведениях не изолированы, а вписаны в определенный исторический, политический, географический контекст. Кро-

---

¹ Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб, 2001. С. 165-183.

ме того, художественное произведение позволяет показать не только личные характеристики персонажа, но и динамический аспект — поведение персонажей и, в частности, взаимодействие персонажей-армян с персонажами-азербайджанцами, т.е. взаимодействие «своей» и «чужой» группы.

Исследование художественных произведений разных лет также позволяет изучить изменение образа армян, установить связи между некоторыми характеристиками и социальным контекстом, выявить устойчивые и изменяющиеся черты этих образов.

Наконец, объективированные в образах художественной литературы представления могут получить широкое распространение благодаря своей воспроизводимости и тиражируемости как в новых изданиях, так и в других формах искусства.

Материал и методика исследования

Итак, объектом моего исследования являются представления об армянах, объективированные в образах азербайджанской художественной прозы.

В настоящем исследовании под азербайджанской литературой я понимаю литературу Северного Азербайджана, написанную азербайджанцами, т.е. людьми, которые сами считают себя азербайджанцами и воспринимаются как таковые другими. В исследование не входит эмигрантская литература: произведения эмигрантов, не вовлеченных в социальные процессы Азербайджана, не могут отражать представления об этих процессах. Кроме того, эмигрантская литература в массе своей в самом Азербайджане практически неизвестна и не оказывает влияния на общественное сознание.

Основное исследовательское «поле» составляют художественные произведения, написанные в период, который я называю «конфликтным». Это период с начала нагорно-карабахского конфликта, т.е. после 1988-1989 годов, по сегодняшний день. В целях выявления устойчивых и изменчивых элементов образов литература конфликтного периода сравнивается с литературой доконфликтного, в основном советского периода. Всего в настоящее исследование вошло двадцать произведений, двенадцать из них относятся к конфликтному периоду.

В центр моего исследования поставлена проблема проведения

межгрупповой границы между армянами и азербайджанцами. Разделение на «своих» и «чужих» — это первоочередное условие, предпосылка любых межгрупповых отношений. Поэтому исследование межгрупповых отношений, в том числе литературных, представляется целесообразным начинать именно с исследования этого разделения. Как само противопоставление «мы—они» служит основой, фундаментом для межгруппового взаимодействия, так и понимание этой границы может в дальнейшем послужить основой для более глубокого исследования отдельных частных сторон этого взаимодействия.

Межгрупповые границы — это социальные и психологические образования. Содержание межгрупповой границы составляют различия, которые представляются важными и существенными членам группы. Знание отличительных признаков позволяет во взаимодействии отличать «своих» от «чужих». Это очень важно, так как взаимодействие со своими и чужими регулируется разными нормами и правилами, и идентификация человека как «чужого» позволяет выбрать соответствующую стратегию поведения в своих отношениях с ним.

Идентификация и проведение межгрупповой границы

Наиболее распространенный способ идентификации армян в художественных произведениях — это использование характерных армянских имен и фамилий. Этот способ доминирует в литературе как конфликтного, так и доконфликтного периодов. Обычно автор сообщает имя или фамилию героя, а через некоторое время прямо указывает на его национальность. Так, в романе «На круги Хазра» автор вводит героиню по имени Майя Бабаджанян.² Здесь идентификационным признаком является фамилия, с характерным армянским окончанием на «-ян». На 97-ой странице между Афиком, главным героем-азербайджанцем, и Майей происходит разговор, в котором Афик выражает беспокойство относительно безопасности Майи: «Майка, ты бы поосторожней, не моталась бы по городу, сама ведь знаешь, что с армянами сейчас делают...» В «Рассказе о музыке» С. Рахмана есть герой по имени Акоп — мастер, занимающийся изготовлением музыкальных инструментов. Автор называет его по имени (Акоп), однако уже в следующем абзаце прямо указывает национальность Акопа: «мастер-армянин оказался добрым,

² Мамедов А. На круги Хазра // Хазарский ветер. М., 2000. С. 63.

славным человеком».³ В романе «Бахадур и Сона» главный герой Бахадур знакомится в суконной лавке в Тифлисе с человеком по фамилии Осипян. Осипян ищет для своей дочери преподавателя персидского языка. «Потурецки-то она говорит и пишет неплохо, а теперь вот еще задумала и персидский изучать», — говорит Осипян. Бахадур, приняв предложение Осипяна преподавать его дочери персидский язык, задается вопросом: «Что за нация такая — армяне. Просто диву даешься. Ну на что, спрашивается, девушке персидский язык? И зачем она турецкий выучила?»⁴

Во всех этих случаях складывается впечатление, что имен или фамилий вполне достаточно и авторам, и их персонажам, чтобы определить армянскую принадлежность их носителей. Следует отметить также, что этот признак служит достаточным основанием и для меня, исследователя, как для человека, прошедшего социализацию в Азербайджане и знакомого с армянами и некоторыми армянскими именами. Однако этот идентификационный признак обычно также подтверждается дополнительной информацией, как прямой (указанием на национальность), так и косвенной.

Косвенная информация, подтверждающая идентификацию, чаще всего включает в себя исторический и географический контекст. Так, в романе «Солнечный огонь» трое всадников говорят о своем переезде из Персии в Эриванское ханство и о возможностях строительства армянской государственности. Этот разговор служит подтверждением идентификации по именам (собеседников зовут Самвел, Акоп и Меружан).⁵

В некоторых случаях не указываются ни национальность, ни имена, ни даже географические названия. Например, в рассказе Г. Анаргызы «Дерево».⁶ Однако и в этом случае установить национальность героев не представляет особого труда для читателя, знакомого с новейшей историей Кавказа. Это рассказ о любви молодых людей, называемых в тексте «Он» и «Она». Дерево, от лица которого ведется повествование, называет их любовь повторением истории: «Ее» бабка вскружила голову «Его» деду во время «страшной резни». В другом месте указывается, что «Ее» прадед резал «Его» предков в 1918 году, и эта история была у всех на устах 72 года назад. В один из хмурых январских дней во двор врывается толпа, «Его» семья прячет «Ее» вместе с бабушкой в своей квартире. Бабушка, не выдержав потрясения, умирает, а «Она» в приступе ярости говорит «Ему»: «Вы украли

³ Рахман С. Рассказ о музыке // Рассказы. Баку, 1959. С. 72.

⁴ Нариманов Н. Бахадур и Сона. М., 1963. С. 17-19.

⁵ Гусейнов Г. Солнечный огонь. Баку, 2003. С.25.

⁶ Анаргызы Г. Дерево // Навстречу прошлому. Баку, 2004. С. 24-32.

у нас землю и истребили мой народ. За это я вас ненавижу».

Несложные вычисления (1918+72) показывают, что действие рассказа происходит в 1990 году. Читатель, знакомый с новейшей историей Баку, без труда догадается, что место действия — это Баку, а «страшная резня» 1918 года — это армяно-азербайджанская резня. Январские дни — это указание на время армянского погрома в Баку; если «Его» семья прятала «Ее», очевидно, что «Она» — армянка.

Намеренное избегание идентификации в этом рассказе призвано, скорее всего, указать на универсальную трагичность любви между представителями двух враждующих народов и не имеет целью стереть или хотя бы замазать межгрупповую границу, скрыть ее.

Среди признаков, подчеркивающих существующие границы, следует отметить религиозную принадлежность. Этот признак наиболее распространен в литературе первой половины XX века, а также в произведениях последних лет, рассказывающих о прошлом, как давнем, так и недавнем. Религиозная принадлежность обычно представлена в форме противопоставления, оппозиции «мусульмане-христиане». «...Бахадур мусульманин, Сона – христианка, здесь заключено неразрешимое противоречие», — отмечает Юсиф Осипян, отец Соны в романе «Бахадур и Сона», написанном в 1898-1908 гг.⁷ В романе «День казни», написанном в 1984 году и рассказывающем о периоде сталинских репрессий, один из героев, писатель Сеид Эфенди, замечает: «Ведь вот обычай прекрасный у армян заливать горе-беду отрадным зельем <...> А как мы, мусульмане, поступаем в жизненных невзгодах?»⁸ В упомянутом выше диалоге из романа «Солнечный огонь» упоминается и строительство церквей.⁹ В качестве дополнительных идентификационных признаков используются также и два производных от религии признака — употребление свинины и алкоголя, запрещенные в исламе. Причем употребление свинины часто встречается в произведениях первой половины XX века и в современных произведениях, описывающих старину.¹⁰ Алкоголь, напротив, очень часто встречается в произведениях конфликтного и предконфликтного периодов, описывающих как наше время, так и далекое и недавнее прошлое.¹¹

⁷ Нариманов Н. Указ. соч. С. 59.

⁸ Самедоглу Ю. День казни. Баку, 1987. С. 105.

⁹ Гусейнов Г. Указ. соч. С. 25.

¹⁰ См., например: Самедоглу Ю. Указ. соч. С. 103; Джаббарлы Дж. В 1905-ом году. Баку, 1979. Картина 13. <www.azeribook.com>

¹¹ Самедоглу Ю. Указ. соч. С.103; Гусейнов Г. Указ. соч. С. 178; Шейхов Ю. Взлетная полоса // Литературный Азербайджан. 2001. № 3. С. 50.

Ослабление межгрупповых границ

Межгрупповые границы — это не глухие стены. Представители разных этнических групп могут общаться между собой, взаимодействовать, и даже объединяться в какие-то другие, неэтнические сообщества, например, профессиональные, соседские и прочие. Посмотрим, какие качества армян способствуют такому взаимодействию и ослабляют межгрупповые границы.

Первое обстоятельство, которое облегчает армяно-азербайджанское взаимодействие — это землячество. Армяне, родившиеся и выросшие в Азербайджане, например в Баку или Карабахе, склонны к объединению с азербайджанцами на неэтнических основаниях. Здесь важен не только формальный признак общего места рождения, но скорее эмоциональное отношение к родным местам. Такие бакинские или карабахские армяне сами идентифицируют себя со своими родными местами. Так, Серж, бакинский армянин, переехавший вместе с женой в Карабах, говорит: «Мы, бакинцы, этого всего не знали...»¹²; Майя в романе «На круги Хазра» говорит о своем родном Баку: «Это мой Город! Кого мне здесь бояться...»¹³. Привязанность к месту рождения и взросления, самоидентификация с ним воспринимается как фактор, ослабляющий этнические связи и облегчающий межэтническое общение.

Второе обстоятельство, ослабляющее межэтническую границу, — это положительный опыт взаимодействия с азербайджанцами. У таких положительно настроенных к азербайджанцам армян часто есть или были друзья-азербайджанцы. Так, Ашот, карабахский армянин, шурин Сержа, говорит: «Среди азербайджанцев у меня было даже больше друзей, чем среди армян».¹⁴ Майя и Афик («На круги Хазра») жили в соседних дворах и дружили с детства, Серж со своим другом Азером вместе ездил в отпуск. Очевидно, что этот признак связан с землячеством — взаимодействие возможно только тогда, когда вокруг вообще есть представители этой группы. В изученных произведениях положительный опыт оказывается вынесен из прошлого, проведенного в Баку или Карабахе, т.е. на азербайджанской территории. Взаимодействие также возможно на «нейтральной территории», например в Москве. Так, в детективном романе «Резонер» Левон Арзуманян обращается за помощью к азербайджанцу Дронго.¹⁵ Однако и в этом случае субъекты взаимодействия опираются на предшествующий, бакинский опыт (Левон, как

¹² Гулиев Г. Бе саме муча, или карабахские пленники // Литературный Азербайджан. 1997. № 1-4. С. 103.

¹³ Мамедов А. Указ. соч. С. 97.

¹⁴ Гулиев Г. Указ. соч. С. 110.

¹⁵ Абдуллаев Ч. Резонер. М., 2003.

и Дронго, родом из Баку) и даже находят общих знакомых.

Наконец, армяне, выросшие в Азербайджане и идентифицирующие себя с этой территорией, сами противопоставляют себя другим, «чужим» армянам, ереванским. «Ара, эти (указывает в сторону) откуда они свалились на нашу голову?! А сейчас им самим же, в Ереване, тоже плохо...», — говорит Ашот из «Бе саме муча...»¹⁶ На слова «спросила бы у своих, в Ереване» Майя Бабаджанян возмущенно отвечает: «... «у своих»? Да они такие же мои, как и твои, — вспыхнула Майя. — Мы же для них никто, мы – отуреченные».¹⁷

Два первых фактора ослабления межгрупповых границ распространены и в литературе советского периода. Так, в пьесе «В 1905 году» описано положительное взаимодействие двух карабахских семей — армянина Аллаверди Асрияна и азербайджанца Имамверди. Они всю жизнь живут бок о бок, их дети дружат между собой, а сын Аллаверди Эйваз Асриян вообще «не знает таких слов, как армянин и тюрок».¹⁸ Для него, рабочего и большевика, важным является разделение на рабочих и фабрикантов. Следует отметить также, что Эйваз уже 5 лет не был в церкви.¹⁹ Это, конечно же, связано с атеистической идеологией, которую он исповедует, но одновременно — это и отказ от идентичности, составляющей ядро этнического разделения между армянами и азербайджанцами.

Однако есть и отличие. В литературе доконфликтного периода нет противопоставления ереванским армянам. Зато часто встречается противопоставление армянских и азербайджанских рабочих и крестьян буржуазии. Помимо упомянутой выше пьесы «В 1905 году», это противопоставление встречается также в «Рассказе о музыке», где армянин Акоп и азербайджанцы Лейла и Фархад объединены ненавистью к Бахрам-беку, погубившему много лет назад дочь Акопа Сирануш и пытавшемуся похитить Лейлу.

Есть еще один вид межгруппового армяно-азербайджанского взаимодействия — это любовные отношения. Вообще, мотив любви к армянке широко распространен в азербайджанской литературе. Он восходит к эпосу «Асли и Керем» и очень часто встречается в литературе XX века. Причем этот мотив может выступать и в качестве центральной темы, и в качестве проходного мотива.

В уже упоминавшемся рассказе «Дерево» молодые люди, полюбившие друг друга во время обострения армяно-азербайджанского конфликта,

¹⁶ Гулиев Г. Указ. Соч. С. 110.

¹⁷ Мамедов А. Указ.соч. С. 97.

¹⁸ Джаббарлы Дж. Указ. соч. С. 20.

¹⁹ Джаббарлы Дж. Указ. соч. Картина 11.

оказываются перед выбором между своей любовью и преданностью народу. В страшную ночь армянского погрома в Баку в состоянии сильного душевного потрясения девушка-армянка трагически погибает: споткнувшись, падает и разбивает голову о строительный камень во дворе. На следующий день ее возлюбленный кончает жизнь самоубийством.

Если сравнить этот сюжет с произведениями предшествующего периода, обнаруживается ряд сходств.

Во-первых, в этих сюжетах мужчина всегда азербайджанец, а женщина — армянка, а не наоборот. В азербайджанской культуре, как и во многих других, невеста как бы входит в семью мужа, становится ее частью. Мужчина, таким образом, стоит перед проблемой — вводить ли в свою группу «чужую» или отказаться от своей любви, но от него самого не требуется отказаться от своей группы.

Женщина же во всех случаях оказывается перед выбором между принадлежностью к группе или любовью. Причем выбор любимого автоматически означает выбор принадлежности к его группе. В двух произведениях, написанных после начала конфликта, — рассказе «Дерево» и романе «Переселение» — женщины делают выбор в пользу своей группы. В произведениях предшествующего периода девушки выбирают либо любовь, либо вообще оказываются лишены возможности выбора.

Во-вторых, эти сюжеты всегда имеют трагический конец. Либо он, либо она, либо оба влюбленных погибают. Так, в романе «Мариам и Махмуд» отец Мариам, не желающий принять их брак, убивает обоих; в романе «Бахадур и Сона» отказ родителей Соны приводит к самоубийству Бахадура и помешательству Соны; Бахрам-бек в «Рассказе о музыке» оставляет свою жену-армянку, которая вскоре заболевает туберкулезом и умирает; в пьесе «В 1905 году» родители разлучают свою дочь Соню с ее любимым Бахши и выдают ее замуж за сына армянского нефтепромышленника Агамяна. Тот, как и Бахрам-бек из «Рассказа о музыке», бросает ее, она заболевает туберкулезом и умирает. Только в повести «Переселение», основанной на реальных событиях, азербайджанец Балаш и армянка Аркиназ несколько лет живут вместе.²⁰ Однако и здесь все заканчивается трагически: Аркиназ оставляет мужа с тремя детьми и уезжает в Ереван. Балаш, поехав за ней, заболевает в пути и умирает.

Таким образом, любовь между азербайджанцем и армянкой выполняет

²⁰ Орудж М. Переселение // Литературный Азербайджан. 1991. № 7-8.

двойную функцию. С одной стороны, это стремление к наиболее тесному объединению из всех возможных его видов, с другой стороны, это чувство оказывается обречено на неудачу и трагический конец. Этот сюжет — наиболее устойчивый литературный образец армяно-азербайджанского взаимодействия, он присутствует как в старых, так и в современных произведениях.

Положительное взаимодействие может иметь место только на нейтральной территории. Выбор в пользу Азербайджана обязательно наказывается, причем это наказание может исходить как от армян, так и от азербайджанцев.

Усиление межгрупповых границ

Если землячество и эмоциональная привязанность служат ослаблению межгрупповых границ, то негативные чувства и пришлость, наоборот, служат их укреплению. Первое, что бросается в глаза при описании негативного армяно-азербайджанского взаимодействия — это ненависть, испытываемая армянами к азербайджанцам и мусульманам вообще. Такие чувства испытывает Ованес Агаронян, переводчик на службе в русской армии, вспоминая свою встречу с карабахскими мусульманами: «Как же он ненавидел старика и его сыновей в тот момент! Ненависть и сейчас обожгла его. Какой-то самозванный бек собирался, кажется, жаловаться на стеснение от армян в Карабахе!»²⁰ Ненавидит азербайджанцев и Левон Саркисян из романа «Ключ дома твоего».²¹ Отправляясь вслед за Садияр-агой, человеком, чья семья погибла в результате организованного им набега, Левон говорит: «Да я себе простить не могу, что повернул коней тогда назад. Не перебил всех. Не напился крови их досыта, — прошипел вдруг Левон, пригнувшись к Сусанне и глядя прямо ей в глаза. Сколько же яда, ненависти было в этих глазах».²² Такой же ненавистью пылают и помощник Левона Хаста Ашот, и сын Гурген.²³

Армяне, взаимодействие с которыми представлено как негативное, в большинстве случаев — не местные. Чаще всего они выходцы из Османской Турции. Оттуда переселился вместе со своей семьей Левон Саркисян и его помощник Хаста Ашот («Ключ дома твоего»). Оттуда же прибыли и «друзья» сына Левона, Гургена, — Давид и Карен, изнасиловавшие его мать при фактическом соучастии Гургена. В Турции родился и Ованес Агаронян («Сол-

²⁰ Гусейнов Г. Указ. соч. С. 52.

²¹ Гусейнов Р. Ключ дома твоего. Баку, 2003.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 30.

нечный огонь»), а его сын Аветис, крупный деятель Дашнакцутюн, родился в Москве, мечтает о Париже и Женеве, но смуту сеет «у нас», на Кавказе. Пришелец на Кавказе и Хачик («Бе саме муча, или карабахские пленники»). Этот командир карабахской «самообороны», убийца «нашего» бакинского армянина Сержа — репатриант из Бейрута.

Сочетание двух этих признаков — пришлость и ненависть к азербайджанцам — позволяет предположить, что ненавидящими представляются армяне, которые «нас», азербайджанцев, не знают. Они приезжают издалека, со своими собственными представлениями и убеждениями, сложившимися далеко от территории Азербайджана, и применяют свои стереотипы к «нам». Те же, кто родился и всю жизнь прожил рядом с азербайджанцами, ненавидеть их не могут, а напротив, эмоционально привязаны.

Характеры армян, взаимодействие с которыми негативно для азербайджанцев, не исчерпываются только плохим отношением к мусульманам. Они вообще люди нехорошие и совершают неблагоприятные поступки по отношению ко всем. Так, Хачик («Бе саме муча, или карабахские пленники») пытается соблазнить жену Сержа, армянский офицер Гурген («Взлетная полоса») — мародер, срезавший с руки убитого азербайджанца кольцо вместе с пальцем, а Гурген Саркисян («Ключ дома твоего») — вообще доносчик, шантажист и насильник. Такие «плохие» армяне также практически всегда не просто употребляют спиртное, но напиваются. Так, люди из отряда Андраника («Солнечный огонь») — полупьяные, пьют бойцы карабахских вооруженных формирований Хачик («Бе саме муча») и Гурген («Взлетная полоса»). В романе «Ключ дома твоего» у Хаста Ашота при взгляде на мусульманина наливаются кровью глаза, «особенно после обильного приема темно-красного, густого, словно застывшая на воздухе кровь, вина», Левон Саркисян пьяным выходит из трактира, а его сын Гурген валяется пьяный, пока его друзья насилуют его мать.²⁴

В произведениях доконфликтного периода примеры негативного армяно-азербайджанского взаимодействия и негативные образы армян встречаются редко. Очевидно, это связано с господствовавшими в советское время идеологическими установками на интернационализм и дружбу народов.

В романе «Махмуд и Мариам» таким негативным опытом оказывается взаимодействие с отцом Мариам, Хмурым пастырем. Хмурый пастырь, не

---

²⁴ Гусейнов Р. Указ. Соч. С. 33.

желая принять брак своей дочери с мусульманином Махмудом, убивает обоих в их брачную ночь. Он дарит своей дочери волшебное самовозгорающееся платье, в пламени которого Махмуд и Мариам сгорают.

Как и многие герои-армяне литературы конфликтного периода, Хмурый Пастырь ненавидит мусульман. Он считает их жестокосердными, развратными, насильниками: «...не они ли (мусульмане – Л.С.) хватают христианских девушек даже в церкви, в доме господнем, и насилуют их по очереди», — вопрошает Хмурый Пастырь²⁵. Как видно из этой цитаты, мусульмане, в представлениях Хмурого Пастыря, не только насильники, но также и богохульники, осквернители храмов и христианской веры. Хотя Хмурый Пастырь живет в Гяндже, он также выходец с территории Турции — из Эрзурума.

Действие романа «Махмуд и Мариам» происходит в далеком прошлом, в XVI веке, а сам роман — переложение известного народного эпоса. Полагая, что эти две причины сыграли роль в том, что роман, так негативно описывающий армяно-азербайджанские взаимоотношения, увидел свет.

Заключение

Исследование образов армян в азербайджанской художественной литературе показало, что в представлениях азербайджанцев между двумя группами существует четкая граница. Эта граница настолько очевидна, что над ней практически не задумываются. Главное различие, по которому проводится межгрупповая граница — это разная религиозная принадлежность.

В литературе конфликтного периода актуализируется образ армянина-врага. Хотя индивидуальные образы различаются между собой, их всех объединяет одно общее свойство: армяне-враги обязательно ненавидят азербайджанцев. Не абстрактно ненавидят, а люто и смертельно — готовы на убийства, которые они в литературе в изобилии совершают. Обычно такие армяне-враги — пришлые на Кавказе люди, выходцы из Османской Турции, (в произведениях, рассказывающих о начале века) или из диаспоры.

Но нельзя сказать, что в литературе конфликтного периода встречается только такой, негативный образ армян. В произведениях последних лет довольно много положительных образов армян-друзей, проникнутых симпатией и

---

²⁵ Эльчин. Махмуд и Мариам. М., 1987. С. 334, 435.

вызывающих сочувствие. Обычно такие армяне-друзья — уроженцы Баку или Карабаха, связанные с Азербайджаном и азербайджанцами узами привязанности и дружбы. Однако судьба этих людей трагична, независимо от того, с какой симпатией к ним относится автор и персонажи-азербайджанцы. Они обычно погибают: от рук азербайджанцев, не видящих в них друзей («На круги Хазра»), от рук других армян, видящих в них угрозу внутреннему единству своей группы («Бе саме муча, или карабахские пленники») или по стечению трагических обстоятельств («Дерево»). Ни в одном из исследованных двенадцати произведений конфликтного периода я не обнаружила описания спокойного, мирного добрососедства на территории Азербайджана или Армении, которое не имело бы трагического конца. Единственный случай сотрудничества, не закончившийся трагедией, — это сотрудничество москвичей Дронго и Арзуманяна («Резонер»).

Складывается впечатление, что армяно-азербайджанский конфликт воспринимается как некая высшая сила, довлеющая над волей отдельных людей, как бы доброжелательно они ни были настроены по отношению друг к другу. Единственный способ выйти из-под влияния этой силы — выезд за пределы территории конфликта. Этот вывод подтверждает широко распространенное в Азербайджане представление о том, что ключи от карабахского конфликта находятся далеко за пределами Кавказа.

БАКИНСКИЕ АРМЯНЕ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*По странной прихоти мои глаза отмечали только
отдельные подробности, отчаяние одних и равнодушие других.*

Орхан Памук, «Белая крепость».

Изменение повседневных поведенческих паттернов, сложившихся в ранее привычном, но внезапно ставшем таким незнакомым социальном пространстве, — это доминирующая тема в моем исследовании повседневности бакинских армян. Излюбленный миф современного бакинца, который символизирует эту трансформацию, описывает прежнее бытие как интернациональное и космополитическое, а настоящее — как засилье сельского элемента и «национального духа», установившееся в результате массовых миграций конца прошлого века. Рефлексия по поводу прежней безоблачной жизни всегда полна грусти, хотя иногда и показной. Среди уехавших в те годы, объединенных общим маркером «бакинцы», было множество тех, кого идентифицировали как армян. Эта статья посвящена описанию повседневных практик тех из них, кто так и не уехал, а также тому, как конструируется армянская идентичность в городе, пережившем в недалеком прошлом армянские погромы.

В ходе исследования мне удалось выделить две поведенческие стратегии, которые, по моему мнению, отражают типичные, при всем их реальном разнообразии, повседневные практики бакинских армян. Наиболее многочисленная группа — женщины, которые состоят в браке с азербайджанцами, в этом случае муж и дети (естественно, приписывающие себя к азербайджанцам) становятся гарантией безопасности актора, жизнь которого часто замыкается в семейном/дружеском кругу. Вторая, более малочисленная и наиболее пострадавшая в ходе армяно-азербайджанского противостояния группа, — это женщины, не обладавшие защитой в лице супруга-азербайджанца. В основном это люди, родившиеся в этнически смешанных семьях, многие из которых встретили события конца прошлого века, имея запись «армянин» в пятой графе паспорта или «неблагозвучные» фамилии.

Основным методом исследования было биографическое интервью.¹ Мне удалось провести 12 таких интервью. Основные вопросы, которые меня интересовали, сформулированы в названии статьи. Еще раз подчеркну, что исследование было посвящено изучению повседневных практик, можно говорить и о стратегиях выживания, а также о проблеме идентичности. Следует заметить, что нередко в разговоре с информантами я использовала такие выражения, как «чистый» или «чистокровный» армянин или армянка и т. п. Я придерживаюсь конструктивистской теории, определяющей нации как воображаемые сообщества. Причины же вынужденного использования подобной лексики в том, что «существует два языка. Первый язык — это язык тех людей, которых этот исследователь пытается понять. Он идет к этим людям и пытается понять и объяснить, как они конструируют собственный мир, каким языком они его описывают, т. е. социолог описывает конструкты первого порядка».² Именно в данном контексте и следует понимать все эти эвфемизмы о «чистоте» этничности.³

Далее, на определенном этапе исследования, я считала возможным приступить к изучению бытового дискурса об армянах, решив, что подобный материал позволит более четко описать то социальное пространство, в котором формируются повседневные практики и конструируется идентичность бакинских армян. Здесь при сборе полевого материала я попыталась воспроизвести подход, применявшийся Робертом Парком, который «...занимался социологией «как бы обнюхивая все вокруг» («just nosing around»), т. е. совал свой нос повсюду и, подобно любопытному репортеру, наблюдал, регистрировал все и разрабатывал свои теории, анализируя вещи, которые бросались ему в глаза».⁴

¹ Здесь следует помнить, что «Любая жизнь неповторима, имеет смысл. Любая жизнь — ценность. Невозможно уйти от ощущения ее значимости и ценности, огромной для того, кто эту жизнь прожил. <...> С другой стороны, оказываясь на той пограничной полосе, где можно увидеть, как за совершенно добровольными решениями, за случайностями обнаруживается социально структурирующее начало. <...> Спектр альтернатив не бесконечен. И тогда необходимость выдается за добродетель. Социальное изменение выступает как результат осуществления желаний, превращения воображаемого в реальность». (Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 29).

² Воронков В. Избранные части дискуссии // Расизм в системе социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко и А. Осипова. СПб, 2002. С. 185.

³ «Разумеется, язык обыденности чрезвычайно категоричен. Он делит население согласно взаимно исключающим этнонациональным категориям, не допуская поправок на смешанные или неоднозначные формы. Но этот категорический код, несмотря на его важность в качестве конституирующего элемента социальных отношений, не может считаться верным и точным описанием этих отношений». (Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // AbImperio. <<http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=3>>). Эти выводы, сделанные относительно межэтнических отношений в Трансильвании, на мой взгляд, вполне релевантны и при описании армяно-азербайджанских отношений в наши дни.

⁴ Абельс Х. Романтика. Феноменологическая социология и качественное социальное исследование <<http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a10.html>>

Кроме того, в ходе исследования проводился и анализ материалов печатных СМИ. Одновременный анализ бытового и официального дискурсов, на мой взгляд, был весьма продуктивным. Ведь для более ясного понимания причин формирования тех или иных поведенческих паттернов необходимо описание самого социального пространства, в котором они возникают. В данном случае я исходила из допущения, что армяно-азербайджанский конфликт неизбежно должен был наложить отпечаток на представления обывателя «об армянах», и во многом именно под его, конфликта, воздействием формировались стереотипы восприятия армян. Роль же СМИ двояка — они и формируют, и отражают данные стереотипы. В любом случае оба дискурса создают атмосферу того социального пространства, в котором формируются поведенческие практики и конструируется армянская идентичность в современном Баку.

Что же касается данной статьи, то она посвящена анализу одного интервью или, скорее, одной истории жизни. Но прежде чем приступить к анализу данной биографии, имеет смысл четко определить причины, заставившие нас выделить именно это интервью среди всех проведенных нами в ходе исследования. Прежде всего замечу, что мне удалось трижды встретиться с информанткой и в результате получить весьма полное представление о ее биографии. Далее, на примере данного интервью мы можем проследить не только историю жизни армянки в Баку, но и увидеть ее завершение. Информантка, назовем ее N, — женщина 1970 года рождения, с высшим образованием, замужем — эмигрировала из Азербайджана осенью 2005 года и таким образом для нас в свете специфики данного исследования ее история закончилась. В то же время, повседневная жизнь N демонстрирует нам в определенном смысле две упомянутые выше практики, но как бы слитые воедино.

С одной стороны, для социального окружения идентичность N определяется по ее отцу, армянину, фамилию которого она носила вплоть до драматических событий. В азербайджанском обществе неравноправие мужских и женских гендерных ролей весьма ощутимо, и во многом определяет жесткий характер патрилинейности при определении национальной принадлежности. Как правило, ребенок примеряет на себя национальную идентификацию отца, а не матери. Однако в случае с нашими информантами даже при условии «правильного» выбора в момент фиксирования этничности (советский паспорт), этот поступок необязательно позволяет избавиться от навязанной идентичности. Здесь мы видим нарушение этого принципа

со стороны социума (для признания актора на бытовом уровне армянином/армянкой достаточно одного, и притом любого, родителя, идентифицированного соответствующим образом), но наличие именно отца-армянина предполагает присутствие дополнительных и весьма важных в быту внешних индикаторов этничности.

В роли этнического маркера здесь выступает прежде всего фамилия. Нам довелось наблюдать подобную ситуацию и при проведении других интервью. «События»⁵ N застала, будучи молодой и социально активной женщиной. Сначала она была студенткой, а затем работала в различных организациях частного сектора, и в этом радикальное отличие ее жизненного опыта от демонстрируемого большинством армянок, проживающих в современном Баку. Подчеркнем, что в массе своей они вынужденно ограничивают свою социальную жизнь кругом друзей/родственников.

Мать ее была русской. «События» N пережила, будучи незамужней, но затем вступила в брак с азербайджанцем, и таким образом обладала до развода неким добавочным социальным капиталом. В результате мы можем более рельефно наблюдать значимость наличия/отсутствия мужа. И самое важное — информантка, в полной мере пережившая в повседневности ощущения носителя аскриптивной⁶ идентичности, избежала жесткого прессинга (утраты жилья, имущества, работы и пр.). Таким образом, данное интервью хоть и демонстрирует воспоминания о «привычных» для акторов, отнесенных нами к армянам, повседневных практиках, в то же время, показывает и определенное разнообразие стратегий выживания во враждебном социальном пространстве. Именно описание этого разнообразия повседневных практик, а также вариантов конструирования этнической идентичности и является, на мой взгляд, центральным моментом в данном исследовании.

Для N, также как и для всех моих информантов, характерно довольно четкое разделение жизни на «до» и «после» «событий». Воспоминания же, связанные с травматическими переживаниями самих «событий», яркие и

⁵ Здесь и далее под словом «события» подразумевается армяно-азербайджанское противостояние конца 1980-х — начала 1990-х годов. Именно это обозначение утвердилось на бытовом уровне. В этих «событиях» центральным эмоциональным моментом для бакинских армян выступают погромы января 1990 года.

⁶ *Аскриптивный* (от англ. *Ascription*, приписывание) термин, введенный Р. Линтоном, затем принятый Т. Парсонсом для обозначения одной из альтернатив социальных ориентаций, составляющих оппозицию приписывание — достижение (*ascription — achievement*). Об индивиде можно судить или соответственно вести себя по отношению к нему, ориентируясь либо на приписанные ему качества (возраст, пол, престиж, цвет кожи и т.д.), либо на его реальное поведение и успехи (как представителя профессии, гражданина, налогоплательщика и т.д.). Эти понятия широко применяются для характеристики социальных статусов, т.е. в качестве критериев стратификации. При этом предполагается, что в развитых индустриальных обществах социальный статус личности во все возрастающей степени определяется его реальными успехами (ориентация на достижение), а не аскриптивными признаками (приписывание). (Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996. С. 37).

насыщенные подробностями. Вся предыдущая жизнь теперь уже рассматривается сквозь призму позднего, печального опыта, связанного с аскриптивной идентичностью.

Это противоречие, заложенное ретроспекцией сегодняшнего опыта информантки на советскую повседневность, приводит к двойственному воспоминанию о жизни «до». С одной стороны, этническая дискриминация случалась и тогда. *«Но тогда, когда вот были эти моменты, скажем, ну в институте, например, из двух людей, которые одинаково подготовленные по данной теме, но нужно было, выбрать одного человека. Она (старшая сестра, С. Г.) четко знала, что прошел Мамедов, а не Абрамов или там кто-то еще. Я не говорю, что конкретно было направленно против этой нации, а просто по национальному вопросу о том, чтобы прошел азербайджанец. Но это я знаю, что это было всегда. В спорте я тоже с этим столкнулась. Национальные кадры нужны были, да. Если у нас в команде шесть человек было, и из них девочка одна была азербайджанка, например, и она просто может быть по национальности, ей менее всего подходит этот вид спорта. Но оттого, что она была одна, не имеет значение, хорошо она выступает или плохо, она все равно должна была быть, выступать в основном составе команды. <...> Были, были предубеждения, конечно, это чувствовалось. Но, конечно, не так остро, как потом».*

С другой стороны, именно советские годы представляются и лучшими годами жизни, безмятежным временем, которое уже никогда не вернется. Поэтому далеко не все события того времени оживают в мрачноватом свете всегда имевших место этнических предубеждений. И после рассказа обо всех перипетиях жизни «после» она уже говорит: *«А сейчас я думаю, что можно по всякому хаять советское время, но из-за того, что у меня есть эта проблема (аскриптивной этничности, С. Г.), я вспоминаю свое детство только как счастливое. И у меня есть конкретно претензии к Горбачеву (смеется), хотя многие и говорят, что он просто вскрыл нарыв... Не знаю, это может быть застой было самое счастливое мое... Потому, что меня не касалось это. Я ни в чем не чувствовала себя ущемленной».* То, что «касается» сейчас, — это ощущение неуютности пребывания во враждебном этническом образе.

И здесь на первый план выходит апелляция к особенностям характера (*«Я считаю, что это от самого характера человека тоже зависит. У*

меня не было врагов, понимаешь. Чтобы я кому-нибудь насолила, а теперь он ничем другим меня не мог достать, а этим отомстил. Такого не было».), позволившим пережить все трудности, которые уже случились. Однако спокойствие и прежний «счастливый застой» так и не наступили. Вся жизнь после «событий» воспринимается ныне как пребывание в перманентно враждебном пространстве. Ты живешь, работаешь, растишь ребенка, но спокойствия душевного как не было, так и нет, и актер пребывает в состоянии неуверенности и, в некотором роде, постоянного страха.

Таков фон, на котором протекала жизнь, разделенная надвое дифференцированным опытом повседневности «до и после событий», и приходило или, скорее, навязывалось ощущение этничности, а в конечном итоге возникла и твердая вера в ее трагическую фатальность. Как события повседневности позволяют вообразить подобную фатальность, мы и попытаемся продемонстрировать на примере анализа данного интервью.

Но прежде приведем несколько замечаний по поводу целесообразности подхода к этнической идентичности бакинской армянки как к фатальности. Здесь нам следует обратиться к Бенедикту Андерсону, заметившему, что «во всем, что дано «от природы», всегда есть нечто не выбираемое. Тем самым *национальность* уподобляется цвету кожи, полу, родословной или эпохе, в которую довелось родиться, т. е. всему тому, что не дано изменить».⁷ В то же время, специфика сообщества, которое мы исследовали, не позволяет нам говорить о «бескорыстной преданности» этничности.

В нашем случае даже если и имеет смысл говорить о преданности, то скорее о вынужденной.⁸ Это тем более верно, что сами члены социума, обозначенного и в быту, и в публицистике как «бакинские армяне», нередко позиционируют себя в качестве неотделимой части более масштабного сообщества «бакинцев», особенной субкультуры.⁹ Данное сообщество воображается как единый, практически гомогенный по образу жизни и разделяемым моральным ценностям, космополитический и, наконец, абсолютно чуждый национализма социальный организм, видеть себя составной частью которого было тепло и комфортно. Многие члены этого сообщества, в том числе и мои информанты, самоидентифицируются как члены социума, отличного от

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 161.

⁸ «Однако современное понимание свободы предполагает, что идентичность не предписывается человеку, а появляется в результате выбора». (Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004. С. 18).

⁹ «...именно в те годы (речь идет о 1960-70-х годах — С. Г.) возникло представление о «бакинцах» как особой нации и, следовательно, отличающихся не только от тех, кто «не азербайджанцы», но и от самих «азербайджанцев», которые «не городские» жители». (Бадалов Р. Баку: город и страна // Азербайджан и Россия: общества и государства / Под ред. Д.Е. Фурмана. М., 2001. С. 256-279).

«тех, других» армян — не бакинцев.¹⁰ Прежде всего, речь идет о дистанцировании от армян, проживающих в самой Армении. Сказанное не должно нас подтолкнуть к поспешному выводу, что для армян-бакинцев так и остались недоступны «переживания одновременности», позволяющие ощутить коллективную сопричастность «армянству». Эти переживания были связаны прежде всего с погромами в Сумгаите и особенно в Баку, а затем и с массовым исходом армян из Азербайджана. Было бы также преувеличением утверждать, что переживания, позволяющие актору почувствовать «себя» армянином, были совершенно недоступны и в годы расцвета бакинского общества. Но, выше мы это уже наблюдали и в случае с N, этничность в те годы, безусловно, не выступала в качестве первой скрипки в симфонии повседневных практик. А то, что пришествие национализма в повседневность совпало с погромами, депортацией и войной, придало трагический оттенок ощущению фатальности национальности.¹¹

Речь, еще раз подчеркнем, в данном случае идет о том, что «миф о передаче этничности «по наследству» очень сильный. Этничность воспринимается как некоторая фатальность, трактуется как судьба, «говорящая кровь». Это не свободный выбор, но «приговор истории». Кроме того, ею объясняют образ жизни, поступки, способ видения мира и т.д.».¹² Вот эта фатальность, заключающаяся в отсутствии возможности выбора, актуальна прежде всего для бакинских армян. Здесь, однако, следует помнить и то, что «будучи как исторической фатальностью, так и воображенным через язык сообществом, нация преподносит себя как нечто в одно и то же время открытое и закрытое».¹³ Дискуссии же о том, отдать ли предпочтение гражданскому типу нации или предпочесть вариант этнического национализма, пока не утихли ни в азербайджанской публицистике, ни на бытовом

¹⁰ К подобным выводам приходят и О. Бредникова и Е. Чикадзе, которые выделяют в отдельную группу армян выросших в «...интернациональной среде. Для них земляческая («кавказская») идентичность более значима или заменяет этническую». (Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб, 1998. С. 227-259).

¹¹ «Война повсеместно сопровождала попытки расформирования старых государств и создания на их территориях новых. Становление государств без войны явление в истории чрезвычайно редкое. В наши дни к таким исключениям относятся раздел Чехословакии и объединение двух Германий. <...> Но это исключения, а в качестве исторического стандарта мы имеем войну как созидательницу государства, и государства, рожденные в войне». (Лангевитше Д. Что такое война? Эволюция феномена войны и ее легитимация в Новое время // Ab Imperio. <<http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=13>>) Анализируя теорию национализма Э. Геллнера, В. С. Малахов соглашается с тем, что «Своей цели — достижения этнокультурной гомогенности — национализм добивается предельно жестокими методами. Это уже не принудительная ассимиляция, но массовые депортации и геноцид». (Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 79). Многие из подобных «предельно жестоких» практик можно наблюдать и в случае армяно-азербайджанского конфликта. См. также: Геллнер Э. Указ. соч. С. 140-142.

¹² Бредникова О., Чикадзе Е. Указ. соч. С. 256.

¹³ Андерсон Б. Указ. соч. С. 164.

уровне.¹⁴ Эти дискуссии, впрочем, проходят на фоне того, что государство, вольно или невольно, но проводит политику в духе либеральной модели при построении азербайджанского общества, основанного на принципе согражданства. Например, в новых паспортах национальность уже не указывается, но выяснение происхождения актора, в том числе и этнического, — любимое занятие, укорененное в повседневных практиках жителей страны.¹⁵ Кроме того, власть продолжает контролировать фиксированную в тех или иных документах этничность. Так, например, институт прописки по месту жительства, по прежнему удерживает свои позиции, а записи ЖЭКов, архивы МВД или военкоматов, сохранившиеся еще с недалекого советского прошлого, сохраняют свою значимость.¹⁶ Этничность, так же как и в годы советской власти, фиксируется и при выдаче метрик.

Подчеркнем, что этничность как проблема возникает не только в быту, но и при столкновении с властью, контролирующей выдачу документов, необходимых для идентификации актора в качестве «полноценного» гражданина. Это верно настолько, насколько власть в стране есть функция насилия, ограниченного коррупцией. Возможность снять с себя повседневный гнет страха и

¹⁴ Так, например, описывает азербайджанский социум председатель Союза писателей Азербайджана Анар: «То, что эти народы считают себя азербайджанцами, справедливо и правомерно. Но, будучи азербайджанцем, лезгин не должен отрекаться и не отрекается от своего лезгинского происхождения, талыш — талышского, аварец — аварского, тат — татского, курд — курдского. Точно также и азербайджанский тюрк не должен отрешаться от своей тюркскости». (Раздумья об азербайджанстве. <http://www.baku.ru/pubs/1a/20000101-Part-3_001_RU.asp>). Заметим, что о проживающих в Азербайджане 30 тыс. армян (эту цифру озвучивал Гейдар Алиев, а по переписи — 120,7 тысяч (1999 г.), известный писатель не упоминает. Подход же, когда под азербайджанцами понимаются только турки, можно проиллюстрировать на примере статьи известного в республике политолога Расима Мусабекова. «Подводя итоги, можно сделать однозначный вывод о том, что (если абстрагироваться от карабахского армянского сепаратизма) наличие множества этнических меньшинств в пределах границ Азербайджанской Республики не представляет какой-либо существенной угрозы ее целостности и независимости. Удельный вес азербайджанцев, повышавшийся на протяжении всего минувшего века, вырос с 61,2 процента в 1926 году до 90 процентов в 1999 году». (Мусабек Р. Становление азербайджанского государства и этнические меньшинства / / Азербайджан и Россия: общества и государства С. 337-362).

¹⁵ «Он («среднестатистический» азербайджанец — С. Г.) одержим желанием влезть в душу каждого встречного и выявить его подлинную сущность — причастность к тому или иному региону (трайбу): носится с этим вопросом по миру, гласно или негласно зондирует любого нового собеседника. Для него этот вопрос не просто архитипичен, но и относится к классу особо значимых жизнеформирующих факторов». (Кулиев Г. Г. Архетипичные азеры: лики менталитета. Баку, 2002. С. 105). Архетипу «харалысан» (откуда родом?) Гасан Кулиев посвятил немало прочувствованных строк. Данная работа является примером того, как субъективные наблюдения автора над сегодняшними принципами существования азербайджанского социума преподносятся в качестве масштабной картины этногенеза менталитета азеры тюрков, «генетически» уходящего в глубину тысячелетий. Я не являюсь поклонницей подобных исследований, хотя следует признать, что среди сделанных философом и этнологом наблюдений есть много интересного, если не сказать удивительного. Для нас важно то, что к вопросам происхождения «из какого рода и региона» следует отнести и распространенное стремление определения этничности. Подобное увлечение генеалогическими изысканиями на уровне обывателя может быть объяснено, например, переносом сельского типа мышления в город. Впрочем, для того чтобы делать какие-либо релевантные выводы, необходимо провести конкретное исследование данного социального, а не генетического феномена.

¹⁶ Именно сохранение практики «прописки» демонстрирует всю относительность либеральности властей. Замечательную характеристику ей дал А.Г. Вишневский. «Вообще, прописка служит хорошей иллюстрацией ублюдочных, как сказал бы Маркс, форм, сочетающих в себе новейшие достижения урбанизации (миллионные города — индустриальные центры) со средневековой архаикой (прямое распределение в натуральной форме, отсутствие свободы передвижения и пр.)». (Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 102).

ощущения нестабильности лежит в «этнической ресоциализации», когда актер перестает восприниматься окружающими и властью как армянин. Для ее успешного прохождения одним из важнейших условий является добрая воля соседского (и/или коллег по работе) микросоциума, в который актер включен через неформальные связи. Второе условие — это желание власти (подчеркнем, ограниченной коррупцией) включить актора в состав социума. Для этого азербайджанская нация должна быть в определенной степени «открытой».

«Прежде всего, это касается понимания самого феномена нации. В представлении «либеральных националистов» нации не являются чем-то вечным и закрытым. Они возникают при определенных обстоятельствах <...> и способны к изменению. Для одних <...> нация есть результат свободного выбора людей, выражающих волю жить вместе и под «своим собственным» правлением <...>. Для других <...> это результат воли провидения, предначертанной каждой части человечества ее собственную миссию».¹⁷ И здесь следует заметить, что условия смены «этнического имиджа» могут быть уподоблены двуликому Янусу, так как они иногда помогают найти актору «свою» нишу в социуме, или, напротив, становятся нередко непреодолимой преградой на пути «этнической ресоциализации», выступая таким образом в роли агентов воспроизводства «неудобной» этничности.

Я бы рискнула порассуждать об азербайджанской нации как о в некотором роде «открытом» социуме. Но причины этой открытости усмотрела бы не столько в доброй воле членов данного социума или властей, а в особенностях советской национальной политики, отраженной, в частности, в статистике национального состава союзных республик,¹⁸ возможности выбора нации по отцу

¹⁷ Малинова О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX—начало XX века). М., 2000. С. 165. <<http://www.nationalism.org/resources/articles/Malinova/Malinova.htm>>

¹⁸ «В советский период тезис о «расцвете и сближении наций в условиях социализма» подкреплялся данными о выравнивании их социальной структуры, статистикой смешанных браков и распространенности русского языка. Однако за этим фасадом скрывалась совершенно иная реальность. По отношению к азербайджанским тюркам проводилась сознательная политика русификации. Многие малочисленные народы стали жертвой стремления коммунистической бюрократии к «упорядочению» и «упрощению этнической структуры». В результате манипуляций с графами переписной анкеты одновременно исчезали целые этнические группы, либо происходило многократное уменьшение их численности. В Азербайджане так произошло с ингилойцами, талышами, курдами, цахурами, отчасти с горскими евреями». (Мусабеков Р. Становление азербайджанского государства и этнические меньшинства // Азербайджан и Россия: общества и государства С. 337-362). Подобную точку зрения, несмотря на ряд справедливых замечаний, я бы оценила, скорее, как одностороннюю. Р. Мусабеков как-то стыдливо не указывает на то, куда же пропали все эти народы в Азербайджане. Следует заметить, что в массе своей они были записаны азербайджанцами. Так, азербайджанская нация оказалась «открытой» для многих, желавших того ли нет, талышей, курдов и др. Мне представляется, в данной связи, более взвешенной позиция В. М. Алпатова, который отмечает, что ассимиляторская политика проводилась и в самих национальных республиках, в том числе и в Азербайджане. 150 языков и политика 1917-2000. (Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 123-126). В настоящее время, хотя Советского Союза давно уже не существует, обвинения в ассимиляции и искусственном занижении численности этнопредпринимателей из числа лезгин или талышей адресуют уже напрямую азербайджанской власти. В данном случае следует вспомнить и постулат Б. Андерсона о том,

или матери,¹⁹ а также коррупции.²⁰

Но даже если принять ее за основу при описании ситуации в республике, следует заметить, что для большинства представителей общности, к которой мы отнесли и наших информантов, фатальность нации связана с самой неизбежностью смены «этнического имиджа». Либо актер должен перестать быть армянином и для этого должно быть выполнено по меньшей мере одно из условий, отмеченных выше (а лучше оба), либо остается возможность замкнуться в семейном/дружеском кругу. Возможны исключения, когда актер остается и для окружения, и для власти армянином, но, в соответствии с банальной истиной, они только подтверждают правило. И все же, даже при условии успешной этнической «реабилитации» форс-мажорная фатальность ощущения сопричастности армянской нации остается, видимо, неизбежной. Все сказанное мы и попытаемся проиллюстрировать при анализе интервью, проведенного нами с N.

Волею случая жизнь для информантки сложилась так, что она была фактически исключена из неформальной сети общения, находясь в которой она могла бы приобрести ощущение армянской этничности. Отец N погиб в автомобильной катастрофе, когда она только родилась. С родственниками с его стороны она практически не общалась, и для нее он остался не более чем символом или, скорее, легендой. Историю о том, каким он был, она выдала во время интервью, как хорошо заученные стихи в прозе. *«Он был очень хороший, хорошо разбирался в машинах. Его вообще все очень любили, уважали, он был очень веселый. Все это, конечно, по рассказам, дома у нас было его пианино, его гитара. Это для меня были такие символы, что он вот это все умел. Мама мне всегда говорила, что у него очень много друзей есть. И очень многие его друзья маму уговаривали, когда я была маленькая, что тебе трудно будет с двумя детьми, хотели меня забрать. <...> И вот во время этой аварии он сзади встал и вырулил, они оба остались живы, а он погиб. И для*

что «весь парадокс имперского официального национализма как раз в том и состоял, что он неизбежно внедрял в сознание колонизированных то, о чем все больше мыслили и писали как о европейских «национальных историях»», а «эти модели, в свою очередь, помогли придать форму тысячам рождающихся мечтаний». (Андерсон Б. Указ. соч. С. 138, 159). Являясь национальным меньшинством в СССР, азербайджанцы обрели и так полюбившееся многим звание «титularyной нации» в своей республике, что так или иначе предполагало обладание более высоким статусом по отношению к представителям других этнических групп, проживавших в Азербайджанской ССР. При всей неоднозначности этого периода, именно в эти годы во многом под влиянием советской национальной политики и шло конструирование наций на всем Южном Кавказе.

¹⁹ Социологи давно уже заметили, что дети от смешанных в этническом отношении браков при выборе нации чаще причисляют себя к этническому большинству. Это происходит и в Азербайджане. Несмотря на видимый жесткий принцип патрилинейности, прагматизм в выборе нации берет, естественно, свое.

²⁰ Возможность обретения соответственно оформленных документов во многом определяется способностью вознаградить труд чиновника.

меня это было как подвиг. Я никогда много не читала, я много занималась спортом, у нас дома был всего один его портрет. В другой комнате у нас висел портрет Есенина, я знала, что это не он. Но я всегда их отождествляла. Мне казалось, что это мой отец в какое-то другое время. Тот, когда он умер, а этот, когда он был молодой. Оттуда я люблю Есенина, оттуда мне нравится, если кто-то вживую играет на гитаре. А больше как от живого человека, я от него ничего не видела. Больше у меня нет никаких ассоциаций». Это отсутствие воспоминаний становится одним из важнейших условий ее теперешнего подчеркнутого неприятия армянской этнической идентичности. По отцу она только формально армянка, его она даже не знала и не может считать себя армянкой, так как росла и воспитывалась матерью, русской.

Но этого мало, и свою удаленность от феномена «армянскости» она определяет еще и через отношения с родственниками. Если она ощущала свою этничность, то только «в плохом смысле этого слова. В том смысле, что я никогда этого не хотела. Даже тогда, когда этой темы здесь не было. Именно потому, что те родственники меня никогда не считали своей. Я с ними никогда не общалась. Я их знала теоретически. Но даже на своих днях рождения никогда не видела. Понимаешь. И поэтому, у меня все в моем организме было против них. И никогда меня жизнь не сталкивала с кем-то из них, чтобы по иронии судьбы кто-то мне был бы близким из них. Абсолютно». Эта современное прочтение бытового конфликта между родственниками, имевшего место в годы советской власти, теперь уже видится ей в контексте неприятия фатальной армянской идентичности, из-за которой ей пришлось пережить немало неприятных моментов.²¹

В данном случае мы видим безусловную ретроспекцию из наших дней. Сейчас, задумываясь о неприятии армянской идентичности, она этнизирует конфликт с родственниками, тем самым реифицируя национальную принадлежность. Родственники были плохие, потому что были армяне. Сейчас образ «чужого» и образ «армянина» для нее уже накладываются друг на друга, и помогают в этом «правильно» пропущенные сквозь сито памяти воспоминания о плохой «бабушке-армянке», не признававшей внука. Но армянином был и отец, легендарная личность, идеальный образ которого

²¹ Это, безусловно, ситуация демонстрирующая прагматическую функцию семейной памяти. «Прошлое оказывается оторванным от настоящего, легенды семейного прошлого и социальный статус предков не содержат послания, актуального в современности». (Чуйкина С. Биографическое интервью и социология памяти // Ab Imperio. <<http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=33>>)

определяет ее увлечения по сей день. Однако возможный конфликт восприятия прошлого не возникает, и в этом нет ничего удивительного. В этнической системе координат всегда можно допустить исключение.

Возможно, отец так и остался бы только легендой, но, уйдя из жизни, он тем не менее успел оставить в наследство важнейший маркер, сыгравший не последнюю роль в жизни Н. *«Паспорт давали в 1986. Когда дают паспорт, имеешь право выбрать национальность. Я взяла мамину национальность (мать русская — С. Г.), а фамилия осталась отца. Когда пошел весь этот процесс, я хотела поменять, но уже было очень сложно поменять. Сумгаит, да, был, по-моему, уже тогда. <...> Когда поступила, я не могла еще поменять фамилию. Да я в 1987 поступила. Первый курс проучилась так (с фамилией отца — С. Г.), а на втором курсе я только имела право менять фамилию, т. е. через два года после получения паспорта. В 18 лет считаешься совершеннолетней. В 18, а не в 16».* Фамилию пришлось менять и матери, и им обоим это все же удалось. Но смена фамилии (девичья фамилия матери) не привела к избавлению информантки от рока неудобной этничности, преследовавшего ее затем долгие годы.

Естественно, что проблемы множились и усугублялись прямо пропорционально развитию армяно-азербайджанского конфликта. Здесь следует заметить, что это противостояние, вылившееся в войну, воспринимается только через события, непосредственно повлиявшие на жизнь информанта и случившиеся в столице. Прежде всего речь идет о погромах. Ни один из моих информантов не стал пускаться в какие-либо разглагольствования о событиях в Карабахе или в Армении. Даже сумгаитские погромы нередко воспринимаются как тексты из газет или репортажи, увиденные по телевидению. Вся риторика, связанная с «национальной идеей» освобождения Карабаха, прошла мимо и имеет для них смысл постольку, поскольку она деформировала всю их повседневность.²²

В случае с Н можно явственно наблюдать, как советская идентичность приходит в противоречие с реальностью погромов и вдруг возникшей архиважностью этнической принадлежности. О многих событиях погромов Н рассказывала мать, и сейчас она вспоминает самое запомнившееся из этих историй следующим образом: *«Ты не представляешь, какой это ужас. Как в советское время это было, когда все люди... выкинули там какую-то*

²² Подобное положение дел описывает и Томас де Ваал: «У Бёллы (речь идет о бакинской армянке — С. Г.) совсем иное, чем у большинства других армян, отношение к проблеме Нагорного Карабаха: для нее Карабах — не священный символ борьбы армянского народа, а скорее камень преткновения, который окончательно испортил отношения между армянами и азербайджанцами». (Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М., 2005 С. 146).

импортную вещь (смеется), какую-то, и все ее купили. И у большинства людей, как... «С легким паром». То же самое, наверно, и это произошло. Она говорит: «Я иду с N и вижу, что несут наши вещи».(пауза) *Она говорит, у меня уже не было сомнений, никаких мыслей. У меня только одна мысль была, что я сейчас пройду мимо нашего блока и посмотрю... У меня уже не было никаких сомнений, что это нас разбомбили, разгромили. <...> И она говорит: «Я вижу там, наш ковер несут, потом наш транзистор несут, потом еще что-то (смеется). Я даже уже не обращала внимания на то, что несут и другие вещи. А я только свои искала, и в каждой вот этой самой я искала подтверждения тому, что мне не нужно сейчас заходить в блок, а пройти мимо. Просто убедиться, что это из нашего блока. Это было в нашем блоке, но это было на пятом этаже».* Этот, так запомнившийся информантке, случай символизирует разрушение прежнего мира. Мира, в котором этничность не играла большой роли, а люди, как и вещи, так или иначе, но были объединены одной, советской идентичностью. Вещи, с которыми актер соприкасался в повседневности, неизбежные и привычные спутники будней, трансформируясь в символы беды, вдруг становятся чужими. Общей беды советского человека, бакинца, а уже потом армянина или нет.

Ее собственные воспоминания о времени погромов весьма рельефны, но нас сейчас будет интересовать выдвинутый нами в ходе исследования тезис о том, что активных фигурантов погромов нельзя слишком поспешно определять как озлобленную толпу, целиком состоящую из беженцев. Например, N об их участии в погромах практически не упоминает. Но, наряду с этим, большое внимание уделяется поведению соседей и друзей. Одни спасали, помогали выжить. Другие, пользуясь случаем, пытались нажиться. Поэтому еще раз подчеркну, что жесткая идентификация погромщиков только с беженцами неубедительна.

Участие или неучастие в данных массовых действиях во многом определялось только личной порядочностью актора. *«Но это уже была бешеная, я считаю, что во всех этих погромах участвовали ненормальные, конечно, люди, даже не идейные такие, на этом помешанные, а накуренные, напитые, просто кем-то... подстрекнутые кем-то, вот так, наверно».* В истории одной семьи, которой не удалось избежать погрома, фигурируют соседи, которые помогали спастись и те, кто стремился нанести урон, причем, зачастую и не рассчитывая на материальную выгоду,

а только на эмоциональные предпочтения. *«И только благодаря нашему соседу, они там... и бензин был и все это. Благодаря нашему соседу, они, это самое... ее дальше не тронули».* И вместе с тем *«...у нас тоже во дворе жила одна дура... Со мной в это время ходили мои одноклассники (смеется). Они меня тоже как-то оберегали, опекали. В институт со мной ходили, обратно, и все. <...> В общем, мы идем втроем, они двое и я. Вдруг вышла наша соседка. Как раз она была вот такая, бывает такие лячярки, хаясызки (скандалистка, наглая — С.Г.). Она, в общем, больше криком, ничем другим она, конечно, не испугает, но все равно это неприятно. И вдруг нам на встречу, вот эта Г., вот эта самая, которую разгромили. Она вернулась, что если какие-то вещи остались, где-то она уже у каких-то знакомых остановилась после разгрома. Это было до 20 числа (январь 1990 г. — С.Г.). Теперь это уже после 20 числа. У них осталась совершенно открытая квартира, кто хочешь заходи, что хочешь бери. Там и соседи поучаствовали, все, кому не лень <...> из нашего же блока. <...> Короче, пока она прошла по двору, она ее с ног до головы и как хочешь ее обозвала: и матом, и я не знаю кем и чем».* Так или иначе, но погромы миновали информантку, хотя в ее повседневную практику пришла привычка жить вне квартиры и даже республики. Как и многие другие моменты, ныне презентируемые как наиболее тяжелые, она пережила в России, куда на короткие отрезки времени уезжала к сестре. Этот страх попасть под каток погромов стал одним из первых явлений, обозначивших значимость этничности в повседневности. Жизнь заметно изменилась, частые отъезды сменялись пребыванием на родине, но теперь уже под присмотром доброжелателей (друзей, хороших знакомых или одноклассников).

И здесь в ее жизни в полную силу заработали агенты воспроизводства этничности. Власть, протянувшая к ней указующий перст в документах, и «доброжелатели», считавшие своим долгом разоблачение «этнического врага», засевшего в тылу. При этом распознать этническую принадлежность позволяли именно документы, которые выступили первичными индикаторами аскриптивной идентичности. Рассуждения же об особенной внешности, демонстрирующей этничность актора, в данном конкретном случае, не становятся определяющими в момент рефлексии по поводу повседневных трудностей. Хотя во всех историях, услышанных мною, так или иначе, но «особенная» внешность все же служит в некоторых случаях маркером нации.

Подобную же ситуацию мы встречаем и в случае с N. *«Ну, из-за внешности мне что говорят, ну, ты на русскую похожа. Моя свекровь сразу определила. Вот она не знала, но сразу сказала. В любом случае вот, например, когда наша бабуля умерла, мамина мама, сейчас она лежит на этом кладбище (армянском — С. Г.), мы тоже вообще не могли на кладбище ходить. Никак. Во-первых, мы без мужиков. И так страшно. Еще на это кладбище пойти. Повесить афишу, что ты идешь к русской бабушке на кладбище. Все-таки один раз мы, ну, мама там сны видела. Ну, в общем, скучала. Бабуля умерла в 1989 году, в принципе это все вот так вот свежо было. Мы пришли к ней, пока стояли, пока цветы туда-сюда... Тоже, да, один прицепился к нам. Нет и все! Нет! Она говорит: «Слушай, иди прочитай, иди посмотри». Сама уже мне говорит: «Я его буду задерживать, а ты беги отсюда» (смеется). Конечно, мы тоже ушли и больше никогда не ходили, до тех пор, пока это вот так, как сейчас не улеглось на таком уровне, и пока мама не нашла таких знакомых, у которых тоже, там вот рядом кто-то похоронен. Русские. Они ходят всегда и мы ходили только тогда, когда ходят они».* Рассказ о проницательной свекрови сложно как-либо прокомментировать, так как мы не обладаем достаточной информацией. Что же касается случая на кладбище, то повод усмотреть в информантке армянку можно легко понять через особенности места встречи.

Так или иначе, но особенную роль в жизни N сыграли именно документы. Паспорт, как это было показано выше, ей удалось достаточно безболезненно заменить на новый, в котором фигурировала уже девичья фамилия матери. Однако к моменту начала «событий» она была студенткой, и необходимо было также заменить, например, зачетную книжку. Именно студенческая жизнь, в какой-то момент превратившаяся в подобие пытки, заключающейся в повседневности встреч с актором, поставившим перед собой цель рассчитаться с N за Карабахский конфликт, заставила ее почувствовать всю тяжесть «неудобной этничности».

В происходящее включились представители микросоциума, окружающего любую студентку. Оказалось достаточным только двух/трех «активных националов», чтобы проблема аскриптивной этничности прошла красной линией через все студенческие воспоминания N. Сейчас эмоциональность этих воспоминаний может показаться несколько преувеличенной в свете того, что информантка так и не уехала в те годы из страны, хотя прин-

ципиальная возможность для отъезда существовала. Однако для нас интерес представляет прежде всего сам момент узнавания в акторе носителя «вражеской идентичности». *«На первом курсе я же была. Это я потом. В принципе, например, я поменяла. Но у меня зачетка, в которой никто не собирается скрывать этого, потому-то всем на это наплевать. Они просто взяли и зачеркнули в зачетке сверху мою фамилию. Я начинаю все это стирать, я начинаю все это замазывать и т. д. Что мне говорят. Приходишь на другой экзамен. Среди педагогов были не просто многие, которые цеплялись, но очень многие. Он открывает зачетку — «Ага! Зачем так сильно зачеркнута фамилия?» Смотрит на тебя, на кого ты похожа. «А что, какую фамилию ты зачеркнула, на какую поменяла? Ты, что замужем? Нет, ты не замужем» и т. д. И начинается все. Это вообще, лучше возьми и уходи. Кроме того, что пускай это будет два на экзамене, пускай это будет отчисление с института. Кроме того, моральное, то, что ты испытываешь в этот момент, это большего уже не надо, понимаешь?»* При первой же попытке изменить документ, информантка сталкивается с проблемой узнавания в ней армянки. Речь идет именно о повседневной практике неприятных встреч и разговоров. Однако ничто не стало непреодолимой преградой в деле приобретения высшего образования, и институт она успешно окончила.

Нет также оснований считать, и сама информантка об этом говорит, что подобные выяснения причин изменения фамилии всегда заканчивались идентификацией ее как армянки. Но сам факт этой повседневной, в каком-то смысле рутинной практики выделения информантки из относительно гомогенной студенческой общности, придания ей особого статуса,²³ к которому воображение самого актора способно дополнительно присовокупить массу неприятных возможных последствий, переводят студенческую повседневность в проблемное поле.

Эта ситуация реифицирует повседневные трудности, разрешение которых видится неподвластным усилиям самого актора. Здесь все решает внешняя сила, с волей которой приходится смириться. Сама социализация в сообществе, произошедшая до начала «событий», предполагает наличие информации о N

²³ Подчеркнем, что в случае с бакинскими армянами имеет место симбиоз советской практики, когда «этнически определяемая национальность служила не только статистической категорией, фундаментальной единицей общественной бухгалтерии, но также, что еще более важно, означала обязательный и предписанный статус. Этот статус придавался человеку государством при рождении, на основании его происхождения. Он был зарегистрирован в личных документах и практически во всех официальных бумагах, анкетах и так далее» (Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма) и специфической ситуации, сложившейся в армяно-азербайджанских отношениях после завершения жесткого противостояния.

в самых разных инстанциях, о многих из которых можно просто позабыть. Уровень конфликтности повседневных практик в данном случае напрямую зависит от необходимости повторных контактов с властью,²⁴ которая может обладать неудобной информацией, помноженный на добрую или нет волю конкретного чиновника, располагающего данным властным ресурсом.

Хотя навязанная идентичность, как правило, приходит в повседневность через власть, но сама власть всегда персонифицирована. Она может быть и «плохой», и «хорошей», но никогда безликой и в большинстве случаев подразумевает вполне конкретную причинно-следственную основу поступков обладателей властного ресурса. Это, как правило, не бескорыстное желание послужить родине, обличая внутреннего «исторического врага», а вполне конкретное стремление приобретения финансовых дивидендов. Закон может насколько угодно жестко оговаривать равноправие граждан, но повседневная практика в силу реалий армяно-азербайджанского противостояния и привычки мыслить категориями коллективной ответственности предполагает свободу действия и убежденность в собственной безнаказанности властной персоны (т. е. конкретных чиновников на местах).

При этом сама власть, аккумулированная в контроле над ресурсом «узнавания истинной этничности», совсем необязательно должна применять реальные механизмы насилия. Нередко давление осуществляется через простое придание публичности факта принадлежности к социуму «чужих». Метод действенный настолько, насколько часто информант вынужден контактировать с конкретным актором,²⁵ облеченным тем или иным властным ресурсом, а также насколько последний способен через публичность привлечь к участию в акции осуждения любого представителя общественности, эмоционально переживающего сопричастность нации, находящейся в условиях неудачно разворачивающегося противостояния.

Попадание в подобную ситуацию демонстрирует следующее воспоминание из студенческой жизни. Студент из азербайджанского сектора (узнаваемый и весьма спорный маркер сообщества безусловных носителей

²⁴ Когда я упоминаю понятие власть, я имею в виду прежде всего то, что это явление, всегда «опирающееся на легитимное (то есть считающееся легитимным) насилие как средство». (Вебер М. Политика как призвание и как профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 644-706). Страх возможного насилия, которое есть основная функция власти, весьма актуален для моих информантов.

²⁵ И здесь следует помнить, что «понятие «актор» наделяет этих людей активностью. Они — не куклы на веревочках структуры, не эпифеномены структуры. Их деятельность, наряду с игрой тех, кого определяют как субъекта, воздействует на результат социального изменения. При таком подходе массовые повседневные практики — не просто незаметный фон социальной активности, которым можно пренебречь в процессе объяснений <...> Оказывается возможным проникнуть в эту незаметность. <...> В центре внимания исследователя оказывается вопрос <...> о способах действия, которые могут быть сокрыты господствующими формами рациональности». (Козлова Н. Указ. соч. С. 61).

национальной идеи), узнавший об «этничности» N, принялся преследовать ее. *«А узнал он об этом тоже случайно. Я сдавала книгу в библиотеку, в библиотечном зале. Все документы, которые у меня на руках были, я поменяла так: заявление пишешь, что ты потеряла, так? Тебе дают новый. Правильно? Вот и все. Зачетку я так поменяла или что там было, ну комсомольский билет. Я не могу, как называется в библиотеке это штука, я же не могу ей сказать — вытащи и напиши мне новый. Я вообще не могу ходить в библиотеку, я просила, чтобы мне брали книги. Потому что она тоже высказала мне при всех. Не то, чтобы высказала, это скандал был и все... <...>. Да, он в библиотеке об этом узнал. Они оказались какими-то знакомыми. Она ему сказала и меня показала. А он оказался рьяный такой... активист».* Сам факт неизбежности повседневной зависимости от присутствия рядом кого-либо, кто может охранять, пронизывает всю эту жизненную историю. Иногда это одноклассники, в какой-то момент парень, испытывавший теплые чувства, затем муж, но только в связи с данным инцидентом она вспоминает о том, что родные для ее безопасности наняли профессиональных охранников.²⁶

Именно они разрешили эту ситуацию. *«Но с ним один раз разобрались все-таки, но он не успокоился. В очередной раз инцидент такой был. Просто я не знаю, как они ему объяснили, что они ему сказали. Один раз это все-таки было. Они завели его в пустую аудиторию. Я не знаю, что там было и все. Я не скажу, что он меня обходил после этого за километр и думаю, что при удобном случае он меня все равно бы уцепил».* Эта история, тем не менее, имела продолжение, что демонстрирует нам степень зависимости от проблемы узнавания аскриптивной этничности информанта. *«Да, оказалось, этот парень из института, из-за которого я ходила с телохранителями, оказалось, что он живет где-то на Аджеми (станция метро — С. Г.). И как раз это было после института, когда я уже закончила, не помню, куда я ездила и почему. Но часто я именно на метро ездила. И получалось так, что я приходила, спускалась в метро, и он там стоял. И конечно это всегда был такой напряг. Или я уходила. А потом вообще перестала ездить на метро».* Это тот конфликтный потенциал, который достался ей в наследство от института. Дальнейшая повседневность предполагала отсутствие проблем, связанных с этничностью. Но интересно то, что, рассказывая об этом случае из студенческой жизни, она

²⁶ Для меня существование в те времена подобных структур, сотрудники которых имели право на ношение оружия и зарабатывали деньги личной охраной, в том числе армян, стало полным откровением.

пускается в рассуждения о возможных стратегиях преодоления конфликта, возникающего после узнавания. Это все тот же вариант замыкания повседневности в пределах семейного/дружеского микросоциума. *«Ты знаешь, когда дома долго сидишь, не выходишь, кажется, все тихо, спокойно».* Кроме того, возможные способы снижения напряженности видятся и в обладании определенными навыками, которые способны, по ее мнению, придать ей имидж «своего». *«Если, например, знаешь их язык, то это тоже очень большой барьер, который... Мне кажется, когда человек говорит на их языке, это уже располагает к тому, что ты как-то уважаешь их. Я никогда двух слов не могла ни сказать, ни связать».*

Главная же стратегия, привлекательная своей относительной простотой (язык все же требует для своего изучения определенных усилий и среды, которой у русскоязычной бакинки может и не быть, ограничение жизни приватным пространством для молодой женщины, вынужденной содержать мать-пенсионерку, также неприемлемо), заключается в предотвращении возможности придания публичности «факта этничности». Мы уже видели эти типичные практики, когда при установлении новых социальных контактов информантка «держит в тайне» этничность. *«Ну, конечно. А кто об этом знает. Круг людей уже, конечно, меняется. Там, где ты заполняешь анкету, где ты можешь это избежать, ты это не заполняешь и все такое. <...> Нет. Ну, по крайней мере, кому нет необходимости, зачем я должна это не просто говорить, афишировать. Даже делиться этим не хочется. Зачем?».* Следует расшифровать эту необходимость молчания. Трудно представить повседневную практику, при которой каждое новое знакомство должно сопровождаться озвучиванием этничности. На бытовом уровне этого не происходит, но существует «любовь к изучению генеалогии», о которой говорилось выше.

Здесь следует заметить, что круг людей «городских» (понятие, заметно отдающее духом релятивизма) — в данном случае его можно определить, как состоящий из тех, кто прошел социализацию в Баку (школа, институт), — весьма узок. Эта социальная прослойка особенно сузилась после массовой эмиграции конца 1980-х—начала 1990-х. Можно с большой долей вероятности прогнозировать, что так или иначе, но при ревизии друзей/знакомых/родственников два бакинца рано или поздно натолкнутся на общих знакомых. Среди них могут быть и те, кто знал информанта в «прошлой жизни». Так, например, «N» в бытность ее студенткой от перевода в Ленинград отговорил

руководитель комсомольской организации института. *«Парень — азербайджанец. И так очень настоятельно сказал, я сам поговорю с твоей мамой, позвонил, сказал, вы вообще не должны волноваться. Хотите я буду там, абсолютно не испытывая ко мне никаких ни чувств, ничего. Он гораздо старше меня. Где-то, может быть, сострадание или еще что-то, он чуть ли не моей рукой написал — «от перевода отказываюсь». «Такие студенты не должны покидать наш институт. Вы должны, не знаю, то-то и т.д. и т.п.» Осталась здесь. Ты знаешь, я когда работала здесь, уже мы случайно с ним столкнулись, он пришел к нему (директору фирмы, в которой она работала — С. Г.), они тоже где-то познакомились на курсах по английскому и подружились с ним там. Он стал приходить к нему в офис на работу. Он... одним вздохом, одним словом, одним, я не знаю, жестом не дал понять, что он знает, кто я, что я, там и т.д. Вообще, абсолютно нет. А этот подлец (директор N — С. Г.) ... потом он думал, что он ему Америку открыл, что вот моя работница, она такая-то и такая-то. Он говорит: «я знал, ну и что». Шеф не знал, но когда я оформляла документы, я вынуждена была сказать». Вновь мы возвращаемся к документам, которые несут в себе неудобную информацию, вносящую дисгармонию, в казалось бы уже отлаженные повседневные практики. Причем случаи столкновения с необходимостью добывания того или иного документа могут сохраняться в памяти и в силу своей видимой курьезности. «Ну, я думала, за справку, что можно дать, ну ладно 3 ширвана (около 6\$). Пускай это нечто грандиозное, она перерыла весь архив, от силы мы ей дадим 5 ширванов (около 10\$), но не больше. Она звонит домой и говорит: «ты зачем не сказала мне раньше, ты знаешь, это какое дело? У тебя какая фамилия была раньше? Ты знаешь, я тебе справку не дам». <...> Я говорю: «а вы не имеете право не дать», а она говорит: «я не имею права, но ты иди ее и ищи, ее не будет». Я говорю: «сколько вы хотите?» Она сказала: «100 долларов». По телефону я ничего не стала ей говорить. Но когда мы пришли забирать эту справку, она чуть ли не дралась со мной. Я сказала: «ладно, 100 — это не серьезно, все, что я вам могу дать это 10 ширванов» (около 20 \$). Она сказала «нет», потом она побоялась, что будет что-то такое. И она, вот я клянусь, я не вру, взяла эту справку села на нее и сказала: «я тебе ее не дам». И мы с ней чуть не подрались. Наконец-таки она увидела \$50 бумажку, она поняла, что больше она*

не получит. Она ее вытащила, мы обругали друг друга, как хотели — я за то, что она потрепала мне нервы, она за то, что я обладательницей этой фамилии была, со всеми оскорблениями и все такое. С таким концертом я брала эту справку». Этот случай иллюстрирует выдвинутый нами тезис о власти, ограниченной коррупцией.

Трудно сказать, насколько истинными являются утверждения чиновников на местах о запрете выдавать какие-либо справки армянам, но, несмотря на невозможность определения уровня легитимности подобных действий (т. е. были ли они действительно санкционированы вышестоящими инстанциями), подобные случаи прекрасно отражают ситуацию всевластия «денег», стирающих этнические границы и служащих ограничителем функции власти. Прежде чем продолжить анализ этого рокового фактора власти/коррупции, сопровождавшего N на протяжении ее жизни в Баку, остановимся на ее замужестве.

Будущий муж — одна из веских причин, по которым она предпочла остаться в Баку, а не уехать. Развод, сопровождавшийся некрасивыми семейными сценами, свел воспоминания о нем к необходимому минимуму. Он не выглядит защитной стеной, отделявшей N от ненужных расспросов. Более того, воспоминания, относящиеся к началу 1990-х годов и связанные с мужем, также демонстрируют нам опасения по поводу возможного разоблачения этничности. И связано это с очередной возможностью столкновения с властью. Это, по сути, вновь возникающее ощущение, что аура фатальности национальности будет сопровождать ее всегда, если это происходит и при муже-азербайджанце и при русской фамилии в паспорте. Это возможно потому, что на какой-нибудь станции метро, совершенно случайно она столкнется с человеком, которого она много лет не видела и успела позабыть, и он будет знать все о ее «этничности». Это возможно и по той простой причине, что где-то в недрах бюрократической системы обязательно хранится, пусть и в запылившейся папке, документально фиксированная «этническая реальность» ее теперь уже весьма неудобного прошлого. *«Почему, потому, что тогда ходили, собирали в Карабах. Представь себе, Т. (супруг — С. Г.) прописан у нас, за ним каждый день приходят, мы его то прячем, то он не ночует, то не открываем дверь. Потому что он не хочет идти. Не потому, что я не хочу его, не потому, что он идейно там воображает, он не хочет идти туда (!), он не хочет снова в армию, и уж тем более туда. Ну, тогда собирали так, что в дверь не просто постукивались и ушли, а ломились и ломали и все, все. <...> Каждое утро*

я просыпалась ... независимо от того, что кто-то постучал или нет, мелкая дрожь. И я боялась не за то, что его в армию заберут, хотя я не хотела. Я боялась, что кто-нибудь скажет, что мало того, что он в армию не идет, а что у него жена вот такая. Я боялась, что его на месте растерзают». Все же этот страх за мужа, пришедший из воспоминаний, выглядит несколько преувеличенным. Она боится за мужа, теперь уже нелюбимого человека, а не за себя. Но каким бы преувеличенным или искусственным он (данный страх) не казался, этот узелок, оставивший заметный след в истории жизни, некое место памяти, демонстрирует нам перманентный повседневный страх «разоблачения». Агентами возможного разоблачения неизменно выступают все те же люди, облеченные властью или случаем обладать знанием о ее прошлом.²⁷

И все же муж как носитель неконфликтной этничности, безусловно, важен и для N. Мы это видим, когда информантка объясняет причины своего отказа/согласия эмигрировать. *«Когда нет человека, которому можно довериться, чтобы продать квартиру. Мать пенсионерка и из дома не выходила. Я не могла. Хотя многие считают, что я деловая и пробивная, но это не так. А сестра... можно было уехать, но рассчитывать только на себя... Одна я еще могла бы решить свою судьбу, но мать, ребенок, конкретной помощи от сестры нет... Потом, знаешь, реально продать квартиру, можно было последние десять лет, а их я как раз прожила более-менее спокойно. А до этого слишком трудно. И не было пути назад. А как там получится, я не знала и боялась остаться без крыши над головой. Потом в самые тяжелые моменты, я как раз встречалась с Т., а он не хотел уезжать. <...> Но все эти годы у меня была эта сумка, не знаю ее как назвать, тревожный чемодан, там документы лежали, какие-то вещи. Я могла ее взять и уехать. Каждый отъезд не был связан с моим желанием. А для меня очень важно ощущение своего родного дома. Мне ничего там не нравилось. А сейчас вот Д. (второй муж — С. Г.) сыграл в моей жизни такую роль. Может я такой человек, не знаю. Когда не хочешь, все плохим кажется. А сейчас, когда уже хочется, то все видится по-другому».* Этот финал истории N как бакинки закономерен, и для многих, по-прежнему остается единственно возможным. В республике в основном

²⁷ Следует подчеркнуть, что именно через фиксированную в документах этническую идентичность, по выражению Кристофа Цюрхера, «посторонние легко могут атрибутировать индивида». См.: Звездные войны, постмодернизм и столкновение цивилизаций // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 61-79.

остаются только те армянки, которые состоят в браке с азербайджанцами, решительно нежелающими уезжать. Те же незамужние (или имеющие мужа, не приписанного к «титульной» нации), кто все эти годы прожил в Баку, так или иначе постепенно уезжают.

В связи с этим, изучая ситуацию с бакинскими армянами, имеет смысл обратиться к объяснительной модели Роджерса Брубейкера о постимперской ситуации и разъединении народов. Основные миграционные потоки обмена населением между Арменией и Азербайджаном уже прошли, но постепенный исход, как мы видим, армян, русских, евреев или украинцев все еще продолжается. Однако прозорливое наблюдение Брубейкера относительно того, что «по-видимому, эти миграции будут весьма разнообразны по характеру. В них потенциально могут участвовать десятки этнических групп, перемещающихся в различных направлениях»,²⁸ отражает всю неоднозначность данного исхода.

Прежде всего, необходимо согласиться с тем, что этноразъединительные миграции оказались весьма затяжными. Несмотря на взрывной характер миграций азербайджанского населения из Армении и армянского из Азербайджана, когда уже казалось, что процесс этноразъединения достиг своего абсолюта, мы видим, что миграции, хоть уже и не массовые, но продолжают. При этом не только бытовой, но и экспертный уровень дискурса зачастую весьма скептичен по отношению к утверждениям о все еще сохранившемся армянском/азербайджанском населении на территории «противника». С одной стороны, подобный скепсис отражает уровень враждебности по отношению к другой стороне конфликта. Это, по сути, утверждение каждой из сторон, что среди них «мы» не можем жить, отражающее всю глубину тотального неприятия другой стороны. Но вместе с тем, в Азербайджане, и именно в последние годы, возник миф о как минимум 30 тысячах армянах, проживающих в стране. На бытовом уровне увлеченность цифрами допускает и количество в 50 тысяч армян.²⁹

При этом и на уровне политиков, и на бытовом апелляция к этим мифическим цифрам носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, это — «полюбуйтесь уровнем нашей толерантности». С другой —

²⁸ Брубейкер Р. Постимперская ситуация и разъединение народов в сравнительно-исторической перспективе. <<http://www.hrights.ru/text/b3/Chapter2.htm>>

²⁹ Эти цифры, безусловно, носят преувеличенный характер. Что же касается азербайджанцев в Армении, то «по официальным данным сейчас в Армении проживает около восьми тысяч азербайджанцев. В действительности их число намного меньше: в республике осталось лишь несколько сот человек, в основном пенсионеров». (Вал Т. де. Указ. соч. С. 120).

«вот она, наша слабость. Несмотря на все, что «они» нам сделали, «мы» их все еще терпим». Заметим, что практически во всех случаях жонглирования цифрами за лесом из них не принято видеть живых людей с их никому не интересными проблемами повседневности. Сама же реанимация образа многочисленной «вражеской общины» на «нашей» территории, всего лишь еще один повод для спекуляций, а не рассуждения в духе «давайте задумаемся, как мы жили все эти годы и как нам жить дальше». Впрочем, подобные рассуждения с каждым годом все больше и больше будут походить на простые спекуляции. Рискну предположить, что неизбежные этноразъединительные процессы скоро сведут армянскую общину в Азербайджане на нет, что, впрочем, случится и с все еще остающимися в Армении азербайджанцами. Сколь долго будут циркулировать слухи/сплетни о подозрительном происхождении соседа или соседки («ты знаешь, его мать была армянкой»), покажет время.

Здесь же можно и нужно сделать допущение, что современная миграция армян уже «не будучи столь прямо» связана с насилием, все же вызвана «реальной угрозой или обоснованным опасением насилия». ³⁰ Но в то же время, эти опасения сильно разбавлены проблемами экономическими. И не имеет смысла гадать на тему, какой из этих факторов становится определяющим при принятии решения эмигрировать, если куда более тяжелые годы наша информантка все же прожила на родине.

Именно этот последний поступок информантки, выразившийся в согласии на эмиграцию, когда появляется возможность избавиться от аскриптивной идентичности, позволяет нам увидеть всю глубину ощущения фатальности национальности. Вся череда столкновений с властью, казалось бы, остается только в воспоминаниях. *«Я в микрорайоне не прописана, но звонят туда и вызывают меня (в один из РОВД Баку — С. Г.). Он мне, значит, так культурно объясняет и говорит: «Вы знаете что, вот необходимо вам придти, вот есть там несколько вопросов, все» — «А-а в смысле», — я ему говорю, «в чем дело, к-какие проблемы, вообще». Он мне говорит: «Никакие проблемы, хотите мы пришлем повестку, в смысле приходите по повестке (!), хотите, пришлем за вами кого-нибудь (!)»... Это все... в смысле так очень просто звучит, я понимаю, что это звучит с его слов, ему это очень просто, мне это... в общем, ужасно. Короче, мы... он говорит: «Ну, если сегодня*

³⁰ Брубейкер У. Р. Постимперская ситуация и разъединение народов.

придете, будет еще лучше». <...> Вот, мы сидим там в кабинете. И он начинает меня все спрашивать. Вот как ваша фамилия была, вот как это было, вот как, вот, почему вы поменяли... С какой целью вы поменяли. И я... в страхе от того, что вообще там, что и чего, у меня там с собой все документы, и я с собой беру, в смысле... то что мой отец умер, когда он умер, когда там чего, не знаю что. И, в общем, он мне говорит: «Вы мне можете это все не показывать, я просто вас спрашиваю». <...> А мне кажется, вот сейчас он просто со мной хорошо разговаривает, а на самом деле, что-то такое случилось <...>. Потом он начинает меня спрашивать, что: «А вот, ваши родственники...вы поддерживаете с ними отношения?» Я говорю: «Нет». Он мне говорит, что: «А вы куда, куда-нибудь выезжали?» (пауза) Ну, да я за это время не выезжала никуда. Я говорю: «Я не выезжала никуда». Он мне говорит: «А это может кто подтвердить или мы можем это как-то проверить, что вы не выезжали, что вот...». И я... вижу, что с каждым вопросом это... все глубже, глубже. (пауза) В итоге... значит, в конце, он очень так это самое, «спасибо, вы мне очень помогли, иначе мне пришлось как-то вас по-другому искать. Ну, просто потому что мы следим за вашим передвижением... вы оттуда сюда прописались...ну, вот и все... Мы должны знать»

Получено российское гражданство. Новый паспорт — это документ, в котором все в порядке с национальностью (Ф.И.О. также маркируют ее как русскую). Но этничность бумерангом возвращается к ней через ребенка, которая воспитывалась как азербайджанка и социализировалась в бакинской школе. *«Вот в той школе, где она училась, их директор, он приходит в русский сектор и проводит урок. Он говорит — армяне наши враги, а русские — наши первые враги... И мой 8-летний ребенок приходит и спрашивает у меня. Она не у меня, она у мамы спрашивает: «Бабуля, вот как же у меня ты русская и мама русская, а папа у меня азербайджанец, а как вот так он сказал, что вы враги». Я как должна была объяснить ей еще что-то...? О чем ты говоришь, она и сейчас считает, что они враги. Я же не могу ей объяснить все, как было на самом деле». Эта сконструированная ради блага ребенка азербайджанская идентичность (ведь еще недавно информантка не собиралась эмигрировать) теперь становится еще одной проблемой.*

Это все та же фатальная этничность, которая, как заведенная, продол-

жает преследовать N, создавая вокруг нее жесткую реальность, с которой приходится считаться. И она признается, что *«Это, наверное, смешно сказать. Начать с белого листа. Этого не будет никогда. Не потому, что какие-то воспоминания. Наша система так устроена. Может наши дети будут по-другому. Наша система так устроена. Мы никогда не сможем забыть, кто мы, что мы... Все равно я уверена, что и там мне что-то понадобится (в России — С.Г.), но там это, я надеюсь, будет по-другому. А здесь я от всего этого устала»*. Жизнь вне этничности, когда о ней не задумываешься, жизнь в Эдеме, который воображается, как когда-то *«самый интернациональный»* город Баку, уже не мыслится возможной. Все, чего еще можно добиться, так это прожить жизнь в стране, где этничность можно не скрывать. Мир окончательно и бесповоротно трансформировался в национальный, и от этого уже никуда не убежать, не уйти. Эта когда-то кем-то воображенная реальность, как фотография «Есенина — воображаемого отца»,³¹ так и будет всегда стоять перед глазами в качестве неизбежного доказательства фатальности национальности.

---

³¹ Напомним слова информантки: *«...у нас дома был всего один его (отца — С. Г.) портрет. В другой комнате у нас висел портрет Есенина, я знала, что это не он. Но я всегда их отождествляла. Мне казалось, что это мой отец в какое-то другое время. Тот, когда он умер, а этот — когда он был молодой»*.

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ДУХОВЕНСТВЕ ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Будучи неразрывно связанной с идентичностью человека, религия придает цельность и осмысленность нашим представлениям о том, кто мы есть, однако наша идентичность, утверждая нас в качестве элементов малых общественных групп, одновременно фиксирует то, чем мы не являемся. Соответственно компоненты нашей идентичности могут нести не только позитивный заряд, но также стать причиной негативных разделений и конфликтов — между семьями, общинами, этническими и национальными группами. Религия связана с различными компонентами нашей идентичности. В результате, когда происходит негативное использование этих компонентов, религия часто оказывается частью и средоточием конфликтов.

В последние годы в связи с ростом влияния Грузинской Православной Церкви и многочисленностью ее последователей, вклад духовенства в формирование общественного сознания растет. Следовательно, националистические установки духовных лиц оказывают большое влияние на общество в целом и отражают основные тенденции его развития. В Грузии, как отмечают многие эксперты, идеалом Грузинской Православной Церкви и большей части общества является «православный грузин». Проблема возникает, когда речь идет о православном лице негрузинского происхождения, а также о грузине, не исповедующем православие. Ни тот, ни другой не интегрирован в общество полностью, что ведет к нарушению их личных прав.

Методология социологического исследования

Эмпирическая часть статьи опирается на анализ данных качественного социологического исследования, проведенного следующими методами:

1. Экспертный опрос методом глубинного интервью. Было выделено несколько групп экспертов: ведущие специалисты и ученые в данной

сфере, в основном теологи и социологи религии; представители разных конфессий (всего было опрошено 12 экспертов);

2. Глубинные интервью с православными духовными лицами (5 респондентов);
3. Анализ проповедей православных духовных лиц (проповеди 13 духовных лиц);
4. Анализ церковной литературы, изданной в период с января 2004 года по август 2005 года. Были проанализированы следующие журналы и газеты: «Сапатриаркос уцкебани» («Ведомости Патриархии»); «Мревли» («Паства»); «Эри да бери» («Народ и священнослужители»); «Ацхоне сули шени» («Спаси душу свою»); «Дедаэклесия» («Мать-церковь»); «Карози»; «Карибче» («Паперть»); «Кандели» («Лампада»); «Мадли» («Благодать»); «Хвамли»; «Агсавали» («Восход»); «Лазарес агдгинеба» («Воскрешение Лазаря»); «Хареба» («Благовещение»); «Мокваси» («Ближний»); «Ивериис габрцкинеба» («Проссияние Иверии») и т.д.¹

Понятие национализма и религиозного национализма

В литературе, как и в интервью с экспертами, выделяются два разных понятия «национализма»: первое связано с понятием нации в гражданственно-политическом смысле, которое подразумевает отождествление народа с гражданами государства, а не с этнической общностью. В этом смысле национализм — это состояние ума, убежденного, что высшей ценностью личности должно быть национальное государство, глубокая привязанность к родной почве, к местной традиции, к установившимся местным авторитетам, что с различной силой проявляется на протяжении истории.² Такое понятие национализма приближается к понятию патриотизма.

Это значит, что государство формируется «гражданскими народами», которые свободны от этнических и религиозных стереотипов. Об этом понятии национализма писал Э. Геллнер, анализируя европейскую историю. Он пришел к выводу, что само понятие «нация» в нынешнем смысле есть продукт возникновения городской промышленной цивилизации, поскольку

¹ Публикации на грузинском языке, в тексте даны переводы автора.

² Kohn H. Nationalism: Its Meaning and History. Princeton, NJ, 1955. P. 3.

в аграрном обществе объединений, к которым применимо это понятие, еще не существует. Как классический конструктивист, Геллнер выдвигает тезис: «Не нация порождает государство, а государство создает нацию и формулирует национальные интересы».³ Нация — это «воображаемое сообщество» (Б.Андерсен), но не в том смысле, что она не существует на самом деле, а в том, что принадлежность каждого к той или иной нации определяется его собственным самосознанием.⁴

В литературе термин «национализм» обычно понимался в негативном смысле как превосходство одного народа над другими и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Наиболее полноценное определение национализма в этой парадигме дал польский социолог Я. Щепаньский. Он писал: «Национализм — это признание собственной нации наивысшей ценностью», иррациональное объяснение превосходства своей нации над другими, непризнание равенства народов, нетерпимость по отношению к другим нациям, нежелание смешиваться с ними (эксклюзивизм), недопустимость смешанных браков. Это идеология, политика и практика.⁵ Второе понятие национализма связано с определением нации в этническом смысле. Национализм — это восприятие социальных отношений в этнических терминах. Структура общества предстает в результате как состоящая из «народов», или «этносов», а последние, в свою очередь, мыслятся как коллективные личности, выступающие носителями интересов, субъектами прав и т.д. Такого рода национализм приближается к понятию этноцентризма. Это понятие национализма можно назвать этническим национализмом — он подразумевает национализм этнической группы, главной ценностью которой является чувство принадлежности к народу (в этническом смысле): народ, который объединен общеисторической, лингвистической и, возможно, «расовой» или религиозной связью, и верит в то, что он идентифицирован с определенной территорией; борьба за интересы народа считается доминантной ценностью по сравнению с другими (государством, народом в политическом смысле, человечеством, личностью и т.д.). С точки зрения этнического национализма, народ — это совокупность людей одного происхождения, с общими предками, состоящими в «кровном родстве».⁶ Именно такое понятие национализма будет в дальнейшем использоваться в статье.

³ Gellner E. Nations and Nationalism. New Perspectives on the Past. Oxford; Cambridge, 1994. P. 7.

⁴ Здравомыслов А.Г. Национальный вопрос и демократизация российского политического пространства // Куда пришла Россия?.. М., 2003. С. 203.

⁵ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. С. 193.

⁶ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 234.

Выделим несколько характерных черт этноцентричного видения социальной реальности:

Это, во-первых, превращение аскриптивных характеристик индивидов в фундаментально-антропологические, или, выражаясь проще, вера в то, что этническая принадлежность естественна. Никто не может стать частью того или иного народа с помощью освоения его языка, культуры и традиций, если он по происхождению и кровному родству из другого народа. Немцем, латышом или грузином надо родиться. Во-вторых, это отождествление этнической принадлежности с культурной принадлежностью. Предполагается, что принадлежа к определенной этнической группе, индивиды тем самым принадлежат к определенной этнической культуре. И хотя то, к какой культуре индивиды принадлежат, определяется их социализацией, этноцентричная логика а priori рассматривает их как агентов определенной культуры. Наконец, в-третьих, это истолкование культуры в фольклорно-романтическом ключе.

Вполне понятное следствие фольклорно-романтического представления о культуре — установление прямой связи между этнической и конфессиональной принадлежностью индивидов. Русский или грузин — значит православный, армянин — значит григорианец. Отклонения не приветствуются.

Этноцентричная логика в конечном счете влечет за собой социальную дезинтеграцию. Общество делится на множество сегментов, распадается на ряд взаимно изолированных этнических (этнокультурных или этноконфессиональных) сообществ, которые должны устанавливать между собой некие отношения, строящиеся либо по модели диалога, либо по модели конфликта.⁷

Радикальные формы этнического национализма часто проявляются в религиозном национализме. В этом словосочетании слово «национализм» доминирующее, и религиозным оно называется в том случае, когда национализм нуждается в выражении в какой-либо форме. Одной из таких форм может быть религия. Под религиозным национализмом подразумевается национализм с религиозным оттенком, это склонность отождествлять принадлежность к нации, этничность с принадлежностью к какому-то вероисповеданию. И это не просто эмоционально нейтральная склонность, а сопряженная с определенной агрессивностью к тем, кто не принадлежит к этой конфессии.

⁷ Малахов В.С. «Национальный вопрос» и гражданское общество // Куда пришла Россия?.. М., 2003. С. 195.

Ресурсы авторитета церкви

Церковь всегда была не только важным общественным институтом, но и влиятельным центром политической власти. Она признается обществом и государством в качестве самостоятельной силы, обладающей собственными политическими интересами и располагающей прямыми и косвенными средствами (источниками власти) для достижения своих целей. Среди основных источников власти церкви, несомненно, главная роль принадлежит авторитету. Авторитет церкви — это чувства симпатии со стороны отдельных граждан и населения в целом по отношению к конкретным лицам, органам и центрам власти, так или иначе ассоциируемым с церковью. Такие чувства могут быть позитивными и колебаться от узнавания до любви, и негативными — от ненависти до безразличия.⁸

Потенциал авторитета, который использует в своей социально-политической и экономической деятельности Грузинская Православная Церковь, можно определить как совокупность культурных символов и архетипов, принципов общественной морали и норм поведения, основных элементов исторической памяти народа и форм государственного и общественного устройства, так или иначе укорененных в грузинской православной традиции. Без этого ресурса все остальные источники власти, несмотря на все их правовое оформление, становятся нелегитимными, то есть непризнанными, утратившими доверие в глазах широких масс населения. Это относится даже к закону, который, как показывает опыт Грузии и многих других стран, при отсутствии доверия, уважения и позитивного узнавания центров власти и их элит, остается неорганичным, слабо встроенным инструментом властного регулирования. Для большинства политических элит авторитет приобретает особую ценность еще и потому, что технически это легко мобилизуемый, управляемый и манипулируемый источник власти.

Главным спросом на рынке политических ресурсов пользуется авторитет, основанный на общности традиций, этнической, культурной и религиозной принадлежности. Он легок в передаче и легко усваивается широкими массами.

Церковь как хранительница национальных, культурных и духовных традиций обладает мощным потенциалом этого вида авторитета.

---

⁸ Зайченко А. Авторитет церкви как политический ресурс власти // Религия и СМИ. 2003. № 4. С. 5-6.

Религиозный национализм в Грузии

В Грузии сформировалась парадоксальная ситуация: грузинский национализм, органичной частью которого являлась апелляция к религии и православию, был антироссийским и имел западную ориентацию, а в лоне Грузинской Православной Церкви формирование духовенства в основном происходило на почве антилиберальных и антизападных русских традиций. Эксперты полагают, что в самой церкви выделилось два крыла: «либеральное», ориентированное на запад, демократию и либеральные ценности, к которому в основном принадлежат духовные лица, получившие образование за границей; и «фундаменталистское», ориентированное на Россию (хотя ни в одном интервью духовные лица не высказывались в пользу России и Русской Православной Церкви), на прошлое и традиционные ценности. В религиозной прессе «либеральная» часть духовенства, которая в церкви представлена в значительно меньшем количестве, обычно упоминается как *«действующее в церкви антицерковное духовное сословие»*.

По мнению экспертов и части духовных лиц, которая стоит на стороне либеральных ценностей, важнейшей внутренней проблемой Грузинской Православной Церкви является именно православный религиозный национализм, который, по их мнению, влечет за собой дискриминацию прав религиозных и этнических меньшинств и извращение самого православия:

«Можно сказать, что в Грузии закрытое общество. Исходя из этого, приоритет отдается грузину по отцу и матери, православному, а представители других народов и конфессий являются второсортными. Все это противоречит христианской философии, где «нет ни иудея, ни эллина», т.е. этнические, национальные различия не имеют значения». (Священнослужитель).

По мнению экспертов, социальная, экономическая, культурная среда может способствовать или, наоборот, мешать распространению религиозного национализма, хотя не существует закономерности, по которой определенные условия жизни обязательно вызывают его возникновение.

Эксперты выделили несколько причин социального, исторического, политического и религиозного характера, способствующих существованию религиозного национализма в Грузии.

а) Социальные и исторические корни

Одной из причин распространения национализма является

семидесятилетний опыт существования в составе СССР. В этот период религия в Грузии была гонима, последствия этого ощущаются сейчас. Идея Советского Союза предполагала единство народов, также как и верований (атеизм), что позже привело к «народным движениям», органичной частью которых стали традиционные религии (христианство и ислам). Эти движения в основном приняли узкоэтнический, деструктивно-националистический вид.

В советский период в Грузии существовало только несколько форм национальной и культурной идентичности. По мнению экспертов, это были религия, народные танцы и футбол. Особенную важность приобрела православная церковь, потому что она была единственным институтом, который хотя бы формально был независим от России. После восстановления независимости главный акцент был перенесен на религию, но тогда это был не религиозный национализм, превалировала национальная религиозность. В начале периода правления Шеварднадзе эта тенденция ослабела, а с 1997-98 годов появилась уже в видоизмененной форме. Религиозные группы и церкви выдвинули вперед национальный дискурс.

Это же мнение разделяет либеральная часть духовных лиц. Для них религиозный национализм в Грузии связан с зарождением национального движения, которое боролось с иностранным господством. Чаще всего в светских или церковных статьях, как и в интервью, обе стороны используют одни и те же аргументы для подтверждения противоположных мнений. Другая часть духовных лиц также связывает народные движения и православие, но они дают совершенно противоположную оценку — для них эта связь указывает на положительные перемены и прогресс, который связан с возвращением грузин в лоно церкви.

Важным фактором распространения религиозного национализма, по мнению экспертов, является люмпенизация (обеднение) населения. Можно ранжировать общество по признаку большего или меньшего распространения в них религиозного национализма. В люмпенизированных слоях общества вероятность распространения религиозного национализма больше.

Также эксперты считают одним из важных факторов распространения религиозного национализма в Грузии то, что многие граждане утратили свой социальный статус, что вызвало у них желание найти утешение в чем-нибудь другом, подчеркнуть свое превосходство. Признаком превосходства может оказаться цвет кожи, как это было в США, или

религиозная принадлежность, как это, по мнению экспертов, случилось в Грузии, или что-то другое. Для человека решающее значение имеет чувство собственной важности. Его потеря по каким-то социальным или экономическим причинам влечет за собой фрустрацию даже на подсознательном уровне, которая усиливается неопределенностью будущего.

б) Религиозные основы

Основной целью церкви является религиозная деятельность, забота о душах людей, но церковь в то же время представляет собой большую общественную организацию, у которой есть своя общественная и политическая доктрина, свои взгляды. Соответственно, и в Грузии у церкви есть своя политическая идеология. Церковь, духовные лица пытаются диктовать обществу собственные политические взгляды, которые во многом противоречат гражданским ценностям. Ценности церкви держатся на традиции, сохраняются со средневековья. Поэтому религиозный и этнический национализм в церкви являются одним из источников фундаментализма.

В обществе, где существует идеологический вакуум, есть потребность в религиозном национализме, и церковь эту потребность удовлетворяет. Удовлетворяет в значительной степени, а в последнее время еще и порождает. Даже в Грузии, которая была гораздо меньше идеологизирована в советское время, чем другие республики (например, Россия), падение коммунистического режима привело к идеологическому вакууму (трудно требовать от людей, чтобы они так скоро забыли то, что с таким энтузиазмом воспринимали столько лет). Этот вакуум сразу заполнили две идеологии — националистическая и православная, слившиеся в симбиоз.

Распространению религиозного национализма, по мнению экспертов, способствовало также то, что в Грузии практически не существует религиозного образования, люди его не получают. В таком случае религиозность опирается на стереотипы. У духовных лиц тоже нет соответствующего образования, что создает почву для развития религиозного национализма и дает возможность манипуляций.

По мнению экспертов, ориентация религии также определяет развитие религиозного национализма. В монотеистических религиях есть тенденция эксклюзивизма, это, например, характерно и для христианства, и для ислама. Его нет в буддизме и анимизме. В христианстве же этот эксклюзивизм питается от самой религии и дает повод для подобной интерпретации. В христианстве

всегда имеет место апелляция к старым идеям, к истокам, к самому Христу. Авторитет — это писание и придание, и чем оно древнее, тем авторитетнее. По мнению экспертов, в настоящее время в Грузии священное писание понимается в узкоконфессиональном и эксклюзивистском смысле.

в) Политические причины

Существует также мнение, что государство «заигрывает» с националистически настроенными силами и идеологами. Ведущие государственные деятели редко обращаются к общественности с призывом бороться с проявлениями нетерпимости и неприятия людей другой национальности, расы или вероисповедания, более того, высшие государственные лица иногда даже не комментируют достаточно грубые инциденты.

Государство всегда каким-либо образом имеет отношение к распространению тех или иных идеологических взглядов. Это может происходить прямо или косвенно, то есть оно может активно принимать участие в распространении идеологии и стать рупором этих идей, а может молчаливо поддерживать эту тенденцию, что более опасно, потому что открытые лозунги вызывают больше раздражения и отторжения.

В кризисных ситуациях государство нуждается в церкви, поскольку она, сохранив свое влияние, является одним из источников его легитимации. Фактически либерализма и той идеологии, которая декларирована правительством, в Грузии не существует, общество ее не разделяет. Существует православная идеология.

Часть экспертов полагает, что в укреплении национализма важную роль играет Россия. Существующие в России консервативные, реакционные движения тесно сотрудничают с грузинскими духовными лицами. Русские эксперты высоко оценивают роль религии, особенно православной, в политике. В Грузии многие эксперты этого не признают, потому что это является совершенно табуированной темой, а правительство этим прагматично пользуется.

Православный национализм и его характеристики в Грузии

Эксперты выделили несколько характерных черт православного национализма в Грузии, распространение которых в Грузинской Православной

Церкви подтверждается анализом интервью, проповедей духовных лиц и обзором религиозной прессы. В проповедях и публикациях в основном рассматриваются такие темы, как особенность грузинского народа и объявление православия единственно истинной религией, выражается резко критическое отношение к другим конфессиям, радикально негативная позиция по отношению к экуменизму и глобализации, часто встречаются антизападные, антидемократические взгляды, проповедуется безмолвное подчинения духовнику. Чаще всего рассматриваются эпизоды из жизни святых и исторические события. Часто обсуждаются такие понятия, как грех, покаяние, отпущение. В религиозной прессе особенно актуально суждение об «антицерковной кампании», часто встречаются отзывы на опубликованные в светских СМИ статьи, касающиеся процессов в Грузинской Православной Церкви, а конкретно — в Патриархии. По мнению церкви, любая критика является частью ведущейся неверующими и несведущими людьми кампании против церкви. Газеты, в отличие от проповедей, полны пророчеств, сообщений о всевозможных чудесах и явлениях.

Эксперты выделили следующие характерные черты православного национализма в Грузии.

1. «Православный ген — это грузинский ген»

Первая характеристика — отождествление грузина с православным и понятие веры в родоплеменном значении, согласно которому вера — это не личный выбор человека, а переданная с кровью, генетическая часть идентичности.

Основной тезис, вытекающий из религиозного национализма: «грузин — значит, православный, неправославный — значит, враг». Важно отметить, что и для большинства экспертов, если они не являются представителями других конфессий, грузин ассоциируется с православием. Проблему они видят в случае дискриминации человека, который по каким-либо обстоятельствам или соображениям решил исповедовать другую веру. Очень часто эксперты подчеркивали, что, несмотря на то, что они за свободу вероисповедания, сами они являются верующими и православными.

Вопрос, что значит для грузина быть православным, затрагивался в проповедях и интервью с духовными лицами. В этом отношении можно выделить два дискурса. Первый — более либеральный, согласно которому не существует требования, чтобы грузин был православным: *«это личный выбор каждого*

человека». Второй — более националистический: *«Исторически в Грузии всегда подразумевался православный, и в исторических источниках всегда говорилось, что если человек грузин, то он православный. Можно сказать, что до 18-го столетия в Грузии не было ни одной семьи, которая не была бы православной. Потом интеграция с Европой, соединение с Россией и т.д. вызвало в Грузии появления семей, которые изменяют традиционной религии и становятся членами других религий, или в худшем случае, разных сект».*

В проповедях православных духовных лиц и в религиозной прессе православие в основном рассматривается как неотъемлемая характеристика грузина, переданная генетически. Грузия — православный народ, «Православный ген — это грузинский ген». Высказывания на эту тему в религиозной прессе носят более радикальный характер, либеральный дискурс здесь, в отличие от проповедей и интервью, вообще отсутствует: *«Господь нам даровал величайшую благодать — во-первых, что даровал нам жизнь, а потом, что мы православные христиане, имеем истинную веру. Сколько миллионов и миллиардов людей существует без этой веры. Господь возвысил Грузию и отдал ей это высочайшее сокровище, которое мы должны сохранить!»*⁹

Патриарх-католикос всея Грузии Илия Второй проповедует, что православие определило могущество грузин, их культурное развитие и достижения: *«Очень могущественной была Грузия и поэтому силен грузинский ген, грузинская одаренность... говорят, что в Турции живет более 5 миллионов грузин. Они — мусульмане, и эта религия их настолько ограничила, что за это столетие они ничего не смогли создать... православный грузин всегда создавал и сегодня создает чудеса».*¹⁰

Часто встречается обращение к истории грузинского народа и подчеркивается историческое значение православия именно для Грузии и грузин. Такие аспекты национализма, как национальная гордость, патриотизм, защита национальных интересов, рассматриваются как естественная, характерная черта грузинской истории. Основной идеей является то, что такое великое историческое наследие не дает права грузинам изменять вере, благодаря которой они сохранили свою страну. Изменой считается как неверие, так и обращение к любой другой вере, потому что это предательство страны, ее прошлого и традиций:

⁹ Проповедь Ильи II // Вестник Патриархии. 2004. 3-9 декабря (№ 45).

¹⁰ Там же.

«Мы живем в традиционно православной стране, и как раны господа укрепляют веру Фомы, так история нашей страны укрепляет христианскую веру нашего народа. Это было не случайно, что страны вокруг нас заканчивали свою историю, стирались с карты мира, а Грузия в этой тяжелой ситуации сохранила самобытность. В этом, конечно, большая доля принадлежит самому грузину, грузин выносив и терпев ко многим бедам и бог покровительствовал ему. Грузия является уделом богородицы» (Священнослужитель).

2. Религиозный мессианиззм

Националистические тенденции в религии проявляются также в религиозном мессианизме. По отношению к религиозному национализму используется термин «национальный мессианиззм». «Национальный мессианиззм» подразумевает утверждение превосходства одного народа над другими народами, его избранность богом. В грузинской церковной прессе это проявляется в таких высказываниях, как «бог больше любит грузин», «чудеса творятся только в Грузии», «весь мир погрязнет в грехе, и только Грузия воссияет», «Грузия будет страной, которая спасет человечество», «грузины ближе всего к богу», «существует небесная Грузия», «антихрист воцарится везде, кроме Грузии» и т.д.

«Этот пример особенно нужен нам сегодня, когда мы видим, как легко становится грузин то баптистом, то свидетелем Иеговы и последователем других религий. Мы должны помнить, что Грузия — удел Пресвятейшей Богородицы, должны помнить, что Грузии пожаловано большое благо и то, что господь простит другому, не простит нам. Тот человек, который изменяет истинной вере, губит не только себя, а также свое потомство, своих родителей, своих детей, потому что он предаст главное. Наши предки говорили: «как и бог, родина одна на земле».¹¹

В грузинской церковной прессе и в проповедях духовных лиц всегда подчеркивается особенная одаренность и важность грузинского народа: не существует такой страны, у которой столько мучеников, столько достойных отцов, столько святых. Грузинский ген должен сказать свое слово и в будущем, и такую милость от бога грузинский народ заслужил своим чистым сердцем.¹²

¹¹ Проповедь Ильи II // Ведомости Патриархии. 2004. 8-14 октября (№37).

¹² Воскресная проповедь Ильи II // Ведомости Патриархии. 2005. 25 февраля-3 марта (№8).

3. Уникальность грузинского языка и алфавита

Одной из характерных черт религиозного национализма в Грузии является утверждение особенности грузинского языка и алфавита. Текст Иоанна Зосиме «Кебаи да дидебаи картулиса энисаи» («Хвала и величание грузинского языка»), в котором говорится о том, что грузинский язык будет языком, на котором бог обратится к человечеству при втором пришествии, является настолько почитаемым, что день 14 апреля установлен как церковный праздник языка, и на этот текст создано специальное церковное песнопение, тропарь. По православным понятиям, текст Иоанна Зосиме представляет собой апокриф, и его канонизация не соответствует никаким церковным нормам.

В проповедях Католикоса-Патриарха также описываются особенности и избранность грузинского языка и народа: *«Грузинский язык — мировое чудо! Это музыка, но не земная, а снизошедшая с небес, духовная музыка!»*, *«Суд над всем миром при второпришествии состоится именно на грузинском языке»*, *«Как Господь воскресил Лазаря через четыре дня, также он воскресит и грузинский язык, и грузинскую церковь. У Иоанна Зосиме написано, что при второпришествии мир будет судим на грузинском языке. Я нахожу основу этих слов в пророчестве о том, что Грузия воссияет в последний час, это значит, что наша родина воссияет своей верой и духовностью, в то время как мир падет духовно и нравственно. Суд мира на грузинском языке — будет наградой Господа»*.¹³

Такую божью благодать Грузия заслужила тем, что издавна была народом, исповедующим истинную религию — православие.

4. Отношение к религиозным меньшинствам

По мнению экспертов, религиозный национализм выявляется также в распространенном среди духовных лиц мнении, что главной проблемой для грузинского народа и для Грузинской Православной Церкви являются религиозные меньшинства. В проповедях и интервью действительно распространено негативное отношение к религиозным меньшинствам, в особенности к религиозным «сектам». Статьи в религиозной прессе на эту тему в основном направлены против различных религиозных учений и носят обличительный характер. Почти во всех номерах церковных изданий регулярно публиковались

---

¹³ Воскресная проповедь Ильи II.

статьи, подчеркивающие особенность православия, и вместе с этим аргументы, направленные против учений других конфессий. «Секты» провозглашаются борцами против церкви. В тоже время, надо отметить, что понятие «секта» всегда употребляется в уничижительном смысле и неправильно применяется по отношению почти ко всем религиям, даже традиционным:

*«Представители многих сект, незнакомых религий и протестантских сект (свидетели Иеговы, баптисты, католики, последователи Кришны, пятидесятники и др.), которые скрываются за лозунгом демократии, пользуются сложившимся сегодня в Грузии тяжелым политическим и экономическим положением и пытаются осуществить религиозную экспансию».*¹⁴

Строго говоря, негативное или агрессивное отношение к религиозным меньшинствам скорее является характерной чертой религиозного фундаментализма, а не религиозного национализма. Но учитывая, что осуждение религиозных меньшинств священнослужителями чаще всего оправдывается именно тем пагубным влиянием, которое они оказывают на грузинский народ, не заботясь о народных интересах и подавляя в грузинах патриотизм, это вполне можно принять за религиозный национализм.

«Не существует религиозного национализма, существует вера и существует народ. Народ — это творение господи и если мы молимся для нашего народа, это не национализм, это патриотизм, долг каждого. Но существуют религиозные направления, которые не молятся ни для грузинского народа, не для Грузии. Грузинская церковь всегда на стороне народа, существует для народа, церковь соединяет народ с богом. Это не национализм». (Священнослужитель).

5. Монархия как идеальный тип правления

Одним из компонентов религиозного национализма является приверженность монархии. У духовных лиц существует позиция, что у Грузии нет светского правителя, потому что у Грузии нет монарха: «династия Багратидов должна восстановиться, просто грузинский народ еще не заслуживает этого». Для священнослужителей единственная желаемая политическая система — это монархия, во главе которой должен стоять благословенный богом царь. Также духовные лица считают, что такая модель устройства государства должна существовать везде, а пришедшая с запада

¹⁴ Матешвили Л. Кого должна спасать «Армия спасения»? // Паперть. 2004. №11.

демократия — это вредительство и аморальность.

*«Для истинных верующих царская династия благословлена богом, а эта форма правления идеальна, так как она достигается не властью и не умом, и не избранием народа, оно установлено богом. Православный христианин, всегда должен желать благословенного богом царя, а чувства протеста появляется у нас из-за нашей нецерковности».*¹⁵

6. Антиглобализационные тенденции и осуждение либеральных ценностей

Во всем мире альтернатива глобализации — национализм. В Грузии — это православная церковь и все националистические силы, апеллирующие к вопросам веры. В широком смысле противостояние глобализации и национализма в Грузии — это противостояние церкви с демократическими силами и либеральными идеями.

Вопрос глобализации часто затрагивается священнослужителями в своих выступлениях. Несмотря на то, что у процесса глобализации есть и свои защитники, которые приветствуют сопровождающие его либеральные ценности, в основном как в религиозной прессе, так и в проповедях и интервью духовных лиц, этот процесс рассматривается как опасный и несущий слишком много негативного. Иногда допускается мысль, что в конкретном аспекте глобализация может быть очень эффективна и привлекательна, но в целом она всегда оценивается как разрушитель той культуры, которая существует в Грузии. Главным аргументом против глобализации является то, что для маленьких народов процесс глобализации может оказаться губительным, маленький народ может «потерять свое лицо», если он активно примет участие в интеграционных процессах. Глобализация влечет за собой распространение ценностей, которые разрушают истинную сущность грузина, его патриотизм:

«Грузину нет дело до грузина, его привлекает иностранное, непонятное, которое ничего не несет для страны, кроме падения. Пусть бог нас сохранит, господь защитит и откроет глаза, сознание всем заблудшим. Пусть пробудит в грузине национальность, патриотизм, даст ему возможность различить врага и свояка, зло и добро, чтобы избежать извращения души и страны... Грузия восстанет. Наша страна — приемный ребенок господа...» (Священнослужитель).

¹⁵ Интервью М. Ашугашвили с дьяконом А. Чахвашвили. Монархия — это же божье правление // Паперть. 2004. №4.

В религиозной прессе происходит «разоблачение сатанинских начал» глобализации и интеграции, порицается модернизм, либеральные ценности. Главный враг православия как идеологии — либерализм, который на фоне процессов глобализации угрожает православной церкви более всего. Например, этой проблеме посвящается статья «Либерализм, ложь и рабство греха под маской свободы». Автор епископ Стефан уверяет: *«Грузия стоит перед большой угрозой. У грузинского народа из-под носа отнимают истинную веру. Без всякого объявления государственной религией внедряется либерализм. Оказывается, жрецы этой религии (либерализма – А.Ч.) управляют страной из-за границы, а внутри наставляют Бокерии, Гелаивили, Бугадзе и другие»*. Епископ не разделяет мнения, что государство обязано, согласно Конституции Грузии, защищать интересы последователей любой веры, во время учебы не отдавать приоритет ни одной религии. По его мнению, это тоже привнесено либерализмом: *«По понятию либерализма проповедовать истину в государственных учебных заведениях преступление, антиконституционно»*.¹⁶ Поэтому логичен призыв спастись от добровольного сумасшествия, сопротивляться либерализму как идеологии, порицающей бога, распутной и уничтожающей.

7. Отношение к экуменическим движениям

Негативное отношение к экуменическому движению в духовенстве православной церкви определяет ее националистический характер. В 1997 году Грузинская Православная Церковь покинула экуменические организации — Мировой Церковный Союз и Конференцию Европейских Церквей. Для оправдания этого поступка церковь начала проповедь религиозного национализма для обоснования мысли, что Грузия особенная и ей не нужны другие страны, т.е. порицая экуменизм, священнослужители обосновывают свою позицию особенностью грузинского народа и уникальностью Грузинской Православной Церкви.

Религиозная пресса критикует экуменическое движение, в ней достаточно много места уделяется данной теме.

«Экуменизм не пытался разрушить православие явно; он всегда старался оправдать, сделать относительным, ослабить истину веры... Римские католики сегодня вдохновлены экуменическо-масонской стратегией прямо не нападать на православие. Они объявляют себя

¹⁶ Епископ Стефан. Либерализм, ложь и рабство греха под маской свободы // Народ и священнослужители. 2004. №7.

*большими поклонниками и защитниками православной традиции и любят говорить, что между нами существует только культурное различие, и они пытаются пользоваться нашими святыми традициями».*¹⁷

Из всего выше сказанного следует, что основным составляющим церковного дискурса является православный национализм. Внутри Церкви имеются различные точки зрения на национальные проблемы. Для одних православная вера — это атрибут грузинского национального сознания, для других православие носит идеологизированный характер и не ограничивается отношениями с богом. Духовенство Грузинской Православной Церкви рассматривает православие в основном как «народную идеологию», и для него «народная роль» религии и церкви стоит выше социального назначения церкви. Поэтому другие религиозные направления и этнические группы считаются угрозой грузинскому государству и народной целостности, что ведет к агрессивному отношению к другим религиозным направлениям и этносам.

---

¹⁷ От. Андреа Гиоргеску. Экуменизм тайно разрушает православие // Паперть. 2004. № 4.

Айсель Везирова

ХИДЖАБ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ: СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ О ЕДИНСТВЕ, СВОБОДЕ И ГОЛОВНЫХ ПЛАТКАХ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Платок и свобода

«Я не могу понять, как можно между свободой и несвободой выбрать эту закрытость, эту тюрьму!», — моя симпатичная собеседница, улыбаясь, качает стриженной головой с аккуратными светлыми прядями. Мы стоим у широкого, во всю стену, окна бакинской новостройки, открывающего вид на бухту и огромный город, переливающийся огнями. Позади нас шумит разноязыкая толпа гостей...

«Азадлыг! Свобода! Свободные выборы!» скандирует девушка в джинсовой куртке. Она пришла на митинг с подругой и приветливо соглашается, когда я прошу разрешения сделать ее фото. Вокруг волнуется толпа, откуда-то сверху доносятся обрывки митинговых выступлений, рядом звенят мобильные телефоны, шелестят флаги, раздаются аплодисменты. На девушке аккуратно закрепленный с двух сторон мусульманский головной платок такого же оранжевого цвета как флаги кругом.

Станным образом из всех встреч, интересных и скучных, озадачивающих и ожидаемых, которые случились у меня в течении последнего года в связи с исследованием дискуссии о «мусульманском головном платке» в современном азербайджанском обществе, именно два эти эпизода, разделенные всего несколькими днями, очень ярко отпечатались в памяти, словно бы увязались между собой в пару.

Взаимоотношения действующих лиц внутри двух выбранных мной эпизодов, место действия и эмоциональный фон происходящего очень непохожи, и в то же время, они близки тем, что оба представляют некие черты весьма характерные для Баку конца XX—начала XIX века: иностранные инвестиции, новая офисная культура и «парти» как ее неотъемлемая часть, новостройки, экономический бум, стремительное развитие коммуникаций, социальное недовольство, выборные фальсификации, митинги и другие формы массовых публичных протестов и, наконец, «оранжевость» как символ кочующей революции.

Первый из описанных эпизодов — это отрывок обстоятельной беседы, проходившей в обстановке полуофициального приема, между людьми хорошо знающими друг друга, тогда как второй — часть коротенького разговора с незнакомой мне девушкой посреди многолюдного политического митинга. Однако семиотическая наполненность второй встречи, мне кажется очень интересной именно в связи с первым эпизодом, что и побудило меня выбрать ее, а не одно из многочасовых интервью с мусульманками, которые я проводила в Баку в течение последнего года.

В первом эпизоде моя собеседница, молодая женщина, работающая в одной из частных компаний в Баку, приравнила «закрытость» (хиджаб¹) к состоянию несвободы, и использовала в качестве наиболее адекватного воплощения ее образ «тюрьмы». В этом описании пребывание женщины в хиджабе описывается как заключение физического тела в тюрьму. При этом из общего контекста беседы было ясно, что под «несвободой» моя собеседница подразумевала определенный образ жизни, частью которого является именно такая степень и форма закрытости женского тела. Были упомянуты изолированность «закрытой» женщины от публичного пространства, ее пребывание в замкнутом круге домашнего очага, ее подчиненность родственникам мужского пола, в первую очередь мужу. Таким образом, конкретная форма закрытости женского тела выступает в приведенной фразе как знак определенного образа жизни (как часть, обозначающая целое), в свою очередь позволяющего моей собеседнице охарактеризовать носительницу такой формы одежды как находящуюся в состоянии «несвободы», в тюрьме. Одновременно моя собеседница в качестве важной составной части такого образа жизни называет отсутствие у этих женщин возможности выбора. Эта мысль, начинаясь в виде сомнения («я не могу понять как можно... выбрать») в приведенном отрывке беседы, дальше получила более четкое оформление, когда говорившая высказала предположение, что «таких женщин кто-то заставляет, брат или муж».

¹ Мусульманский термин «хиджаб» (арабск. «преграда, завеса») используется в современном азербайджанском языке как для обозначения собственно мусульманского головного платка, закрывающего волосы, уши и шею женщины, так и для обозначения мусульманской формы одежды в целом (кроме платка предполагающей покрытие одеждой всего тела, кроме кистей рук), а также определенного кодекса поведения. Для обозначения головного платка в азербайджанском языке существует, кроме того, целый ряд слов («лечек», «орпек», «йайлыг»), не несущих в своем значении прямой связи с исламской формой женской одежды. «Баш ортюю» (букв. «головное покрытие») также часто используется для обозначения головного убора мусульманок. Термин «чадра» (кусок обычно темной ткани, закрывающей голову и большую часть тела) широко употреблялся уже в начале XX века и несет специфическую семантическую нагрузку в связи со своей особой историей существования в языке и культуре. «Келаган», еще один термин для обозначения женского платка, используется только когда речь идет о специфическом типе шелкового платка ярких расцветок с конкретным типом узоров, этот платок является неотъемлемой частью «канонического» национального костюма.

Во втором из описанных мной эпизодов тема «свободы» возникает параллельно в нескольких вариантах. Девушка в оранжевом хиджабе скандирует слово «азадлыг» (свобода) вместе с окружающей толпой. При этом сам контекст происходящего предполагает двоякое значение этого слова, потому что «Азадлыг» является также названием крупнейшего предвыборного² объединения оппозиционных партий. Политическое требование свободных выборов здесь проходит параллельно требованию не препятствовать свободе собраний, инициированных представителями данного блока. Одновременно семиотика оранжевого цвета как символа революции и оппозиционного политического объединения подразумевалась девушкой при выборе цвета головного покрытия (по форме четко соответствующего одному из распространенных сейчас в Баку вариантов хиджаба), что было особенно заметно на фоне оранжевых флагов, маек и мужских галстуков, которыми пестрела площадь. Я успела заметить ей, что цвет хиджаба очень необычный, на что она ответила «Да, я сама выбрала ткань». Нужно сказать, что кроме этого случая, оранжевый цвет практически не встречался мне среди многообразия головных покрытий бакинских мусульманок.

Как видно, в контексте этого эпизода «свобода» вновь оказывается увязанной с актом осуществления выбора. Причем тема выбора возникает на двух уровнях. С одной стороны, девушка в хиджабе требует гарантий проведения свободных выборов в парламент и осуществления публичных собраний, то есть возможности осуществления своих гражданских и политических прав, что в скандируемом ею лозунге объединено под словом «азадлыг» (свобода). Соответственно фальсификации выборов и запрет на проведение публичных акций протеста в этой схеме выступают как признаки «несвободы». С другой стороны, она подчеркивает самостоятельность выбора в определении важного знакового аспекта своего внешнего облика («я сама выбрала ткань»). Этот внешний вид являлся ее собственной семиотической конструкцией, объединяя два, до той поры несоединенных, знаковых элемента: мусульманский головной платок и новореволюционный оранжевый цвет. Таким образом, очевидно, что связь «свободы», хиджаба и оранжевой революции представлялась моей новой знакомой непроблематичной.

Итак, сочетание поступков героини второй моей встречи поставило бы в некоторый тупик героиню встречи первой — в свете ее представлений об образе жизни, знаком которого выступает определенная степень закрытости

---

² Имеются в виду парламентские выборы 2005 года.

женского тела. Она вышла в публичное пространство, она пришла в место публичного собрания, где находилось множество незнакомых людей (в том числе мужчин), чтобы предъявить политические требования, она находилась там без сопровождения мужа, брата или другого родственника мужского пола, она намеренно привлекала внимание к своему внешнему виду. Однако можно выделить и некоторые общие рамки, оформляющие обсуждение облика женщины, носящей мусульманский головной платок и ее саморепрезентацию.

Для девушки, выбравшей оранжевый цвет для своего хиджаба, семиотика этого элемента одежды раскрывается, с одной стороны, в рамках идеи революции и «свободы» как права на осуществление самостоятельного выбора (будь то выборы депутатов парламента, выражение солидарности с конкретным политическим объединением или выбора «значимого» цвета ткани) и, с другой стороны, он является знаком ее мусульманской идентичности. Для молодой женщины из первого эпизода хиджаб сигнализирует «закрытость» как «несвободу» — затрудненность доступа в публичное пространство, отсутствие возможности самостоятельного выбора, подчиненность чужой воле. Сам акт «закрытия» интерпретируется ею как потеря «свободы», однозначно меняющая образ жизни женщины. Таким образом, в обоих случаях восприятие хиджаба формируется в границах, очерчиваемых такими оппозициями как свобода/несвобода, индивидуальный выбор/давление извне. В обоих случаях «свобода» определяется как цель, которую следует достичь, а «несвобода» — как состояние, от которого необходимо уйти. При этом, несмотря на конкретные различия в содержании понятия «свободы» (и «несвободы») для моих собеседниц, стабильной для них остается связь представления о «свободе» с возможностью осуществления индивидуального выбора.

Соединение представления о степени закрытости женского тела и степени «свободы» (понимаемой как приверженность определенному образу жизни) имеет глубокие корни в новейшей азербайджанской истории. Советский опыт модернизации предполагал массовое вовлечение женщин в сферу образования и производства. Эти новые формы социализации в советской модели модернизации для мусульманского населения были четко увязаны с ликвидацией безграмотности и трансформацией мусульманского приватного пространства, символом которого в Советском Азербайджане становится «чадра» (кусок темной ткани, покрывавший голову и туловище женщины). Созданный вскоре после установления власти большевиков в Баку Женотдел Азербайджанской Коммунистической партии, как и органи-

зованный в 1920 году и получивший большую известность женский Клуб имени Али Байрамова, в качестве одного из основных направлений своей работы наряду с ликвидацией безграмотности определяли борьбу с чадрой.³

Начавшаяся в 1927 году кампания художума (борьбы с мусульманскими «патриархальными пережитками») в основе своей идеологии несла ту же связь между степенью и формой закрытости тела (чадра, чаршаб) и «несвободой» («закабаленностью» мусульманской женщины, ассоциировавшейся с определенным набором норм, регулировавших ее поведение).

Сопrotивление этой кампании в Азербайджане было достаточно активным, газеты того периода пестрели сообщениями о насилии в отношении женщин, снявших чадру, при этом ситуация описывалась в рамках теории классовой борьбы как сопротивление кулачества воле трудовых масс.⁴ Акт публичного снятия покрывала принял форму советского публичного ритуала, нередко сопровождавшегося сожжением чадры, которое часто характеризовалась как освобождение из плена («эсарет»).

Сбрасывание чадры как метафора освобождения широко использовалось в азербайджанской литературе советского периода. Наиболее известным произведением на эту тему стала пьеса «Севиль» (написана в 1928 году) классика азербайджанской советской литературы Джафара Джаббарлы. В 1930-е гг. по ней был снят полнометражный художественный фильм, а в 1953 году написана опера, многократно ставившаяся на азербайджанской сцене. Образ азербайджанки, снявшей чадру, стал также частью устоявшегося открыточного облика города Баку, благодаря возвышающемуся в центре города памятнику «Освобожденная азербайджанка». Памятник представляет собой фигуру женщины в национальном костюме, изображенную в момент, когда с головы ее спадает чадра.

Образ сбрасывания чадры как акта освобождения продолжает жить в символическом языке самых различных азербайджанских текстов, регулярно возникая как в реконструкциях национальной истории, так и в темах, далеких от вопросов национальной истории и женского равноправия. В качестве примера я хочу привести два фрагмента газетных текстов.

Первый представляет собой выступление Президента Азербайджана Гейдара Алиева на проходившем в сентябре 1998 года съезде женщин Азербайджана. Выступая перед делегатами съезда, Президент, в частности, сказал следующее:

³ Heyat F. *Azeri Women in Transition. Women in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan*. London, 2002. P. 80-113.

⁴ Ibid. P. 99.

«<...> начиная с 1920 года за короткий, с исторической точки зрения, период в жизни азербайджанской женщины произошли большие события. Женщина сбросила чадру, стала свободной, независимой, получила в обществе равные права, обрела возможность показать свои таланты и занять свое место в обществе, смогла продемонстрировать миру свою внутреннюю и внешнюю красоту».⁵

В этом отрывке, Президент помещает акт сбрасывания чадры в контекст «истории освобождения» азербайджанской женщины, которая, в свою очередь, в рамках всего текста выступления помещена в контекст истории борьбы за обретение национальной независимости. Этот отрывок дает нам возможность увидеть важные составляющие официального азербайджанского представления о свободе женщин: получение равных прав, социальная мобильность, самосовершенствование, секуляризация и определенная степень открытости женского тела. При этом в завершении отрывка именно акт обнажения, демонстрации внутреннего, прежде сокрытого, выступает как синоним освобождения.

Второй отрывок взят мною из статьи в оппозиционной газете «Азадлыг». Статья критикует решение правительства о введении цензуры газетных публикаций, в качестве основания которой чиновники приводили несоответствие стиля и содержания отдельных статей нормам «национального менталитета» (милли менталитет). Название статьи — «Газеты скоро наденут чадру». Комментируя действия чиновников, постоянный автор газеты Хаджи Замин пишет:

«Вообще, попытки надеть чаршаб (*Прим.* — здесь то же, что чадра) на средства массовой информации — дело для Азербайджана не новое. Но все же я обращаюсь на этот раз к Министерству печати и информации и Главлиту и задаю вопрос: почему государственные органы, которые обязаны строить свою деятельность исключительно на основании законов, руководствуются в своих действиях такими абстрактными и в сущности субъективными понятиями, как менталитет, национальная мораль и нравственность, обычаи и традиции?»

Очевидно, что в этом отрывке, говоря о проблеме, далекой от «женского вопроса», автор привлекает образ чадры, а точнее покрытие чадрой как действие, для того чтобы описать насильственное ограничение свободы слова в газетах со стороны властей. При этом интересно, что в своей атаке

---

⁵ Халг газети. 1998. 17 сентября.

он указывает именно на сомнительное обоснование «надевания чадры» требования национального менталитета, обычаев и традиций. Связь образа чадры с традицией, причем традицией ограничения, запрещения и давления, в этом отрывке составляет как бы вторую сторону оппозиции, позитивную часть которой (сбрасывание чадры, открытость, освобождение, независимость) мы увидели в речи Президента. Под «свободой» здесь понимается отсутствие правительственной цензуры.

Учитывая распространенность такого символического содержания акта закрытия (и открытия) женского тела в азербайджанской культуре, неудивительно, что среди многообразия реакций на появление в конце XX века на улицах Баку женщин в мусульманских головных платках можно было наблюдать столкновение двух интерпретаций этого элемента одежды и этого действия. За каждой из этих интерпретаций стояла своя достаточно мощная культурная история, которая конечно же привлекалась и реформулировалась в зависимости от позиции того или иного участника процесса коммуникации. Одна из них — это описанная выше история снятия чадры и «освобождения женщины» в Азербайджане. Другая — многообразие модернистских исламских интерпретаций значения и практики ношения хиджаба, связывающих его с идеей духовного «освобождения» женщины, в противовес «западной» свободе тела.⁶

Семиотический конфликт, возникающий в результате таких различных интерпретаций, является одним из важных элементов в обсуждении вопроса об облике мусульманской женщины в современном Азербайджане. При этом разнообразие вариантов внутри этих интерпретаций достаточно широко, что я и постараюсь продемонстрировать в ходе дальнейшего изложения.

Однако здесь следует отметить, что неверно было бы сводить суть обсуждения лишь к семиотическому конфликту, возникающему тогда, когда женщина в хиджабе выходит в публичное пространство и становится элементом происходящих там коммуникационных процессов. Дело в том, что, скажем, восприятие головного платка как символа позитивно оцениваемой религиозности может быть характерно для многих участников дискуссии о возможности фотографироваться в хиджабе для общегражданских паспортов, однако, как будет показано, это не мешает им стоять на прямо противоположных позициях относительно допустимости подобной практики.

⁶ Такие интерпретации часто помещаются в контекст полемики с Западом и противопоставляют хиджабу его отсутствие (хиджабсызлыг) как «эксплуатацию» (истисмар) женщин. Такая позиция излагается, например, в продающейся в Баку книге «Хиджаб» Аятоллы М. Мутаххари (Мутаххари М. Хиджаб. Баку, 2000).

В то же время, стороны, стоящие на противоположных позициях в смысле интерпретации значения и функции головного платка, могут пребывать в рамках одного и того же дискурса. Это можно увидеть на примере следующего рассказа студентки медицинского института, некоторое время назад принявшей решение носить хиджаб (рассказ приведен в статье «Хиджаб — обязательная форма одежды женщин», газета «Йени Мусават»):

«В закрытой одежде я чувствую себя уверенной, спокойной, словно обнятой высоким чувством любви. Кроме того, хиджаб дает мне терпение... Те прекрасные моменты, которые человек переживает после принятия хиджаба, можно понять, только надев его. Я испытываю жалость, когда вижу женщин, одетых в облегающую формы, узкую одежду, мне кажется, что они будто находятся в тюрьме, в клетке. Я надеюсь, Аллах подарит им такую же свободную жизнь как наша».

Здесь пребывание в хиджабе описывается как дающее уверенность, спокойствие, а образ «других» женщин передается через описание их одежды — узкой, облегающей, откровенной. Однако автор явно имеет в виду намного большее, чем лишь физическая скованность движений или недостаточная, по ее мнению, стыдливость этих женщин. Пребывание в одежде, как в тюрьме, является знаком «другой», «несвободной» жизни. Мы вновь встречаем образ «свободы», увязанный с обсуждением хиджаба, однако здесь «свободная жизнь» подразумевает душевное спокойствие, обретенное посредством прихода в религию.

Если теперь вновь обратиться к фрагменту беседы, который начинается мой рассказ, то можно легко заметить, что знаки в этих двух описаниях расставлены с точностью до наоборот, интерпретации значения головного покрытия резко отличаются, как, впрочем, и представления о том, что такое «свобода». Тем не менее, в глаза бросается схожесть употребляемых метафор: одежда — «тюрьма», «свобода». Организует описание одна и та же оппозиция «свобода/несвобода», при их жестком противопоставлении; аналогично и определение «свободы» как желанной цели, а «несвободы» — как состояния, от которого необходимо избавиться, и, наконец, в обоих отрывках проводится связь состояния «свободы» (или «несвободы») со степенью и формой закрытости женского тела. Эта структура остается неизменной, формируя два приведенных выше текста, также как и многие другие выступления, интервью, статьи и дискуссии, касающиеся вопросов

облика женщины-мусульманки в современном Азербайджане. А это означает, что из текста в текст устойчиво повторяется ситуация, когда определенная (не большая и не меньшая) степень закрытости (или открытости) тела женщины становится одной из неперенных составляющих и залогов состояния «свободы» (или «несвободы») индивида и общества, а акт сбрасывания платка или его надевания представляется как составная часть и одновременно знак процесса «освобождения» или «закабаления».

Добавлю, что сказанное имеет отношение только к женщине и женской религиозной одежде, мужские атрибуты мусульманской религиозности (скажем, борода) несут в себе совсем другую семиотическую и символическую нагрузку и, как правило, не описываются в рамках «историй освобождения».

Редкие женщины в головных платках впервые появились на улицах Баку уже в начале 1990-х, однако тогда они были скорее странной диковинкой, едва заметным исключением из общего правила и уж никак не воспринимались обществом как носители некоей новой коллективной идентичности. Уже с начала девяностых и по сегодняшний день количество женщин, носящих мусульманские головные платки, также как и количество мечетей, мусульманских учебных заведений, неформальных групп по изучению Корана, исламских газет и журналов, значительно возросло.⁷ Одновременно с числом женщин, носящих головные платки и другие религиозно обусловленные элементы мусульманской женской одежды, выросло разнообразие их форм и стилей.

Сейчас улицы Баку могут стать прекрасной иллюстрацией к фотозарисовке «Хиджаб в большом городе». Женщины в головных платках становятся частью обычной городской толпы, их появление в магазине, метро, автобусе, кафе и учреждениях уже никого не удивляет. При этом бросается в глаза разнообразие платков, способов их закрепления, цветов и узоров, а также сочетаний сопровождающих платок плащей, сорочек, юбок, брюк. То, что раньше выделялось в толпе как однообразно чужеродное — платки в сочетании с так называемыми «анатолийскими» плащами (платок и плащ, сочетающиеся по цвету, часто светлых, пастельных тонов) или «иранские» черные покрывала (чадоры), закрывающие фигуру — теперь приняло множественность форм и стилей и стало частью современного Баку.

Однако физическое появление этих женщин на улицах еще не означало,

---

⁷ Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, 2004. С. 198, 220.

что они были замечены в качестве «персонажа» публичной сферы. Женщины в мусульманских платках появляются на страницах азербайджанской прессы как предмет обсуждения уже с осени 1998 года. Причем появляются они сразу в качестве активных участниц некоей ситуации, с самого начала определяемой авторами статей как конфликт, противостояние («гаршыдурма»). Можно сказать, что как азербайджаноязычная, так и русскоязычная пресса уделяли примерно одинаковое внимание этой теме.

Конфликт вокруг хиджаба связан с отказом женщин-мусульманок представить для получения общегражданского паспорта нового образца фотографию с головой, не покрытой платком. В свою очередь паспортные столы и ОВИР МВД Азербайджана отказывались принимать для оформления общегражданских паспортов фотографии женщин в головных платках. Это противостояние, продолжающееся и по сей день, вызвало оживленную публичную дискуссию и породило множество конфликтных ситуаций, вовлекших в свою орбиту как индивидуальных участников, так и ряд государственных и общественных организаций. Кроме того, уже начиная с весны 2000 года достаточно широкий общественный резонанс вызвали неофициальные запреты руководства ряда государственных высших и средних учебных заведений на ношение хиджаба студентками и преподавательницами в местах прохождения учебного процесса. Первый конфликт стал предметом нескольких судебных разбирательств, столкнувших противоположные интерпретации соответствующих фрагментов статьи азербайджанского законодательства, второй — был разрешен посредством активного вмешательства правозащитных организаций страны.

Рассмотреть различные аспекты этого обсуждения и сравнить его с дискуссией о публичном облике мусульманки в начале XX века я попыталась в рамках исследования, проведенного благодаря помощи Фонда им. Генриха Бёлля и включавшего работу с архивными материалами по дискуссии об облике мусульманки в кавказской прессе начала XX века, изучение печатных и электронных источников (газет, журналов, интернет-форумов), освещавших обсуждение проблемы мусульманских головных платков в 1998-2005 годах в Азербайджане, устные истории бакинских мусульманок, носящих головные платки. К сожалению, ограниченный объем статьи не дает возможности представить на суд читателя все многообразные аспекты этого интереснейшего обсуждения. Поэтому приходится выбирать. В следующей части я предложу вашему вниманию анализ одного из аспектов дискуссии.

Трудности перевода

Центральным законодательным текстом, который становится объектом противоположных интерпретаций в процессе развития конфликта вокруг паспортных фотографий, является выписка из Положения о применении «Закона Азербайджанской Республики о выезде из страны, въезде в страну и паспортах» (утверждено Указом № 928 Милли Меджлиса от 29 ноября 1994 года). Ниже я привожу текст выписки в переводе на русский язык:

«6. Для получения общегражданского паспорта гражданин должен представить в соответствующий орган внутренних дел по месту жительства вместе с заявлением и другими документами сделанные на основе одного негатива в едином размере фотографические карточки с изображением лица *без шапки (папагсыз)*, с присущими ему *повседневным внешним видом (она хас олан хариъи эюркям вя яламятлярля)* и признаками (очки, борода, усы и др.) в анфас».

Курсивом в тексте мной выделены два фрагмента, ставшие средоточием противоположных интерпретаций. Чтобы не запутывать в дальнейшем читателя, скажу сразу, что в первом из выделенных фрагментов спорный вопрос упирается в значение азербайджанского слова «папагсыз». Буквально «папагсыз» переводится на русский язык как «без шапки». Ирония ситуации заключается в том, что, приводя здесь буквальный перевод, я вынуждена невольно отдать приоритет в представлении своей позиции одной из спорящих сторон. Дело в том, что другое толкование этого слова предполагает не буквальный его перевод, а толкует его как означающий «без головного убора». Однако не буду забегать вперед.

Представляя различные толкования текста Положения, я буду фокусировать внимание прежде всего на двух позициях, озвученных уже осенью 1998 года и позже развернуто представленных в ходе судебных заседаний (и репортажей о них в прессе) по делу об иску девяти гражданок Азербайджана против ОВИР МВД в 1999 году.

Важно обратить внимание на то, что ни в одном из документов, интервью, обсуждений, касающихся проблемы паспортных фотографий и посещения образовательных учреждений женщинами в хиджабе, право на религиозно обусловленную закрытость женского тела не описывается самими мусульманками как распространяющееся на лицо. Проведенное исследование показало, что для группы мусульманок, активно вовлеченных

в процесс публичного обсуждения, граница допустимой открытости и закрытости очевидно проходит не по лицу женщины. Этот момент кардинально отличает современную ситуацию от дискуссии о публичном облике мусульманки начала XX века, когда именно вопрос о возможности выхода мусульманки в публичное пространство с открытым лицом был в центре внимания. Таким образом, сравнивая особенности этих дискуссий, можно достаточно ясно проследить изменение легитимизирующей нормативной традиции, которую привлекают участники обсуждения. При этом сейчас на улицах Баку, редко, но можно встретить женщин, носящих «никаб» — специальный кусок ткани, прикрывающий лицо. Однако в публичной сфере голос этих женщин никак не представлен.

Завершившийся в конце июня 1999 первый судебный процесс по иску о «головном платке» был выигран группой из девяти мусульманок. Требования этой группы поддержали, по сообщениям газет, около двух тысяч женщин, собравшихся перед зданием ОВИР. Тем не менее, решение суда было опротестовано районной прокуратурой, затем последовало разбирательство уже в Бакинском городском суде 10 августа 1999 года, где судебной коллегией было вновь вынесено решение разрешить предъявлять фотографии в платке. И, наконец, в сентябре 1999 года Коллегия Верховного Суда Азербайджанской Республики аннулировала предыдущие решения и, таким образом, ситуация разрешилась не в пользу мусульманок.

Как описывается облик мусульманки в рамках этого обсуждения? Какие конструкции, различия, оппозиции и связи определяют его основные черты?

Для того чтобы прийти к ответу на эти вопросы, я вначале хотела бы распределить эти аргументы по оппозиционным парам. В рамках непосредственной интерпретации текста «Положения» различия распределяются следующим образом: истицы (группа мусульманок, носящих платки) и поддерживающие их правозащитники⁸ настаивают на том, что термин «папагсыз» должен пониматься буквально (без шапки) и, соответственно, не может относиться к женскому платку. Ответчик (ОВИР) настаивает на том, что «папагсыз» должно пониматься как понятие, охватывающее все типы головных уборов и, следовательно, включать и женский платок, тем более что отдельных указаний на то, что мусульманские головные платки представляют собой исключение, в тексте не имеется.

⁸ В период 1998-99 гг. это организация «Ислам-Иттихад», а начиная с конца 2000 года и по сей день наиболее активной и последовательной защитницей прав верующих женщин является правозащитная организация «Центр по защите свободы совести и вероисповедания (ДЕВАМ)».

Истицы и поддерживающие их правозащитники ссылаются на часть текста «Положения», где указывается, что на фотографии гражданин должен быть изображен в присущем ему «повседневном внешнем виде», каковым для конкретных верующих мусульманок является покрытая голова. В свою очередь, ответчик подчеркивает, что параметры внешнего вида оговорены в тексте закона и не включают наличие головного платка. И наконец, истицы и правозащитники говорят о том, что чиновники нарушают целый ряд статей Конституции (25, 26, 44, 47, 48), пункты 2 и 18 Декларации Прав Человека, пункты 18, 19 и 27 Пакта о Гражданских и Политических Свободах. Заместитель председателя Верховного Суда Г. Рзаева, возражая, также ссылается на Конституцию, причем на ту же 48 статью и конкретно на ее 4 пункт («вероисповедание и религиозные убеждения не оправдывают правонарушения»).

Итак, в аргументации истиц головной платок выступает как элемент проявления свободы совести и ношение его представляется как осуществление женщинами своего права на эту свободу, заявленного в Конституции страны.⁹ В аргументации ответчика платок представляется как один из видов головного покрытия, подлежащий растворению в общем правиле. Его религиозная обусловленность не дает оснований носящим его претендовать на то, чтобы стать исключением из правила.

Представители ОВИР с самого начала дискуссии прибегли к одному, достаточно необычному на первый взгляд, механизму выстраивания аргументации. Для того чтобы обосновать свою позицию, они перевели одно слово из текста «Положения» с азербайджанского на русский язык и таким образом выйдя на верное, по их мнению, значение, перевели его затем вновь на азербайджанский. Эта, вызвавшая недоумение и иронические реплики в газетах, процедура, на мой взгляд, открывает многое в понимании позиций сторон в сложившейся ситуации.

Обращение чиновников для утверждения авторитетного толкования неясного момента в тексте закона независимого государства к другому языку, причем к языку бывшей империи, частью которой территория и население этого государства было не так уж давно, говорит о том, что вся ситуация вполне правомерно может прочитываться в постколониальном контексте. В этом контексте русский язык все еще рассматривается

⁹ Позиция эта остается неизменной и в новейших документах, таких как, например, обнародованное в сентябре 2005 года обращение к общественности страны, подписанное ДЕВАМ, Комитетом защиты и поддержки хиджаба и рядом других неправительственных организаций. Называется оно «Хиджаб являет собой одно из проявлений свободы совести» <<http://zerkalo.az/new/view.php?category=2#31220>>.

чиновником как пространство власти, из которого не исходит, конечно, больше прямых указаний, но к которому обращаются для утверждения нужного толкования.

При этом именно через вторичное обращение к русскому языку чиновники пытаются преодолеть проблему, возникшую в результате перевода, проблему культурной трансформации: выражение, которое в русском варианте предстает как основа для применения обобщенного правила («головной убор»), в азербайджанском проводит четкую границу между «мужским» и «женским». Дело в том, что азербайджанское слово «папаг» не только несет в своем содержании представление о преимущественно мужском головном уборе, но и широко используется в азербайджанских культурных контекстах для обозначения мужской чести. Авторы ряда публикаций незамедлительно отмечают неудачность предпринятой чиновниками попытки культурного перевода в рамках азербайджанского языка. «Какое отношение имеет женский платок к мужской шапке (киши папагы)?» — вопрошает заголовок статьи в «525-дж газет».¹⁰ Но для нас важна не оценка правомерности или неправомерности такого использования, а сама унифицирующая функция, которую чиновники, опираясь на трансформирующий механизм перевода, пытаются придать азербайджанскому слову. Это стремление путем растворения границы между «мужским» и «женским» внести их в единую гендерно нейтральную категорию нельзя рассматривать отдельно от общего принципа, лежащего в основе позиции ОВИР, — принципа равенства всех граждан перед законом.

Равенство перед законом предполагает в этом прочтении непризнание неких специфических индивидуальных признаков граждан или групп, которые могли бы сделать их в глазах закона исключениями из общего правила. Эта связь равенства с унификацией далее станет важной, поэтому запомним ее. Итак, гендерная унифицированность здесь является важной составной частью принципа равенства, она ставит заслон претензиям на исключительность, которая рассматривается как угрожающая этому принципу.

Любопытно, что в мае 2000 года оппозиционные газеты «Азадлыг» и «Йени Мусават» подняли тему головного платка уже в несколько ином контексте, однако вновь затрагивая тему равенства и особых прав. Корреспондент «Азадлыг» в интервью с главой Духовного управления мусульман Кавказа шейхом Аллашшукюром Пашазаде прямо спрашивает его, как сняты женщины

---

¹⁰ 525-джи газет. 1999. 23 сентября.

его семьи на паспортных фотографиях. Ответ А. Пашазаде: «Так как паспорт у нас дипломатический, то члены моей семьи сняты там с покрытыми головами. Я никогда не соглашусь, чтобы та, с кем я разделяю убеждения, была с непокрытой головой. Если я сам не буду соблюдать законы ислама, то я не должен здесь сидеть».¹¹ Приведенное интервью вызвало немедленный отклик в прессе. «Йени Мусават» уже 14-15 мая, упоминая признание Шейха, задается вопросом о том, почему в этой ситуации для кого-то делаются исключения.¹²

В контексте этой истории равенство граждан перед законом как основной принцип интерпретации «Положения» вновь оспаривается. С одной стороны, это делает сам А. Пашазаде, приведя в качестве довода свое «особое положение», обязывающее его настаивать на том, чтобы члены его семьи получили возможность быть исключением из общего правила. С другой стороны, журналисты поднимают вопрос о том, почему по отношению к каким-то женщинам в этой стране общее правило не действует. Здесь вопрос головного платка высвечивает тему уже иного неравенства, неравенства социального, демонстрируя очередную «трудность перевода». На этот раз — это трудность перевода лица, обладающего выделенным самим государством особым религиозным статусом, в категорию обычных граждан.

Развитием этого, строящегося вокруг головного платка, диалога о равенстве и отличии, унификации и специфичности становятся ссылки на второй важный фрагмент текста «Положения» — тот, где указывается на необходимость представить фотографическое изображение с присущим человеку *«повседневным внешним видом»* (буквальный перевод с азербайджанского — «в присущем ему(ей) виде») и признаками (очки, борода, усы и др.) в анфас». Мусульманки указывают на то, что как раз платок, закрывающий их волосы, уши и шею, они и носят постоянно. Иными словами мусульманская форма одежды и есть их повседневный вид. В свою очередь их противники возражают, что среди параметров внешнего вида, перечисленных в паспорте, платок отдельно не упоминается и, соответственно, он должен входить в упомянутую ранее и запрещенную категорию головных уборов.

Здесь у нас появляется возможность проследить как унификация, столь важная для принципа равенства, предполагает в своей основе построение в тексте закона неких границ (или параметров) образа нормативного гражданина. Во-первых, само упоминание «повседневного» вида в тексте закона предполагает представление о некоей стабильной совокупности

¹¹ Азадлыг. 2000. 11 мая.

¹² Йени Мусават. 2000. 14-15 мая.

параметров внешнего вида гражданина (при этом упоминаемых отдельно от черт лица), которая призвана способствовать удобству его идентификации. Во-вторых, отказ ОВИР принимать мусульманский платок как один из возможных вариантов такой стабильной идентичности, предполагает, что он скорее препятствует выявлению «истинного» повседневного вида гражданки. То есть то, что в аргументации мусульманок выступает как составная часть идентичности, в интерпретации чиновников рассматривается как элемент внешний по отношению к идентичности.

Внимательно прочитав текст «Положения...» нетрудно заметить, что два из трех перечисленных в нем допустимых элементов «повседневного вида» имеют четкую гендерную характеристику (усы и борода), а один — гендерно нейтрален (очки). Напомню, что уже упоминавшийся выше термин «папаг» (шапка) все еще (несмотря на то, что определенное число женщин у нас носит разного типа шляпы, кепки и шапки) несет в азербайджанском языке значение мужского головного убора, в азербайджанской культуре часто выступает как символ мужской чести. Таким образом, сам текст закона сложно назвать гендерно нейтральным, в качестве основных упомянутых в нем элементов повседневности выступают «мужские» признаки. Это противоречие между унификационным пафосом закона и его достаточно четкой гендерной маркированностью составляет еще одну из «трудностей перевода», которые выявились в ходе обсуждения конфликта вокруг мусульманского головного платка.

Вывод о том, что в основе «Положения» лежит некое свойственное азербайджанскому государству представление о допустимых границах облика нормативного гражданина (мужской род здесь вовсе не дань русской грамматике) вплотную подводит нас к тому, чтобы попытаться понять, а что собственно представляет собой институт гражданства. Возможно, более подробное рассмотрение этого вопроса поможет понять, почему возникла парадоксальная ситуация, когда от группы гражданок требуют сниматься для удостоверения личности или паспорта в виде, значительно отличающемся от их повседневного облика. Возникает ситуация, когда следование закону, по сути своей предполагающему и настаивающему на своей применимости ко всем членам сообщества, по отношению к определенной группе не срабатывает.

В своей работе «Citizenship and Nationhood in France and Germany» Роджерс Брубейкер подробно останавливается на связи между понятиями

гражданства и национальности. В проанализированных им примерах (Франция и Германия) сформулированный в законодательстве и осуществляемый на практике институт гражданства со всем набором инструментов (паспорта, удостоверения личности, процедуры регистрации, перерегистрации, лишения гражданства, натурализации) напрямую зависит от существующих и преобладающих в конкретных обществах представлений о том, что есть нация.

Глубинная связь между понятиями «гражданства» и «национальности», как пишет Брубейкер, обусловлена тем, что сам институт гражданства возникает в своей полноценной форме именно в рамках национального государства (Франция) и формулируется в контексте доминирующего дискурса государственного национализма.

Соответственно, можно поставить вопрос о зависимости особенностей конкретного института гражданства от тех способов представлять нацию и говорить о ней, которые доминируют в обществе. Таким образом, процедура выдачи паспорта или удостоверения личности выступает как символическое признание государством индивида как части нации. Неслучайно, в Азербайджане общегражданские паспорта нередко в обиходе называют «милли паспортлар» (национальные паспорта).

Очевидно, что проблема паспортных фотографий для гражданок Азербайджана, носящих хиджаб, возникает в силу их несоответствия неким основополагающим параметрам, на которых основывается утвержденное в законе представление, о том каким может быть повседневный вид гражданки Азербайджана. А это возвращает нас к вопросу о том, как представляют национальное сообщество стороны, вовлеченные в дискуссию. Мое исследование показало, что проблема единства и раскола внутри нации регулярно возникает в качестве рамки, в которую помещается обсуждение вопроса о ношении мусульманками головных платков в современном Азербайджане. Причину этой повторяющейся из текста в текст связи, по моему мнению, следует искать в особенностях дискурса о нации-государстве (nation-state) в Азербайджане. Тип национального государства, сложившийся в Азербайджане, подразумевает сильнейшую централизацию аппарата управления, деятельность которого основана на организованной, классифицированной и стандартизированной информации о членах сообщества, а также на жестко унифицированной общеобразовательной системе. В такой ситуации централизация производства культурных ценнос-

тей выступает в качестве обязательного условия функционирования системы, а централизация и нормализация религиозных интерпретаций является составной частью этого процесса, поскольку определенная модель религиозности включается в государственно санкционированный реестр национальных характеристик.

Широко используемая в азербайджанском политическом лексиконе метафора государственного строительства (довлет гуруджулугу) как нельзя лучше характеризует суть этого способа вообразить национальное сообщество. Создание национального государства рассматривается как вершина работы нации по обретению суверенитета. Государство, как здание, требует кропотливого возведения, успех которого зависит как от совершенствования умения и навыков строителей (отсюда важнейшая роль унифицированной национальной системы образования), так и от их способности сплотиться вокруг единого плана «работ», слаженности в их действиях и мыслях. «Единство» (бирлик) видится в качестве основного механизма достижения национальных целей, а унификация и нормативизация культурных ценностей — в качестве, если оставаться в рамках строительных терминов, главного цементирующего фактора. В то же время раскол, разделение («парчаланма») в рамках этого нарратива представляют собой важнейшую угрозу на пути государственного строительства.

Принимая во внимание особую символическую важность женского тела как визуального образа нации, неудивительно, что обсуждение проблемы мусульманского головного платка в Азербайджане регулярно помещается в контекст обсуждения того, где проходят границы, определяющие облик нации. В свою очередь облик нации в рамках такого способа вообразить национальное сообщество выстраивается на основе представления о жизненной важности гомогенизации культуры и страхе перед культурным разделением, расколом, неминуемо, по этой схеме, ведущем к политическому разрушению государства.

В процессе обсуждения мусульманский головной платок выступает и как знак вновь обретаемой традиции, и как знак чуждого влияния, и как знак границы между приемлемым и неприемлемым в облике нации. Важно, что рассматриваемый как «свой», он видится элементом гомогенной культуры — залога политического единства нации, а как «чужой» — представляется несущим угрожающую тенденцию культурного разделения и политического разрушения нации. Определение границ допустимого также

выступает в качестве важнейшего принципа, вокруг которого ведут переговоры и обсуждения участники публичной сферы. В процессе этого обсуждения формулируются различные видения того, какой может быть азербайджанская женщина и какой должна быть азербайджанская нация.

Учитывая, что в ракурсе идеи «единства» централизованное производство религиозных интерпретаций является одним из способов организации общего культурного пространства, отделяющего и определяющего национальное сообщество, неудивительно, что одной из наиболее важных тем при обсуждении проблемы мусульманских головных платков стала тема взаимоотношений ислама и азербайджанского государства.

Ключевую роль здесь играет очередная «трудность перевода» — различие в представлениях сторон обсуждения о том, что есть «религия». Наше исследование показало, что три разных представления о религии сосуществуют в целом ряде текстов, посвященных обсуждению проблемы хиджаба. Это, с одной стороны, представление о религии как составной части индивидуальных убеждений отдельной личности. Отсюда — отнесение хиджаба к категории вопросов об индивидуальной свободе совести. Эта интерпретация активно применяется правозащитной организацией ДЕВАМ, последовательно вводящей вопрос о хиджабе в контекст борьбы за права человека в Азербайджане. С другой стороны, в целом ряде текстов (как законодательного, так и публицистического характера) «религия» подразумевает некий существующий отдельно от индивидуальных интерпретаций набор представлений, норм и институтов, который может и должен быть в той или иной форме отделен от государства. И, наконец, в качестве конкретной модели религиозности «религия» включена в государственно санкционированный реестр национальных ценностей.

Здесь уместно было бы вернуться к оппозиции «свободы» и «несвободы», которая, как я постаралась показать, часто определяет восприятие хиджаба в современном азербайджанском обществе. Представление о «свободе» как возможности самостоятельного индивидуального выбора, предполагает, что в качестве одной из основных форм легитимного политического конфликта внутри общества, как отмечает Н. Фрэйзер, выступает борьба за признание права на разнообразие, на отличие.¹³ В то же время, в рамках языка «единства» успешное строительство национального государс-

¹³ Fraser N. From Redistribution to recognition? Dilemmas of Justice in a «Post-Socialist» Age // New Left Review. 1995. # 212. P. 68-93.

тва, предполагающее высокую степень культурной гомогенизации, часто определяет разнообразие как угрозу, синоним разброда и раскола. В случае с паспортными фотографиями равенство перед законом конкретизируется в определенных границах нормативности, в свою очередь, как я постаралась показать, предполагающих некое равномерное распределение «приемлемых» характеристик среди членов национального сообщества. В ситуации, когда два этих дискурса сосуществуют в сети публичной коммуникации, проблема хиджаба может рассматриваться как катализатор, стимулирующий процесс их столкновения и, возможно, как первая из множества трудностей в процессе «перевода», ведущих к кардинальной трансформации доминирующих в обществе представлений о нации, религии и свободе.

БЫТЬ КИСТИНЦЕМ: МЕЖДУ ГРУЗИНАМИ И ЧЕЧЕНЦАМИ

Каких-то 15 лет тому назад большинство грузин было знакомо с кистинцами по поэме Важи Пшавелы. Сегодня мало кто имеет представление о том, какими были прежние мужественные противники грузинских горцев. Но Панкисский кризис сделал затерянных в далеком кахетинском ущелье кистинцев — «полугрузин-получеченцев», живущих в Ахметском районе на протяжении последних двух столетий, — известными всему миру. Именно там я провела свое исследование в 2005 году.

Целью моего исследования было выяснение того, что произошло с кистинской идентичностью под влиянием радикальных общественных изменений в течение двух последних десятилетий. В Панкисском ущелье я проводила свои наблюдения, разговаривала с местными жителями, брала биографические интервью. Тема этничности спонтанно всплывала практически во всех разговорах. Актуальность вопроса об идентичности не вызывала сомнений. Для анализа использовалось десять интервью — пять женских и пять мужских. Кроме интервью и наблюдений, я проанализировала материалы проведенных здесь же в разное время исследований.

К вопросу об этнической идентичности

В Панкисском ущелье совместно проживают кистинцы, осетины, грузинские региональные группы (пшавы, цова-тушинцы, кахетинцы). Основные различия между кистинцами и остальными этническими группами связаны с языком и религиозной принадлежностью. Кистинцы, считающиеся частью вайнахской этнической группы, в советское время были вполне интегрированы в грузинское общество, владели грузинским языком и часто вступали в браки с людьми других национальностей.

Серьезные изменения произошли с момента начала войны в Чечне, когда в Панкисское ущелье проникли беженцы-чеченцы. Усилившаяся ориентация местных жителей на чеченцев постепенно дистанцировала кистинское

население от грузинского и актуализировала исторически обусловленные стереотипы грузин по отношению к кистинцам. Идентификационные процессы наложились на стремления заинтересованных государств усилить свое влияние в регионе.

Этничность конструируется на элементах, укрепляющих общность: культура, исторический опыт, представление об общем происхождении. Все эти понятия неоднозначны с научной точки зрения, однако в сознании людей присутствуют как объективные и потому имеют реальные следствия. Опираясь на работы Макса Вебера,¹ представители конструктивистского подхода указывают на значимость разделяемой членами общества веры в общее происхождение.

Исследователи, начиная с Фредерика Барта, подчеркивают значение функции и смысла, а не факта существования культурных признаков.² Следовательно, решающим здесь является взаимодействие, которое определяет правила приписывания себе и другим определенной этничности. Важно не то, существуют ли «в реальности» те или иные свойства, а то, что их считают значимыми сами акторы.

Коллективная идентичность, разрабатываемая в институциональных ядрах, опирается на так называемый «этнический код». «Под ним понимаются когнитивные и нормативные рамки, ... которые должны служить всеобщим ориентиром. Этническое кодирование — это процесс объединения определяемых как «этнические» групповых черт, ... которые, усиливая значение друг друга, символизируют в совокупности этническую целостность».³

Эти положения являются центральными теоретическими допущениями для объяснения результатов моего исследования. В тексте я постаралась выделить те основные темы, которые возникали в разговорах с информантами и которые оказались связанными с трансформацией кистинской идентичности.

Быть кистинцем

Исследование показало, что сохранение кистинской идентичности сегодня ставится под вопрос. Кистинцы в течение двух веков проживали в

¹ Цит. по: Воронков В., Освальд И. Постсоветские этничности // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб, 1998. С. 11.

² Bart F. Introduction // Bart F. Ethnic groups and boundaries. The Social Organization of Cultural Differences. Bergen, London, 1969.

³ Воронков В., Освальд И. Указ. соч. С. 18.

Панкисском ущелье на небольшой территории. Будучи довольно закрытым сообществом, они строго поддерживали традиционные обычаи и жили по адату. В советских паспортах у них в соответствующей графе значилось «кистинец», хотя фамилии получили типично грузинские окончания.

Начиная с 1970-х годов, когда экономическая ситуация в регионе ухудшилась, население Панкисского ущелья (в том числе и грузинское) открывает для себя Северный Кавказ и начинает ездить на заработки в Чечню и Ингушетию, где тогда было много хорошо оплачиваемых рабочих мест. Правда, до начала 1990-х годов процесс трудовой миграции шел довольно вяло.

Мигранты-кистинцы легко интегрировались в родственное вайнахское общество, а в Панкисском ущелье начала распространяться, пока еще только в виде слухов, информация об общих корнях и языке. В 1990-е годы трудовая миграция в Чечню усилилась. Несмотря на звучащие по-грузински фамилии, сходство с вайнахским обществом становилось всё более значимым.

Большинство моих информантов также ездили на заработки в Чечню и Ингушетию. Они приносили в ущелье новую информацию: *«Узнал от отца [о чеченских корнях]. Мой отец в магазине работал и часто ездил в Чечню. После этих поездок рассказывал мне о них, о чеченцах — кто они и как они живут. У нас больше связь была с грузинами, чем с чеченцами, и это меня не слишком интересовало. Я слышал, но своими глазами не видел»* (Тариэл, 25 лет).

В этот период сведения о «едином происхождении» пока еще не оказывает влияния на кистинскую идентичность. Сходную мысль высказывает другая информантка: *«Мы считали себя кистинцами, знали, что мы мусульмане, знали, что где-то живут чеченцы, старики знали это, но не физические места. Были люди, которые переходили туда и обратно. Едва ли 200 человек побывало там, и это было как слух»* (Нана, 37 лет). Однако после усиления миграции из ущелья ситуация радикально изменилась. Как отмечает Нана: *«Сегодня все знают, что они чеченцы, что их родина Чечня. Тогда так не было. После перехода [туда], пожив там, люди убедились, что они вправду чеченцы. Этот факт 15-20 лет как это осознали в массе, например, я этого [раньше] не знала»*.

Кроме миграции, вызвавшей большие изменения в самовосприятии кистинцев, огромную роль сыграл приход в ущелье чеченских беженцев. Появление чеченцев в Панкисском ущелье вызвало кризис кистинской идентичности. Приведу типичные высказывания.

«Если бы чеченцы не приехали, кистинцы уже теряли свое вероисповедание, были уже на 90% огрузинены» (Нодар, 30 лет).

«Когда пришли чеченцы, [все] смотрели на них и [в результате] кое-что меняется» (Джамлет, 54 года).

«Мы — кистинцы и чеченцы — один народ, мои корни оттуда, но я выросла в Грузии. Знаю, что я чеченка, [но] не различаю, иногда считаю себя грузинкой» (Нана, 37 лет).

«Я знал, что я кистинец, так же как в Грузии есть мегрелы и сваны, я и себя считал таким. Когда подрос, узнал, что мы, оказывается, по происхождению чеченцы. Я немного был разочарован, так как считал себя грузином и когда узнал, что я сын другой нации, это было досадно... Потом я постепенно уверился [в этом]» (Таризл, 25 лет). Однако новая чеченская идентичность Таризла приобрела позитивное содержание: *«Сейчас [когда я знаю, что я – чеченец] это в первую очередь гордость. Несмотря на такую тяжелую жизнь, они продолжают борьбу за независимость своей Родины»*. Понятие «кистинец» для него переопределяется: если до сих пор Таризл считал кистинцев ответвлением грузин, то сейчас: *«я кистинец, но я себя чувствую чеченцем, это ветвь чеченцев, как для Грузии — мегрелы»*. Кажущееся противоречие двойственной идентичности находит свое разрешение: признание чеченского происхождения не мешает сохранять кистинскую идентичность как уникальную и автономную.

Надо отметить, что кистинская идентичность, которую местное население последние два столетия не подвергало сомнению, фактически не признана ни чеченцами, ни грузинами.

«Мы в такой переделке! Когда мы там (в Чечне), нас называют грузинами, а здесь грузины называют нас чеченцами. Нас не принимают, как положено, ни там, ни здесь. А мы — кистинцы» (Джамлет, 54 года).

«Вы, мол, грузины. Тогда если мы грузины, то вы,— говорю, русские» (Георгий, 58 лет).

«Ну и что, что я и кистинец: я гражданин Грузии и кистинец, я их часть» (Нодар, 30 лет)

Грузинское общество считает кистинцев чеченцами: *«В Тбилиси все знают, что кистинцы — это чеченцы. Когда со мной кого-нибудь знакомят, друга или товарища, то говорят про меня, что я чеченец»* (Таризл, 25 лет). Можно сказать, что кистинцы оказались перед дилеммой:

с одной стороны, подталкивание к чеченской идентичности со стороны грузин да и собственная тяга к идеализированным чеченцам, а с другой — непризнание кистинцев «своими» со стороны самих чеченцев. На это наложились противоречия в этнической самоидентификации у разных поколений кистинцев. Старшее поколение старается сохранить кистинскую автономию, закрывая глаза на появление новых обстоятельств. Новое же поколение, которое выросло уже в «чеченской атмосфере» Панкиси, чувствует себя чеченцами. На фоне этих противоречий кистинское общество создает собственный образ «чистого, архаичного чеченца», о чем будет сказано позже.

Историческая память

Вопрос о происхождении кистинцев в разных семьях обсуждался по-разному. Например, в семье Таризла разговоров о происхождении не было. 37-летняя Нана также говорит: *«Не было в нашей семье много разговоров о Чечне. Я сейчас так говорю, а может это вина родителей, может, в других семьях был об этом разговор, например, есть семьи, где подробно знают, к какой ветви они принадлежат, я тоже знаю, но только после того, как сама заинтересовалась, каждый заинтересуется своими предками»*.

Иная ситуация была в другой семье: *«Я всегда знала, что я чеченка, в моей семье это знали»* (Лейла, 40 лет). В отличие от семьи Лейлы, большинство жителей Панкиси имели смутное представление о своем происхождении. По словам Наны, *«раньше многие кистинцы не знали, что они чеченцы, не знали, где находится Чечня. Вера тогда не была сильной, как сейчас. Сейчас они более укоренились, это случилось после того, как народ начал переходить туда (в Чечню) и все увидели, что говорят на одном языке»*. Нана после того, как узнала о чеченском происхождении кистинцев, начала собирать информацию о своих предках и обнаружила, что *«трое братьев, наши предки, приехали сюда, ведь у нас была кровная месть. Эта история случилась давным-давно. От этих трех братьев пошла ветвь, (один) был Хирга и нас по-домашнему, по-кистински называют Хиргашвили. Мы сами из Х. и поэтому нас также называют тамошними [х-льцами]. Эта местность, оказывается, в Чечне, в горах»* (Нана, 37 лет).

Другая информантка, Нази, рассказывает об истории семьи следующее: *«Мой отец по происхождению чеченец. Мой дед приехал как-то сюда, к родне жены, и когда переселяли чеченцев, случайно спасся, так как родственники жены дали ему здешнюю, кистинскую, фамилию»* (Нази, 28 лет). Информантка была знакома с чеченцами и, в отличие от других панкисцев, чеченцы для нее не представляли экзотики, но, несмотря на это, (а может, и благодаря этому) она четко разделяет чеченцев и кистинцев. Иначе говоря, в ее семье кистинцы и чеченцы представлены в виде двух различно идентифицированных групп.

Джамлет, твердо отстаивающий кистинскую идентичность, так представляет происхождение кистинцев: *«Оказывается, раньше всех называли кистинцами: и чеченцев, и ингушей. А еще раньше нас называли дзурдзуками. После того и чеченцы отделились, и ингуши, а мы, так 200 лет тому назад и даже больше, ушли оттуда. Некоторые ведь перешли в Чечню, я ведь тоже ушел в 80-е годы, многие чеченцы даже не знали о существовании кистинцев»* (Джамлет, 54 года). Эта версия интересна тем, что она совпадает с мнением большинства историков. В период, когда кистинцы поселились на территории Панкиси, в вайнахских племенах действительно не существовало строгого разделения (особенно административного). А грузины называли «кистинцами» всех вайнахов. Излагая эту версию, информант подчеркивает свое вайнахское происхождение, но не заостряет внимания на чеченском происхождении, акцентируя кистинскую идентичность.

Интересно, что в большинстве семей моих информантов был недостаток информации относительно происхождения, хотя сегодня все более или менее уверены в чеченских корнях кистинцев. Они часто говорят «я убедился(лась), что я чеченец(-ка)», хотя в деталях почти никто не может обосновать свое чеченское происхождение. Это тем более интересно, что население Панкисского ущелья ездит на заработки и к ингушам, с которыми у них также много общего. Однако кистинцы своими предками подчеркнута «избрали» чеченцев.

«Здесь моя Родина»

Для панкисских кистинцев очень значима тема родины. Они считают, что по происхождению они чеченцы, но их родина — Грузия. Даже несмотря на то, что многие кистинцы из Панкисского ущелья переселились в Чечню,

большинство из них сохранили свое жилье в Грузии. Свой отъезд в Чечню кистинцы объясняют исключительно экономическими мотивами. *«Я родился здесь в Джоколо, здесь вырос, это моя родина. Я окончил грузинскую школу. Меня все связывает с Грузией. В Чечню я поехал позже, в 1997 году. До начала войны был там. После войны я опять здесь. <...> Если бы здесь были условия, кто бы уехал? Все хотят быть рядом с домом, со своей семьей»* (Таризл, 25 лет). Таризл считает Грузию самой комфортной для проживания, так как и образование у него грузинское и панкисское окружение для него естественно. Поэтому в будущем он бы хотел жить в Грузии: *«Я бы желал жить здесь. Даже если будет очень трудно, хочу жить здесь»*.

Все мои информанты без исключения говорят об отъезде из Панкиси как бы оправдываясь. Как и Таризл, другой информант утверждает: *«Куда бы я не пошел, если даже по горло будет всего — денег, жилья, я все равно предпочитаю (жить) здесь, где я родился и вырос. Я только ради детей уехал в Грозный»* (Георгий, 58 лет). Еще один мой собеседник говорит: *«Я бы и не уехал отсюда, что меня гонит? Я здесь родился, вырос, привык ко всему, это — моя родина. Может, я и перешел бы туда, но там не жил бы, если бы здесь хорошо жили. Можно там быть много лет, купить 10 домов, но покидать здешние места никому не пожелаю: где выросли наши отцы и деды и где мы провели хорошее детство»* (Илия, 58 лет).

Жить на родине, собственной земле очень важно для кистинцев. И это отличает их от чеченцев, для которых в ближайшей перспективе возвращение на родину исключено. Мои собеседники подчеркивают, что родина, Грузия, для них не просто место проживания. Взаимоотношения с грузинским населением, самоутверждение в грузинском обществе — значимая для них тема. *«И школа, и техникум, много очень у меня друзей-грузин. Фактически чеченский [характер, дух] не знаю, я воспитана более по-грузински, и очень люблю Грузию. <...> Между прочим, я горжусь, что родилась в Грузии. Окончила грузинскую школу. Это очень влияет. Люблю Грузию»*, — говорит 37-летняя Нана, первый муж которой был грузином.

Во время интервью многие старались показать свой патриотизм. По словам Наны: *«Если случится какое-то напряжение, и скажут: «Выбери одну [сторону]», я не смогу выбрать, ни одной стороной не смогу пожертвовать, никем. Один ребенок у меня от грузина, один от чеченца»*. Пример семьи Наны хорошо отражает двойственность кистинского общества

и преданность как исторической, так и реальной родине. *«Настоящий кистинец не пойдет против Грузии. Авторитет кистинцев подточен, это обидно, кистинец никогда не предаст Грузию. 10 лет тому назад ведь такого не было»* (Нодар, 30 лет).

Тема «предательства» возникает неоднократно. Кистинцы как бы извиняются за то, что они «не совсем грузины», и предполагают, что их могут подозревать в нелояльности. Доказательства своей преданности Грузии они ищут в истории. Упоминается сравнительно недавний период, связанный с подъемом национального движения в Грузии, когда в борьбе за независимость от СССР (России) Грузия и Чечня были союзниками. Это было время, когда панкисское население чеченского происхождения чувствовало себя включенным в текущий политический процесс (приезд лидера Ингушетии, представителей Чечни; признание независимости Чечни на сессии парламента в Грозном). Кистинцы также вспоминают, что и много ранее, в 1924 году, они оказывали помощь восстанию грузин против России под предводительством героя грузинского народа Какуцы Чолокашвили (существовал план широкого участия горских народов, и в частности чеченцев, в этом восстании).

Эпизоды совместных действий грузин и чеченцев оказали большое влияние на мировоззрение некоторых информантов. Один из них, Нодар, говорит: *«Моя мечта и сегодня в том, чтобы делать что-либо хорошее. Брат моего деда был правой рукой Какуцы Чолокашвили. Очень хочу попасть на могилу Какуцы во Франции. Часто думал об этом. Ведь во время Звиада [Гамсахурдия] Какуца был объявлен национальным героем. Брат моего деда, который [до этого, в советский период], разумеется, считался разбойником, и он был объявлен национальным борцом. Это для меня было большой гордостью – что национальным борцом Грузии объявили моего предка* (Нодар, 30 лет). Нодар постоянно активно участвует в общественных акциях, начиная с тбилисских событий 9 апреля (митинг протеста с требованием восстановления независимости Грузии и разгон его советскими войсками, повлекший гибель некоторых участников) и кончая «революцией роз». Сегодня он явно переживает за Грузию и, как и Таризл, связывает с ней свое будущее: *«Если Грузия будет счастливой, то и Панкиси будет счастливым, потому что мы — Грузия. Я не люблю этого — «ты кистинец, он грузин», я — гражданин Грузии»*.

Самые вайнахские вайнахи?

Как уже отмечалось, процесс изменения идентичности в кистинском обществе протекает довольно сложно. Старшее поколение кистинцев отстаивает старую идентичность. Молодые оказались более подвержены влиянию происходящих в обществе изменений. Произошло размежевание поколений. Это породило дискуссию об этнических различиях кистинцев и чеченцев. Те, кто ощущают себя кистинцами, стараются подчеркнуть в беседах те свойства, которые считают «кистинскими». Описание своего общества идет в сопоставлении с чеченским. *«Есть сходство во многом и различия. Здесь кистинцы выросли в другой атмосфере, чеченцы — совсем в другой. В нашем народе нет столько предательства и доноса, как среди чеченцев, их в 100 раз больше нас, нас мало.<...> Среди них также много хороших. Нас мало и мы ближе, поддерживаем и помогаем друг другу. Разве среди нас нет плохих людей? Конечно же есть. Сходство в том, что у нас один язык, одна религия, законы — дедовские, традиции почти одинаковые, сильно не отличаются. Но среди чеченцев нет столько разборов по отцовским (традициям, правилам), как здесь»* (Джамлет, 54 года). Такого рода представления довольно типичны для жителей Панкисского ущелья.

Кистинцы указывают, что они как общество очень сплочены в отличие от чеченцев. Между прочим, с этим соглашаются и чеченские беженцы. Высокая степень сплоченности кистинцев обеспечивается, с одной стороны, правилами адата, с другой — их малочисленностью и явными отличиями от других жителей Панкисского ущелья. Благодаря тому, что кистинцы особенно поддерживают друг друга, эффективна была трудовая миграция, поскольку уехавшие на заработки кистинцы после обустройства забирали к себе братьев, сестер и других родственников. Но это же стало причиной того, что кистинцы не в состоянии реорганизовать свое общество. Например, они не могут изблечь члена сообщества в каком-либо проступке, так как это коснется чьего-то родственника, затронет чьи-то интересы и ответная реакция может стать губительной.

Кистинцы постоянно стараются подчеркнуть, что они не второсортные чеченцы, а совсем наоборот: именно их общество — это то вайнахское крыло, которое смогло сохранить в самом чистом виде основные ценности и черты характера вайнахов. Кистинцы отрицают представление чеченцев о том,

что кистинцы якобы ассимилированы в грузинском обществе, и подчеркивают, что главные вайнахские ценности у них сохранены лучше, чем у других народов тех же корней, а влияние грузин в основном проявляется в «гостеприимстве, еде и свободе» (Георгий, 58 лет).

Один из самых сильных аргументов своего превосходства над чеченцами кистинцы видят в сохранившемся в ущелье языке. Несмотря на то, что кистинцы получали школьное образование на грузинском языке и не имели возможности где-либо обучаться на кистинском, они сохранили язык в отличие от чеченцев и ингушей, говорящих в основном по-русски. Особенно это относится к городским жителям. *«В городах в основном говорят по-русски. Мы можем говорить и по-грузински, [и на родном языке]. Они не могут – половина говорят по-русски. Я думаю, они свой язык не знают хорошо»* (Илия, 40 лет). *«Мы говорим по-кистински, редко примешиваем грузинский. Они (чеченцы) наполовину по-русски говорят»* (Георгий, 58 лет). Информанты подчеркивают, что чеченцы не только не знают родного языка, но и если даже знают, то их язык давно потерял свою первозданность: *«Как мы говорим по-кистински — это древнейший язык. Иногда примешиваем грузинский, но можем полностью говорить по-кистински. Иногда из-за этого были проблемы, скажем, мы начинаем говорить на своем языке — они не понимали, смотрели удивленно, не знают своего языка, пустили на самотек свой родной язык, их это, извините, не волнует»* (Илия, 40 лет).

В настоящий момент очевидно, что существует определенная натянутость между чеченцами и кистинцами, так как появление беженцев в маленьком Панкисском ущелье создало много неудобств в быту, способствовало криминализации и т.п. Сосуществование с чеченцами лицом к лицу в экстремальных условиях, по-видимому, значительно изменило идеализированный образ, существовавший в ущелье до их появления: *«После войны много чего изменилось. Многие проявили свое лицо. Если вдруг случилось с тобой какое-то несчастье, то уже знаешь, какая реакция будет у людей, куда побегут. После прихода чеченцев много чего испортилось, многих молодых людей они взбаламутили на свой лад, многие исправились, многие чему-то научились. Такова жизнь. Хорошее надо принять, плохое не нужно»* (Джамлет, 54 года).

В то же время, очевидно, что противостояние поколений и уменьшение влияния старших кистинцы ставят в вину чеченцам. Чеченцы считаются

причиной тех изменений и раздоров, которые расшатывают порядок кистинского сообщества.

Адат

Институт адата играет огромную роль в кистинском обществе, так как он по сей день регулирует жизнь членов этого общества. Это стержень, благодаря которому удастся сохранить коллективную идентичность кистинцев, его соблюдение считается основной ценностью.⁴ События последних лет в Панкисском ущелье внесли изменения именно в эту сферу. И они оказались болезненны для большей части кистинского общества. Как правило, адат был на первом месте, а религия — на втором. Рост религиозных настроений и вмешательство религии в процессы регулирования повседневной жизни поставили под угрозу доминирующую роль адата. Именно поэтому поборники адата воспринимают как опасность распространение в ущелье ваххабизма, влияющего на молодое поколение, которое становится всё более религиозным.

Кистинцы очень преданы своим обычаям. Информанты подчеркивают, что это один из признаков, по которым кистинское общество стоит выше чеченского: *«Обычаи у нас и у них мусульманские, но воспитанность и адаты больше – среди нас. Наш народ не потерял своих правил»* (Георгий, 58 лет). *«Адаты, правила у нас на первом плане»* (Илия, 58 лет). Однако необходимо сказать, что степень следования адату в разных семьях различается. Семьи, открытые грузинскому обществу, сравнительно меньше соблюдали обычаи: *«[В нашей семье] более-менее были обычаи, но было большое влияние грузин. В семье традиции старшинства более-менее соблюдались. Это всегда было у нашего народа»* (Таризл, 25 лет).

После прихода чеченцев обычаи адата, близкие грузинским, постепенно теряют свою силу. По словам одного из информантов, раньше было распространено поклонение иконе (т.н. «хатоба»): *«Люди шли, подносили пожертвования, развлекались. После прихода чеченцев эта традиция исчезла. Остались единицы, которые туда идут»* (Таризл, 25 лет). По мнению другого информанта, основные традиции остаются в силе: *«Адаты пока что кистинские: если войдет старший, все встанут. Если в роду*

⁴ Шубитидзе В. Безопасность и способность адаптации этнической культуры к новой социально экономической среде // Панкисский кризис. Тб., 2002. С. 87-88.

кому-то плохо — все должны помочь. Соберут деньги для помощи» (Нодар, 30 лет). Подчеркнем, что судейство преступлений по адату совершенно противоположно административно-правовым принципам государства. *«Сюда милиция никогда не приедет, если знает, что мы разбираем дело. Если мы не разобрались, тогда включается милиция»* (Джамлет, 54 года); *«Разбор плохого и хорошего в основном происходит в соответствии с адатами, если сложилась тяжелая ситуация или произошла кража или убийство, стараются не обращаться в суд, потому что куда бы не пошли, должны будут сесть в тюрьму. Даже если покинут ущелье, потом, через годы все равно здесь разберут содеянное»* (Илия, 58 лет).

Адат особенно строго контролирует приватную сферу, что вызывает недовольство молодых: *«Адаты общины хорошо воздействуют на воров и преступников, но что сказать о другом? Если, скажем, рушится семья, это ведь должны решать муж и жена. Почему это должна решать община? Здесь, если внесешь иск в суд, это считается постыдным. Я, например, против этого. Если я разошелся с женой, принадлежит ей доля или нет, это должен разобрать суд, а не кто-то в этой лощине, кто не знает, что такое дважды два»* (Нодар, 30 лет). Адат создает порочный круг в обществе, именно он был причиной укоренения криминальных элементов в Панкисском ущелье и именно он представляет преграду для развития гражданского общества, о чем прямо говорит, правда, только Нодар, который считается в ущелье ваххабитом: *«Да, все адаты, адаты! Адаты-то хорошо, но уже какой век, ведь надо и кое-что другое учитывать, адаты хороши и надо их уважать, но только этого недостаточно. Скажем, кто-то нарушил что-то и сказал, это деревенскому гамгебели [главе администрации], потом между родами будет недовольство. Дело опять же должны рассмотреть старейшины. Если я гражданин Грузии, то меня ведь закон должен судить. Население не должно бояться говорить правду и выявлять преступника»* (Нодар, 30 лет). Информант считает верующую молодежь прогрессивной частью общества и описывает такой эпизод: *«Мы, молодые не хотели того, но нам всегда мешали в установлении порядка. Например, в 2002 году у Х. нашли больше килограмма наркотиков. Когда молодежь захотела уничтожить это, ей воспрепятствовала милиция, старейшины. И милиция, и старейшины хотели,*

чтоб им передали и они уничтожили наркотики. К счастью, молодые не послушались этого и уничтожили 1 кг и 650 г наркотиков, бросили в Алазань (река) на глазах у народа». Исходя из его слов, институт старейшин способствует покровительству криминала и коррупции.

Религия

После распада Советского Союза на всем постсоветском пространстве существует тенденция к увеличению роли религии в обществе. Кистинцы — мусульмане. Существовавший на Северном Кавказе суфизм был хорошо согласован с местными обычаям, традициями и потому на регулирование общественной жизни адат оказывал большее влияние, чем формальные религиозные институты. Это особенно наглядно проявилось в кистинском обществе, в течение долгого времени оторванном от мусульманского мира, так что мусульманство здесь было представлено скорее номинально.⁵ Схожая ситуация была и в Чечне, хотя она радикально изменилась после первой чеченской войны. Война оказала сильное влияние на массовое обращение в веру. В эту волну попали уехавшие из ущелья кистинцы, что сказалось и на оставшихся. Кроме этого, обращение кистинцев к религии было обусловлено проникновением в ущелье чеченских беженцев и деятельностью многочисленных религиозных проповедников, приезжавших в Панкисское ущелье из арабских стран. Многие молодые панкисцы уехали потом туда, чтобы получить религиозное образование.⁶

Степень религиозности общества резко возросла в последние годы *«Примерно 3-4 года, как усилилось массово влияние религии. Человек обязательно должен быть религиозным». (Таризл, 25 лет). «Теперь уже несколько лет я не пью, 23 года как бросил пить и молюсь», —* вторит ему другой информант (Георгий, 58 лет). О влиянии чеченцев и быстром распространении религии говорит и Нодар: *«60-70% вместе с женищинами и детьми уже следуют религии. С тех пор как началась война, и чеченцы пришли сюда, и кистинцы, жившие в Чечне вернулись, которые здесь были незаметны. После этого началась активность в отношении религии, начали молиться. Оба фактора — и ислам, и чеченцы. До 2000 года я и*

⁵ Чиковани Г. Структурные изменения поселения, конфликтные ситуации и традиционные механизмы их урегулирования // Панкисский кризис. Тб., 2002. С. 131.

⁶ Акаев В. Религиозно-политический конфликт в Чеченской «Республике Ичкерия» // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5). С. 107.

не знал, что такое это вероисповедание. Я знал, что я мусульманин, но что из того ... С 2000 года как я начал молиться, так по сей день и молюсь. В моей семье никто не молился, сейчас все мы молимся. Нет уже такой семьи, чтобы ее 2-3 члена не читали молитвы» (Нодар, 30 лет). Нодар считает обращение к религии самым значительным событием своей жизни: *«До сих пор я ничего не сделал, вот это видно, абсолютно ничего не изменилось в моей жизни. Только то изменилось, что в мою жизнь вошла религия. В молодости я и не знал, что такое религия, только о демократии думал»*. Он видит в распространении религии спасение от преступности и наркомании. По его рассказам, наркотики начали распространяться в ущелье еще до прихода чеченцев и ежедневно находили погибших от наркотиков молодых людей (в том числе девушек), но распространение в ущелье религии значительно улучшило ситуацию: *«Так хорошо было, что сюда вошла религия, многим наркоманам эта вера помогла исправиться, заставила бросить наркотики. Они затворялись в мечети и читали молитвы. Многие в ущелье вели себя плохо, но те, кто приобщился к религии, стали лучше»*.

Нельзя не упомянуть о ваххабизме, который играет определенную роль в Панкиси. Ваххабитское течение представляет собой одну из мусульманских сект, возникших в суннитском ответвлении ислама. Как и все сектантские движения, ваххабизм подразумевает приближение к фундаментальным формам религии. Ваххабизм проник в ущелье из Чечни, и его популяризация происходила усилиями религиозных арабских религиозных деятелей, подкреплявших свои проповеди раздачей гуманитарной помощи. Со временем к ваххабитам примкнули различные криминальные группы. В глазах населения сегодня ваххабизм в общем дискредитирован. Хотя некоторые оказывают ваххабитам доверие и считают их честными людьми, но большинство жителей ущелья видят в этом течении большую опасность. Основное сопротивление ваххабизму оказывает старшее поколение, так как тот прямо противостоит укорененным религиозным практикам, опирающимся скорее на адат, чем на строгие религиозные предписания. Ваххабизм расколол верующих.⁷ Один из ваххабитов так характеризует это течение: *«Это были верующие молодые люди, которых сейчас называют ваххабитами. Порядочные ребята, которые и веруют, и не курят, и прилично живут*

⁷ Шубитидзе В. Указ. соч. С. 94-95. Недавно в селе Дуиси без согласования с местными жителями и властями ваххабиты выстроили новую мечеть, что вызвало волнения.

в ущелье. Собрались 50 таких молодых людей и решили очистить ущелье от этих наркотиков. <...> В Панкисском ущелье есть похожие на меня люди, которые уже давно читают молитвы, 20-30% — на стороне молл, которые совершенно не молятся, но идут против более порядочной молодежи» (Нодар, 30 лет). Нодар однозначно указывает, что муллы и их сторонники смотрят на религию формально и испытывают дискомфорт от желания молодежи изменить общество. «Если у молодых людей есть вера, они не курят, не пьянствуют, не принимают наркотики, не распространяют их, они сунниты, но их называют ваххабитами. Они запрещают торговлю наркотиками, но существуют и сунниты, которые и наркотиками торгуют, и криминал покрывают. Среди них и есть противоборство». В отличие от большинства кистинцев, считающих ваххабизм опасной силой, Нодар, напротив, воспринимает защитников традиции как людей, покрывающих пороки общества. Он так обобщает религиозные различия между поколениями: «Сейчас все молодое поколение молится, а старики — неверующие». Противостояние поколений можно описать как в терминах кистинской и чеченской идентичности, так и в терминах противостояния адата и религии.

Война в Абхазии

Очень болезненным для кистинцев является вопрос об участии чеченских «боевиков» в войне против Грузии на стороне абхазцев. Грузины, считающие кистинцев чеченцами, часто припоминают им этот факт. Подозрение в «предательстве» воспринимается кистинцами довольно болезненно: «Был такой момент, когда между нами возникла вражда, я не обвиняю грузин. Это был момент в Абхазии, когда чеченцы шли и там воевали на стороне абхазцев. В это время у грузин была причина [для недовольства]. Я это испытал на себе, когда приехал в Тбилиси. Мне тогда говорили, что вы, мол, враги грузин. Они были правы, я не обижался, и я принимал на себя ответственность из-за того, что мой народ воевал вместе с абхазцами» (Джамлет, 54 года). Об отрицательном отношении со стороны грузин в связи с этим говорит и другой информант: «Нам напоминали, что мы там воевали, я и в Тбилиси чувствую это. Недовольны пребыванием там чеченцев. Был случай, когда даже лектор

сказал об этом. Когда узнают, что я кистинец, первая реакция — отметить обиду на чеченцев». (Таризл, 25 лет). Однако Таризл стремится продемонстрировать, что он патриот Грузии. На возражение против того, что абхазы боролись за независимость, как и чеченцы, он отвечает в логике двойного стандарта: *«Абхазцы тем отличаются от чеченцев, что чеченцев покорил Россия, и по отношению к ним идет сопротивление и бои, а Абхазия — грузинская земля, и абхазцы — пришлый народ. Нельзя сравнивать Чечню и Абхазию»*.

Дискриминация

Тяжелая криминальная ситуация в Панкисском ущелье и создании негативных стереотипов в средствах массовой информации сыграли свою роль в формировании отрицательного отношения к кистинцам. Эти стереотипы становятся основанием дискриминационных практик. *«Не только в Грузии, но повсюду, как узнают, что ты кистинец, считают тебя террористом или криминалом, или похитителем людей, так на тебя смотрят. Нигде не происходит такого ущемления прав кистинцев, как в Ахмета. Ты кистинец — значит криминал»* (Нодар, 30 лет). Большинство панкисского населения отмечает и отрицательное отношение к себе со стороны правоохранительных органов. Более того, дискриминация воспринимается как провоцируемая высшим руководством. Например, тот же Нодар приводит слова одного из высокопоставленных чиновников: *«В Панкиси живут террористы, имеющие свое вероисповедание, и их надо вылечить»*. Об образе кистинца как потенциального преступника говорит и другой информант: *«Одно, что мне не нравится в грузинах, если какой-нибудь кистинец сделает что-либо плохое, говорят кистинец и потому так. Значит мы все плохие, а я сколько живу, ничего плохого не делал. На нас всех смотрят одинаково. Да, может, какой-то кистинец сделал что-то плохое, но я-то причем?»* (Георгий, 58 лет).

Информанты не отрицают, что ситуация в ущелье действительно тревожная: *«Бывают иногда воровство и драки, маленькие стычки. На это не стоит обращать внимания, есть жалобы, что, дескать, нас кистинцы беспокоят. Это было во время беспорядков. Сейчас все немного поутихло, наверное, и абхазский синдром перейдет на вто-*

рой план» (Джамлет, 54 года). Однако стереотипы складываются не одномоментно. И абхазская война, и последствия «панкисского кризиса» наложились на прежние представления грузин о мусульманах-кистинцах как о «исторических врагах». Моя информантка, которая была невесткой в грузинской семье, так вспоминает отношение к ней свекрови: «Между прочим, моя семья лучше приняла зятя, а семья мужа плохо, меня «кровопийцей» [называла] свекровь и со мной два месяца вообще не разговаривала. Как только мы появлялись, свекровь говорила моему мужу: вот пришел татарский зять. Так его оскорбляла. Я очень [тяжелый] такой путь прошла, мне было очень больно. Предпочла бы, чтоб меня ножом ударили» (Нана, 37 лет).

Ubi bene ibi patria?

Мои информанты стоят перед экзистенциальным вопросом — как жить дальше? Общество находится на распутье. *«Сейчас мое будущее неясно. Здесь у меня нет своего дома» (Джамлет, 54 года). «Мы — с протянутой рукой, и это очень плохо. Когда ничего хорошего не происходит, то или об уходе или о бегстве думается. Хотя предпочел бы остаться здесь и иметь мирные условия. Для моих детей я пожелал бы спокойствия, мира и хороших отношений как с грузинами, так и с внешними соседями. Лучшей жизни».* На нестабильное положение указывает и другой информант, который связывает свое будущее только с Грузией: *«Без Панкисского ущелья я жить не могу, если предложат жить в другом месте, никогда не смогу уехать. Если Грузия превратится целиком в демократическую страну, то здесь стоит жить. В такой стране не было бы беззакония. В первую очередь не должно быть страха, что сегодня-завтра кто-то причинит тебе зло» (Нодар, 30 лет). «Думаю об отъезде, ведь детям — учиться, надо им создать нормальные условия. Если бы здесь было что-нибудь, но нет ... для нас ни у кого нет времени. Когда туда (в Чечню) уходишь, хоть что-то есть, дети будут нормально учиться, может, будут работать. Если бы здесь была работа, то я бы работала, но где? Нет ничего. Граждане Грузии без работы, что мне дадут. Как будто дают помощь, но этого не хватает. Не могу представить себе свое будущее в Грузии. Если бы я была одна,*

может, и подумала бы об этом, но не теперь», — говорит моя собеседница Маквала.

Другая информантка видит будущее в благополучной карьере детей в грузинском обществе: *«Мой сын будет, наверное, при должности, это мои мечты, будем жить более нормально. Будет возможность лучшей жизни»* (Нана, 37 лет). О будущем детей говорит еще одна собеседница: *«Хочу, чтобы [дети] были хорошими и воспитанными. Если там [в Чечне] ситуация исправится, то поедем туда. Экономически нам там было лучше. Здесь раз в два месяца нам помогают, но мы едва вытягиваем, мне все равно, где мы будем, там или здесь. Главное, сделать для моих детей то, что нормально для их развития. <...> Отец считает, они должны идти путем Корана, когда моей девочке семь лет исполнится, она, мол, должна начать молитвы, надеть длинное платье, платок на голову, чего я очень не хочу, ну зачем ему ученица в косынке и длинной юбке. Моей девочке уже девятый год, но я не могу на нее надеть косынку и терпеть не могу длинные подола»* (Лейла, 40 лет). Муж же добавляет: *«Если мой сын хотя бы пригубит вино, я ему пулю в лоб пушу, он моим сыном не будет»*.

Границы изнутри

Важнейшей практикой, отличающей кистинцев от других этнических групп, является соблюдение адата. Строгий контроль и высокая степень сплоченности общества оставляет для его членов минимум пространства для индивидуальной свободы. Степень открытости и контакты с представителями других этнических групп контролируются родственниками и кистинским обществом в целом. Особенно жесткие образцы поведения предписывает адат женщинам. Существенные гендерные различия видны при вступлении в брак: *«Мужчина свободен в выборе, может привести в жены, кого захочет, со стороны родителей возможны пожелания и советы, но он и сам может выбрать и привести. <...> У женщины в принципе нет свободы выбора: бывают иногда случаи, когда возвращаются обратно, но некоторые боятся осложнений и остаются в семье (мужа). Возвращение у нас — большая редкость, в основном девушка остается у того, кто её похитил»*. (Таризл, 25 лет).

В женских интервью подчеркивается та жертва, которую приносят кистинки ради соблюдения адата. Вступить в брак с грузином — это бросить вызов обществу. *«В моем доме дед и старшие хотели нас разлучить. В то же время очень любили моего мужа. Моя мать особенно любила и сестры, со всеми были хорошие отношения»,* — говорит информантка (Нана, 37 лет), которая была замужем за грузином. Родня была решительно настроена против зятя-грузина: *«Мои родители не были против него, скорее - родня. Говорили, надо их развести, обязательно вам надо разойтись. Иногда так грубо говорили мужу, ты наш зять и хороший парень, но должен уйти».*

В случае Маквалы семья знала, что она собиралась выйти замуж за грузина, и поэтому способствовала ее похищению кистинцем после сговора с будущей родней. *«Моя семья-то знала, но проблема была в том, что я была кистинка, а он грузин».* Вынужденная расстаться с любимым человеком, Маквала рассказывает: *«Я не начала кричать и причитать, все равно это не имело смысла. Я поняла, что меня свободно увели бы из дому, потому что там же был мой отец, и мама была дома. Одним словом, дело было сделано, и знали, что я не откажу, а хотя бы и отказала, все равно меня отдали бы. Через месяц после замужества, я еще попыталась вернуться домой, но мать сказала мне: «Дочка, не губи меня, не делай этого!»*

Необходимо отметить, что строго ограничен людьми своей этничности только выбор брачного партнера, но это не распространяется на другие формы взаимоотношений — дружба и т.д. Кроме того, кистинское общество осуждает смешанные браки только тогда, когда дело касается замужества: *«Я положительно отношусь, если грузинка выходит замуж за кистинца, но отрицательно, если кистинка выходит замуж за грузина. Такое различное отношение из-за религии»* (Таризл, 25 лет).

Сегодня контакты между кистинцами и представителями других этнических групп становятся всё более редкими, чему способствовал и приход чеченцев в ущелье. На фоне изменения отношения к традиции и кризиса кистинской идентичности остается все меньше точек соприкосновения между грузинским и кистинским населением.

Выводы

Исследование показывает, что конструирование этничности сильно зависит от меняющихся условий жизнедеятельности. Кистинцы, поселившиеся в Панкисском ущелье два века тому назад и ранее занимавшиеся скотоводством, охотой и угоном чужого скота, начали осваивать земледелие, несмотря на отсутствие земледельческой традиции и даже «постыдность» этого занятия для мужчин. Поначалу земледелие было в основном делом женщин, но со временем такая модель разделения труда стала рушиться. Структуры занятости живущих рядом кистинцев и грузин практически перестали различаться.

Дальнейшее сближение с грузинами шло в советский период. В паспортах были записаны грузинские фамилии. Кистинские женщины активно получали образование, которое шло на грузинском языке. Кроме того, постепенно росло число смешанных браков. Кистинцы стали представлять себя одной из грузинских народностей.

Кризис этнической идентичности пришелся на 1990-е годы. С одной стороны, актуализировалась этничность. Национальные меньшинства, особенно в период правления Гамсахурдия, чувствовали себя дискриминированными. Одновременно участие чеченцев в абхазской войне на стороне абхазов ощутимо изменило отношение грузин непосредственно к кистинцам, на которых «легла тень» чеченских наемников. С другой стороны, изолированные прежде кистинцы начали ездить на заработки на Северный Кавказ, и через этих трудовых мигрантов стала распространяться информация о «вайнахских корнях». Позже эта тенденция усиливается благодаря тому, что Чечня начинает выступать идеологическим союзником Грузии в борьбе за независимость, а также приходу в Панкиси чеченских беженцев и боевиков. Чеченская война решающим образом повлияла на жителей Панкисского ущелья, сделавших выбор в пользу чеченской идентичности.

Таким образом, два внешних фактора — усиление фрагментации грузинского общества по этническому признаку и рост престижа чеченцев на всем Северном Кавказе — дали толчок к переоценке этнической идентичности панкисцев.

Приход чеченцев внёс дискомфорт в налаженную адатом жизнь. Быстро начала распространяться религия, в том числе ваххабизм. Старшее

поколение стало терять влияние. Раздражение вызывало и то, что тепло принятые чеченцы не признавали кистинцев чеченцами. Стали явственными и отличия, существующие между этими двумя группами. Соответственно, кистинское общество встало перед необходимостью еще раз пересмотреть свою идентичность и сформулировать новый этнический код. Этот код включает в себя традиционные ценности, которые сохранились в силу исторических обстоятельств и которые трансформировались у других вайнахских народов, живших в других условиях. Новый образ самих себя — это образ «чистого (подлинного) чеченца». Он закреплён такими аргументами, как сохранение адата, сплоченность общества, всеобщее знание родного языка и его сохранение в «чистом» виде. Еще одним отличительным признаком является тот факт, что своей родиной кистинцы воспринимают Грузию. Таким образом, кистинцы видят себя в наиболее «чистом» виде сохраненной вайнахской группой⁸.

На сегодняшний день для кистинского общества характерно противостояние поколений, чему есть несколько причин. Во-первых, существенны различия в советской и постсоветской социализации в целом. Во-вторых, новое поколение разделяет чеченскую идентичность и преданно религии, а старшее — пытается сохранить кистинскую идентичность, опираясь при этом на адат, которому грозит опасность именно со стороны молодёжи, стремящейся уменьшить влияние старшего поколения.

Сегодня кистинское и грузинское общество имеют разные ориентиры, что увеличивает дистанцию между ними. Новая реальность, в которой резко уменьшилась роль чеченцев, и в которой единые кавказские идеи относятся скорее к прошлому, чем к будущему, вновь ставит перед кистинцами вопрос об их идентичности и месте в этой новой реальности.

---

⁸ Это не уникальное, присущее лишь кистинцам представление о себе как о носителях «чистой», «подлинной» этнической культуры. Исследования показывают, что сохранение традиции (отсталость) выдают за преимущество, например, российские немцы, турки-месхетинцы и некоторые другие группы (см.: Бредникова О. «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я всё-таки немец...» // Конструирование этничности / Под ред. В.Воронков, И.Освальд. СПб, 1998. С. 97-135).

ТАТОЯЗЫЧНЫЕ АРМЯНЕ: 15 ВЕКОВ ОТ «АРМЯНСТВА» К «АРМЯНСТВУ»

Кавказ исторически был и является регионом активных межэтнических и межконфессиональных контактов и процессов. Вследствие этих взаимоотношений формировались группы со сложными идентичностями, исследование этнокультурного развития которых важно как для выявления адаптационных механизмов их существования, так и некоторых закономерностей этнических, политических, конфессиональных процессов, происходивших в регионе.

В исторических источниках и научных публикациях XVIII-XX вв. жители ряда армянских сел Восточного Закавказья стали упоминаться как «татоязычные армяне», «армяне-таты», «таты-армяне», «таты-христиане или григориане». Историческая география татоязычных армян охватывает территорию от Дербента до Апшерона, а в конце XVIII века значительная часть этой группы обосновалась на Северном Кавказе.

Вопросы этнокультурного формирования, исторического развития и этнической идентичности этой группы до последнего времени оставались среди неисследованных проблем кавказоведения. Для формулировки проблем и введения их в научный оборот были важны работы востоковедов Л. Лопатинского¹ и Б. Миллера².

В советские и постсоветские годы без достаточных источниковедческих и теоретических обоснований выдвигаются разные версии, связанные с идентичностью группы. Обсуждаются эти вопросы в числе других проблем и без специальных исследований, используется терминология, которая необоснованно «характеризует» и «описывает» некую идентичность группы. Например, «армяне-таты», «таты-армяне», «армяне-персы», «таты-христиане или григориане», «армяноязычные таты-григориане», «таты-

---

¹ Лопатинский Л. Армяно-татские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. XX. Ч. II. Тифлис, 1896. С. 25-32.

² Миллер Б. Таты, их расселения и говоры // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. № 8. Вып. VII. Баку, 1929. С. 13-17. В своей работе по национальным меньшинствам Армении «армян-татов» коснулись Г. Асатрян и В. Аракелова, приписывая им двойственное самосознание. См. The ethnic minorities of Armenia. Yerevan, 2002. P. 22-23. См. также след. примечание.

кегациерен».³ Следует отметить, что разнообразие и противоречивость вышеназванных терминов в основном является «заслугой» советского времени. В 1960—80-х гг. в советской науке стала преобладать идея о «едином» «татском этносе», который разветвляется по конфессиональным признакам, т.е. «таты-мусульмане», «таты-иудеи» и «таты-христиане».⁴ Моя работа является первым историко-этнографическим исследованием, посвященным этой группе.⁵

Целью этого исследования является изучение изменения идентичности татоязычных армян в течение последних ста лет и современные тенденции ее проявления.

Исторический, этнологический и лингвистический анализ показывает, что формирование упомянутой группы произошло на армянской этнической основе, и что они являются ассимилированными армянами, которые в силу исторических обстоятельств потеряли родной язык, но сохранили армянское самосознание, культурные элементы и христианское вероисповедание.

Их предками являются армянские военные переселенцы, которых Сасаниды в VI в. вместе с персидскими переселенцами размещали в Северо-восточном Закавказье и Южном Дагестане (Дербент, Мушкур и т.п.) для охраны своих северных границ. По раннесредневековой традиции армянский Сюникский нахарарский двор участвовал в охране Дербентского прохода, и в арабских средневековых источниках эти переселенцы так и называются «сиясиджинами», «сиясикинами», «саясиджинами», т.е. «сюникцы» (Сюник — историческая провинция в Армении).⁶ Исторические и лингвистические факты позволяют считать VI-XI вв. периодом формирования группы, когда армянское население Восточного Закавказья подвергается культурно-языковой ассимиляции в восточнокавказской ираноязычной среде.

³ См., например: Бунятов З. Несколько замечаний по поводу этнических процессов в Ширване (до первой трети XIII в.) // Доклады АН Аз. ССР. 1986. № 4. С. 70-74; Калтахчян С. Армяне-персы (армяне-таты) и их язык // Иран намэ. 1995. № 1. С. 8-10 (на армянском яз.); Восканян В. Индо-иранские группы в Армении // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5. С. 58-60; Григорьян К. Субэтнические группы армян (автореф. канд. дис.). М., 2002. С. 11, 25. См. работы Викторина В.: Устойчиво-переходные этноконфессиональные группы Евразийского приграничья (рубеж XX—XXI вв.). <www.rbt.ru/evrazia/r_s/R_Viktorin.rtf>; Исторические связи Астраханского края с прикаспийскими регионами Ирана и современные ираноязычные группы населения в этнической структуре области; Астраханский край и Северный Кавказ: Связующие этноконфессиональные пути и периоды развития (группы культурно-специфической традиции). <http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/reg_ist/iran/docs/12.pdf>.

⁴ Матагов М. К вопросу о татском этносе // Советская этнография. 1981. №5. С. 109-112; Голотвин Ж., Матагов М. Таты // Вопросы истории. 1986. №11. С. 185-188; Матагов М. Татская народность: история и проблемы // Российский ежегодник. 1990. Вып. II. С. 53-62; Губолго М., Симиченко Ю. // Таты. №34. Союз 1991; О горских евреях см. Семенов И. Горские евреи Кавказа. Некоторые аспекты этнической идентификации // Центральная Азия и Кавказ. №3. 2003. С. 191-200.

⁵ Акопян А. Татоязычные армяне (историко-этнографическое исследование). Дис. ... к.и.н. Ереван, 2002 (на армянском яз.).

⁶ Об этом см. Акопян А. Об армянских и иранских этнокультурных внедрениях в Восточном Закавказье (на примере формирования одной группы) // Ближний Восток. Ереван, 2002. С. 26-43 (на армянском яз.).

В разные исторические времена этническая идентичность татоязычных армян, отражая политические, культурные и этноконфессиональные процессы региона, испытывала интересные трансформации. В средние века главным этносохраняющим механизмом был высокий социальный статус этой группы, который был почти равен статусу иранских переселенцев. В этот период иранский элемент владел доминирующей этнокультурной и политической позицией в Восточном Закавказье. Высокий социальный статус и одинаковые функции способствовали тесным взаимоотношениям между иранскими и армянскими группами, вследствие чего армянская элита подверглась культурно-языковым изменениям, стала ираноязычной. Однако эти процессы не привели к изменениям этнической идентичности, поскольку высокий социальный статус обеспечивал возможность ее сохранения, что в условиях языковой ассимиляции проявлялось через конфессиональную принадлежность. В VI–XI вв. ираноязычность группы создала возможность сохранения высшего социального статуса в доминирующей иранской среде, а христианство — возможность сочетания этого социального положения с этнической армянской принадлежностью.

В дальнейшем, в позднем средневековье, в период активной исламизации и тюркизации региона, в качестве противодействия тюркоязычной среде к этносохраняющим функциям христианства добавилась татоязычность. Именно в этот период распространяется термин «тат», который первоначально имел социально-унизительный смысл. Тюрки-кочевники так называли местное земледельческое, оседлое население.

Ираноязычность группы играла этнозащитную роль в восточнокавказской среде. Татоязычность в сочетании с христианством выделяла эту группу из общего мусульманского и татоязычного населения. Примечательно, что татский язык, не являвшийся этническим языком группы,⁷ вместе с христианством стал важным фактором сохранения и проявления армянской идентичности. Вследствие тюркизации Восточного Закавказья тюркский стал вторым языком этой группы. Как для всех народностей и групп региона, для татоязычных армян он также был языком межнационального общения. Группа сохранила армянскую идентичность, которая для внешнего мира проявлялась уже в основном через конфессиональную принадлежность.

В 1796 г. во время похода В. Зубова в Закавказье основная часть

⁷ Лингвистический анализ показывает о наличии сильного армянского субстрата в армяно-татском диалекте. Об этом подробно см. Акопян А. О формировании этнографической группы «армян-татов» (опыт лингвистического анализа) // Проблемы армянской этнологии и археологии. II. Ереван, 2003. С. 41–47 (на армянском яз.). Калтачян С. Татский язык матрасинцев. Автореф. канд. дис. Ереван, 1972.

татоязычных армян из районов Кубы, Мушкура и Дербента вместе с русскими войсками мигрировала в Россию. И обосновались на Северном Кавказе, в поселке Эдессия, в городе Кизляре, Св. Кресте (ныне Буденновск), в окрестностях Кизляра и т.д. Ныне их потомки продолжают жить в этих местах.

В начале XX века в Закавказье татоязычные армяне жили в селениях Мадраса, Кильвар и Хачмас Бакинской губернии. По данным конца XIX века, из этих сел самое многочисленное население имела Мадраса, в нем жили около 483 дымов и 2780 душ, в Кильваре — 100 дым (420 душ), в Хачмасе — 30 дымов армян.⁸

Начиная с середины XIX века, в поселениях татоязычных армян в Закавказье и на Северном Кавказе ведутся активные работы по учреждению армянских приходских школ. Важно отметить, что в ряде случаев инициаторами этого являлись сами жители, и их инициатива поддерживалась церковью.⁹

Разные географические, этноконфессиональные условия существования (Восточное Закавказье, Северный Кавказ) обусловили би- и полилингвизм (армяно-татско-тюркский, татско-тюркский), однако в начале XX века в группе сохранялась татоязычность.¹⁰ Например, в письме предводителя Астраханской епархии Армянской апостольской церкви Католикосу всех армян (1912 г.) отмечается, что в Св. Кресте живут мигрировавшие из Кубинского уезда 748 домов армян, которые свободно говорят по-армянски, также знают татский и тюркский. По сообщению предводителя, жители Эдессии говорят по-татски, частично — «по-тюркски». Он отмечает, что в Эдессии есть женские и мужские приходские армянские школы. Находящееся близ Кизляра село Караджалу в письме упоминается как «татоязычное армянское село».¹¹

Между тем, как показывает анализ источников, у закавказских татоязычных армян тоже в разной степени проявлялся армяно-татско-тюркский полилингвизм (село Мадраса), татско-тюркский билингвизм (села Кильвар и Хачмас).¹² Примечательно, что села Кильвар и Хачмас были изолированы от армянского этнокультурного массива Восточного Закавказья и находились в окружении татско-тюркского населения.

⁸ Акопян А. Об истории расселении и депортации армян-татов (начало 18—конец 19 вв.) // «Айказян». Арменоведческий журнал. 2001. Т. 21. С. 125-142 (на армянском яз.).

⁹ Об этом см. Акопян А. О языковой культуре татоязычных армян (от 18 до начала 20 вв.) // Эчмиадзин. 2002. № 9. С. 70-82 (на армянском яз.).

¹⁰ Там же.

¹¹ Национальный архив Республики Армения. Ф. 57. Оп. 2. Д. 1905. Л. 7, 9, 15-16.

¹² Акопян А. О языковой культуре татоязычных армян. С. 70-79.

XIX и начало XX веков являются важным и интересным периодом для истории кавказских народов. Именно с этим периодом связана активизация разных форм проявления национализма у армян, грузин и «кавказских татар».¹³

Эти процессы привели в 1905-1906 гг. к «татаро»-армянским стычкам в Закавказье, а в 1918 г. — к формированию Азербайджанской Республики и турецкой интервенции в Закавказье, а также к этническим чисткам и гонениям всего христианского населения (армяне, удины, русские) Восточного Закавказья.

Материалы однозначно показывают, что во время напряженных отношений между армянами и «татарами» в 1905 и в 1918 годах вместе с армянским населением Восточного Закавказья татоязычные армяне также переживали трудный период. Известно, что этнизация конфликта способствует этнической и групповой самоидентификации, и в этом контексте четко прослеживается дихотомия «мы — они».

Во время армяно-«татарских» стычек 1905 г. жители армянских сел Шемахинского района Ханишен, Дара-Керкендж и других находили «приют» в селе Мадраса.¹⁴ Во время событий 1918 г. татоязычное армянское село Мадраса было важным центром сопротивления армян Шемахинского района. Здесь нашли прибежище жители шестнадцати армянских сел района. После трехдневного сопротивления мадрасинцы, не выдержав наступления османской мусаватистской армии и местных мусульман, были вынуждены покинуть свое село.¹⁵ После советизации мадрасинцы вернулись в свое село.

Трагически сложилась судьба жителей татоязычного армянского села Хачмас весной 1918 года. От резни хачмасских армян, по упоминанию одного из источников, чудом спаслись только трое, которые изложили все подробности резни хачмасских армян в редакции Бакинской армянской газеты «Арев».

¹³ В конце XIX—начале XX вв. тюркоязычное население Восточного Закавказья не имело общего этнонима и было известно под разными названиями — «мусульмане», «кавказские татары», «азербайджанские татары» и т.д. Целью армянского национализма, сформировавшегося во второй половине XIX века, было освобождение Западной Армении. Он также имел антитурецкую направленность в контексте национально-освободительной борьбы. Грузинский национализм главным образом боролся за территориальную автономию, автокефалию грузинской церкви и т.д. «Кавказские татары» в конце 1905 г. выдвигали требования о создании «территориальной автономии Азербайджана» в рамках Бакинской губернии, на половине территории Ереванской, 2/3 — Елизаветпольской губернии, а также на части Тифлисской губернии. Следует подчеркнуть, что территории Ереванской и Елизаветпольской губернии были частью исторической родины армян, а Тифлисской — грузин. Национализм «кавказских татар», поддерживаемый разными способами Турцией, приобрел пантюркистскую окраску. Об этом см. Варданян Т. Проявление татарского (азербайджанского) национализма в Закавказье в начале XX века // Вестник Ереванского Университета. 2001. № 3. С. 89-97 (на армянском яз.).

¹⁴ Мшак. 1905. № 189 (на армянском яз.).

¹⁵ Карапетян С. Армянские лапидарные надписи собственно-Алуанка. Ереван, 1997. С. 46-47 (на армянском яз.). Он же. Село Мадраса и его памятники // Историко-филологический журнал. 1989. № 2. С. 225-233 (на армянском яз.).

После резни хачмасских армян начались погромы русских сел.¹⁶

События 1905 и 1917-20 годов имели интересное проявление в селе Кильвар Кубинского уезда Бакинской губернии, который был изолирован от армянского этнокультурного массива и находился в окружении «мусульманского» населения. Примечательно, что в 1905 и 1917-1920 гг. Кильвар был сохранен благодаря усилиям суннитского духовенства. Об этом свидетельствуют архивные документы. Например, как сообщает Католикосу всех армян Предводитель Бакинской и Туркестанской епархии Армянской апостольской церкви, во время погромов, насилия в Бакинской епархии единственное армянское село, которое не пострадало, это «маленькое тюркоязычное армянское село Кильвар» со своим священником.¹⁷

Устные воспоминания об этих событиях, а также архивные документы связывают спасение Кильвара с деятельностью Гамидуллы эфенды из села Калага (соседнее село, в котором в конце XIX века жили таты-суниты. Кильварцы называли их «турками»). Согласно одному информанту, он выполнял завещание своей матери: *«Мать мне сказала, что если ты позволишь, чтоб Кильвар (кильварцев — А.А.) зарезали, пусть твои глаза «завяжет» (ослепит — А.А.) мое молоко. — «Я не позволю, чтобы Кильвар резали» (м., 1932 г.р.)*.

Воспоминания и истории о событиях начала XX века до сих пор бытуют среди татоязычных армян (кильварцев и мадрасинцев) и являются важным компонентом их коллективной памяти. Если учесть, что коллективная память «...представляет группе ее собственный образ, который, конечно, разветвляется во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах»,¹⁸ то эти воспоминания группы татоязычных армян представляют важный аспект идентичности, где четко прослеживается дихотомия «мы — они» со своими символами, описанием жизненного опыта и т.д.

Анализ материалов показывает, что события 1905 и 1918 годов «включают» татоязычных армян в общие рамки «армянства», и это заметно не только в проявлениях самовосприятия, но также вообще в восприятии их другими. Вся антиармянская направленность этих событий распространилась также на татоязычных армян, и в этом смысле никакого различия не

¹⁶ Об этом подробно см.: Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918-1920 гг. / Сб. документов и материалов. Ереван, 2003. С. 33-34.

¹⁷ Национальный архив Республики Армения. Ф. 57. Оп. 3. Д. 512. Л. 3.

¹⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Ч. 1. <http://www.nz-online.ru/print_phtml?aid=30011362>. С. 8.

наблюдается ни в поведенческих моделях, ни в отражениях всего процесса в памяти и мифологизированных представлениях. Эти события «порождают» своих героев в лице Андраника, которые не только «объединяют» кильварцев и мадрасинцев, но также вписывают их в общеармянский контекст. В рассказах красной нитью проходит образ легендарного армянского полководца Андраника Озаняна, который был видным деятелем освободительного движения армянского народа против Османской Турции. Мифологизированный образ народного героя Андраника (в народе его называют именно так — А.А.) в армянском сознании ассоциируется с национально-освободительным движением конца XIX—начала XX веков, «защитой» армян и антитурецкой борьбой. В советское время его имя было табуировано.

Андраник никогда не был в Бакинской губернии, но распространение среди жителей устных историй об Андранике и «отклонение» от реальных событий свидетельствуют о наличии представлений об общей «исторической судьбе» с «антитурецким» подтекстом. Именно в этих «отклонениях» от реальных событий проявляются символы, воображение и желания группы.

Присутствие образа Андраника в устных историях связано также с конкретным желанием иметь «защитника» или «мстителя». Это смысловой и символический компонент памяти сложился и сформировался в контексте определенного исторического опыта существования, когда группа периодически подверглась гонениям и насилию со стороны врагов, т.е. «турков».

Между тем можно сделать вывод о доминировавшей этнической ориентации в семьях, на которую указывает этническое кодирование семейно-исторических воспоминаний. Кстаги, конструирование этничности с помощью семейных преданий и воспоминаний, в частности с использованием образа Андраника и идеи патриотизма, вообще свойственно разным проявлениям армянской идентичности.¹⁹

Можно также констатировать, что события 1918-1920 гг. во временном пространстве являются «переломными». Если иметь в виду, что «бывают» национальные события, которые одновременно видоизменяют жизнь каждого», то четко вспоминаемые события предстают опорными точками во времени.²⁰

Между тем, надо отметить также, что эти воспоминания и истории, связанные с событиями начала XX века, накладываются на уже выра-

¹⁹ Ангермюллер Й. От национального патриотизма до этнического дальтонизма: армяне Санкт-Петербурга в биографической перспективе // Конструирование этничности / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб, 1998. С. 260 -302.

²⁰ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 4.

ботанные коллективные представления, где аккумулируется жизненный опыт. Приведем пример из интервью: «...Была на войне армян и турков (Была армяно-турецкая война — А.А.), Кильвар два раза (резали). Но 10-15 человек бежали, спрятались в лесу. Это старики рассказывали. Потом 1-2 месяца там жили. Вернулись и собрались в Кильваре. Турки видели, говорили: «Ага, 10-15 человек остались, пусть живут». Два-три раза так попали под резаню в старые времена» (м., 1932 г. р.).

Или другой эпизод: «... дедушка и бабушка рассказывали. Армянские девушки в Кильваре, когда турки пришли, свои лица чернили, говорили: если дотронутся... то шампуром — в глаза. Такой зулум, мучение может быть?» (м., 1932 г. р.).

Интересен также механизм передачи этих воспоминаний и представлений. Надо подчеркнуть, что все эти устные истории передавались в советский период, когда по идеологическим и политическим соображениям «националистические» темы были табуированы, и проводимая политика была акцентирована на пропаганду «дружбы народов» и «интернационализм». Следовательно, здесь речь не может идти о литературном влиянии на устные истории татоязычных армян о событиях начала XX века.²¹ И в этом контексте основным механизмом передачи информации и выработки коллективных представлений являются устные традиции.²²

Можно констатировать, что в советский период, несмотря на идеологическое влияние, «антитурецкий» компонент идентичности группы — образ «врага» продолжал существовать и проявлялся в новых формах. Усиливался этот компонент в советский период под влиянием воспоминаний о событиях начала XX века, сведения о которых передавались исключительно устным путем. Между тем, под влиянием этих событий «армянство» проявляется новыми символами, например, через мифологизированный образ Андраника. В советский период образ «турка» (азербайджанца) как «врага», «чужого» не только сохранился, но также повлиял на поведенческие модели в контексте жизненного опыта «выживания под угрозой».

Известно, что для самоидентификации группы большое значение имеет образ «чужого».²³ Как уже отмечалось, в силу определенных исторических, культурных обстоятельств у татоязычных армян в этом образе выступали «турки» или в широком смысле «мусульмане». «Турок»

²¹ До последнего времени публикаций о татоязычных армянах вообще не было, и в этом смысле эти материалы являются «классическими» (если можно так сказать) примерами устных историй.

²² Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории, СПб, 2003. С. 43.

²³ Bart F. Introduction // Ethnic groups and boundaries. The social organization of cultural difference. London, 1969.

не только чужой, а «враг», которого надо опасаться. Как говорил один из информантов, *«всегда боязнь была, потому что в среде турков если ты единственный армянин, то себя чужим чувствуешь. Могут тебе и что-нибудь сделать...»* (м., 1928 г. р.).

В этом контексте интернационализм никак не повлиял на восприятие «наших» или изменение границ этого восприятия. Мадрасинцы, кильварцы заключали браки с армянами, преимущественно с односельчанами и жителями соседних армянских сел. С «турками» или «мусульманами» установление таких отношений воспринималось отрицательно. Например, по словам одного информанта, если девушка выходила замуж за «турка» или «мусульманина», *«все, она не наша, мы говорим — на нее крест ставится»* (м., 1931 г. р.).

Для обозначения «турков-мусульман» у кильварцев исторически установился определенный, «секретный» термин, который использовали, если не хотели быть понятыми другими присутствующими: *«Мы их называли по-татски «мугул». Вот сын говорит: «Один пришел». Если азербайджанец рядом, говорим так, чтоб не понимали. Это только кильварцы так говорили. Татов-азербайджанцев тоже «мугул» называли»* (м., 1955 г. р.). Очевидно, что это было продиктовано определенным жизненным и историческим опытом сосуществования с «врагом».

Важен не только исторический контекст этих историй, а еще то, что они рассказывались и передавались в советский период. Устная история представляет собой продукт продолжающейся рефлексии о прошлом, цель которой состоит не в том, чтобы установить, что произошло, а определить, что в прошлом имеет значение для современности.²⁴ В этом отношении можно констатировать, что в советский период, несмотря на «интернационализм» и «дружбу народов», жизненная стратегия выживания кильварцев, мадрасинцев в мусульмано-татско-азербайджанской среде продолжала обуславливаться и конструироваться в воспоминаниях о прошлом, актуализация которых связывалась также с глубокими процессами этнизации окружения. Например, если до 1918 года эти села находились в Бакинской губернии, то в советский период — уже в составе национальной республики, где «титальной нацией» были азербайджанцы.

В 1920-21 гг. советская власть утвердилась в Армении, в Грузии, в Азербайджане. Советизировался также Северный Кавказ, который нахо-

²⁴ Вансина Я. Устная традиция как история // Хрестоматия по устной истории. С. 108.

дился в составе Российской Федерации. Советизация диктовала свои идеологические, политические, общественные подходы, и татоязычные армяне оказались в условиях других реалий.

Первая советская перепись (1926) зафиксировала, что армянский для мадрасинцев является языком церкви, школы, литературы и письменности, а фарси — домашним.²⁵ Анализ фактов показывает, что фарси в среде мадрасинцев использовался до 1940-50 гг. В настоящий момент знают и говорят на фарси или парси пожилые люди старше 60 лет, которые научились у родителей, дедов и бабушек. В советский период в Мадрасе функционировала армянская средняя школа, единственная средняя армянская школа в районе. Об этом мадрасинцы вспоминают гордо: *«В районе было десять армянских сел, все они приходили учиться в Мадрасу»*.

В среде мадрасинцев распространен также миф о том, что их предки якобы пришли из индийского города Мадрас. И поэтому село называется Мадраса. По существу, это предание возникло и распространилось в советский период.

Термин «тат» мадрасинцам совершенно незнаком и не употребляется. Для обозначения жителей соседних татско-мусульманских селений они употребляют, как и для обозначения азербайджанцев, термин «турк». Как говорил один из информантов: *«Мы потом узнали, что «татский» — это язык. Мы, как и наши старики называют, — «фарсийский» или «персийский». В книге написано, что якобы это «татский». «Татский» — это язык? Есть такой язык? На этом языке есть литература, письменность?»* (м., 1928 г. р.). (Вопросы информанта адресованы интервьюеру — А.А.)

В советские годы с Арменией и «армянством» сложились определенные отношения, которые усилили этнонациональный компонент идентичности. Как говорит один из информантов: *«...Молодежь приезжала сюда учиться. У нас среднюю школу заканчивали, раньше в Баку армянский педагогический институт был, потом перенесли в Степанакерт. Уезжали в Ереван учиться, большинство в Армению ехали учиться...»* (м., 1935 г. р.).

Интересно и то, что в этногенетических преданиях мадрасинцев фигурируют только они, лишь в одном из них упоминается о том, что когда их «фарсиязычные» предки пришли из города Мадрас Индии, то часть их оставалась в Кильваре, а основная часть основала село Мадраса, которому было дано наименование в память индийского города Мадрас.²⁶

²⁵ Миллер Б. Указ. соч. С. 14.

²⁶ Акопян А. Полевые материалы. 1999, тетрадь I. С. 1-5.

В 1920-е гг. востоковед Б. Миллер, посетивший Кильвар, отмечает, что общественным и домашним языком кильварцев является татский, но 90% населения знает и армянский, который употребляет, когда нужно общаться с армянскими дачниками из Баку. Вторым языком, как пишет Миллер, у кильварцев является «тюркский».²⁷

В годы Великой Отечественной войны армянская школа Кильвара закрылась из-за отсутствия преподавателей, и население вынуждено было посещать азербайджанскую школу.²⁸ Как отмечает исследователь армяно-татского языка С. Калтахчян, посетивший это село в 1960-е гг., жители Кильвара уже как бы забывали армянский язык, но понимали, а сам он с сельскими детьми общался на азербайджанском.²⁹

Часть этногенетических преданий у кильварцев сводится к тому, что их предки пришли из села Мадраса и обосновались в Кильваре: *«Старшие говорили, что Кильвар раньше из Мадрасы приехал. Старшие так говорили. Были Кейваняны, их родственников я один раз видел, из Мадрасы приехали в их дом...»* (м., 1932 г. р.). Распространение таких преданий связано еще с тем, что действительно здесь в разное время обосновались семьи из Мадрасы.³⁰

Кильварцы отлично знают, что кроме них, на татском говорили еще жители армянского села Мадраса Азербайджанской республики. Кильварцы свой язык называют «тат», а в ответ на вопрос, что такое татский язык, говорят, что это «фарси». Этнический компонент термина «тат» как этнонима у кильварцев выражается слабо. По их представлению, татский — это язык, на котором говорят армяне, евреи, «турки» (т. е. мусульмане). *«Такой нации «тат» нету, татский — это только язык ...»* (м., 1955 г. р.), — говорит один из информантов. Несмотря на то, что иногда используют этноним «тат» по отношению к татарам-мусульманам, все-таки они тоже воспринимаются как «турки» или «азербайджанцы».

Что касается потомков переселенцев конца XVIII века, которые обосновались на Северном Кавказе, то здесь тоже складывалась интересная ситуация. Начиная с 1920-х и до 1940—50-х годов, в этих населенных пунктах (Буденновск, с. Карабаглы, с. Эдессия) открылись армянские школы, а в конце XIX—начале XX вв. действовали армянские церковно-приходские школы. Как показывает анализ материалов исследования, в советские годы

²⁷ Миллер Б. Указ. соч. С. 16-17.

²⁸ Калтахчян С. О проблеме билингвизма // Советакан манкаварж. 1970. № 5. С. 82-83 (на армянском яз.).

²⁹ Там же.

³⁰ Миллер Б. Указ. соч. С. 16-18.

языковая ситуация имела своеобразное развитие. В с. Карабаглы (село в Дагестане), в г. Буденновске татоязычность не передавалась, и по сообщениям пожилых информантов (70-80 лет) на «языке джхуда» (арм. — еврея) или «кегациерен» (арм. — по-деревенски) разговаривали только старшие, и то только в том случае, если хотели сказать какой-то секрет. В семье разговаривали только на армянском. Если с татским языком ситуация у буденновских и карабаглинских армян схожая, то с армяноязычностью ситуация была другой. После закрытия армянских школ у буденновских армян распространилась русскоязычность, а в с. Карабаглы армянский до сих пор продолжает использоваться.

Несмотря на то, что в источниках говорится, что жители с. Эдессия в начале XX века говорили на татском и тюркском, наши информанты об этом ничего не сообщают. Они свой обиходный язык называют «бизимча» (турецк. — по-нашему.). Как показывают полевые материалы, ныне в обиходе у эдессийцев используется турецкий язык. У эдессийских армян существует локальное самоназвание «курайлу», т. е. «курайцы» — от старого названия поселка Кура. По-видимому, раньше под «бизимча» понимался также «татский», и под этим названием шел сложный процесс «слияния».

По свидетельствам наших информантов, жители квартала Кирвали (этот квартал обосновали жители села Кильвар, переселившиеся сюда в конце XVIII века — А.А.) с. Эдессии, в отличие от жителей других кварталов, говорили на армянском. Но после закрытия армянской школы в 1950-х гг. под влиянием среды перешли на «бизимча», потому что окружающие часто подшучивали над ними — *«Смотрите, на армянском говорят»* (т.е. армянский считался престижным, элитным, а кильварцы якобы не заслуживают этого).

Может быть, армянский заменил татский, но не успел заменить «турецкий». Во всяком случае, культурно-языковые процессы, происходившие в с. Эдессия, нуждаются в более глубоком и всестороннем исследовании.

В последние сто лет из-за идеологических, культурных, географических реалий группы татоязычных армян развивались по-разному. В частности, по-разному именуется татский язык. Термин «татский» используют кильварцы, мадрасинцы — «фарси», карабаглинские, буденновские армяне — «язык джхуда» или «кегациерен», а в Эдессии по лингвистическим критериям это совсем другой язык — «бизимча».

Сравнение материалов показывает, что потеря «татского» языка быстрее происходила на Северном Кавказе (Св. Крест (Буденновск), село Кара-

баглы), где эта группа быстро вовлеклась в «армянскую» среду, стала армяноязычной. Об этом свидетельствует и тот факт, что термины «язык джхуда» или «кегациерен» — армянские, т.е. пользователи этого языка были армяноязычными и посредством армянского объяснили, чей это язык. По сути, в новой среде этнизация идентичности в сторону «армянства» происходила в полной мере там, где не нужно было сохранение «татского». Затем, в советские годы, в силу политических причин, произошел процесс руссификации в разных проявлениях (распространение русского языка, руссификация фамилий и т.п.). Можно также констатировать, что процессы руссификации в советские годы больше охватили городскую среду, т.е. буденновских армян, которые сейчас в основном русскоязычны. «Фарси» передавался только в среде формирования группы, т.е. в Восточном Закавказье, и его носителями в разной степени были жители сел Мадраса и Кильвар Азербайджана.

Известно, что советская официальная пропаганда и политика были направлены против церкви. Этот общественный институт для татоязычных армян в конце XIX века был важным символом идентичности. В советские годы закрылись церкви сел Мадраса и Кильвар, власти закрыли и снесли две церкви города Буденновска, а третья сохранилась и открылась во время оккупации города немцами.³¹ Она действовала также в советские годы. Была закрыта и снесена церковь в с. Карабаглы, закрылась церковь в с. Эдессии. Однако конфессиональные представления глубинных изменений не претерпели. Религиозно-традиционные праздники, ритуалы переместились из общественных институтов (церквей) в семейный круг и продолжали там сохраняться достаточно долго.

Например, о доминировании этнорелигиозной ориентации в семьях свидетельствует тот факт, что в селе Мадрасе, когда исполнялись сороковины новорожденного, семью посещал кум-кавор и дарил крест. И этот день также назывался «крещение». По сути, после закрытия церкви, крещение «трансформировалось», церковно-ритуальный компонент «исчез», а семейный остался, в рамках которого сохранился смысло-символический компонент крещения как констатация определенной идентичности. Или другой пример: В Кильваре Пасху праздновали в мае, а в январе был день Креста, т.е. Крещение. По словам информантов, собирались у родителей, их руки целовали. Старшие говорили, что сегодня праздник, вспоминали умерших. Посещали могилы, церковь, святые места села, зажигали свечи.³²

³¹ Карибов Г. Напоминание о городе Святого Креста // Вестник архивов Армении. 2005. № 2. С. 27-53.

³² Аюбян А. Полевые материалы. 2005, тетрадь I. С. 15.

Религиозно-традиционные праздники буденновских армян в советские годы также постепенно замыкаются в семье и начинают забываться или трансформироваться, сохраняя несколько компонентов.

«Помню, когда маленький был, в день Св. Саркиса мама в церковь ходила, в доме свечи зажигала, и на коленях мы молились, потом арису готовила. Якобы Св. Саркис в этот день объезжает по домам, благословляет... После Св. Саркиса, говорили, теплеет, весна... Праздновали Пасху, Рождество, во время Рождества ходили по домам, пели «Хорурд мез» и деньги собирали. Сейчас тоже это есть. Летом водой обрызгивали друг друга, пели «Нури-Нури», мешки на головы надевали... В мае, в узком кругу также Амбарцум праздновали, но сейчас потеряли эти традиции...» (м., 1942 г. р.), — говорит один из информантов из Буденновска.

По сравнению с буденновскими армянами в селах Карабаглы, Эдессия религиозно-традиционные праздники как форма констатации идентичности выражены четче. Следует отметить также, что тюркоязычность эдессийцев обусловила определенную «замкнутость», которая способствовала сохранению и консервации традиции, с помощью которой происходила самоидентификация.

Можно также констатировать, что конфессиональный фактор в последние 100 лет, несмотря на свою важную роль в идентичности группы, постепенно уступал место разным проявлениям этнонационального компонента. Например, центр национальной жизни перемещается из церкви в школу.

В советские годы между буденновскими, карабаглинскими и эдессийскими армянами были определенные связи, особенно в первые десятилетия. Есть случаи заключения браков. Интересно, что они друг друга называли терминами, использовавшимися в XIX веке. Например, буденновские и карабаглинские армяне эдессийцев называли «курайцы» (самоназвание эдессийских армян), эдессийские и карабаглинские армяне буденновских армян — «маджарцы» (самоназвание буденновских армян, т.к. город Св. Крест был основан на месте средневекового городища Маджар).

Как уже отмечалось, кильварцы знали, что часть их предков обосновалась в Буденновске, но они не знали, что они пришли и в Эдессию и сформировали квартал «Кирвали» (от названия села). Между тем, в Эдессии бытовали представления, что было такое село, но они ничего конкретного и определенного о Кильваре не знали.

В общем контексте историческая память эдессийцев, буденновских и карабаглиснаких армян сводится к тому, что их предки пришли из Дербента и Кубы.

Как и для современных армян, для татоязычных армян и их потомков на Северном Кавказе основным «переломным моментом» с трансформации идентичности стал 1988 год — начало карабахских событий, землетрясение и т.д.

К судьбе татоязычных армян сел Мадраса и Кильвар Азербайджанской ССР карабахские события имели непосредственное отношение. В конце 1988 года жители этих сел депортировали вместе с армянским населением Азербайджана и стали беженцами, расселившись в Армении, в России и т.д. Началом волнений и тревоги были Сумгаитские события, резня и погромы армян в феврале 1988 года. «Сумгаит» — это как бы переломная грань, когда исчезает советская эпоха дружбы народов, и «восстанавливается история», вспоминаются предания, истории старших об «армяно-турецких войнах» и т.д. По словам одного из информантов-мадрасинцев: *«Когда начались Сумгаитские события, мы уже считали, что мы в войне ... «армян-турков»»* (м., 1928 г. р.).

Надо отметить, что мадрасинцы во время депортации в конце 1988 г. сразу же стали ориентироваться на Армению и сначала решили поменяться селами — с азербайджанским селом Шидлу в Араратском районе Армении, но, как говорят мадрасинцы, землетрясение им помешало. После этого, уехали, кто куда смог.

Несмотря на то, что организованное и компактное перемещение и обустройство в Армении не получилось из-за землетрясения, все-таки осознанность выбора Армении как желательного места жительства и, в какой-то мере, как этнической Родины была продемонстрирована. Усилиями мадрасинцев в Арагацатонском районе Армении было основано новое село, названное Дпреванком. По словам информантов, это вдохновило и тех мадрасинцев, которые жили или нашли приют в России. Были случаи, что в село приезжали и те, кто жил в Армении еще с советских времен. В дальнейшем большинство мадрасинцев по социально-экономическим причинам вынуждено было уехать из Армении. Сейчас в селе Дпреванк, по переписи 2001 года, живет 52 человека.³³

Еще в советское время в г. Прохладном Кабардино-Балкарской

³³ Результаты переписи население РА 2001 года. Ереван, 2003. С. 146.

республики РФ обосновались несколько семей мадрасинцев, и во время депортации благодаря родственным связям часть мадрасинцев перебралась сюда. Сейчас большинство мадрасинцев живут именно в г. Прохладном, где они представляют самую многочисленную группу армян. Русские, и кабардинцы, и армяне других поселений воспринимают их как армян. Синдром «приезжих» еще есть, но сейчас это ощущение, по свидетельству мадрасинцев, как-то смягчилось, особенно на фоне чеченских событий, когда появились первые русские беженцы.

В последнее десятилетие на фоне активных этнических процессов на Северном Кавказе самовосприятие мадрасинцев трансформировалось, и этнизация («кабардинизация») Кабардино-Балкарской республики также способствовала этому. По свидетельству информантов, они приехали в Россию, а сейчас оказались в Кабарде, в постепенно мусульманизирующейся среде. *«Мы раньше не знали, что такое Кабарда, знали, что живем в России»,* — говорит один из информантов (м., 1956 г. р.). Это ощущение приводит к неуверенности в будущем. В этом контексте в роли «местных» выступают кабардинцы, а «чужих» — «приезжие» (в том числе казаки, которые здесь живут давно). *«Я сейчас вновь готовлюсь... переехать из Прохладного в Новороссийск»* (м., 1965 г. р.), — говорит информант, который воспринимает «мусульманизированное» окружение как «чужое» или «враждебное». Надо отметить, что это общее ощущение мадрасинцев в Прохладном, особенно характерное для молодых, которые более мобильны и имеют больше контактов с окружением.

По словам другого информанта: *«Мы много общались на эту тему... перспектив никаких нету, вообще сейчас надо жить одним днем. С другой стороны, уезжать, начинать с нуля, опять где-то жить... Не знаем, как дальше жить, живем, не знаем, что будет завтра, будет плохо, ради Бога, мы уже настолько привыкли к этой обстановке, нам сейчас ничего не страшно, главное чтобы мир был на земле... Вот начнем с нуля, армяне везде поднимаются ...»* (ж., 1970 г. р.).

Эту неопределенность и страх смогла бы смягчить организованная община, как говорил один из информантов, но некому взяться за дело, а также нет полного понимания этой необходимости. Организованность на основе этничности — не только гарант солидарности, но и ресурс для выживания в трудных условиях.

Надо отметить, что не только синдром «беженца», но и этнизированное

окружение способствуют активным поискам идентичности, которая конструируется в рамках «армянства». Например, многие в Прохладном поставили спутниковые антенны и смотрят телевидение Армении, а иногда между собой обмениваются «армянскими» новостями.

Сравнивая мадрасинцев Армении и России, надо отметить, что обе группы ориентируются на Армению и «армянство». У второй группы этнизация и поиски идентичности продолжаются, что вызвано спецификой их местожительства.

Такая сильная реакция на окружение может объясняться также актуализацией коллективной памяти о прошлом, вызванной последними событиями. В этом контексте воспоминания о событиях начала XX века часто заканчиваются упреком в адрес их дедов и отцов относительно того, что они неправильно поступили, когда вновь вернулись в село, должны были поехать в Армению.

Большая часть мадрасинцев армяноязычна. Но сейчас среди молодых семей в г. Прохладном наблюдается процесс руссификации (т.е. употребления русского языка в обиходе) из-за того, что их дети учатся в русских школах. «Фарси» у мадрасинцев употребляется в качестве «секретного» языка. Им владеет старшее поколение. Это поколение последнее, которое владеет этим языком, и нынешнее рассеянное состояние способствует потере языка.

Надо отметить, что сведения о другом татоязычном армянском селе Кильваре у мадрасинцев очень смутное. Только часть их, в основном пожилые, знали об этом селе, но о судьбе кильварцев после 1988 года никто не имел представления. 1988 год стал «переломным» и для Кильвар. После Сумгаитских событий шли активные процессы поиска дальнейшей жизненной перспективы. Основным направлением миграции кильварцев был г. Буденновск, а также Дружовка на Украине. В Дружовке кильварцы обосновались еще в советский период, а о Буденновске знали, что там уже проживают армяне из Кильвара и окрестных сел, эмигрировавшие раньше.

Интересно, что кильварцы приветствовали Карабахские события и когда азербайджанские власти в селе организовали собрание, чтобы осудить стремление карабахских армян и пропагандировать «дружбу народов», то кильварцы поддержали и приветствовали карабахцев.³⁴

Депортация кильварцев произошла в ноябре 1988 года. Как говорил один информант, *«Кильвар за один ночь депортировали. Райком сам*

³⁴ Акопян А. Полевые материалы. Дневник, 2005. Буденновск. С. 13.

автобус дал... Из Баку, из других городах собирались напасть. Отправили до Дербента, уже откуда кто к родственникам, к знакомкам, кто в Дружовку» (м., 1970 г. р.).

Поскольку с буденновскими армянами были родственные связи, после депортации часть кильварцев обосновалось в Буденновске. Родственные группы кильварцев постепенно (как говорили информанты, почти все были друг другу родственники) обосновались в городе. Это привело к тому, что здесь и на Украине «концентрировались» также те кильварцы, которые жили в других населенных пунктах Азербайджана (Сумгаит, Баку, Хачмас). По словам информантов, в 1988 году в самом Кильваре жило мало семей, в основном старики. Основная часть кильварцев жила в Сумгаите, в Баку, в Хачмасае, но родственные связи поддерживались. Об этом свидетельствует также механизм их переезда в Буденновск, куда они перебирались с помощью родственников и соседей. Родственная и «местническая» — кильварская, хачмасская, сплоченность является основной характеристикой этой группы армян.

Интересно «столкновение» кильварцев и местных армян, часть которых тоже знает, что их предки мигрировали из тех мест, что и кильварцы, а их старшие тоже говорили на татском или на языке «джхуда». Как говорил один информант-кильварец, *«Знали, что здесь армяне, местные много... Встретились, спрашивали откуда вы понимаете этот язык (татский), говорили, что сами тоже оттуда. Но это не способствует сближению...»*

Знали, старые связи были, родня давно жила здесь, еще с николаевских времен, а близкие в 1970-е гг. сюда приехали. Мы знали, что часть родни была здесь. Люды были, например...я ребенком был, а бабушка была отсюда... родня бабушки отсюда была» (м., 1970 г. р.).

По свидетельствам информантов-кильварцев, первое время после депортации они говорили с местными стариками-армянами на татском, но сейчас этого поколения уже нет.

Интересно, что общность исторической памяти у кильварцев и у местных армян не способствует сближению, а их отношения складываются под воздействием других факторов. Сейчас эта группа татоязычных армян занимается торговлей на рынке, что вызывает множество отрицательных ассоциаций у «местных», например, считается, что коррупцию привезли именно кильварцы, поскольку предлагали взятки милиционерам за раз-

решение торговать и т. д. Это усугубляет разграничение «приезжие» — «местные» армяне. Некоторые местные армяне вообще считают, что кильварцы не армяне, а таты, поскольку говорят на татском. Интересно, что сами эти информанты говорили на русском. В основе этих высказываний лежат представления о том, что армяне — «хорошие», «приличные», а поскольку кильварцы не такие, то они не армяне. Для «плохих» приезжих армян существует даже отрицательное наименование — «кайдос», а поскольку кильварцы предоставляют большую группу «приезжих», то по отношению к ним этот термин также применяется.

Кильварцы между собой общаются на татском, и это усугубляет их «обособленность», а также способствует проведению границ между кильварцами и армянами из других мест, например, из Армении. Армянский язык знают старшие, которые успели поучиться в армянской школе. Как говорит один молодой информант, *«армянский — как секретный язык использовали, были семьи — только на армянском, русском говорили. Дальновидные — то армянский, то русский»* (м., 1970 г. р.). Очевидно, что упоминаемая респондентом «дальновидность» обусловлена нынешней ситуацией кильварцев, которые каждый день общаются с русскоязычными и армяноязычными жителями Буденновска, а знание обоих языков облегчает интеграцию в эту среду.

Основной характеристикой «обособленности» является высокая степень эндогамии, родственные связи устанавливаются в основном внутри группы, начиная с трех колен. Следствием этого является представление окружающих, что кильварцы «не армяне», поскольку женятся на родственниках.³⁵ По словам одного информанта, не кильварца, один молодой кильварец женился на осетинке, но никто из кильварцев на свадьбу не пошел.³⁶

Религиозный компонент у кильварцев в Буденновске приобретает важную символическую роль для конструирования идентичности. По свидетельству одного из информантов — не кильварца (из Армении): *«Кильварцы и хачмасцы постепенно «арменизируются» — посещают церковь, детей крестят, свадьбу празднуют в церкви...»* (м., 1972 г. р.).

Надо также отметить, что в этих мероприятиях участвует священник, которого приглашают на угощение. У него также спрашивают про «обычаи». «Армянскость» кильварцев проявляется в соблюдении религиозных ритуалов и праздников.

Потомки переселенцев конца XVIII века, т.е. жители Буденновска,

³⁵ Акопян А. Полевые материалы. Дневник, 2005. Буденновск. С. 17.

³⁶ Там же. С. 18.

сел Эдессии, Карабаглов выдвигали национальные проекты в рамках «армянства». Особенно интересен национальный проект эдессийских армян, который зародился в начале карабахских событий. По словам информантов, после резни сумгаитских армян, они решили, что на свадьбах не должны звучать «турецко-азербайджанские» песни. Кроме того, была поставлена цель — открыть церковь и перейти на армяноязычность, для чего были организованы уроки армянского языка в школе. По инициативе эдессийцев была издана «официальная» история села и эдессийских армян. Несмотря на то, что предки эдессийских армян переехали сюда из районов Дербента, Кубы, сейчас существует миф о том, что до этого они жили в городе Эдесия, в «Армянской Месопотамии». (В армянской культурной традиции, город Эдесия имеет большое значение, здесь правили армянские цари, а также жил легендарный царь Абгар, который, по преданию, был современником Иисуса Христа и первым принял христианство). «Национальный проект» эдессийских армян сводится к тому, чтобы, как говорил один из активистов, *«чувствовать себя частью великого народа»*.

Интересен факт, что в последние годы турки-месхетинцы хотели поселиться в селе, но эдессийцы отказали им, мотивируя это тем, что *«наши предки от турков бежали, сейчас как можем допустить, чтобы они с нами в селе жили»*. Тенденция этнизации идентичности эдессийских армян продолжается.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что за последнее столетие некоторые элементы идентичности группы продолжали устойчиво сохраняться. В частности, «турки» по-прежнему идентифицировались как враги, несмотря на идеологические и политические реалии советского периода. Ресурсом для актуализации этого образа стали драматические события начала XX века, когда группа вместе с армянским населением Восточного Закавказья подверглась гонениям и этническим чисткам. Эти события способствовали также формированию групповой солидарности с «армянством» и конструированию «общности трагической исторической судьбы».

Конфессиональный фактор идентичности глубинных изменений не претерпел, несмотря на советскую идеологию и проводимую политику атеизации. Но групповые религиозные практики были перенесены из публичного пространства общественных институтов в семейное пространство. Можно также констатировать, что конфессиональный фактор, несмотря на свою

важную роль в идентичности группы, постепенно уступал место этнонациональному компоненту.

Важным общественным институтом в контексте конструирования идентичности стали армянские школы.

Что касается татоязычности группы, то этот фактор идентичности перетерпел глубинные изменения. В первую очередь, надо констатировать, что не прослеживается единого наименования этого языка, по крайней мере, в последние 100 лет. В частности, термин «татский» используют кильварцы, мадрасинцы — «фарси», карабаглинские, буденновские армяне — «язык джхуда» или «кегациерен», а в Эдессии по лингвистическим критериям это совсем другой язык — «бизимча» («по-нашему»). «Фарси» передавался только в среде формирования группы, т. е. в Восточном Закавказье, и его носителями в разной степени были жители сел Мадраса и Кильвар в Азербайджане. У северокавказской части группы сохранились лишь воспоминание о «языке джхуда» или «кегациерена». Буденновские армяне — русскоязычные, у карабаглинских армян распространен армяно-русский билингвизм, у эдесийцев — «турецко»-русский.

Как и для современной армянской идентичности, для идентичности татоязычных армян и их потомков на Северном Кавказе основным «временным стержнем» является 1988 год, связанный с Карабахскими событиями. Вследствие депортации последних представителей этой группы — жителей сел Мадраса и Кильвара, из своего исторически сложившего ареала, т. е. нынешней Азербайджанской республики, часть этого населения проживает в Армении, а большинство — на Северном Кавказе. Это обстоятельство вынуждает к поиску или конструированию новых форм идентичности, в основе которой лежит этнический фактор.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРУКТУРАХ ВЛАСТИ

Диана Тер-Степанян

КОНСТРУИРОВАНИЕ ВЛАСТИ ЧЕРЕЗ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

*Лица, домогающиеся должностей, сидели на площади
за своими столиками с деньгами и бесстыдно подкупали чернь,
а нанятый народ приходил в Собрание, чтобы бороться за
того, кто дал ему денег.*

Плутарх, «Цезарь».

Введение

Неформальная институционализация, т.е. доминирование неформальных практик над формальными институтами, — одно из распространенных следствий поставторитарных (в т.ч. посткоммунистических) трансформаций. Не удалось избежать этого и в Армении.

Два измерения — «публичное/теневое» и «рациональное/иррациональное» — тесно связаны между собой. Находясь в публичном пространстве, элита вынуждена играть по его правилам, т.е. постоянно легитимировать себя в глазах общества, выверять свои действия, исходя из интересов различных социальных групп, подтверждать свою эффективность, конструируя соответствующий «рациональный» дискурс. Уходя в тень, она освобождается от императива эффективно управлять ресурсами в интересах общества и перестает нуждаться в «рациональном» дискурсе: ей уже не требуется разъяснять свои действия и обосновывать принимаемые решения.¹

В данной статье представлена попытка описать структуру и сущность власти в городской общине на примере небольшого города Д. (условное обозначение) с населением около 100 тыс. жителей посредством выявления неформальных практик и механизмов осуществления власти на местных выборах. Выбор городской общины для исследования структуры властных взаимоотношений обусловлен тем, что система административного управления города представляет собой модель сообщества, где институционально действует система представительной и исполнительной власти.

¹ Даугавет А. Б. Неформальные практики российской элиты: Апробация когнитивного подхода // Полис. 2003. № 4. С. 26-38.

Подобный анализ позволит подойти к описанию моделей взаимодействия элитных групп в условиях несостоятельности и несовершенности формальных механизмов власти в период становления новых властных отношений в армянском обществе.

Предметом настоящего исследования является конструирование системы власти через неформальные практики. При исследовании структуры власти в городской общине в начале исследования возник ряд общих исследовательских вопросов:

- Какова специфика взаимодействия внутриэлитных связей?
- Отлична ли структура неформальной власти от формально заданной, и как она выстраивается?
- Как неформальные практики встраиваются в «рациональный» дискурс?
- Как используется административный капитал и как регулируется доступ к ресурсам?
- Ведет ли преимущество в обладании одними ресурсами к преимуществам в обладании другими ресурсами?

Исходя из специфики исследуемого предмета и задач, был выбран качественный подход. Исследование проведено в рамках исследовательской стратегии *case study* или, иначе говоря, изучение случая. В качестве т.н. «случаев» выступали два имеющих важнейшее значение для жизни любой общины процессы, которые дают возможность наиболее выпукло представить происходящие процессы в городской общности: процесс принятия решений и выборы в органы местного самоуправления города, который является важнейшим событием в политической жизни любой общины. В данной статье будет представлен только кейс выборов.

Кейс-стади — это и методика, и стратегия исследования, где на основе частного случая (социального процесса либо группы людей) достигается улучшенное понимание определенного социального феномена. По словам И. Козиной, кейс-стади дает «возможность получения более глубокой информации о латентных процессах, скрытых механизмах социальных отношений; только с помощью такого качественного подхода можно реконструировать сферу неформальных отношений».²

Как показало исследование, в описании структур власти и взаимоотношений внутри нее наиболее адекватным для объяснения результатов исследования является сетевой подход. Но прежде чем приступить к анализу

² Цит. по Киблицкая М.В., Масалков И.К. Методология и дизайн исследования в стиле кейс-стади. М., 2003. С. 14.

в рамках данного подхода, вкратце обозначим основные понятия последнего.

Сетевой подход в современном его состоянии представлен несколькими, в достаточной степени различающимися направлениями.³ Однако представителей этого подхода объединяет взгляд на сети как основной структурный элемент современного мира, которые наделены следующими структурными элементами: «сеть» и «реципрокность».

Как соотносятся понятия «сеть» и «реципрокность»? Сообщество устойчиво контактирующих субъектов формирует *сеть*, служащую мощным социальным амортизатором в ситуации атрофии иных механизмов поддержки. Взаимообмен дарами между членами социальной горизонтальной сети в современной западной социологии обозначается термином реципрокность (*reciprocity*).⁴ Таким образом, можно обобщить, что сеть — структурная основа, а реципрокность — характер связи. Но реципрокность далеко не единственный тип отношений, возможный в сетевой структуре. Так, предпринимательские сети и административные связи не являются структурной основой реципрокности, поскольку в их основе лежат вполне прагматичные мотивы. Равенство положения участников в сети, которые состоят из домохозяйств, состоящих в родственных или дружеских связях, позволяет называть такие сети симметричными. Но в рамках сетевого подхода рассматриваются и асимметричные связи, которые и выступают в качестве объясняющих в рамках данного исследования. Под асимметричными связями понимаются отношения типа «патрон-клиент», скрепляемые преданностью и подношениями.

«Патрон-клиентские» отношения определяются как устойчивая система отношений субъектов, обладающих дифференцированной ресурсной обеспеченностью в результате принадлежности к разным уровням объединяющей их иерархии. Патрон опекает клиента за счет находящихся в его распоряжении ресурсов, собирая ответную дань⁵ в форме благодарности за опеку. «Основу для патрон-клиентских взаимоотношений составляет обмен между действующими лицами, обладающими неравной властью и статусами: патрон, ведущий и более могущественный участник этих взаимоотношений, предлагает свою защиту и обеспечивает доступ к дефицитным ресурсам (земле, рабочим местам, инвестициям) менее могущественным участникам

³ Развитие идей сетевого подхода и работы его ярких представителей Х. Уайта, Д. Старка и др. см.: Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В.В. Радаева. М., 2002.

⁴ Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20-29.

⁵ Здесь и далее понятие *дань* используется как метафорический образ, не следующий традициям употребления этого термина в классической истории и антропологии.

— зависящим от него клиентам. Клиенты, в свою очередь, обеспечивают поддержку патрону и предоставляют ему разного рода ценности и услуги, которые будем называть «данью»»⁶.

Кейс-стади: выборы в органы местного самоуправления

Как уже было отмечено выше, в рамках данного исследования т.н. кейсом, который позволит выявить структуру власти в городе Д., выступает процесс выборов в органы местного самоуправления осенью 2005 года. В исследовании использовались классические качественные методы case study: свободное интервью,⁷ включенное наблюдение, анализ нормативных документов, печатных СМИ, а также видеоматериалов. В ходе исследования был широко использован метод неструктурированного наблюдения как на ежемесячных заседаниях совета старейшин города, так и непосредственно во время предвыборной кампании (встречи кандидатов с избирателями) и в день выборов, когда исследователь работал в качестве местного наблюдателя в одном из избирательных участков города. Основная цель таких наблюдений — как можно более детальное описание, позволяющее восстановить живую атмосферу событий.

Общее описание ситуации до начала предвыборной кампании

В двухуровневой системе управления — центральное (государственное) и местное* — органами местного самоуправления являются глава общины (мэр) и совет старейшин (авагани), которые избираются прямым, равным, тайным, всеобщим голосованием сроком на четыре года. Законом установлено, что *«Главой общины и членом совета могут быть избраны граждане, достигшие 25 лет, по меньшей мере год являющиеся жителями данной общины»*.

⁶ Ковалев Е. Взаимосвязи типа «патрон – клиент» в российской экономике // Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 128.

⁷ Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология 4М. 1991. № 2. С. 5-19.

* Армения разделена на 10 регионов (марзы) и Ереван, имеющий статус отдельного региона. В самих регионах определены общины, созданные на основе населенных пунктов. В целом, в Армении существует 930 общин — городских и сельских. Центральное управление в марзах осуществляется главой региона (марзпет — глава марза), которого назначает правительство. Посредством марзпетов в марзах осуществляется государственное управление. Марзы не являются отдельным уровнем управления, поскольку не имеют выборных органов и самостоятельного бюджета. Одно из основных направлений их деятельности — осуществление контроля над органами местного самоуправления.

Совет общины является представительным органом. В общинах с населением свыше 20 тыс., каковым является город Д., избирается 15 членов совета. В кандидаты члена совета старейшин города Д. было выдвинуто и зарегистрировано 42 кандидата, 7 из которых входили в совет прошлого созыва.

Официально, согласно Избирательному кодексу РА, предвыборная кампания начинается сразу же после регистрации кандидатов, но предвыборные перипетии в городе Д. начались еще задолго до официального начала кампании. О некоторой публичности этих событий можно судить и по публикациям в газете: *«...уже на этапе регистрации кандидатов имевшие место интриги и давления свидетельствуют о том, что выборы не являются ни свободными, ни справедливыми. Хотя предвыборные «торги» и давление по отношению к вероятным претендентам происходят в тени, информация, которая просачивается, показывает, каково реальное лицо режима»*.⁸

Так, на пресс-конференции, созванной еще за четыре месяца до выборов, глава региона публично заявил: *«... в рамках закона сделаю все, чтобы кандидат А. (действующий мэр — Д. Т.-С.) был переизбран... буду участвовать в предвыборной кампании»*. Можно сказать, что задолго до выборов этим заявлением главы региона был предопределен характер предвыборной кампании и вероятный исход выборов.

По сравнению с 2002 годом, в 2005 году кандидатов, претендующих на пост мэра города Д., было больше, чем в итоге было зарегистрировано. До выдвижения кандидатов из-за применения различного рода давления и методов «уговора», как было отмечено в одной из газетных публикаций, один из вероятных кандидатов так и не выдвинул свою кандидатуру.

В итоге, было зарегистрировано три кандидата: действующий мэр города Д., претендующий на третий срок (в данном исследовании условно обозначен как «кандидат А.»), один из самых крупных собственников и предпринимателей города («кандидат Б.») и председатель городского комитета одной из традиционных партий («кандидат В.»).

В предыдущих выборах мэра 2002 года участвовали только два кандидата, оба из ныне выдвигавшихся: действующий мэр, кандидат А., и кандидат В. Выдвижение кандидата В. на тех выборах имело определенную цель — способствовать победе действующего мэра, как бы парадок-

---

⁸ Из статьи в местной газете. 2005. 30 сентября.

сально это не звучало. Согласно порядку установленному Избирательным кодексом РА, если в кандидаты на пост главы общины выдвигается одна кандидатура, то для прохождения кандидату следует набрать больше половины голосов зарегистрированных по списку избирателей. Преодолеть эту трудную задачу и победить на выборах 2002 года помогло «фиктивное» (не в формальном смысле) выдвижение кандидата В. Однозначно, что выдвижение кандидата В. было выгодно и подстроено самим мэром. Трудно утверждать, но, по слухам, в знак благодарности своему «конкуренту» за оказанную услугу мэр подарил ему машину и квартиру.

Одним из примечательных событий предвыборного периода, а также характеристикой атмосферы, сложившейся до выборов, является тот факт, что за месяц до выборов временно приостановила свою деятельность одна из местных газет.⁹ По словам одного из основателей газеты, *«лучше в этот период не вмешиваться в процесс выборов»*. К этому времени газета издавалась уже год и успела завоевать широкую аудиторию. Это объясняется принципиальной позицией газеты, которая неоднократно выступала с резкой критикой относительно деятельности муниципалитета в области коммунального хозяйства и градостроительства. Это можно рассматривать как проявление добровольного повиновения, поскольку еще задолго до выборов было ясно, что объективное освещение предвыборной кампании и самих выборов неминуемо вызвало бы притеснения и угрозы.

Мэр города начал предвыборную кампанию, выйдя в отпуск, и вместе с ним вышли в отпуск и 12 служащих муниципалитета — главы департаментов муниципалитета.

Мотивация выдвижения кандидатуры

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как кандидаты в главы общины позиционировали электорату свое выдвижение на пост мэра, представим анализ мотивации членов совета старейшин. Как уже было отмечено, из 42 кандидатов в члены совета старейшин города Д. должны были быть выбраны 15 членов. Оставляя в стороне вопрос, много это или мало для города с таким населением, подумаем о другом: *«Чем движимы кандидаты в старейшины при выдвижении своей кандидатуры?»* Было бы наивно полагать, что старейшины не знают, какими широкими полномочиями и меха-

⁹ В городе Д. к тому моменту издавались 4 местных газеты, одна из которых представляет официальную позицию и издается марзпетараном, другие три являются частными.

низмами контроля наделены они по закону, но, как признался один из информантов-старейшин, *«по истечении нескольких месяцев <старейшины> понимают, что никто не позволяет им пользоваться этими правами и полномочиями, и потому теряют энтузиазм и начинают слабеть... начинают заискивать, стараются казаться хорошими в глазах мэра, безотносительно к тому, кто мэр»*. Та же мысль о «связанности по рукам и ногам» видна в интервью с другим членом совета старейшин: *«Все <старейшины>, тем или иным образом, находятся в зависимости, как от мэра, так и от самого факта, что живут в этом городе и не хотят делать друг другу ничего плохого, и это дает возможность, что... Вот если бы все голосования членов совета были бы тайными, <...>, то тогда другое дело»*. Примечательно, что в то время как старейшина призван принимать или отвергать те или иные решения исходя из интересов общины, исполнение старейшинами своих прямых полномочий по отношению к главе общины воспринимается ими, как *«делать друг другу плохо»*. На самом деле они ясно представляют, какие решения не исходят из интересов общины, но не готовы проголосовать «против», дабы не портить отношения с мэром, *«сделав ему плохо»*, и не лишиться принадлежности к группе «своих».

Следует отметить, что старейшины исполняют свои полномочия на общественных началах, а в совете общины в основном представлены руководители предприятий частного сектора: *«... у совета немаленькие полномочия, я бы сказал, большие, но сегодня у всех есть свое собственное дело, а это как бы на общественных началах, так, между прочим»*. Возникает вопрос: «Что же заставляет этих занятых своим бизнесом и, как правило, обеспеченных людей тратить время и средства и идти в старейшины?» Ответ самый тривиальный: *«... у всех есть определенные ожидания, связанные с территориями и участками. Одному — один участок, другому — магазин или какую-нибудь застройку, и они тем самым уже попадают под влияние и зависимость <от мэра>. Если бы те же участки они бы приобрели посредством аукциона, они бы не были в зависимости»* (Из интервью с членом совета старейшин).

В течение пяти месяцев проводя наблюдение за ходом ежемесячных заседаний совета общины и выявив, что все вопросы, представленные мэром на суд старейшин, проходят единогласно, исследователь правомерно задается вопросом: «Чем это можно объяснить — полной гармонией между этими ветвями власти или же безразличием со стороны членов совета?»

Как показало исследование, причин такой лояльности несколько. Мэр поддерживает «своих» кандидатов в старейшины, и в случае их избрания, естественно, рассчитывает на их поддержку. Как отметил один из информантов, *«бывает, что члены совета избираются, скажем, из электорального поля мэра, и совет старейшин становится инструментом в руках мэра»* (Из интервью с представителем муниципалитета). Это нашло свое подтверждение при наблюдении за ходом избирательной кампании кандидата А., который во время своих встреч с избирателями или оглашал список «своих» старейшин или же сами кандидаты лично присутствовали на этих встречах.

Старейшины осознают, какие реальные материальные выгоды можно иметь от этой «неоплачиваемой» работы, и с этим восприятием и конкретными ожиданиями они приходят в совет: *«...старейшина, решив все свои проблемы — присвоив несколько участков, сколько необходимо было ему, и устроив нескольких своих людей на определенные должности, ему уже незачем создавать для себя проблемы, вступать в конфликт с мэром»*. Но справедливости ради отметим, что бывают и случаи *«когда он <старейшина> приходит без каких-либо ожиданий и портится уже на месте... так тоже бывает»* (Из интервью с представителем муниципалитета).

Один из информантов, который был членом совета и во время правления предыдущего мэра, рассказал, как это происходило на деле: *«После выборов в органы местного самоуправления новоизбранный мэр собрал у себя старейшин и сказал: «Я не вечен на этом посту и вы тоже, давайте изначально определимся,... я могу дать каждому по участку... выбирайте, а потом начнем нормально работать»»*.

Нам в данном исследовании интересен не круг формальных и неформальных полномочий мэра и выгод от занимаемого поста, а как они представляются в публичном пространстве широкому кругу «непросвещенных». Основной публично вербализуемый мотив своего выдвижения кандидат Б. выразил в следующем заявлении, сделанном на одной из встреч с избирателями: *«Я ставлю свою кандидатуру, только для того, чтобы его не было... в тот день, когда он снимет свою кандидатуру, в тот же день и я сниму. Мне не нужно кресло, богатство, участки, к чему стремятся многие и достигли определенных вещей, мне нужно восстановить справедливость. Народ должен все видеть, нельзя его*

держат за дурака. Не я самый подходящий кандидат в этом городе, есть намного лучше меня, однако часть не выдвигается, поскольку не позволяют, часть — просто не может, а на другую часть давят. А я говорю, что буду идти до конца. Хотя иду на большой риск, знаю что делаю, против кого я вышел, что теряю, но я хочу жить в городе Д., не хочу жить в других городах, хотя имею эти возможности. Я не могу доверять все это ему, человеку, который способен на столькокие нарушения, который способен настолько нагло вести себя, быть настолько безнаказанным». Кандидат выстраивает свою мотивацию от обратного, конструируя образ спасителя и миссионера, который освободит жителей общины от бесправного и наглого руководителя, отдавая себя в жертву, тем самым проговаривая, на какой риск он идет, вступая в эту борьбу. В этом, а также в других заявлениях кандидата Б., проговаривается, какие ресурсы и возможности предоставляет пост мэра города вплоть до описания механизмов: «Я не хочу стать мэром затем, чтобы улучшить свое финансовое положение, т.е. посредством отчуждения земель улучшить свое финансовое положение».

Кандидат А. мотивировал свое выдвижение на третий срок незавершенностью своих программ. Во время одной из телепередач, отвечая на вопрос телезрителя, он сказал: *«Три года очень мало для органов местного самоуправления. В первом году избранный <мэр> решает проблемы своих избирателей, второй год работает, а на третий год начинает снова в популизм играть, чтобы снова быть избранным».* Интересна категоризация кандидата, выстроенная в последовательный ряд практик, демонстрирующая, как представляется ему смысл работы мэра: *«решает проблемы своих избирателей», «работает», «играет в популизм».*

В то же время кампания, построенная на такой платформе, предполагает четко сформулированную программу кандидата, которая выступает основным фактором при выборе данного кандидата. Но, как показало наблюдение за ходом избирательной кампании кандидата А., растиражированная предвыборная программа была распространена только во время двух встреч кандидата с избирателями. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, понимание того, что предвыборная программа в его случае не сыграет никакой роли и это всего лишь дань формальным нормам, с другой стороны, — уверенностью в эффективность других, более действенных неформальных механизмов, которые будут рассмотрены ниже.

Сетевой капитал: предпосылка победы на выборах

Центральная власть не собиралась оставаться безучастной к выборам, и более того, вопреки всем формальным принципам, установленным законом, глава региона публично заявил о своей поддержке действующему мэру и о намерении участвовать в его предвыборной кампании.

Основной мишенью предвыборных давлений (запугиваний или угроз) стали сотрудники организаций и предприятий, подчиненных или зависимых от муниципалитета или марзпетарана (регионального органа власти). В так называемой группе риска оказались бюджетники: учителя, преподаватели вузов, воспитатели детских садов, мед. работники, деятели культуры и спорта и другие. Во время одного из выступлений в прямом эфире на местном телеканале кандидат Б. отметил: *«... сегодня..., может, мэр или марзпет (глава региона — Д.Т.-С.) не знают об этом, поскольку это их приближенные делают, наши штабы закрываются... Мы арендуем квартиру какой-то бабушки, а эти люди, разузнав, что внучка сестры этой женщины работает в такой-то школе, приглашают ее в соответствующее место и говорят: «Напиши заявление об уходе, если нет, то пойдешь и скажи своей тете, пусть берет квартиру обратно»... я ставлю в известность господина марзпета и господина мэра, что имеют место такие случаи, предполагаю, что они не в курсе»*.¹⁰

О случаях притеснений свидетельствовало и то, что телезрители, звонившие во время прямого эфира, опасались представляться: *«... я не представляюсь по той простой причине, что я педагог... сколько бы нам не давали указаний из марзпетарана, чтобы мы голосовали за действующего мэра, мы не будем за него голосовать»*. (Из телефонного звонка телезрителя во время прямого эфира кандидата Б.)

Запугивания и угрозы имели место не только по отношению к бюджетникам. Центральная власть с помощью главы региона добралась и до частного сектора. Будучи местным наблюдателем (единственным на этом участке) на всенародном референдуме по конституционным поправкам, исследователь имел возможность на себе почувствовать все прелести этих механизмов. Мое нежелательное присутствие на участке потерпели пару часов, в течение которых предпринимались безуспешные попытки отвлечь мое внимание от процесса «голосования», а также выводывалась информация о месте работы моем и моих близких. Потом мне позвонил

¹⁰ Из выступления кандидата Б. в прямом эфире местного телеканала.

отец, который просил покинуть участок. Указание руководителю предприятия, где работал отец на управленческой должности, было конкретным: «В случае непослушания уволить (моего отца) с работы». Как выяснилось впоследствии, весь процесс лично контролировался главой региона, и все участки тщательно очищались от нежелательных наблюдателей.

Более того, притеснения имели место и в публичном пространстве. Приведем один пример. Телевизионные кадры, где известные деятели культуры, учителя и директора школ выражали свою благодарность кандидату Б. за благотворительность (задолго до выборов), были использованы в предвыборных роликах кандидата Б. Сразу после показа этих роликов они, как один, на следующий же день были вызваны в студию местного телевидения и заявили перед телекамерами, что выражения благодарности не имели предвыборного значения и неправильно было их использовать в предвыборных роликах кандидата Б., более того выражали свое явное предпочтение кандидату А. Получается, что благодарность бывает двух видов: предвыборная и человеческая.

Опасались выразить свои симпатии, да и просто участвовать в предвыборных встречах, не только те, кто по занимаемому положению находился в зависимости от местных и государственных структур власти. Опасения и атмосфера страха распространялась и на обычных жителей общины. Это проявилось на одной из очередных встреч кандидата Б. с жителями одного квартала. Место встречи находилось на площадке между двумя многоэтажными домами. В таких местах на встречи, как правило, собирается большое число жителей, хотя на этот раз собралось несоизмеримо мало. Причина, как потом выяснилось, в том, что непосредственно по соседству с местом встречи находился один из штабов кандидата А. Среди собравшихся ходили разговоры, что именно из-за близости этого штаба люди не вышли на встречу с кандидатом. Здесь немалую роль сыграл и тот факт, что в предвыборных штабах мобилизуются жители именно данного квартала, которые если не лично, то по крайней мере в лицо знают всех жителей данного микрорайона и в случае чего могут донести информацию до соответствующих лиц.

Как и было отмечено ранее, глава региона не только выражал свои политические симпатии, но и принимал действенное участие в предвыборной кампании кандидата А. Предвыборную встречу кандидата А. с преподавательским составом и студентами в одном из вузов города, на которой

присутствовали глава региона и его советник, председатель комиссии избирательного округа и др., открыл сам глава региона, отметив, что день нерабочий, и он имеет право заниматься предвыборной кампанией, в особенности учитывая тот факт, что кандидат в мэры является главой городского подразделения, а он — глава регионального подразделения одной и той же партии.

Хотя на словах отрицаются факты запугивания, но не исключается и такая возможность. Обратимся к заявлению, прозвучавшему из уст главы региона в ответ на обвинения из предвыборного штаба конкурента: *«... я не запугивал ни вас, ни кого-либо еще. Я столько лет работаю здесь, никто не может сказать, что я кого-то запугиваю, <хотя> у меня и такие возможности есть, но если на человеческом языке могу общаться, то пытаюсь именно так».*

Во время предвыборной кампании активно муссировались слухи о том, что кандидат Б. имеет двойное гражданство. В этой связи главой региона было сказано следующее: *«... я советую вам, кандидатам, прочитать всего три вещи: Конституцию РА, в которой четко оговорено — «В Армении нет закона о двойном гражданстве», «Закон о местном самоуправлении РА», в котором четко оговорено, в каких случаях можно выразить недоверие действующему главе общины (т.е. мэру), а также Избирательный кодекс, в котором сказано, кто может быть кандидатом в мэры. Если эти три закона будут прочитаны, думаю, что до некоторых людей холодная вода быстрее дойдет».*

Неслучайно, что в дискурсе предвыборной кампании кандидата Б. прослеживалось четкое разделение на «они» и «мы», чего не наблюдалось в высказываниях кандидата А. и его сторонников. Это можно объяснить видением своего конкурента со стороны Б. не в единоличном образе, а в спайке с главой региона: *«У них один критерий — деньги. Я хорошо их знаю, общался с ними».* Так, один из сторонников кандидата Б., на следующий день после своего скандального телевыступления заявил, что ему много звонили и пытались запугать, употребляли неприличные слова и ругань. На что он ответил: *«Публично заявляю, что сегодня целый день я пешком ходил по городу, я готов противостоять им».*

Как правило, глава региона всегда имеет свою кандидатуру на выборах главы общины и никогда этого не скрывает, как и то, что практически невозможно пройти на выборах, если кандидат не поддержан главой региона. Особенно явно это проявляется на выборах глав городских общин, которые

располагают большими ресурсами. Можно утверждать, что выборы в общинах выигрываются или проигрываются еще до их начала.

Использование административного ресурса на выборах

Естественно, что об использовании административного ресурса¹¹ можно говорить только применительно к кандидату А. Следует отметить, что выгоды от занимаемого положения использовались кандидатом А. постоянно как в период предвыборной кампании, так и непосредственно во время выборов.

Одним из свидетельств этого служит то, что главный штаб кандидата А. размещался в здании детской городской библиотеки, которая является предприятием, находящимся в ведении муниципалитета. Кроме того, в предприятиях муниципального подчинения, в котором были размещены штабы, в основном мобилизовывались работники данного учреждения. Всего у кандидата было 29 штабов по всему городу, каждый из которых охватывал от 2-х до 3-х избирательных участков.

Стоит также рассмотреть, как организована работа штабов, поскольку от их эффективной работы во многом зависит исход выборов. Как выяснилось из разговора с главой предвыборного штаба кандидата А., рабочие группы в этих штабах работают на добровольной основе и кандидат может впоследствии *«исходя из результатов <выборов>, выразить свою благодарность»*. Интересно также отметить, что, опять-таки по словам главы штаба, *«для обеспечения работы штабов нет бюджета, это делается на добровольной основе, один дарит <предоставляет> помещение... После выборов мы увидим, кому какой личный вред был нанесен, и, может, наш кандидат из своих собственных средств сделает какое-то возмещение»* (из интервью с главой штаба кандидата А.).

У кандидата Б. было 24 предвыборных штаба, размещенных в разных частях города. Здесь также большая часть работников штабов включала родственников и сторонников кандидата, которые работали на добровольной основе, работа же остальных оплачивалась в размере 40-45 долларов за весь предвыборный период.

Многочисленные работники штабов обоих кандидатов, работая на доб-

¹¹ Административный ресурс — это специфический способ государственного управления, являющийся разновидностью нарушения конституционного принципа равноправия путем предоставления не предусмотренных законом преимуществ для одних субъектов и (или) ограничений для других. (Чуклинов А. Административный ресурс: проблемы управленческого метода // Отечественные записки. 2004. № 2. <<http://www.strana-oz.ru/?numid=17&article=830>>. 20.05.06)

ровольной основе, сознавая это или нет, вступали в патрон-клиентские отношения с кандидатом. Работа на самом деле не совсем бесплатная, просто каждый из вовлеченных в работу штабов сам для себя выбирал средство «оплаты» за оказанные услуги: или в виде денежного вознаграждения, или в виде другой дани. В ответ на оказанную услугу кандидату ожидается встречная помощь, по крайней мере, появляется моральное право на ее ожидание. Особенность данного вида обмена заключается в том, что сроки и форма ответного дара, как правило, не оговариваются и почти всегда произвольны.

Такой обмен услугами накладывает на участников сети неформальные обязательства «платить по счетам». Плата может быть самой разнообразной. Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники умеют декодировать смысл дани, не выходить за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи. Поскольку обмен представляется как акт «доброй воли», а размер дани не оговаривается, то часто это заканчивается разочарованием от несбывшихся ожиданий. Очень показателен пример с пожилой женщиной, которая на встрече кандидата Б. с населением общины возмущенно рассказала, что она на прошлых выборах мэра (в 2002 году) для кандидата А. собрала 236 подписей, показав бережно сохраненный список подписей за кандидата, за что он обещал ей помочь материально. После выборов, когда эта женщина обратилась к кандидату за причитающейся «платой» за оказанную «услугу», он отослал ее в соответствующий департамент муниципалитета, где ей в качестве материальной помощи выдали всего 3 тыс. драм (6,5 долларов), что очень обидело и возмутило ее.

Использованием административного ресурса можно назвать и привлечение глав департаментов муниципалитета, формально находящихся в отпуске, и служащих марзпетарана различного ранга в избирательные комиссии в качестве председателей или заместителей председателей. Аналогичная стратегия использовалась во время выборов в органы местного самоуправления и в другом городе того же марза при участии того же главы региона. Составление участковых избирательных комиссий из служащих марзпатарана, его подчиненных, глава региона объяснил на пресс-конференции следующим образом: *«Президент поставил задачу в участковых избирательных комиссиях в качестве своих представителей выдвинуть государственных служащих (избирательное законодательство предусматривает участие представителей президента в избиратель-*

ных комиссиях — Д. Т.-С.), а поскольку в городе X их мало, решили пригласить из города Y». По его заявлению, чем меньше людей из города X будет в избирательных комиссиях, тем меньше будет влияние неформальных механизмов во время выборов: «Ты же мой друг, мой сосед, почему не помогаешь мне? А чем может член комиссии помочь, сам не знаю, и в результате этот человек оказывается в неловком положении. <... > как мы накажем жителя города X, если он переступит закон, а государственного служащего или работника госаппарата **возьмем за ухо и бросим в реку, да просто уволим с работы**». По представлениям главы региона, это является наилучшим механизмом проведения идеальных и демократических выборов. При этом «Закон о государственных служащих» не только не предполагает бросать госслужащего в реку, но и запрещает ему исполнять другую оплачиваемую работу, кроме научной, педагогической и творческой, а работа председателя, заместителя председателя и секретаря избирательных комиссий — оплачиваемая. Эта проблема решалась таким образом: либо государственные служащие, занимавшие оплачиваемые должности в избирательных комиссиях, просто не получали причитающуюся им за эту работу плату, либо официально находились в отпуске в это время.

Скрытый дискурс: «Город — это я»

Своеобразным проявлением подкупа являются громогласные обещания кандидатов, которые понимают, что склонить избирателей на свою сторону можно и заманчивыми обещаниями будущих благ. На встрече кандидата А. с избирателями в Музее изобразительного искусства одна художница сказала, что для ремонта своей мастерской ей необходимо 2000-3000 долларов, и с этим вопросом она обращалась и в архитектурный, и в градостроительный отделы мэрии, но ей сказали, что не могут помочь. Кандидат отвечает: «Я обещаю помочь... почему несколько месяцев назад не пришла и не сказала мне, что у тебя такого рода проблема?! **Кто, в конце концов, решает — можно тебе помочь, или нет? В конечном же счете мэр решает!?**» В этом фрагменте можно увидеть как дешевый популизм кандидата, так и выражение и признание своего всевластия, при котором производится деление и противопоставление на «всемогущего мэра» и «бюрократизированный муниципалитет», который не в состоянии решить вопросы и проблемы жителей общины.

Другой пример, где наблюдается тот же дискурс: на предвыборной встрече кандидата с представителями «Объединения глухонемых» член объединения, подрабатывающей продажей овощей на примыкающей к рынку территории, пожаловалась кандидату А., что милиционеры не разрешают ей там торговать, ссылаясь на то, что мэр или марзпет не разрешают. На что последовало: *«Если кто-то тебя обидит, приходи ко мне, я моргалы выколю»* (примерно так переводится с армянского «ачкере кханем» — Д. Т.-С.) *тому, кто тебя обидит. Пиши* (обращаясь к присутствующему главе одного из отделов муниципалитета), *о каком участке идет речь и с Г.* (другой глава отдела департамента, а так же брат мэра) *урегулируйте этот вопрос».*

Позиция «хозяина города» демонстрируется и в заявлении, сделанном на встрече с представителями НПО: *«Хочу всех вас заверить, что Б. никогда не будет отсутствовать из города Д. Никто ему не позволит отсутствовать... я не в плохом смысле говорю, не в смысле мести или расправы. Б. нужен нашему городу, нельзя чернить все его дела, <...> он один из предпринимателей нашего города, и мы не позволим, чтоб из-за пустых разговоров наш предприниматель оставил бы и ушел».* В данном фрагменте также четко прослеживается деление на «мы — они».

Различные механизмы подкупа и дискурс вокруг него

Прежде чем перейти к описанию различных практик подкупа, определимся с понятием подкуп¹² и очертим рамки его использования в данном контексте. В данной статье мы исходим из широкого определения этого понятия, которое не сводится лишь к раздаче денег, а вбирает в себя различные практики нематериального характера.

Подкуп избирателей на выборах разных уровней давно уже перекочевал из разряда досужих домыслов в разряд реальных избирательных практик. Следует отметить, что и на выборах в городе Д. факты и практики подкупа воспринимались обоими кандидатами как неотъемлемая и естественная составляющая предвыборного процесса.

Кандидат Б. во время одной из своих встреч выразил следующую мысль, в которой прослеживается попытка подмены понятий и легитимации подкупа, при этом не отрицается сама практика: *«Я не буду давать денег*

¹² В «Большой советской энциклопедии» «подкуп» упоминается в статье о коррупции: *Коррупция* (от лат. *corruptio* — порча, подкуп), преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения. Одна из разновидностей К. — оплата избирательной кампании кандидата на ту или иную выборную должность, что после выборов компенсируется избранным различными услугами (предоставлением выгодных должностей, заказов и т. д.).

во время выборов... я не понимаю слова «помогать»... что значит !? Если <я> моей пожилой учительнице даю немного денег или чем-то помогаю... что это? Я помогаю ей или она мне помогла <в свое время>, что сделала таким, какой я есть?! Дорогие избиратели, мы всего лишь возвращаем свой долг им. Кто скажет, что помогал тому-то и тому-то, давал деньги, как бы он это не называл, не верьте... это ваши деньги возвращают вам... ваш труд, за который недополучили, и сегодня не в состоянии существовать. А во время выборов, кто бы не давал деньги, берите, но делайте выбор, прислушиваясь к своей совести. Сейчас не помогаю, не даю денег, чтоб это не расценивалось как подкуп».

Своеобразным проявлением скрытого избирательного подкупа с некоторыми оговорками можно считать вручение примерно ста учителям и тренерам благодарственных писем и подарков со стороны муниципалитета и марзпетарана на торжествах, устроенных в честь дня учителя.

На предвыборной встрече кандидата А. с однопартийцами, на которой присутствовало около 400 человек, скрыто, но с достаточно явным намеком, выражался призыв, адресованный однопартийцам и единомышленникам кандидата А.: «Кандидат А. — мой друг... здесь между двумя кандидатами идет основная борьба... здесь собрались активные представители региона, надеюсь, вы готовы содействовать А., нам осталось 2 дня, и я тоже прошу, чтобы мы в день выборов с 8:00 утра до 20:00 вечера работали в поте лица... я думаю, что эти 12 часов работы дадут свои плоды». Нетрудно догадаться о какой «работе» идет речь.

Отдельный интерес представляют такие виды «подкупа», которые носят постоянный характер, а именно — не применяются непосредственно в период предвыборной кампании, но состоят в использовании административного ресурса и средств муниципального бюджета. Примером подкупа с тратой финансовых ресурсов муниципалитета является учрежденная мэром стипендия для студентов города Д. Решением совета старейшин было принято предложение мэра о назначении ежемесячной стипендии в размере 10 тыс. драм (чуть более 22 долларов) студентам государственных вузов, которые одновременно являются отличниками и выходцами из социально необеспеченных семей. К примеру, в 2005 году 115-и студентам, являющимся жителями этой общины, из муниципального бюджета ежемесячно выделялась общая сумма на 1 миллион 115 тыс. драм (порядка 2,5 тыс. долларов). При этом статус «необеспеченной семьи» определялся произвольно комиссией муниципалитета,

в чью компетенцию это вне входило. Из 115 студентов только 27 были из семей, зарегистрированных в региональном центре социального обеспечения. Интересна реакция на этот факт члена совета старейшин: *«Кто сказал, что они (остальные 88 из 115-и — Д. Т.-С.) не являются необеспеченными?! Все кандидаты на получение пособий представили документы, и совет старейшин решил, кто обеспеченный, а кто нет. В конце концов, это совет старейшин распоряжается этим <муниципальным> бюджетом, и кому хотели, тому и назначили <стипендию>»*. А сам мэр объясняет действия тех, кто стремился получить любыми способами, их горячим желанием удостоиться чести получить *«стипендию мэра»*.

К нетрадиционным проявлениям подкупа избирателей можно отнести и небезынтересные практики, которые наблюдались на предвыборном этапе. Речь идет об активном асфальтировании дорог и особенно дворов, в частности многоэтажных и пятиэтажных домов, причем асфальтирование не сплошное, а заплаточное, которое, по мнению кандидата Б., *«делается с той целью, чтобы каждый год иметь возможность под эту статью бюджета смывать деньги»*. Другой пример еще более оригинального вида подкупа: за пару дней до выборов электрик нашего участка на вопрос *«Что нового говорят о выборах?»* ответил: *«Не знаю, раздадут деньги или нет, но показатели на счетчиках за электроэнергию у некоторых приведены к нулю, хотя счета не были оплачены»*.

Таким образом, можно утверждать, что механизмы и источники подкупа для кандидата А. и Б. несколько различны. В то время как кандидат А., являясь представителем административной власти, отсылает жителя общины в один из отделов муниципалитета для решения той или иной проблемы, кандидату Б., не владеющему административным ресурсом, приходится подкупать кандидатов или реальными деньгами, или услугами (установление газового счетчика, оплата мед. услуг и т. д.), которые предполагают трату личных финансовых ресурсов.

День выборов: «утром деньги, вечером голос»

В выборах в органы местного самоуправления участвовало 47% избирателей. Несмотря на то, что сторонники и единомышленники как кандидата А., так и кандидата Б. утверждали, что они не раздавали денег, горожане в день выборов были готовы продать свой голос и для этого часами стояли напротив штабов обоих кандидатов. В одном из окраинных

микрорайонов города наблюдалась следующая сцена: *«Их настроили, чтоб приходили и создавали здесь скопления. Приходят и просят у нас денег, а когда мы им говорим, что мы вообще не даем взятки, то грозятся, что проголосуют за кандидата А.»* (Сотрудница штаба кандидата Б.)

В день выборов на каждом шагу можно было услышать такие выражения: *«2 тыс. драм (около 5 долларов)... не пойти ли сказать: «дайте, и я проголосую» ... не проголосую, пока не дадут... говорят, что только знакомым дают».*

Избирательный участок, в котором я была наблюдателем, находился на окраине города и состоял исключительно из собственных домов. В этом микрорайоне все знают друг друга в лицо. Этот факт является немаловажным в плане контроля условий сделки (читай — «подкупа избирателей»).

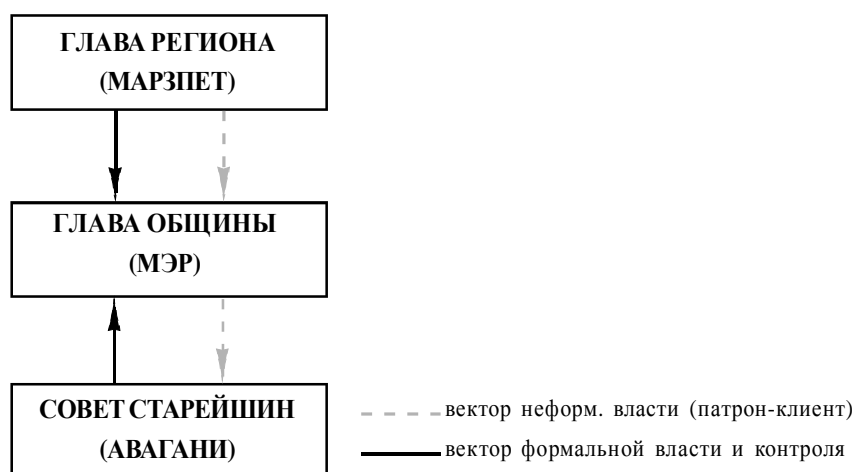
Из дневника наблюдения за ходом выборов: *«18:35. В дверях образовалась большая очередь».* Да простят меня жители этой общины, но мне с трудом верится, что правосознание и политическая культура находятся на таком уровне, чтобы полчаса стоять в очереди, дабы отдать свой голос. Все гораздо прагматичнее — «утром деньги, вечером стулья».

Хотя оба кандидата призывали избирателей не отказываться от подкупа и брать у обоих кандидатов, но голосовать за того, кто ближе их сердцу, наивность, а порой и благородность избирателей, не позволяли им «кинуть» кандидата-благотетеля.

Уже к концу дня, когда я пыталась наблюдать процесс выборов снаружи здания, где размещался участок, передо мной открылась интересная картина. Из дневника наблюдения за ходом выборов: *«Машины с затемненными стеклами и без, общественный транспорт (маршрутные такси, которым нельзя нарушать свой маршрут), одни и те же машины постоянно курсировали и привозили все новых и новых избирателей, и опять-таки пожилого возраста люди в сопровождении молодых направлялись в участок для голосования. Завидев меня и фотоаппарат (мой бейдж выдавал мой статус), они оставляли бедных стариков на полпути и расходились в разных направлениях... крутились вокруг меня, пытаясь прочитать мое имя на бейдже, после чего последовали угрозы — «Ты сегодня домой не дойдешь».*

Заключение

Отношения, сформировавшиеся во властной структуре города Д., характеризуются как сетевые, в иерархизированной структуре обладателей формальной власти действуют неформальные отношения типа «патрон-клиент».

Так, глава региона находится в «патрон-клиентских» отношениях с главой городской общины, выступая патроном. Глава общины, в свою очередь, выступает патроном по отношению к членам совета старейшин, а те выступают патронами во взаимоотношениях со своим окружением.

Внешне происходит добровольный обмен ресурсами. Никто никому ничего не продает, никто никого ни к чему не принуждает. Движение благ происходит исключительно на добровольной основе. И никакие формальные претензии в случае отклонения от участия в этих практиках не предусмотрены. Зависимое положение подчиненных придает такому дару принципиально новые характеристики, позволяющие маркировать его как дань.

Но ни те, ни другие не нарушат заведенного порядка. Все понимают, что эта добровольность весьма иллюзорная. Участники взаимодействий вовлечены в своеобразную «диалектику контроля»:¹³ зависимая сторона

¹³ «Субъект, который не участвует в диалектике контроля, перестает быть субъектом действия». Так, помимо отношений господства и подчинения, в которых реализуются *властные* ресурсы участников взаимодействия, существует еще одно актуальное в современном мире измерение: *сигнификационное доминирование и сигнификационная зависимость*. Подробнее см. Giddens A. Central problems in social theory: Action, structure and contradiction in social analysis. London, 1979. P.149.

обладает определенными ресурсами, посредством которых подчиненные могут влиять на действия властвующих. При этом контроль со стороны подчиненного актора осуществляется с помощью иного типа ресурсов, отличного от того, который используется для осуществления доминирования в отношении него. Клиентистские сети пронизывают распределительные механизмы разного характера — от распределения материальных благ, рабочих мест, земли до распределения разрешений на деятельность, меры ответственности и наказаний, поощрений и привилегий. Иерархия создает систему зависимости элементов на основе неравного доступа к ресурсам. Ресурсная зависимость и есть скрытая пружина принуждения, которое принимает видимость добровольных жестов.

Итак, выделим основные характеристики, которые позволяют нам говорить о сетевом характере структуры власти в городе Д.:

- формальная роль субъекта выполняется или не выполняется под давлением его неформальной роли;
- отношения патрона и клиента представляют собой неформальные договоренности, часто даже не проговариваемые, в рамках выполняемых индивидами формальных ролей;
- один и тот же субъект может быть и патроном, и клиентом, но для разных уровней клиентистской сети;
- патрон-клиентизм держится на вертикальной упорядоченности субъектов, что определяет их неравный доступ к ресурсам как основу отношений зависимости;
- вертикальные связи как основа патрон-клиентизма формируют административный капитал, связанный со способностью одних акторов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других акторов.

... Как видим, со времен правления Цезаря мало что изменилось, разве что форма стала почему-то называться «демократией» ...

Тамар Чарквиани

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

В переходных обществах институциональные системы ослабляются и могут пребывать в таком состоянии достаточно долго. Это приводит к тому, что отклонения социальных практик от действующих формальных норм укореняются и приобретают устойчивый характер. Более или менее точное совпадение практик с законами говорит не только об относительном правовом благополучии общества, но и о его управляемости, о возможности воздействовать на его развитие с помощью соответствующих законов и норм. Существенное расхождение между практиками и законами является признаком неблагополучия общества и неопределенности его будущего.

Ход и результаты структурных (институциональных) реформ прямо обусловлены способностью государства вырабатывать и проводить соответствующую политику. Но и в самом секторе государственного управления могут распространяться неправовые практики, что существенным образом влияет на эффективность работы государственных институтов. Самые лучшие начинания не будут реализованы, если их осуществление доверить некомпетентным, коррумпированным или незаинтересованным в реформах чиновникам. Закрепление неправовых практик означает перерождение государственных институтов.

Государственные институты в Грузии обросли неформальными отношениями и личными связями, подверглись своего рода деформации и в результате стали неспособны выполнять свое предназначение — обеспечивать соблюдение общих правил игры. Неправовые практики, такие как nepотизм, протекция, патронаж и другие, не просто широко распространены в трудовой сфере, сегодня идет процесс их институционализации. Они превращаются в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен и становятся нормой поведения социальных агентов самых разных уровней. С точки зрения нормативного подхода, социальная проблема — это «расхождение между тем, что есть, и тем, чему, как считают люди, следует быть» (Р.Мертон и Р. Нисбет).¹ Таким

---

¹ Цит. по Ярская-Смирнова Е., Романов П. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России. М., 2002. С. 28.

образом, неформальные отношения должны считаться девиацией, отклонением от норм, от тех способов социального поведения, которые воспринимаются как правильные, должные, общепринятые. Но широкая распространенность неформальных практик заставляет поставить вопрос о том, что же действительно является общепринятыми нормами трудового поведения, а постоянное и систематическое несоответствие реальных (неформальных) правил трудовых взаимодействий с нормативными (формальными) ставит под сомнение «естественность» формального порядка, принимаемого за норму.

В фокусе моего исследования были неформальные трудовые практики государственных служащих. Главный вопрос данной статьи можно сформулировать следующим образом: **как совокупность многообразных массовых практик соотносится с формально установленными и, предположительно, действующими законами и нормами государственной службы.** Исследование включало следующие направления работы:

- 1) изучение теорий государственной службы, концепций формальных и неформальных практик;
- 2) изучение нормативных актов, формальных норм, связанных с трудовыми отношениями;
- 3) проведение социологического исследования, состоящего из двух этапов:
  - а) качественное социологическое исследование (экспертный опрос);
  - б) количественное социологическое исследование (анкетный опрос).

Целью экспертного опроса было получение мнений и оценок экспертов относительно неформальных трудовых отношений, роли государства в институционализации формальных трудовых практик. Экспертный опрос проводился методом глубинного интервью. Отбор производился по принципу компетентности экспертов в вышеназванных вопросах, основными критериями отбора служили профессия и сфера деятельности респондентов. Другие социально-демографические характеристики (пол, возраст, доход, место жительства и т.д.) не учитывались при отборе. В отбор попали ведущие специалисты и ученые в данной сфере, в основном юристы и руководители государственных служб, а также эксперты социальной сферы — социологи, психологи, политологи и культурологи (всего 16 человек).

Количественное социологическое исследование проводилось методом очного анкетного опроса осенью 2005 года. Целью этого исследования было изучение процесса реформирования государственной службы и установок государственных служащих относительно формальных и неформальных прак-

тик. Исследователем опрашивались государственные служащие различных государственных учреждений, в основном министерств. Целевая выборка (около 200 респондентов) производилась по следующим критериям: место работы, должность, сфера деятельности. Учитывались также социально-демографические характеристики — пол, возраст, доход, место работы, стаж. В выборку попало примерно равное количество мужчин и женщин. 44.9% респондентов относятся к возрастной категории 26-35 лет. Надо так же отметить, что в выборке было достаточно много респондентов младшей возрастной группы — 18-25 лет (22.8%), при этом у 19.1% из них стаж работы на государственной службе составляет один год, что указывает на «омоложение» государственного аппарата в процессе реформы. В целом по выборке стаж работы на государственной службе до 5 лет имели 35.3% респондентов. Половина респондентов занимают должности младшего специалиста. Полученные данные были обработаны в программе SPSS.

Надо отметить, что многие респонденты отнеслись к исследованию с недоверием, отказывались принимать участие в нем без согласия и рекомендации вышестоящих должностных лиц, хотя опрос был анонимным.

Анализ данных экспертного опроса

Структурные проблемы государственной службы в Грузии

Государственная служба основана на определенных устойчивых принципах. Одним из основных является принцип единства государственной службы, который распространяется на все подразделения государственной службы. Он подразумевает целенаправленность отдельных государственных структур, но при этом сохранение системного единства государственных, военных и муниципальных служб.

Согласно оценкам экспертов-политологов, принцип единства государственной службы в Грузии не соблюдается, не существует единой координации разных государственных структур, не проводится единая политика. Вся система государственной службы Грузии требует упорядочения. Сложность состоит в том, что у управленцев нет четких представлений о том, как должны развиваться процессы в государственных учреждениях. У государственных служб отсутствуют не только четко сформулированные долгосрочные, но и краткосрочные планы деятельности. В такой ситуации трудно определить, какие

департаменты и службы должны создаваться, каковы должны быть их структура, функции и полномочия, каким образом должна выстраиваться в них вертикаль власти.

«Неправильно, когда государственные единицы, департаменты, искали себе назначение, функции после создания, как это происходило в Грузии: создавался департамент, три-четыре года существовал без определенной функции и старался ее найти» (эксперт-политолог).

Структурные проблемы в системе государственной службы можно объяснить бюрократической заорганизованностью, выгодной «бюрократической буржуазии».² Одной из основных причин теневых трудовых отношений следует считать структурные проблемы, существующие на государственной службе в Грузии, которые дают возможность бюрократии злоупотреблять полномочиями, используя государственные ресурсы и свой статус в личных целях. От отсутствия четкой структуры государственных учреждений страдает все остальное общество.

Законодательная база государственной службы Грузии

Существующее законодательство Грузии во многом копирует законы западных стран, при этом часто происходит их искусственный перенос без адаптации к грузинской реальности. «Закон о государственной службе» принят давно, но поскольку в том виде он практически не работал, впоследствии в него было внесено много дополнений и изменений. Оказались законодательно закреплены некоторые условия работы, которые, по мнению руководителей государственных служб, изначально невыполнимы из-за специфики работы в государственных структурах. Например, часто возникает необходимость вызовов сотрудников во внерабочее время, и поэтому строгий график работы априори невозможен. В этом смысле, вероятно, логичнее было бы отрегулировать правила таким образом, чтобы они учитывали реальные трудовые отношения.

Эксперты-юристы считают, что «Закон о государственной службе» имеет много слабых мест. Закон имеет репрессивный характер, в нем не описаны подробно те социальные гарантии, которыми должны пользоваться государственные служащие, не учтена защита прав государственных служащих в случае их нарушения, в частности, не определены такие понятия,

---

² Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2001. С. 45.

как возмещение ущерба, безосновательное увольнение, моральная компенсация, моральный ущерб и т.д. Когда не существует механизмов защиты прав, трудовые тяжбы становятся неэффективными, т.е. государственные служащие оказываются беззащитными в трудовых спорах.

Как отмечают эксперты, массовые увольнения последних лет происходят по одному сценарию: каждый новый руководитель практически полностью меняет штат. Согласно «Закону о государственной службе», реорганизация учреждения, т.е. переход на новые формы работы, не дает основания для увольнения работников. Однако практика показывает, что реорганизация учреждения часто становится поводом для избавления от нежелательного сотрудника. Другими словами, при реорганизации применяются правовые нормы ликвидации. Такая политика объясняется тем, что увольняются коррумпированные кадры, однако очевидно, что при этом нарушается презумпция невиновности сотрудников.

«Как будто в один прекрасный день государство прекратило существование и создалось новое государство. Это было политическим решением правительства. На этом этапе они сочли это нужным, они считали оптимальным массовое увольнение кадров» (эксперт-юрист).

По мнению юристов, в первую очередь необходимо разработать новый закон о государственной службе, который установит общие стандарты для всех государственных учреждений. На сегодняшний день существует до 115-ти нормативных актов, регулирующих отношения на государственной службе, и отдельные государственные учреждения сами определяют порядок прохождения службы в своих учреждениях. Например, существует закон о полиции, о прокуратуре, об общих судах, о дипломатической службе и т.д. Каждая структура государственной службы самостоятельно разрабатывает свою законодательную базу.

«Поэтому кто как смог, так сделал, и все создали свой закон, вписали что захотели, что их интересовало, и все старались выйти из сферы регулирования общего закона» (эксперт-юрист).

«... механизмы социальной защиты у работников прокуратуры и в министерстве энергетики абсолютно разные» (эксперт-юрист).

Трудовые отношения на государственной службе

Трудовые отношения на государственной службе имеют свою специфику и отличаются от таковых в частном секторе, поскольку имеют

публичный характер. Когда между гражданами и государством устанавливаются трудовые отношения, это означает, что государство нанимает индивида для исполнения определенной государственной функции в соответствии с его (ее) знаниями и компетенцией. В результате установления таких трудовых отношений индивид получает не только заработную плату, но и определенную часть государственной власти, государственные полномочия, становится представителем государства в определенной сфере. Зарплата в структурах государственной службы Грузии в течение последних лет оставалась низкой, можно сказать, символической, и все потенциальные работники знают, что ее не хватит даже на удовлетворение элементарных потребностей. Поэтому, по мнению экспертов, в Грузии именно этот второй тип блага — престиж, влияние — является причиной поступления на государственную службу. Большое количество желающих занять государственные должности при неспособности государства обеспечить своим служащим зарплату, сопоставимую с доходами в частном секторе, является показателем того, что кандидаты на места имеют другую мотивацию.

«...для большинства государственных служащих этот статус был на руку, под ним они чувствовали себя защищенными, как под зонтом, т.е. этот статус был им дорог даже за минимальную зарплату» (эксперт-юрист).

Эксперты, в основном те, которые участвуют в процессе реформирования госслужбы, часто сталкиваются с ситуациями, когда разные ведомства и министерства сами устанавливают штатное расписание и условия поступления на службу. При найме активно используется тестирование, но никто точно не знает, какой тип теста должен применяться в конкретной ситуации для достижения определенной цели. Особенно озабочены этой проблемой эксперты-психологи, считающие, что непрофессиональный подход к этому вопросу, существующий в Грузии, обуславливает неадекватность подбора персонала. Поскольку не существует единого стандарта, процедуры найма приобрели ведомственный характер; каждый руководитель проводит их по своему усмотрению.

«Конкурсы проводятся: одно министерство проводит по своему желанию, другое — по своему, а третье — по своему усмотрению, все трое по-разному. Т.е. на государственной службе не существует единых критериев подбора кадров, нет и общего резерва штатов» (руководитель «Бюро Государственной службы»).

Эксперты считают, что в первую очередь для каждой должности должны быть разработаны должностные инструкции, включающие подробное описание рабочих обязанностей. После этого должны быть сформулированы критерии, которым должны удовлетворять кандидаты на посты. Определение этих критериев, в свою очередь, даст возможность разработать инструкции проведения конкурсов, включающие описание отборочной процедуры, вид тестирования, критерии оценки и т.д.

Неформальные трудовые практики на государственной службе

По мнению экспертов, в постсоветских странах, в том числе и в Грузии, неформальные, неправовые трудовые отношения особенно сильны, что препятствует развитию государственных институтов и развитию общества в целом. По определению, формальные институты подразумевают законодательно-правовой каркас, составляющий основу общественных институтов, а под практиками подразумеваются реальные формы и способы функционирования этих институтов. Грузинское общество, в котором неформальные отношения широко распространены, можно назвать обществом риска³, имеющим свои неписанные законы, которым, в конечном счете, вынуждены подчиняться все. В отличие от демократических обществ, в которых действует принцип разделения властей, в обществе риска угроза безопасности и обеспечение безопасности связаны с деятельностью государственных институтов, т.е. производство рисков и защита от них находятся в одних руках. Если в демократическом обществе государственные институты являются одним из ключевых элементов всеобщего социального порядка, то в обществе риска защищенность дают личные связи, служащие удовлетворению частных или корпоративных интересов.

Когда государственный служащий получает деньги за коррупционные сделки, это означает, что он продает часть бесплатных общественных благ, которыми государство доверило ему распоряжаться. Таким образом, общественное благо не служит общественной безопасности и обеспечению равенства граждан перед законом, а представляет собой конкретное ограниченное благо, предоставляемое некой теневой структурой, узурпировавшей это право.

Постепенно складывается теневое контрактное право, возникает теневая юстиция, в конечном счете, складывается институт теневой безопас-

---

³ Концепция, предложенная немецким социологом Ульрихом Беком. Цит. по Яницкий О.Н. Теневые отношения в современной России // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 148-153.

ности. Эксперты-социологи говорят о формировании своего рода теневого порядка, существующего параллельно официальному и во многом противоречащего ему. В свою очередь, некоторые эксперты-юристы, опираясь на собственную адвокатскую практику, подтверждают, что теневой рынок вырабатывает свои правила и институты. Взятка есть плата за безопасность, которая имеет рыночную цену, но ее надобно еще определить, как и технологию ее вручения. Поэтому в структуре теневых организаций появляются специально обученные профессионалы — специалисты по даче взяток.

Появляется тенденция перехода с официально-безличных отношений к личностным. Сначала чиновники создают искусственный дефицит легальных возможностей, а затем эти самые законные права продаются за взятку. Право, таким образом, превращается в товар, которым монопольно распоряжается государственная бюрократия. В конечном счете государство как правовой институт приватизируется бюрократическим аппаратом.

Многие основополагающие принципы государственной службы в реальности не действуют. Все специалисты в данной сфере согласны с тем, что первый принцип, которому должен в идеале следовать госслужащий, — это ответственность перед людьми, обществом. Но чиновники чувствуют ответственность только перед начальниками, следуя иерархической субординации:

«Государственный служащий работает на министра и для министра, министр на президента и для президента» (эксперт-политолог).

По мнению части экспертов, государственная служба в Грузии в основном базируется на неформальном принципе управления: решения принимаются неформально, часто единолично, не оформляются, не подготавливаются должным образом. В итоге это увеличивает вероятность неудачи проектов, или, как минимум, решение исполняется неэффективно, поскольку многие заинтересованные лица и учреждения не участвуют в его принятии.

«...часто по телефону передаются важные решения, которые нигде не оформляются и таким образом важные детали остаются неучтенными. С другой стороны, когда принятие решений формализовано, оно происходит согласно установленным процедурам; у человека, который имеет иное мнение, появляется возможность протеста и апелляции; когда же этот процесс закрыт и решается в кулуарах, ситуация приближается к военному типу правления, когда солдат безоговорочно исполняет приказ вышестоящего начальника» (эксперт-юрист).

По мнению экспертов, неформальные отношения задействуются не только при поступлении на государственную службу и продвижении по карьерной лестнице, но и в повседневной работе. Эксперты социальной сферы, в основном социологи и психологи, говорят о большой вероятности того, что поступающее на государственную службу в обход формальных правил будут придерживаться такого же образа действия и во время прохождения службы.

Одним из основных способов обхода формальных процедур является «блат», регулирующий доступ к ресурсам, которые могут быть использованы в личных целях. Существует мнение, что «блат» даже частично вытеснил такие неформальные практики, как взяточничество и прочие денежные формы расчета. Под «блатом» подразумевается использование личных контактов для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода (образование, рабочие места, должности и т.д.) и привилегиям. Блат, таким образом, является практикой обхода формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления.⁴

Эксперты выделяют следующие причины распространенности неправовых практик в структурах государственной службы:

- Исторически в Грузии был слабый бюрократический аппарат, что способствовало развитию в обществе институтов неформального регулирования взаимоотношений. Постоянная угроза войн и порабощения, при которых общественная безопасность не гарантирована, приводят к тому, что общественные институты ослабевают, а люди пытаются решить свои проблемы неформальными путями.
- Пребывание Грузии в составе Советского Союза, который не был ориентирован на ценности правового государства. В советский период во многих сферах закон был не руководством к действию, а препятствующим обстоятельством, поэтому регулярно нарушался и «корректировался» неформальными отношениями.

«Все советское общество состояло из асоциальных персон. С одной стороны, существовала правовая система, а с другой — выработанная неформальная система отношений, которая в качестве новой советской иерархии ценностей латентно распространялась в нашем обществе» (эксперт-философ).

⁴ Леденева А. Блат и рынок: трансформация блата в постсоветском обществе // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т.Шанина. М., 1999. С.111-124.

- Позднее развитие в Грузии капитализма и соответственно буржуазии, которая заинтересована в защите своих материальных интересов, надежности контрактов, трудовых договоров и т.д.
- Законопослушность не является «традиционной» грузинской ценностью, исторически сформировалась «национальная культура двойных стандартов».

«Грузинские цари формально исповедовали ислам, красили бороду, а у сердца тайно носили крест. У такого рода мимикрии есть историческая основа. В Грузии мимикрия является одной из самых высоких латентных ценностей» (эксперт-культуролог).

- Грузия в течение долгого периода не имела собственного правления. Иностранные завоеватели или непосредственно господствовали или назначали правителя-грузина, который проводил их политику. Закон устанавливался инородцами, и поэтому нарушение навязанных норм не считалось безнравственным.

«Мы в нашей стране не устанавливали порядок, порядок устанавливали пришедшие завоеватели. Естественно, что отношение было негативным и агрессивным, потому что такой порядок всегда был навязан» (эксперт-социолог).

- В грузинской культуре устные договоренности имеют приоритет перед писаными, формальными нормами.
- Исторически в Грузии развитие права не было систематическим и непрерывным, не велось регулярной разработки правовых концепций и правовых теорий.
- В соседних с Грузией государствах также низок уровень правосознания, что не способствует росту правосознания у грузин.

Послереволюционный период имеет свои особенности. В это время законы обычно отступают на задний план, а на первый выходят революционные и неправовые нормы. Государство и общество пока еще находятся в революционной эйфории, поэтому трудно предсказывать, когда на государственных службах начнет соблюдаться верховенство закона. Часть экспертов, в основном те, кто участвует в процессе реформирования госслужбы, настроены оптимистически, несмотря на то, что они осознают проблемы и сложности, связанные с реформой. Процесс реформирования госслужбы, начавшийся после «революции роз» и имевший целью структурную и кадровую оптимизацию, дает надежду на улучшение. За год реформы системы произошли глубокие

изменения, затрагивающие функциональные основы ее деятельности и способствующие сокращению численности служащих. Процесс реформирования сопровождается значительным обновлением государственного аппарата. Старый аппарат ни функционально, ни профессионально, ни идеологически не способен осуществлять реформы. Успех последних во многом зависит не только от компетентности, но и от политической лояльности тех, кто проводит реформы. Поэтому на сегодняшний день масштабное обновление аппарата представляется неизбежным. Реформа государственной службы направлена, с одной стороны, на замещение старых коррумпированных работников. С другой стороны, меняется структура и функции органов управления, что требует от исполнителей новых навыков и образования. Это вызвало необходимость набора новых работников. Одновременно произошла замена старой номенклатуры людьми, более лояльными новой власти. Благодаря реформе уже удалось аккумулировать финансовые средства и значительно повысить зарплату госслужащим.

Анализ данных анкетного опроса

Социологическое исследование подразумевало изучение неформальных трудовых практик на государственной службе после реформы. Социологический подход к вопросу неформальных трудовых отношений состоит прежде всего в том, что трудовые отношения рассматриваются как погруженные в контекст социальных отношений и представляющие собой часть этих отношений. Неформальные трудовые отношения понимаются как феномен не только и не столько экономический, сколько социальный (и культурный) по своей природе. С позиции данного подхода, исследовательская проблема состоит в том, чтобы понять, как видится ситуация ее непосредственными участниками. Экспертное исследование показало, что на госслужбе распространены неформальные практики взаимоотношения. Количественное социологическое исследование дает возможность убедиться в том, насколько совпадает мнение экспертов с мнениями сотрудников госслужбы. Нам также было важно узнать мнения самих сотрудников этих органов о том, насколько соответствуют реальные механизмы принятия решений формальным нормам и как это влияет на права работников. Так мы хотели узнать о неформальных нормах и механизмах — привлечении родственных связей, личных отношений и т.д., и меру их влияния при поступлении на работу и продвижении по службе.

Госслужащие и реформы

Поскольку государственные учреждения в период реформ постоянно подвергались реорганизациям, их сотрудники неоднократно переходили из одних структур в другие. Именно госслужащие более всего страдают в процессе реформ, массовые нарушения прав работников стали устойчивой практикой, что выражается в нарушении трудовых обязанностей сотрудников со стороны руководства. На вопрос: «Как часто наблюдаются нарушения деловых обязательств у вас на работе?», больше половины респондентов (65.4%) ответили «иногда», 13.2% — «часто» и лишь 21.3% — «никогда».

Респонденты отмечают в качестве одной из проблем освобождение от должностей руководящего состава, потому что это влечет выпеснение старых кадров. Каждый новый руководитель приводит свою команду сотрудников. Эту проблему отметили в качестве самой важной за последний год 47.8% респондентов, которые столкнулись с этой ситуацией лично. В стабильных обществах вряд ли можно ожидать большой ротации кадров в системе органов государственного управления. Отметим, что в отличие от Грузии, в развитых демократиях подавляющее большинство чиновников не являются политическими назначенцами и, как правило, сохраняют свои места независимо от того, какая партия находится у власти. Бюрократические структуры там надежно отделены от политических. Знания и опыт чиновников, накопленные годами, не обесцениваются при смене правительств. С другой стороны, высокий социальный престиж государственной службы, приличное вознаграждение за труд и достаточная социальная защищенность обеспечивают то, что служащие ценят свое рабочее место и не стремятся перейти в частный сектор.

Ориентация на формальные или неформальные нормы в трудовых отношениях

Ориентация на личные связи в период кризисов — закономерное явление, но в Грузии происходит закрепление личных связей в формальных структурах, социальные сети заменяют функциональные, основанные на предписанных обязанностях.

Одной из важнейших проблем государственных структур является неэффективная работа официальных процедур подбора и продвижения кадров. В процессе реформирования структур появилось много вакансий, объявления о которых были размещены в СМИ. Однако результаты исследования показывают, что большинство вакансий было занято не теми

претендентами, которые получили информацию из СМИ, а теми, кому о вакансиях сообщили родственники, друзья, знакомые. Ответы на вопрос: «Как вы получили информацию о вакансии на государственной службе?» распределились следующим образом:

№	Источник информации	Доля выбравших вариант (%)
1.	От родственников, друзей, знакомых	65.3
2.	Другое	11.2
3.	Из объявления	9.6
4.	Из газет	6.6
5.	Из других СМИ	5.1
6.	Из Интернета	2.2

Таким образом, источник информации о вакансии имеет серьезное влияние на дальнейшую судьбу претендента, определяет шанс устроиться на желаемую должность. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что на вопрос «Существуют ли в вашей организации сотрудники, которые назначены на должность на основе родственных или личных связей?» 37.5% респондентов ответили «да», 46.3% — «затрудняюсь ответить» и лишь 15.4% — «нет».

Отсутствие при найме четкой договоренности о размере заработка, продолжительности рабочего дня, условиях работы и увольнения отметили как очень часто распространенную практику 16.2% респондентов; с тем, что такая ситуация часто имеет место, согласны 23.5% респондентов; 30.9% считают, что такая ситуация встречается достаточно часто; 23.5% - считают что такие случаи происходят редко. Если трудовая договоренность между работодателем и работником при приеме на работу носила неформальный характер, и работник на это согласился (с той или иной долей выгоды для себя), то возникающие впоследствии трудовые проблемы он чаще всего интерпретирует вне контекста нарушения своих прав. В настоящее время неправовые отношения зачастую оказываются более эффективны, чем правовые, и госслужащие сознательно жертвуют определенными правами ради обретения других, более значимых.

Отсутствие подробного формального контракта, с одной стороны, может привести к нарушению прав работников и трудностям в решения трудовых споров, а с другой — к неэффективному выполнению сотрудником своих обязанностей. То, что при приеме на работу многие работники плохо знают свои трудовые обязанности и права, подтверждают данные опроса:

около 30% респондентов считают, что права и обязанности осваиваются в процессе работы.

Неформальные отношения имеют большое значение как при приеме на работу, так и при продвижении. Около 40% респондентов считают, что продвижение по службе происходит по знакомству или родству, а не по заслугам. Общая закономерность состоит в том, что чем более сильные неформальные связи имеет работник, тем меньше нарушаются его трудовые права и тем больше у него есть шансов в случае нарушения эти права отстоять. Таким образом, личные связи сегодня являются значимым социальным ресурсом работников. Такие связи ослабляют формально-правовые способы защиты трудовых прав, которые призваны поддерживать правовое равенство работников в сфере труда независимо от их материального положения, позиций на шкале социальных статусов, социальных связей и т.д. Данные показывают, что реальное состояние договорных трудовых отношений на государственной службе не отвечает требованиям правового государства.

Взаимоотношения с руководством и коллегами

Во взаимоотношениях работников с руководством может преобладать либо ориентация на патерналистские отношения, либо на партнерские.⁵ В стратегическом плане, для развития рыночных трудовых взаимоотношений, партнерские нормы взаимодействия более эффективны. Партнерство, как тип взаимоотношений между рабочими и управляющими, во многом противостоит патернализму, поскольку характеризуется значимостью для обеих сторон отношений в большей степени формальных, чем неформальных, основанных на контракте, чем на контактах. Партнерские отношения предполагают совместную деятельность руководителей и подчиненных, базируются на выполнении заранее оговоренных обязательств, самостоятельности рабочих в их выполнении, конкурентоспособности взаимных предложений, невмешательстве руководства в выполнение профессиональных обязанностей. Исследование показало, что в настоящее время в Грузии более распространенной стратегией среди госслужащих является ориентация на отношения зависимости от руководства, подчинения, послушания и лояльности взамен на попечительство и заботу, причем патерналистские установки укоренены на всех уровнях государственной службы. Ключевой момент в патерналистских отношениях — зависимость

---

⁵ Темницкий А. Л. Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 54-62.

работника от руководителя. Оказалось, что достаточно большое число респондентов (23.6%) считают, что размер зарплаты (премии) зависит от взаимоотношений с руководством. Обусловленность материального вознаграждения характером взаимодействия с руководством ведет к росту напряженности во взаимоотношениях работников с руководством, потенциальной и фактической текучести кадров, свидетельствует о кризисе мотивации труда и господстве неформальных отношений.

Госслужащий, ориентированный на патерналистские отношения, делегирует начальству ответственность за свои действия, освобождает себя от необходимости принимать самостоятельные решения при столкновении с проблемными ситуациями, при этом происходит замена формальных правил, основанных на трудовом контракте и правовых нормах, на неформальные, личные взаимодействия. Отношения патернализма характеризуются взаимной выгодой для обеих сторон. Достаточно большое количество госслужащих рассчитывает на помощь со стороны руководства в трудных житейских ситуациях (распределение ответов следующее: 41.2% — «всегда», 40.4% — «только в крайнем случае», 5.1% — «не рассчитываю», 13.2% — «не нуждаюсь в этом»).

Распространенность неправовых практик связана и с лояльным отношением работников к незаконной деятельности своих коллег. В этих случаях социальный контроль не оказывает должного воздействия на нарушителя, потому что само нарушение воспринимается как допустимое. На вопрос «Что вы предпримете в случае, если узнаете, что один из ваших сотрудников ведет незаконную деятельность (коррупционирован, решения принимает, опираясь на собственные интересы и т.д.)?» ответы распределились следующим образом: 15.4% — «сообщу руководству», 5.1% — «сообщу руководству анонимно», 42.6% — «посоветуюсь с сотрудниками и вместе решим, как сообщить руководству», 16.3% — выбирают вариант невмешательства в чужие дела, а 20.6% — считают, что сопротивляться этим практикам не имеет смысла, по тому что, как правило, такие дела всегда делаются под покровительством руководства.

Заключение

В научной литературе существует несколько объяснений распространенности неформальных практик, предлагающих, соответственно, разные

пути приведения в соответствие реальных практик и формальных правил. Одно из объяснений предлагается кросс-культурной психологией, возлагающей ответственность за господство неформальных практик на культурную традицию. В рамках этой дисциплины были разработаны характеристики культур, помогающие объяснить разный уровень законопослушности граждан в разных странах. Например, Э. Холл ввел в научный оборот понятие «контекстности» культуры. Согласно его концепции, в высококонтекстных культурах значительная часть коммуникации протекает на невербальном уровне, а успех переговоров зависит в большей степени от дружеских отношений и доверия сторон друг к другу, чем от положений, явно сформулированных в контракте. Наоборот, в низкоконтекстных культурах люди, занимаясь бизнесом, склонны опираться на формальные отношения, законы и четко сформулированные положения контракта, отдавая предпочтение краткосрочным сделкам. Грузинская культура относится к «высококонтекстным». Поскольку одним из главных факторов «теневизации» общества сторонники данного объяснения считают культурные традиции, то и главным направлением ее сдерживания становятся мероприятия на «культурном фронте», причем специфичные для различных культур.

Другой взгляд на проблему предлагает известный перуанский экономист Эрнандо де Сото.⁶ Согласно теории де Сото, теневые отношения порождены «плохими» законами, поэтому борьба с ними представляет собой преимущественно инструментальную задачу: надо заменить «плохие» законы «хорошими» — и все пойдет на лад. Именно эта мысль прослеживается, явно или неявно, в работах сторонников де Сото. Конечно, они понимают, что создание «хороших» законов — достаточно трудный процесс, связанный с отказом от многих стереотипов. И все же преодоление «теневизации» представляется при таком подходе одномоментным (или, по крайней мере, кратковременным) актом.

Культурологически ориентированным экономистам высказанная позиция объяснения «теневизации» общества кажется чрезмерно оптимистичной. Например, шведский экономист Гуннар Мюрдаль считает, что основная причина теневых отношений — не законы, записанные в кодексах и инструкциях, а заповеди, «записанные» в головах⁷, поэтому на быструю победу в борьбе с теневыми, неформальными практиками рассчитывать

⁶ Сото Э. де. Цит. соч.

⁷ Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972. С. 155.

не приходится. Можно принять сколько угодно замечательных законов, но если люди привыкли решать свои проблемы не по закону, а «по справедливости», то эти законы все равно окажутся мертворожденными.

Можно сказать, что де Сото указывает на непосредственные причины господства неформальных практик, в то время как культурологический подход Г. Мюрдаля и представителей кросс-культурной психологии — на глубокие корни данного явления. Установки государственных служащих, формирующие реальные практики, определяется, с одной стороны, культурной традицией, а с другой — неадекватным формально-правовым пространством. Поэтому необходимо проводить работу как в направлении изменения законодательной базы, так и в направлении формирования у чиновников высокого правового сознания и гражданской ответственности. До тех пор, пока эти качества не сформируются, вряд ли можно рассчитывать на установление на государственной службе правовых отношений.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О ХАРАКТЕРЕ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРУЗИИ (конец XIX – начало XX века)

Женское движение в Грузии по-прежнему остается малоизученным феноменом, хотя нельзя сказать, что «женская» тематика не интересует исследователей.¹ Серьезным вкладом в изучение истории женщин является труд Наны Гугушвили «Образ женщины в средневековой Грузии (брак, семья, развод)», который выполнен на высоком уровне с учетом требований, предъявляемых современной исторической науке. Изучив грузинские письменные источники, автор делает вывод, что в средние века хорошо виден процесс женской эмансипации, которая позже привела к борьбе за права женщин.² Нане Гугушвили принадлежит также довольно интересное исследование имущественного положения грузинских женщин.³ Биографиям как знаменитых, так и малоизвестных грузинских писательниц-общественниц XIX-XX вв. посвящены книги Н. Чихладе.⁴ Биографии реконструируются на основе архивных материалов, и несмотря на описательный характер этих работ, их можно считать в своем роде первой попыткой обратиться к изучению истории грузинских женщин конца XIX — начала XX вв.

Собственно общественной деятельности женщин посвящена недавно вышедшая книга Лелы Хомерики и Мананы Джавахишвили «Общественная деятельность женщин в Грузии: вторая половина XIX века и начало XX века».⁵ Надо так же отметить статью Лелы Гаприндашвили о «женском вопросе» в Грузии.⁶ Статья состоит в основном из цитат из архивных дел и газет того периода, и, по словам автора, нацелена скорее на постановку исследовательской проблемы, чем на анализ.

¹ Бакрадзе Д. Грузинские женщины (исторический обзор). Тб., 1891; Джанашвили Д. Исторические документы: отделение грузинской церкви от греческой и грузинская женщина. Гори, 1914; Коридзе Д. Знаменитые грузинские женщины. Тб., 1965; Д. Коридзе, Грузинские женщины: с древнейших времён до XIX века. Тб., 1976; Папава Т. Великие образы в маленьких рамках. Тб., 1990 (все книги на грузинском яз.).

² Гугушвили Н. Образ женщины в средневековой Грузии (брак, семья, развод). Тб., 2004 (на грузинском яз.).

³ Гугушвили Н. Имущественное положение женщины в средневековой Грузии (по грузинским письменным источникам). Тб., 1999 (на грузинском яз.).

⁴ Чихладе Н. Заслуга грузинских женщин в национальной культуре. Тб. 1976; Грузинские писательницы — общественные деятели. Тб., 1990 (на грузинском яз.).

⁵ Хомерики Л., Джавахишвили М. Общественная деятельность женщин в Грузии: вторая половина XIX века и начало XX века. Тб., 2005. Эта недавно опубликованная работа также основана на анализе исторического материала и в некоторых аспектах дублирует мое исследование.

⁶ Гаприндашвили Л. «Вопрос жен» и/или «женский вопрос» в Грузии // Гендер, культура, современность. Тб., 2005. С. 28-47 (на грузинском яз.).

Представленное здесь исследование основывается на анализе прессы конца XIX — начала XX веков, а также исторических документов (уставов женских обществ, годовых отчётов, протоколов, рукописей женщин — общественных деятелей (автобиографий, воспоминаний). Изучая женское движение в Грузии, я ставила своей целью выяснить, насколько оно отличалось от аналогичных движений в других странах, насколько повлияло на него национальное движение.

Возникновение «женского вопроса»

Выходу грузинской женщины на общественную арену и тем самым возникновению в 1860—1870-е годы нового отношения к ней способствовали привнесенные с Запада просветительские идеи, в том числе идея равноправия. Споры на тему женской эмансипации велись в основном на страницах прессы.⁷ В грузинской прессе печатались статьи не только о правах женщин за рубежом (например, в Австралии, в России, в Германии, в арабских странах, в Богемии, в Англии и т.д.), но также достаточно активно обсуждался вопрос положения женщин в Грузии.

Грузинские женщины хорошо были информированы о женском движении за границей, но несмотря на это, не произошло их объединения с какой-либо феминистической организацией и тем более с суфражистским движением. Разговор о зарубежных женщинах преследовал одну цель: сделать жизнь зарубежных женщин объектом подражания для грузинок и тем самым стимулировать их стать более активными. В статье под названием «Политическое право женщины» говорится, что если раньше женская эмансипация считалась зазорной, сегодня она имеет иное значение. Женщина должна иметь возможность жить на заработанные своим трудом деньги и развитием самосознания добиться моральной независимости, как в Америке и в Европе, где женщины имеют право участвовать в выборах.⁸ Хотя не отрицалось, что грузинская женщина, по сравнению с женщинами других стран, находилась в лучших условиях и ей остаётся только «набраться ума и с достоинством использовать своё положение».⁹ Но в той же статье женская эмансипация, в

⁷ Но можно отметить и несколько книг и переводов: Татунашвили А. Женщина и её назначение, Тифлиси, 1897 (на грузинском яз.); Канделаки С. Социальное состояние женщины, Тб., 1906. (на грузинском яз.); Письма мадам Штар / Пер. с нем. Иванидели. Тифлиси, 1897; Назначение женщины в сельском хозяйстве / Пер. Н.П. Кикодзе. Тифлиси, 1904.

⁸ Политическое право женщины // Дрозба. 1867. 18 января. (№ 19)

⁹ Иверия. 1888. 28 марта. (№ 60).

целом оценивается негативно и указывается, что «первейшей обязанностью грузинской женщины является семья».¹⁰

Недооценка способностей женщин особенно остро критиковалась самими женщинами. Интересна статья некой Като, которая пишет: «Неужели грузинская женщина не может служить родному языку («деда эна»), на сцене, в литературе, в школе? Неужели грузинка-врач принесёт меньше пользы своему народу, чем женщина, которая сидит взаперти в четырёх стенах своего дома? Почему вы призываете только к семье?»¹¹ По мнению Като, женщина должна сама разобраться, к чему стремится общество, и потом сама выбрать свой путь — вернуться в семью или посвятить себя науке или искусству.

Особенно болезненно воспринимали женщины их сравнение с женщинами исторического прошлого Грузии, при котором подчеркивалось, что сегодняшняя грузинская женщина находится на грани вырождения.¹² В 1874 году в газете «Иверия» была напечатана статья под названием «Кого поставим идеалом», где автор писала, что грузинские женщины должны соответствовать требованиям современности и не рыться в исторических развалинах, а взять за свой идеал ту европейскую женщину, которая проявила себя в изучении наук, и развиваться умственно.

Если судить по количеству статей самих женщин и по активности их участия в обсуждении наболевших вопросов, то странным кажется отсутствие желания с их стороны создать свою, женскую газету. В то время активистки объединяются вокруг грузинских газет, принадлежащих разным партиям и политическим направлениям. Среди них: «Иверия», учреждённая Ильей Чавчавадзе сначала как журнал (1877-1885 гг.), а потом ставшая газетой (1886-1906 гг.), — основной орган национального движения; «Дрозба» («Время») — газета радикально-демократического течения национально-освободительного движения Грузии, основанная Г. Церетели в 1866 году; «Квали» («Борозда») — основанная им же в 1893 году газета социал-демократического толка; «Цнобис пурцели» («Листок известий») — орган социал-федералистов и т.д. Все эти газеты были важны для грузинской общественно-политической жизни, способствовали борьбе грузинского народа за освобождение и независимость.

¹⁰ Там же.

¹¹ Иверия. 1896. 22 марта. (№ 57).

¹² Кезели Д. Грузинские женщины, их перерождение // Шрома. 1882. № 10; «Чиора» (псевдоним А. Ахназарова). Опять о вырождении грузинских женщин // Иверия. 1894. 11 сентября. (№ 193); Габашвили Эж., Сулханишвили Б. Дебаты по вопросу вырождения грузинской женщины // Иверия. 1894. 3 ноября. (№ 233) и т.п. Перечень статей на данную тему довольно обширен.

Можно предположить, что выходу грузинских женщин на общественную арену способствовал рост народно-освободительного движения. Высказанная в одной статье мысль, что грузинская женщина по сравнению с женщинами других стран находилась в лучших условиях, подразумевала следующее: активность грузинской женщины приветствовалась, так как она служила родной стране. «Культурно-просветительская деятельность грузинских женщин опиралась не только на благотворительность, — вспоминала Нино Кипиани, она сама по себе была широкомасштабной общественно-творческой работой против русификаторской политики царизма».¹³ Создаётся впечатление, будто общественное мнение «заставляло» женщин действовать, во всяком случае часть грузинского общества того времени давала положительную оценку выходу женщин на общественную арену и явно поддерживала их.

Чтобы разобраться в динамике женского движения в Грузии, можно опереться на выделенные Ричардом Стайтсом этапы развития женского движения в России.¹⁴ Как отмечает Р. Стайтс, в России, как и в Европе, женский вопрос не мог возникнуть в среде работниц и крестьянок. Стремление к эмансипации возникло в России в среде образованных женщин-дворянок — только им было доступно образование, хотя и ограниченное. Поэтому дворянки численно преобладали и были наиболее влиятельны как в легальном феминистском движении, так и среди участниц возникшего одновременно с ним революционного подпольного движения.¹⁵ Женское движение возникло в России в годы, последовавшие после окончания Крымской войны. Поражение России в этой войне и смерть Николая I открыли общественности то, что русская интеллигенция называла «социальными язвами». Из дискуссий того времени родились и «жгучие вопросы», среди которых был и «женский вопрос». Сначала он сводился к исследованиям проблем женского образования и попыткам его усовершенствования и лишь позднее развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одарённости и особенной судьбе женщины. Дебаты о женском образовании были начаты хирургом и педагогом Николаем Пироговым (1810-1881).¹⁶ Пирогов признавал, что женщинам необходимо хорошее образование. Они нуждаются в развитии способности к независимым суждениям для того, чтобы помогать мужчинам в их

¹³ Годеридзе Л. Женские культурно-просветительские организации в Грузии // Скола да Цховреба. 1975. №11. С. 80-90 (на грузинском яз.).

¹⁴ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1869—1930. М., 2004.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Стайтс Р. Указ. соч. С. 56.

борьбе. Пирогов предполагал, что роль и предназначение женщины вскоре перестанут ограничиваться прозаическими заботами в недрах семьи, а будут рассматриваться в более широком социальном контексте. С этого момента проблема женского образования стала одной из «жгучих» тем в российской прессе.¹⁷

Впервые серьезная дискуссия по женскому вопросу в России была инициирована поэтом и радикальным публицистом М.Л. Михайловым. Ему принадлежит первенство в комплексном рассмотрении различных аспектов «женской» проблемы (работа, образование, любовь). Благодаря ему прежде спонтанные споры о женском освобождении стали неотъемлемой частью российской интеллектуальной жизни.¹⁸

Одной из характерных черт рассматриваемого периода, замечает Стайтс, является то, что вся пропаганда женской эмансипации велась исключительно мужчинами (как в России, так и на Западе).¹⁹ Инициаторами постановки «женского вопроса» и пропагандистами женской эмансипации в Грузии на начальном этапе тоже были преимущественно представители мужского пола. Грузинские «шестидесятники», воспитанные на передовых воззрениях грузинских, русских и западноевропейских писателей старого и нового времени и вернувшиеся на родину, впитав идеи передовой части русской интеллигенции, большое внимание уделяли включению женщин в общественно-культурную жизнь Грузии. С 1880-х гг. в Грузии начал обсуждаться вопрос женского образования. Инициатором обсуждения был Илья Чавчавадзе. Сторонниками женской эмансипации и высшего образования для женщин были Нико Николадзе, Георгий Церетели, Сергей Месхи.

Как отмечает Ричард Стайтс, русские феминистки,²⁰ руководительницы российского женского движения, высокообразованные представительницы привилегированных слоев, начали свою деятельность с благотворительности. Они создавали разные общества с благотворительными целями, которые существовали легально и состояли исключительно из женщин.

Благотворительность занимала значительное место в общественно-культурной жизни Грузии во второй половине XIX века — начале XX века, но в отличие от России, где «благотворительность ... легко влилась в феми-

¹⁷ Стайтс Р. Указ. соч. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹ Там же. С. 81.

²⁰ Русские женщины сами не употребляли этот термин, однако Р. Стайтс считает, что он точно характеризовал российское женское движение. «Понятия «женщина умеренных взглядов» или «либералка» неадекватны, так как, они не точно обозначают цели деятельности феминисток, во-вторых, они подразумевают под собой политический подтекст, которого не было до 1905 года». (Стайтс Р. Указ. соч. С. 104).

низм»,²¹ в Грузии не произошло включение этих женщин в борьбу за политические права. Инициаторами благотворительных мероприятий в Грузии, как и в России, были в основном дамы из привилегированных слоев города, из дворянской знати. Например, в городе Гори таковыми являлись Анна Амилахвари, которая руководила комитетом дворянок, а позже стала одной из учредителей Горийского женского благотворительного общества; Макине Амиреджиби, которая в месте со своей семьёй (помещики села Саголашени) заботилась о крестьянских семьях, на собственные деньги посылала одарённых крестьянских детей учиться как в Гори, так и в Тбилиси, в Россию и за границу. Газета «Цнобис пурцели» сообщала, что под предводительством Макине Амиреджиби был проведён благотворительный вечер в пользу городского училища, а часть собранной суммы была передана Обществу помощи бедным учащимся Тбилисской губернии.²²

Большая заслуга в деле заботы о молодёжи принадлежала княгине Елене Тархнишвили (Тархан-Моурави). После окончания Петербургского женского лицея она приехала в Гори и открыла здесь курсы кройки и шитья, а позже и в других городах — Хашури, Карели и Ахалкалаки. На курсах бесплатно обучались кройке и шитью девушки из бедных семей, здесь они получали и начальное образование. Каждой весной Елена Зааловна Тархнишвили устраивала в школах выставку-ярмарку, а вырученные деньги шли на нужды курсов, принимались и пожертвования. Елена Тархнишвили усыновила одного из детей беженки из Аджиарии — Джалила Диасамидзе.²³ Она обучала Джалила в частном пансионе, собиралась послать его в Германию для получения высшего образования, однако гибель нарушила её планы (её расстреляли большевики в 1924 году).²⁴

Такого рода инициативы носили не только частный характер. Многие женщины объединялись в благотворительные общества и проводили более масштабные благотворительные проекты. Благотворительные общества были созданы по всей Грузии: Женское благотворительное общество Св. Нины (Тбилиси, 1860), Тифлисское общество взаимного вспоможения учи-

²¹ Стайтс Р. Указ. соч. С. 108.

²² Сообщения из Гори // Цнобис пурцели. 1901.18 ноября. (№ 1645). В другом номере той же газеты опубликован отчёт о проведённом вечере в пользу Горийской женской прогимназии и Городского училища. Г-ну редактору // Цнобис пурцели. 1901. 19 февраля (№ 1386). Кроме этого, она устраивала представления в пользу Общества по ликвидации безграмотности, в пользу пострадавших от града. См. Ал. Санин. Из села Саголашени // Цнобис пурцели. 1898.12 апреля (№ 504); Ешвили Св. Благотворительное мероприятие // Цнобис пурцели. 1899. 11 ноября (№ 960).

²³ В 1914 году Турция без объявления войны напала на южную Грузию. В результате в Тбилиси из Аджиарии прибыло много семей беженцев.

²⁴ Из интервью с потомками Елены Тархнишвили (Тархан-Моурави). См. также Гиоргадзе Л. Прыжок в горах. Батуми. Тб., 1971. С. 107 (на грузинском яз.).

тельниц и воспитательниц (1886), Благотворительная организация потийского девичьего училища св. Ольги (Поти, 1886), Благотворительное общество армянских женщин (Тбилиси, 1891), Телавские женские товарищества (Телави, 1895), Торговый дом женского товарищества (1896), Тифлисское общество попечения о детях (1898), Боржомское дамское благотворительное общество (Боржоми, 1900), Женский кружок в Хони (1903), Кутаисское женское хозяйственное общество «Шрома» (1904).²⁵

Проведенный мною анализ уставов этих обществ указывает, что их основными целями были распространение образования в соответствующих городах и губерниях, оказание материальной помощи, основание образовательных учреждений, издательство книг, сборников, организация научных экскурсий и чтение лекций, оказание помощи бедным студенткам, которые учились в общественных училищах, открытие музеев, библиотек и читален. Помимо этого существовал благотворительный приют Святой Марии Магдалины в Тбилиси (учрежденное в 1903 году), целью которого было оказание помощи женщинам легкого поведения.

Женские организации в начале XX века

Вернёмся к российскому женскому движению. Анализ Р. Стайтса показывает, что в России после 1905 года женское движение разделилось на два лагеря: «феминистское движение, боровшееся за политическое равноправие женщин и социалистическое... Феминистки продолжали традиции общественной деятельности, заложенные ещё в 1860—1870-х гг. После 1905 года, с возникновением движения за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав, феминистки старого образца по-прежнему продолжали работать над неполитическими проблемами женской эмансипации».²⁶ Но вскоре феминистские организации отходят от старого феминизма и присоединяются к международному суфражистскому движению.²⁷ Борьба за политическое равноправие женщина велась ими вплоть до 1917 года.

Что касается грузинского женского движения, то можно сказать, что

²⁵ Женское благотворительное общество св.Нины: Устав. Тифлиси, 1860; Благотворительное общество потийского девичьего училища св. Ольги: Устав. Тифлиси, 1886; Армянское женское благотворительное общество в Тифлиси: Устав. Тифлиси, 1891; Тифлисское общество попечения о детях: Устав. Тифлиси, 1908; Боржомское дамское благотворительное общество для вспомоществования учащимся въ боржомском начальном женском училище: Устав. Тифлиси, 1890; Кутаисское женское хозяйственное общество «Шрома»: Устав. S.I., 1904 (на грузинском яз.).

²⁶ Стайтс Р. Указ. соч. С. 268.

²⁷ Там же. С. 269-285.

оно стало еще активнее после событий 1905—1907 гг., но не в политическом смысле, хотя многие политические партии Грузии наряду с национальными программами выдвинули программы борьбы за социальное равенство. Однако грузинские женщины по-прежнему ограничивались благотворительной деятельностью, они создавали новые организации, которые преследовали те же благотворительные цели, что и предшествующие, но были более организованны и целеустремленны. В первой четверти XX века были учреждены Грузинское общество «Ганатлеба» (Тбилиси, 1908), Тифлисское общество кавказских женщин (1909),²⁸ Кутаисское женское общество (1912), Тифлисское общество грузинских женщин (1913), Горийская женская благотворительная организация «Мандилосани» (1913).²⁹

Уставы этих обществ мало отличаются друг от друга. Возможно, существовала единая форма, по которой строилась структура устава. К тому же идентичными были цели женских обществ и пути их осуществления. Вероятно, что между этими обществами существовала связь, они знакомились с деятельностью друг друга, оказывали друг другу материальную помощь. Основанием для таких предположений служат протоколы Меджврисhevского филиала общества «Мандилосани», где указано о получении денежной помощи от Тбилисского общества грузинских женщин.³⁰

Рассмотрим более подробно создание одной из таких организаций — Горийского женского благотворительного общества «Мандилосани».

Инициатива группы горийских женщин по созданию своего общества получила достаточно широкий отклик среди городской общественности: «Если назвать современную даму («мандилосани») женщиной, она обидится, разгневется. ... Это потому, что от превратностей жизни сделалась она (женщина) угнетённой, забитой, стала на путь вырождения. ... Уже завтра каждая женщина поймёт, что она не должна терпеть ни от кого унижения и сама не должна унижаться. Если сегодня большинство грузинских женщин

²⁸ Общество кавказских женщин основали русские женщины, но оно имело также грузинское отделение. В 1912 году они отправили в Петербург на съезд, посвящённый образованию женщин, ряд предложений. Общество имело связи со следующими организациями: с Петербургским женским взаимоблаготворительным обществом; с Российской лигой женского равноправия и Петербургским клубом женской прогрессивной партии. Женщинами был собран и отослан в клуб статистический материал относительно женского труда в Тбилиси. См. Годовой отчёт о деятельности общества кавказских женщин за 1912-1913 год. Тифлиси, 1913. С. 4; Годовой отчёт о деятельности общества кавказских женщин за 1913-1914 года, 5-й год общества. Тифлиси, 1914. С. 9.

²⁹ Грузинское общество «Ганатлеба»: Устав. Тифлиси, 1909 (на грузинском яз.); Тифлисское общество кавказских женщин: Устав. Тифлиси, 1909; Кутаисское женское общество: Устав. S.I., 1912 (на грузинском яз.); Тифлисское общество грузинских женщин, Устав, Тифлиси, 1913 (на грузинском яз.); Горийская женская благотворительная организация «Мандилосани»: Устав, Гори, 1913.

³⁰ Протоколы Меджврисhevского филиала общества «Мандилосани». № 28 от 6 апреля 1917 года, № 29 от 13 февраля 1917 года). Протоколы хранятся в личном архиве потомков одной из членов Меджврисhevского филиала.

всё ещё не могут смело бороться с превратностями жизни, в других местах, например в России и Европе, женщины самозабвенно борются за обретение человеческих прав. Предвестник победы этой борьбы — идея горийских дам создать в г. Гори «женское общество».³¹

Целью «Мандилосани» было оказание нуждающимся женщинам как нравственной, так и материальной поддержки. Деятельность общества охватывала учреждение и организацию школ, детских садов, курсов, библиотек, читальней, издание книг, организацию лекций и публичных чтений, назначение денежных пособий, открытие разного рода мастерских, артелей, касс взаимопомощи, приютов, больниц и т.д. Для достижения этих целей обществу требовались средства. Получать их планировалось от хозяйственной деятельности общества, в частности, общество намерено было открывать магазины, фермы, кондитерские, кофейные, гостиницы, склады разного рода продуктов; устраивать спектакли, концерты, вечера, базары и гуляния; заниматься пчеловодством, шелководством, огородничеством, птицеводством и вообще всеми отраслями сельского хозяйства, а также приобретать и сдавать в аренду недвижимое и движимое имущество.³² Это демонстрирует, что с помощью общества женщины не только помогали другим, но и развивали собственные деловые качества и приобретали навыки ведения экономической деятельности. Учредители организации в основном принадлежали к высшему слою. Начиная свою благотворительную деятельность, сами женщины, наверное, рассчитывали на своё высокое происхождение и своё влияние в обществе.

Инициатива по созданию общества нашла поддержку других женщин. Для иллюстрации приведем два примера — письма в газету «Картли», в которой и было заявлено о создании общества. В первом письме грузинская учительница напоминает горийским женщинам о том, что в Горийском уезде имеется свыше шестидесяти сельских школ, где в основном учительствуют грузинские женщины, и было бы очень хорошо, если их тоже подключат к общественной деятельности.³³ Во втором письме некая горийская «знакомая издалека» призывает женщин: «пришло время ... отвернуться от нашей бесплодной, бесцветной жизни, наступило время включиться в необходимую общественную деятельность и тем самым принести обществу хоть какую-нибудь пользу».³⁴

³¹ Об основании женского кружка // Картли. 1912. 26 октября (№ 48) (на грузинском яз.).

³² Горийская женская благотворительная организация «Мандилосани»: Уставъ. Гори, 1913.

³³ Картли. 1912. 28 окт. (№ 50) (на грузинском яз.).

³⁴ Там же.

Как уже говорилось, тесного контакта с женскими движениями других стран, хотя бы с движениями «ближней» Российской Империи не было. Во всяком случае, материалов, подтверждающих это, мною не было найдено. Хотя в воспоминаниях Анастасии Эристав-Хоштария, основательницы общества «Мандилосани», отмечен интересный факт: когда речь идет об уставе общества, она пишет, что «сами русские уносили наш устав для основания такого же общества у себя».³⁵ Интересно также отметить, что на митинге дружбы Международной женской лиги мира, проведенном в Петербурге, были зачитаны письма, полученные из Кутаиси, Батуми и Баку.³⁶

Довольно интересной представляется опубликованная в одной из номеров газеты «Картли» речь, произнесенная Анастасией Эристав-Хоштария на Первом собрании горийских женщин. Речь является как бы откликом на те споры, которые велись в это время на страницах газет — о положении женщин в семье, о значении и роли образования и просвещения в воспитании и формировании женской природы и т.д. Я позволю себе привести из нее несколько отрывков:

«Не пройдет и года, чтоб хоть один раз мы не услышали: грузинская женщина потеряла свой облик, канула в Лету, от неё осталась только пустая куколка, которая нужна только для ублажения мужчин. Чем занимается сегодня грузинская женщина? Неужели и правда для неё важнее всего прихорашиваться и любезничать? Неужели она не вносит свой вклад в общественную жизнь. Грузинская женщина деятельна в семье, деятельна в обществе.. Но если семья вырождается, женщина тут ни при чём, так как подобное порождает подобное. Где искать истины ужасного искажения? В природе? Нет, природа великодушна, чиста. В образовании? — вполне возможно. Однако, мы знаем, что каждый год тысячи женщин заканчивают училища, рассеиваются по своим семьям. Так что избавит нас от столь давней хвори? Совершенно иное воспитание женщин! Однако, кто воспитает эту женщину?... По этому поводу мы, группа грузинских женщин задались мыслью создать женское общество, которое будет иметь целью оказать моральную и материальную помощь страждущим».³⁷

Деятельность организации была открытой как для общества, так и для власти, в прессе часто встречаются объявления о мероприятиях

³⁵ Эристав-Хоштария А. Моя жизнь. Рукопись. 1929. Музей литературы им. Г. Леонидзе. Ф. Анастасии Эристав-Хоштария. Д. № 6449-b. Л. 5.

³⁶ Россия // Иверия. 1899. 23 января. (№ 16).

³⁷ Речь, произнесенная Анной Эристав-Хоштария на первом собрании кружка грузинских женщин // Картли. 1912. 9 ноября (№ 54).

организации. А годовые отчеты, как говорится в V главе устава Общества, «представляются тифлисскому губернатору». К сожалению, в исследовании не удалось выяснить, сохранились ли протоколы горийского общества. Деятельность этой организации частично можно восстановить с помощью прессы того времени, где публиковалась информация о мероприятиях, проводящихся по инициативе общества. В частности, была статья о том, что «Мандилосани» на свои средства открыло школу для бедных детей в Гори. В прессе часто встречались объявления о литературных вечерах, концертах, спектаклях, встречах с выдающимися деятелями искусства, с поэтами, писателями. Гостей принимали и угощали в принадлежащем организации кафе под названием «Чашка чая». Общество имело также воскресную школу для взрослых и женский приют. Филиалы общества были в с. Меджврисхеви, в Сурами, а количество членов насчитывало более 300 человек. По словам Анастасии, открытия филиалов требовали и в других местах.³⁸

Моё внимание привлекла одна деталь — Анастасия Эристав-Хоштария подчёркивала особую ценность самого факта создания общества. В частности, она подчёркивает, что благодаря обществу «объединяются все, начиная от женщины, выпекающей хлеб, и кончая знатной княгиней — все равноправны...»³⁹ Здесь явно чувствуется большая солидарность с революционными идеями. Она писала, что для неё были неприемлемы взгляды отца — образованного либерала Георгия Эристави, что в формировании её мировоззрения в период учёбы в прогимназии значительную роль сыграли революционеры-народники Михаил Кипиани и Нико Ломоури.⁴⁰ Этот факт говорит о том, что появление революционных идей в отдельных женских организациях не меняло в целом характера «женского движения», все-таки имеющего «либеральный» облик. В отличие от России, где возникли радикальное и нигилистическое движения,⁴¹ в грузинском женском движении не сформировались отдельных течений. Хотя в Грузии были знакомы с идеями этих направлений, о чем свидетельствуют, например, воспоминания Натали Азиани: «Когда я прочла «Новь» Тургенева, то постригла волосы, начала курить, и мною овладело революционно-народническое настроение. А когда ознакомилась с романом «Что делать?!» Чернышевского, увлеклась образом главного героя произведения, Лизой. Хотела стать как она, человеком высших идеалов».⁴²

³⁸ Эристав-Хоштария А. Указ. соч. Л. 5.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Стайтс Р. Указ. соч. С. 135, 169.

⁴² Музей литературы им. Г. Леонидзе. Ф. Н. Азиани. Д. № 2611. Л. 8.

Женское движение в период октябрьской революции

К 1917 году в «женском движении» уже чётко проявились революционные настроения. Об этом можно судить по публикациям в единственной газете, которая издавалась Кутаисским женским клубом, — «Глас грузинской женщины». Это была еженедельная политическая, научная и литературная газета, основателем и редактором которой была известная поэтесса и переводчица — Като Микеладзе (1878-1943).⁴³ Газета издавалась в Кутаиси, начиная с 1917 года, и распространялась почти во многих городах страны. На неё подписывались почти все женские благотворительные организации. В газете собиралась вся информация, связанная с «женским вопросом».

Като Микеладзе в письме, адресованном Екатерине Габашвили (писательница, общественная деятельница), писала о том, что права, дарованные им сверху, не спасут их, если сами женщины не захотят восстановить свое личное человеческое достоинство, изменить свое подчиненное положение. Она отмечала, что мужчины довольно легко добиваются авторитета, а женщинам нужно создать атмосферу для проявления и развития их творческого потенциала, стимулировать их активность. Поэтому в редакционной коллегии не должно быть ни одного пассивного, слабого духом человека. Если соберется хотя бы человек десять активных и убежденных женщин, то они многого добьются.⁴⁴

В письме, посвящённом Первому национальному съезду политических партий Грузии, Като Микеладзе с огорчением писала о том, что съезд был «мужским», ибо среди участников было всего пять женщин. После выступления десятого докладчика-мужчины Като Микеладзе вызвалась выступить, но список выступающих закрыли и ей не дали слова. Потом она попросила слова у Акакия Чхенкели (социал-демократ), однако он тоже отказал ей. В конце концов, в национальный совет не была избрана ни одна женщина, не считая М. Натрошвили, которая была избрана не как представительница интересов женщин, а как член одной из фракций. На заседании совета один социалист (некий Церцвадзе) закричал: «Почему женщины не имеют своего представителя, почему вы забыли грузинскую женщину?». Н. Жордания

⁴³ Като Микеладзе родилась в дворянской семье. В 1900 году после окончания института акушерства, она едет работать в Гори. Некоторое время она работает на педагогических курсах в Цхинвали, сближается с нелегальными кружками и помогает в распространении нелегальной литературы. Под псевдонимом «Х» печатает революционные стихотворения в газете «Брძოლა» («Борьба»). Женщины, заинтересованные в будущем Като, отправляют её в Москву для продолжения учёбы на педагогических курсах, которые открыли там грузинские учёные. Однако из-за реакции она бежит во Францию. После возвращения в Грузию она учредила женский клуб в Кутаиси и встала во главе издательства газеты «Глас грузинской женщины». О биографии К. Микеладзе см.: Н. Чихладзе. Указ. соч. С. 94-107.

⁴⁴ Глас грузинской женщины. 1917. № 32 (на грузинском яз.).

(социал-демократ) ответил, что у них числятся женщины, имея в виду женщин-однопартийцев. На это Като Микеладзе замечает: «Мы знаем, что у них там есть женщины, но мы не знаем, насколько эти женщины на учредительном собрании смогут защищать права женщин и наберутся смелости выйти за рамки партийности». Она делает вывод, что «...если женщины останутся за бортом управления страной, тщетно думают «вожди грузинской нации», что грузинские женщины будут подчиняться разработанным ими законам».⁴⁵

Во всех своих открытых письмах и публичных выступлениях Като Микеладзе популяризировала идею женского равноправия и призывала женщин к активности. Лозунгами газеты в разные времена были: «Женщины, требуйте права выбора», «Равноправие полов перед законом» и т.п.

В редакцию газеты «Глас грузинской женщины» приходили письма, в которых отражалось отношение грузинских женщин низшего сословия по отношению к женщинам буржуазного сословия. В одном письме женщины из низшего сословия говорилось о том, что женщины-буржуа не являются той экономически независимой категорией, с которой нужно бороться, так как не они, а их мужья относятся к такой категории. В письме подчеркивается, что сами женщины из буржуазного сословия такие же бесправные, как и рабочие женщины, т.к. у всех женщин общая судьба — женщина лишена своего «я», не имеет частной собственности и зависима от других.⁴⁶

В газете «Сахалхо пурцели» также поднималась тема социальных различий среди женщин. На протяжении 1915 года там публиковались статьи Т. Глонти под рубрикой «Рабочая женщина в Грузии. (Женский вопрос, рассмотренный в социально-экономическом ракурсе)».⁴⁷

Грузинские женщины много писали о женском равноправии и свободе и во время революции 1917 года, но их активность ограничивалась только газетными статьями. Не было ни широкомасштабных выступлений с требованиями предоставления женщинам политических прав, улучшения бытовых условий или каких-либо других проявлений политической активности.⁴⁸ В Грузии развивалось социалистическое движение, в котором участвовали и революционно настроенные женщины, но отдельных женских организаций

⁴⁵ Глас грузинской женщины. 1918. № 32 (на грузинском яз.).

⁴⁶ Глас грузинской женщины. 1918. № 2.

⁴⁷ Сахалхо пурцели. 1915. № 32. См. также №№ 327, 333, 334, 338, 340, 344, 346.

⁴⁸ Революционные идеи якобы внесли небольшой «раскол» в ряды грузинских женщин. В частности, вызвало разногласия сообщение о создании в России демократического союза женских организаций, на заседании которого, как сообщала газета «Глас грузинской женщины», спор накалялся до того, что даже пришлось изгнать из зала одну из женщин (некая Черник) со своими сторонниками за то что, они особенно рьяно требовали, чтобы съезд покинули женщины-буржуа, не имеющие ничего общего с женщинами-пролетариями. См.: Глас грузинской женщины. 1918. № 2.

такого типа создано не было. Общество же, созданное Като Микеладзе накануне российских революций было своего рода первой женской организацией политического характера, деятельности которой симпатизировали члены благотворительных обществ и помогали в распространении газеты «Глас грузинской женщины». В одной из номеров газеты говорится также об уставе кутаисского женского клуба, целью которого было принятие всяческих мер для восстановления женских политических и гражданских прав.⁴⁹

В заключение можно сказать, что женское движение в Грузии (началом которого условно можно считать появление женских благотворительных обществ) имело свою специфику — оно было тесно связано с национально-патриотическими интересами Грузии. Можно согласиться с мнением, что «женский вопрос был тесно переплетён с национальным... Идея служения отечеству была основой легитимации активизации женщин. Бытовало мнение, что такой малочисленной нации, как грузины, непростительно допустить бездействие половины всей нации на общественном поприще. А так как пробуждение страны и её усиление было основным лозунгом этого времени, то с точки зрения полного использования для этого всех возможных ресурсов, реализация женского общественного потенциала была сочтена желательной».⁵⁰ Деятельность грузинских женщин на общественном поприще воспринималась как часть борьбы против российской колониальной политики. Полемика о женской эмансипации, которая велась в грузинской прессе во второй половине XIX века и начала XX века, демонстрирует, что прогрессивная часть грузинского общества того времени положительно оценивала женскую активность. При этом нужно отметить, что мужчины играли важную роль в стимулировании этой активности, но, с другой стороны, мужчины же эту деятельность и ограничивали. Основной деятельностью женских кружков и обществ была благотворительность. Можно предположить, что женское движение в Грузии не получило достаточного развития и не перешло в стадию политической борьбы потому, что у него не было достаточных связей с внешним миром, женщины не могли читать соответствующую литературу и ограничивались только немногочисленными переводами. Как отмечают исследователи российского женского движения, до 1905 года оно тоже имело либеральный характер,

⁴⁹ Устав кутаисского женского клуба // «Глас грузинской женщины». 1917. 17 апреля (№ 2).

⁵⁰ Хомерики Л., Джавахишвили М. Указ. соч. С. 7-8.

но после этого стало политизироваться и приобрело форму борьбы за равноправие. В это же время национальное движение в Грузии вошло в новую фазу развития и приняло политический характер, но несмотря на это, женские организации по-прежнему создавались для благотворительных целей.

Анна Папян

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННЫХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИНАХ В АРМЕНИИ

Введение

Проблема равноправия мужчин и женщин находится в центре внимания мировой общественности. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в социальных науках разделение публичной и приватной сфер между мужчинами и женщинами уже не объясняется биологическими и психологическими особенностями полов. Множество исследований показывают, что такое разделение — это продукт социализации, следовательно, может быть изменено. Во-вторых, демократическое общество требует обеспечения равных прав и предоставление равных возможностей всем без исключения. В демократическом обществе женщины наравне с мужчинами должны иметь реальный доступ ко всем благам. И в-третьих, деятельность активных женщин в некоторых странах вносит значимый вклад в развитие стран и обществ.

Интерес к этой проблеме выражается и в увеличении количества гендерных исследований. Гендерные исследования в Армении зачастую принимают формы мониторинга и сводятся к отчетам международных организаций, введению статистики и оценке вовлеченности женщин в разные сферы жизнедеятельности общества. Отдельные исследования проводятся местными неправительственными организациями (в частности Центром гендерных исследований Ассоциации женщин с университетским образованием¹). Они в основном носят количественный характер и направлены на изучение мнения разных слоев населения и экспертов относительно роли женщины в семье и обществе. Следует отметить также, что эти исследования проводятся в основном в столице и городских местностях.

В 2004 году руководитель организации «Демократия сегодня» Г. Шагинян в сотрудничестве с организацией «Международное движение про-

---

¹ См., например: Женщины в развитии: гендерные проблемы современного общества (по результатам социологического опроса). Ереван, 1999.

тив голода», провела гендерное исследование в сельских местностях Сисианского района.² Исследование включало как количественные, так и качественные методы сбора информации. В нем была сделана попытка более подробно рассмотреть повседневные практики мужчин и женщин в определенной среде.

Данная работа — попытка посмотреть изнутри, как конструируются гендерные отношения в конкретной ситуации, описать и объяснить существующую гендерную систему и гендерный режим в достаточно узкой среде. Единицей исследования была выбрана сельская община. Выбор именно сельской общины обусловлен двумя факторами: во-первых, это самый низкий уровень принятия решений, во-вторых, сельские общины считаются более традиционными и трудно поддающимися изменениям. Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить, какие гендерные стереотипы существуют в традиционной общности, как при существующих представлениях о роли мужчин и женщин отдельным женщинам удастся успешно заниматься политической деятельностью. Анализ будет включать рассмотрение того, как практики приватной сферы отражаются на поведении мужчин и женщин в публичной сфере. В работе также будут анализироваться факторы, влияющие на политическую активность женщин в сельской общине.

Но прежде чем перейти непосредственно к представлению и анализу результатов исследования, обратимся к краткому описанию участия женщин в политической сфере Армении и практик работы власти на местном уровне, а также опишем методологию исследования.

Женщины во власти в Армении: факты и цифры

После провозглашения демократических ценностей и под воздействием международных правовых структур Армения ратифицировала ряд международных документов, касающихся гендерного равноправия, и принцип равных прав и возможностей полов закреплен в законодательстве Республики Армения. Правительство утвердило Национальную Программу по улучшению положения женщин на 2004—2010 гг. Однако практика показывает, что женщины в реальной жизни не пользуются равными правами и возможностями, в частности, они почти исключены из сферы принятия

---

² Шагинян Г. Гендерное исследование в сельских местностях в Сисианском районе. Ереван, 2004.

решений. Женщины составляют малую долю занимающих как назначаемые, так и избираемые должности.

Так, на данный момент среди министров и заместителей министров армянского правительства только три женщины занимают посты зам. министров, а на уровне регионального правления среди руководителей нет ни одной женщины.³ В Парламенте из 131 мест только семь занимают женщины. На уровне местных органов самоуправления картина тоже не утешающая: из 930 общин только 21 возглавляют женщины, а среди членов советов старейшин женщин всего 7.1%. Интересно то, что женщин больше в сельских общинах: все упомянутые женщины — руководители органов местного самоуправления — возглавляют именно сельские общины, а в сельских советах старейшин женщин вдвое больше, чем в городских. В Ереване же нет ни одной женщины среди руководителей округов.

Для получения полной картины объекта исследования необходимо представлять также, какие реальные возможности существуют для политической и общественной деятельности в сельских общинах. Вовлечение в процесс принятия решений на местном уровне в общинах возможно при занятии трех позиций, которые различаются по объему власти, ответственности, степени занятости, организации контактов внутри и за пределами общины, а также оплатой. Это следующие варианты: избрание на пост главы общины, избрание в состав совета старейшин и, относительно новая практика в Армении, вовлечение в состав инициативных групп.

Закон о местном самоуправлении определяет местное самоуправление как «гарантированное законом право и умение органов местного самоуправления решать общинные задачи и располагать собственностью общины под собственную ответственность и в рамках закона с целью улучшения благосостояния общины».⁴ В состав органа местного самоуправления входят совет старейшин и руководитель общины. Совет старейшин определяется как представительский орган, а руководитель общины — как исполнительный орган общины.

Закон определяет делегированные (государственный заказ) и самоуправленческие функции («собственные полномочия») местного самоуправления. В числе последних различаются обязательные и добро-

³ Для более подробных данных см. статистические сборники «Семья и дети в Армении» (Ереван, 2000); «Женщины и мужчины Армении» (Ереван, 2003, 2004, 2005); «Гендерная ситуация в Армении: следствия преобразовательных процессов и расширение прав и возможностей в контексте целей тысячелетия» (Ереван, 2005).

⁴ Закон РА О местном самоуправлении. Ст. 3.

вольные функции. При выполнении этих функций и организации работы сельского совета руководитель общины и совет старейшин наделены определенными обязанностями, правами и правомочиями. По закону совет старейшин имеет широкие полномочия: любой договор, заключенный главой общины, должен осуществляться с ведома и согласия совета старейшин.⁵ Деятельность исполнительного органа поставлена под контроль представительского органа. Однако работа в общинах и отдельные исследования показывают, что на самом деле руководитель общины диктует все решения относительно организации жизни общины.⁶

Для выполнения своих обязанностей органы местного самоуправления в основном взаимодействуют с органами регионального правления, которые являются представителями государственной власти в регионах. Для исследования большое значение имеет описание формальных и неформальных отношений между органами местного самоуправления и органами регионального правления. Отношения марзпетаранов и органов местного самоуправления включают: отставку или преждевременное приостановление полномочий главы общины (по собственной инициативе и с согласия совета старейшин, или по инициативе последних), обеспечение государственной материальной поддержки для решения проблем общинного значения, контроль со стороны государства, в частности юридический контроль над законностью принятых органом самоуправления решений и их соответствием действующему законодательству, финансово-экономическую проверку деятельности сельсовета.⁷

Несмотря на то, что полномочия марзпета ограничиваются функциями государственных органов на уровне регионов, на практике марзпет имеет большую власть.⁸

Методологические основания работы

Методологической основой данной работы являются две теоретические схемы: теория социальной конструкции гендера и теория гендерной

⁵ Закон РА О местном самоуправлении. Ст. 3.

⁶ Маркарян Т. Формальные и неформальные практики местного самоуправления в Армении // Идентичность, власть и город в работах молодых ученых Южного Кавказа / Под. ред. Н. Лежава. Тб., 2005. С. 263-289; Drampian A. Local Self-Government and Decentralization Reforms in Armenia. Paper presented at the CESS 4th Annual Conference. Cambridge, Massachusetts, USA. October 2003.

⁷ Закон Республики Армения о местном самоуправлении. Ст. 77.

⁸ Маркарян Т. Указ. соч.; Drampian A. Opt. cit.

системы. Первая позволяет описывать процесс формирования и воспроизводства гендерных отношений различного типа, рассматривая их диахронно, вторая — выделять гендерное измерение социальной структуры, оценивая гендерные отношения в синхроническом аспекте.⁹

Теория социального конструирования гендера является развитием теории социального конструирования реальности. Основатели этой теории П. Бергер и Т. Лукман определяют социальную реальность как одновременно объективную и субъективную. Она отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида. С другой стороны, социальную реальность они рассматривают как субъективный мир, потому что она постоянно создается индивидом.¹⁰ Основным положением социального конструктивизма является утверждение о том, что индивид усваивает культурные образцы поведения, в том числе и гендерные роли, в процессе социализации на протяжении всей своей жизни. Однако теория социального конструирования гендера отличается от традиционной парсоновской теории гендерной социализации и делает акцент на активность научаемого индивида. Субъект создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Более того, он может не только воспроизвести, но и разрушить их.¹¹

Для того чтобы выяснить, каким же образом создается, конструируется и контролируется гендер в рамках социального порядка, исследователи-аналитики различают три главных понятия: биологический пол, приписывание пола и гендер. Биологический пол — это совокупность биологических признаков, которые являются лишь предпосылкой отнесения индивида к тому или иному биологическому полу. Категоризация по полу или приписывание пола в отношении индивида имеет социальное происхождение. Гендер определяется как система межличностного взаимодействия, посредством которого создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального порядка.¹²

Так как исследователи данного направления считают, что гендер создается каждый момент, здесь и сейчас, они приходят к выводу, что

⁹ Айвазова С. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н.М. Степанова и Е.В. Кочкина. СПб, 2004. С. 641-665.

¹⁰ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура / Под ред. З. Хоткиной, Н. Пушкаревой и Е. Трофимовой. С. 46-65.

¹¹ Там же. С. 52.

¹² Там же. С. 53.

для понимания гендерных отношений необходимо обратиться к анализу микроконтекста, социального взаимодействия. Чтобы осмыслить процесс строительства социального порядка в конкретной ситуации межличностного взаимодействия, Гоффман вводит понятие гендерного дисплея. Он рассматривает дисплеи как «конвенциональные модели поведения, структурированные как обмен двух действующих лиц по типу «утверждение—ответ», в условиях которого наличие или отсутствие симметрии может быть причиной установления отношения господства или взаимного уважения».¹³ Гендерный дисплей как механизм создания гендера на уровне взаимодействий должен быть «исполнен» таким образом, чтобы партнеры по коммуникации были правильно идентифицированы, т.е. как женщины/мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации. Социальное воспроизводство дихотомии мужского и женского в гендерном дисплее гарантирует сохранение социального и интерактивного порядка. Как только дисплей выходит за пределы подотчетности, как только он перестает вписываться в общепринятые нормы бытования, его исполнитель попадает в ситуацию гендерной проблемы.¹⁴

Второй теоретический подход связан с анализом «гендерной системы». Гендерная система, по определению Резетти и Куран, — это институционализированные предписания, определяющие модели поведения и социального взаимодействия в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам приписываются разные роли; социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно — другие.¹⁵

При анализе гендерной системы выделяются публичная и приватная сферы. В публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре. В приватной сфере предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения.

Итак, гендерный подход позволяет, с одной стороны, обнаружить, в чем заключаются реальные основания для возникновения женских при-

¹³ Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб, 2000. С. 193-219.

¹⁴ Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера ... С. 59.

¹⁵ Здравомыслова Е., Темкина А. Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях // Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики / Материалы российской летней школы по гендерным исследованиям / Под ред. Л. Н. Попковой и И. Н. Тартаковской. Самара, 2003. С. 6-26.

тязаний на гражданское признание, на равноправность и долю власти в обществе, а с другой – увидеть, как социальные отношения между полами, их тип и характер воздействуют на предрасположенность общественных систем к тому или иному типу связей, нормативных отношений между людьми, а также к определенному типу взаимодействия между индивидом и обществом, гражданином и государством, а значит — к той или иной форме управления, власти.¹⁶

Объект и методика исследования

Объектом данного исследования является сельская община, которой руководит женщина. Рассматриваются приход женщины к власти, ее деятельность, отношения с жителями общины и вышестоящими органами, а также представления жителей общины о месте женщины в семье и обществе.

В исследовании используется качественная методология, так как именно качественное исследование «позволяет ответить на вопросы «как и почему?», дать описание, понимание и объяснение социальных явлений».¹⁷

Методом исследования был выбран кейс-стади (исследование случая), который дает возможность наиболее глубоко понять повседневные практики и отношения в определенном контексте. По определению И. Козиной, «кейс-стади — это исследовательская стратегия, направленная на глубокий, полный и комплексный анализ социального феномена на примере отдельного эмпирического случая»¹⁸ (под частным случаем понимается как определенный социальный процесс, так и группа людей).

Исследование случая включало интервьюирование и наблюдение. Были проведены интервью с активными женщинами в сельской общине, с их мужьями, мужчинами, которые в той или иной мере активно участвуют в политической жизни общины, а также работниками местных учреждений. Источником информации служили также неформальные беседы с жителями общины. В процессе наблюдения особое внимание было уделено выборам в органы местного самоуправления.

¹⁶ Айвазова С. Женское движение как ресурс модернизации России // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н.М. Степанова и Е. В. Кочкина. СПб, 2004. С. 641-656.

¹⁷ Киблицкая М.В., Масалков И.К. Методология и дизайн исследования в стиле кейс-стади. М., 2003. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 14.

Женщины в процессе принятия решений на местном уровне (на примере одной общины)

Результаты исследования в данной статье будут представлены в следующем порядке: сначала мы опишем социально-демографическую картину села, сделав акцент на гендерном измерении данной общности. Затем будут проанализированы гендерные стереотипы, стратегии действий женщины-руководителя в этом контексте, а также проявление этих стереотипов и стратегий во время конкретного события. В конце буде представлен анализ факторов, влияющих на политическую активность женщины в сельской общине.

а) Общее социально-демографическое описание села

Село находится недалеко от прежнего районного центра в регионе. В селе 321 домохозяйство. Число жителей села составляет 1286 человек, 642 (почти 50%) из которых — женщины. 17% жителей общины имеют высшее образование, около 70% из которых женщины. На данный момент в высших учебных и среднеспециальных заведениях учатся 27 девушек и ни одного юноши. Некоторые жители считают, что это связано с тем, что мальчики уже со школьного возраста помогают семье в сельскохозяйственных работах и поэтому не уделяют должное внимание учебе. В селе функционируют школа, детсад, дом культуры, медпункт. Детский сад и медпункт были отремонтированы в рамках программ международных организаций; здания школы и дома культуры находятся в плохом состоянии и нуждаются в ремонте. В плохом состоянии находятся как внутриобщинные, так и полевые дороги. В селе есть газоснабжение.

В учреждениях общины в основном работают женщины. Только шесть из 29 работников школы и три из семи работников сельсовета — мужчины. Двенадцать мужчин работают в учреждениях в ближайшем городе. Частным бизнесом, в основном торговлей, в селе занимаются несколько человек. Большая часть населения занята в сельском хозяйстве. Некоторые организации предоставляют микрокредиты для расширения сельскохозяйственной деятельности. В селе ими пользуются около 30 человек, почти все мужчины (всего 2 женщины). Но 60 женщин в селе получили микрокредиты по программе «Арегак» международной организации UMCOR, предоставляющей микрокредиты женщинам для расширения сельскохозяйственной деятельности.

Нынешний руководитель общины — женщина, была избрана в 2002 году и переизбрана в 2005 году. Это уже третий руководитель села со времени начала работы органов местного самоуправления. Впервые за историю советского и постсоветского времени в этой общине руководит женщина. В совете старейшин семеро человек, перед выборами в октябре 2005 года среди них была одна женщина, но она не была переизбрана. В нынешнем составе совета старейшин все мужчины. В селе функционируют также волонтерские инициативные группы, в составе которых женщины составляют меньше половины: восемь из 19 членов. Интересно и то, что функции мужчин и женщин в группах различны: сбор информации, составление документов и текстов в основном выполняют женщины, покупка необходимых материалов, строительство, ведение дела (пчеловодство и т. д.) — обязанности мужчин. Женщины были ответственны также за уход за детьми в летнем лагере.

Все же, несмотря на благоприятную почву для женской активности в данной общине, женщин-активисток в селе мало: руководитель общины, бывший член совета старейшин, несколько членов волонтерской инициативной группы. Однако принимая во внимание большое количество студентов высших и среднеспециальных учреждений и уже существующий опыт женской активности в селе, в будущем представляется возможным более активное вовлечение женщин в процесс принятия решений в общине.

б) Психологический и культурный контекст

В ходе наблюдения, разговоров с жителями и интервью в общине были выявлены несколько стереотипов, которые объясняют отношение к женщине, активно занимающейся общинными делами. Интересно то, что респонденты в основном высказывались против женщин на должности руководителя общины, а членство в сельском совете или другие общественные работы для женщины считались приемлемыми. Рассмотрим наиболее яркие стереотипные суждения, сгруппированные на основе слов респондентов, которые объясняют, почему женщина не должна занимать должность руководителя общины.

- Женщина не должна быть впереди мужчины, или руководителем должен быть мужчина

В речи некоторых информантов звучало высказывание: *«Руководителем должен быть мужчина, пусть будет А. или Е., но будет муж-*

чина». Для мужчин, особенно конкурентов главы на выборах, большим ударом был тот факт, что женщина обошла пятерых мужчин на выборах.¹⁹ Почти во всех интервью звучало *«говорят: «разве в селе не было нормальных мужчин, что женщину выбрали?»»*. Считается, что роль мужчины и женщины принципиально различны, женщинам не место в политике: *«Нельзя допустить, чтобы женщина пошла впереди тебя, для мужчины это неприемлемо. Коммунисты ведь не дураки были, что не назначали женщин на высшие посты»* (бывший конкурент на выборах); *«Уже три года общиной руководит женщина, стыдно, хоть бы на этот раз люди не ошиблись и выбрали бы мужчину, стыдно»* (бывший конкурент на выборах).

Чтобы «поправить» ситуацию во время выборов 2005 года все бывшие кандидаты решили объединить свои силы и собрались вокруг одного кандидата. В прошлый раз они боролись с ней каждый в одиночку и не смогли победить, хотя избранная глава общины не собрала и половины голосов избирателей. Но все же и это не помогло, и после выборов некоторые сторонники кандидата-мужчины не могли успокоиться: *«Двое мужчин не смогли победить одну женщину»*. Мужское самолюбие было задето.

- Женщине не место во внешнем мужском мире

Как уже отмечалось, работа в совете старейшин более приемлема для женщины, чем должность руководитель общины. Это объясняется тем, что работа члена совета старейшин реализуется в основном внутри общины. *«Член совета старейшин общается в основном с жителями общины, которые все знают друг друга. А глава общины часто ездит в командировки в марзцентр, в столицу, ей трудно вдали от дома, в компании чужих мужчин. И потом, во всех руководственных постах мужчины, ей трудно с ними говорить, требовать, она стесняется. А мужчина поговорит с женщиной как мужчина»* (бывший конкурент на выборах).

Здесь также придается большое значение неформальному общению и механизмам решения вопросов. Считается, что женщинам труднее общаться с коллегами или представителями вышестоящих органов — мужчинами в неформальной обстановке. А многие вопросы решаются именно в неформальной обстановке. Иллюстрация этого — слова самой главы общины: *«Главы других общин все мужчины. Мое присутствие на*

---

¹⁹ Здесь имеются в виду выборы 2002 года.

собраниях заставляет их быть более сдержанными в своих действиях и выражениях. Они меня уважают. Я всегда свободно выражаю свое мнение. Только во время застолий как-то неловко, что я одна женщина». Итак, застолия, неформальные встречи и общение являются обязательной частью жизни руководящего должностного лица, и многие жители села и сама женщина-руководитель считает, что в работе женщины-руководителя это является одной из основных трудностей для нее во внешнем мужском политическом мире.

- Добропорядочная женщина не должна появляться в мужском обществе, особенно если в нем нет близких ей мужчин (муж, брат, отец)

Здесь выдвигается другая проблема для женщины — руководителя общины, которая состоит в том, что она рискует своей репутацией добропорядочной женщины. В исследуемом селе, чтобы избежать сплетен и разговоров, муж главы общины после избрания жены на пост купил машину и возит жену на все встречи вне общины (до того как купить машину, некоторое время главу общины на встречи возил ее брат, который является членом совета старейшин). *«У нас среда маленькая, все знают друг друга, если сделаешь маленький шаг не так, то сразу же пойдут сплетни. Возможно, ты честная женщина, но тот факт, что едешь с другой мужчиной в его машине или сидишь за столом в компании мужчин, уже повод для разговоров»* (глава общины).

Из разговора и с главой общины, и с ее мужем стало ясно, что если бы не было такой возможности, то возможно, жена не работала бы на этом посту, ибо это грозило бы распадом семьи. *«Когда она отсутствует из общины, то и я вместе с ней. После ее избрания я купил машину, хотя это (приобретение машины) не входило в мои планы. Куда она должна поехать, я вместе с ней. Если б не это, было бы очень трудно и возможно, я не согласился бы, чтоб она работала на этом посту. Здесь село, всякое говорят, всякие проблемы бывают»* (муж главы общины).

Эта трудность касается не только главы общины: из пяти членов разных волонтерских групп, с которыми я разговаривала, на семинары в другие города региона ездили только двое: одна из них не замужем, а другая ездила вместе с сыном, который тоже являлся членом волонтерской группы. *«Если бы моего сына не было бы в группе, я бы не ездила на семинар, так как тогда я была единственной женщиной в инициативной группе»*.

- Женщина, занимающаяся карьерой, не может уделить должное внимание семье

В традиционном обществе независимо от того, работает ли женщина или нет, она все равно должна успевать выполнять домашнюю работу и заботиться о детях и пожилых членах семьи. Участие в совете старейшин или инициативной группе не требует так много времени и не отвлекает от семейных забот (еще один довод в пользу приемлемости данной деятельности для женщины). Жители села считают, что глава общины выполняет свою работу в ущерб семье. *«Для нас хорошо, что руководитель — женщина, но вот для детей это не хорошо»* (житель села, мужчина).

Хоть свекровь и помогает ей в домашних делах, однако она не может все делать сама или заменить ее в общении с детьми. *«Наш регион — один из более традиционных. Если даже муж очень захочет помочь жене в домашних делах, то не может, так как не принято, особенно если живешь вместе с его родителями. Так что я успеваю за счет своего отдыха и сна. ... Иногда дети жалуются, дочки говорят, что лучше было бы, если бы я не выиграла на предстоящих выборах. Для них, конечно, трудно. Я стараюсь делать так, чтоб они не очень чувствовали моего отсутствия, стараюсь заниматься с ними»* (глава общины).

- Женщины чаще поддаются влиянию, особенно со стороны мужа

В селе бытует мнение, что истинный руководитель села — муж старосты. Это может быть обусловлено общепринятым представлением о роли мужчины как главы семьи и о предполагаемой склонности женщины подчиняться мужскому влиянию. *«В армянской семье мужчина — глава семьи, и если у женщины-руководителя есть муж, он может ей диктовать, как поступить, давать указания, а мужчина-руководитель сам решает что и как делать, сам принимает решения»* (кандидат на пост главы общины).

Итак, мы описали микроконтекст, в котором формируются гендерные отношения. Анализ контекста позволяет выявить интересную особенность, влияющую на гендерные стереотипы в данной общине, а именно такое понимание приватной и публичной сферы, при котором *община — это приватная сфера, а мир за ее пределами — публичная*.

В целом, дихотомия публичность/приватность является одной из основных, на которых базируется структурирование жизни индивидов и придание согласованности общему существованию. Брайан Фей считает,

что публичное и приватное, как два силовых поля, помогают создавать моральную среду для индивидов как взятых по отдельности, так и объединенных в группы, диктует нормы уместных и достойных действий, устанавливает барьеры поведения, особенно в таких областях, как обращение с человеческой жизнью, регулирование сексуальных отношений, обнаружение семейных обязанностей и долга, а также на арене политической ответственности.²⁰

Концепция публичной и приватной сфер находится в центре внимания многих исследователей и теоретиков, в частности феминистских. Однако как показывает Сюзен Оукин, существует некая неопределенность в смыслах этих понятий: «Дихотомия общественное/частное (публичное/приватное) применяется как к различию между государством и обществом (как и между общественной и частной собственностью), так и к различию между домашней и внедомашней жизнью. В обоих случаях государство (в общепринятом смысле) есть «общественное», а семейная, домашняя и личная жизнь (снова в общепринятом смысле) — домашнее. Важное различие между вышеизложенным использованием одной и той же дихотомии «публичное/приватное» состоит в том, что переходная социально-экономическая область (которую Гегель определил как «гражданское общество») в первой дихотомии включена в категорию «частное, а во второй — в «общественное»».²¹ Чтобы избежать двусмысленного понимания дихотомии публичность/приватность в данном исследовании, следует отметить, что эти понятия здесь упоминаются в общепринятом смысле: публичное включает в себе сферы экономической и политической жизни, а приватное — домашнюю жизнь (ведение домашнего хозяйства и уход за детьми). В традиционном обществе считается, что мужчины ответственны за публичную, а женщины — за приватную сферу. Тем не менее, многие феминистские теоретики считают, что публичное и приватное не могут быть строго разделены, и невозможно понять и описать одно без другого. Правила и отношения власти в одной из них связаны с отношениями в другой, и невозможно их рассматривать по отдельности.²² Содержание, значение и границы публичного и приватного меняются в зависимости от нужд данного общества.

Итак, в данном случае община воспринимается как большая семья

²⁰ Эльштайн Дж. Б. Императивы приватного и публичного // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной А. СПб, 2000. С. 64-88.

²¹ Оукин С.М. Гендер: публичное и приватное // Гендерная реконструкция политических систем / Ред-сост. Н.М. Степанова и Е. В. Кочкина. СПб, 2004. С. 920-943.

²² Там же.

и каждодневные взаимодействия, практики и властные отношения между мужчинами и женщинами в семье проецируются и на гендерную систему общины. Почти во всех высказываниях сравнивались семья и община. Если спроецировать понимание гендерных отношений в семье на гендерные отношения в общине, то получается следующая картина:

Как в семье руководителем должен быть мужчина, так и в общине. Так принято. *«Например, если за столом вдруг моя жена встанет и скажет несколько слов, я этого не допущу. То же самое и здесь: разве в селе нет мужчины, что женщина занимается решениями проблем села?»* Иметь руководителя общины — женщину, это так же позорно, как быть мужчиной-подкаблучником.

Внутри общины женщина может заняться общественной деятельностью, так как там она общается только с жителями общины, так же, как она может свободно общаться с членами семьи. Но как не приемлемо, чтобы женщина выходила за рамки семьи, так и недопустимо, чтоб она вышла за пределы общины.

Внутри общины, как и внутри семьи, для женщины более безопасное место, а во внешнем мире, за пределами общины, где она (руководитель общины) общается в основном с мужчинами, женщина более уязвима.

Как в семье основные решения принимает муж, так и в делах общины считается, что несмотря на то, что глава общины — женщина, все же она поддается давлению со стороны мужа. *«Если женщина будет независимой, может руководить, но она чаще поддается влиянию мужа. На самом деле муж руководит»* (молодой мужчина, житель общины).

Тем не менее, хотя в общине существует мнение, что женщины у власти — явление недопустимое, многие жители считают, что женщина может руководить общиной. Примечательно, что и они сравнивают общину с семьей. Вот их аргументы:

«Если женщина может правильно организовать жизнь своей семьи, то она может руководить и общиной. Община ведь тоже одна большая семья».

«Она заботится об общине, как о своей семье».

Итак, в общине существует и позитивное, и негативное отношение к женщине-руководителю. Сторонники обоих взглядов объясняют свою позицию, сравнивая общину и семью. В одном случае при объяснении приводится традиционная модель семьи и семейных отношений, где место женщины в приватной сфере, а мужчины — в публичной, в другом — более

демократическая. В последнем случае, несмотря на то, что подчеркиваются психологические различия мужчины и женщины, сравнение делается в пользу женщины. Будучи по своей природе более мягкой и отзывчивой, она лучше будет заботиться об общине.

В ходе исследования выяснилось также, что жители общины предъявляют более строгие требования к женщине-руководителю. Представим некоторые из них.

Во-первых, женщина-руководитель должна быть образованной. Предпочтение отдается образованию в сельскохозяйственной сфере. Большое значение имеет также опыт работы. В ходе интервью иногда мужчины допускали мысль о том, что женщина может руководить, однако она должна иметь соответствующие знания и опыт. Во-вторых, женщина должна быть независимой, принимать решения самостоятельно, а не под влиянием мужа и семьи. В-третьих, женщина-руководитель должна быть более демократичной, не решать все вопросы единолично, предоставлять возможность членам сельского совета (на данное время состоящему в основном из мужчин) принять реальное и предоставленное законом участие в решении вопросов, касающихся села. В-четвертых, она должна быть беспристрастной и хорошо относиться ко всем жителям и содействовать им в равной степени, независимо от того, поддерживали ли они ее во время выборов или нет.

Надо отметить, что такие требования считаются свойственными демократическому обществу и применимы ко всем руководителям, независимо от пола, однако беседы с жителями общины показывают, что они более снисходительно относятся к мужчине-руководителю, не соответствующему названным требованиям.

С другой стороны, мужчинам, занимающим ответственные должности в вышестоящих органах, не на руку работать с женщинами-руководителями общин. В исследуемом регионе, например, марзпет пытался тем или иным образом повлиять на ход борьбы в общинах, где победа женщины-кандидата была более вероятной. Он не может вести себя с ними так, как ведет себя с мужчинами, «по-мужски»: откладывать решения вопросов, не обращать должного внимания на проблемы. Один из информантов говорил, что марзпет не хочет работать с женщиной — главой общины, так как она более настойчива и он не может отказать ей в просьбе или отложить решение представленных ею проблем. И он постарался повлиять на ход выборов в общине, «предлагая» одному из кандидатов (мужчине) объединиться с другим кандидатом.

в) Женщина во власти: как она действует?

Как видно из интервью, у респонденток разные мотивы участия в политической и общественной деятельности. Для одной — это та самая маленькая среда, в которой она может реализовать свои лидерские способности и иметь власть. Для другой — это продолжение под воздействием инерции активности, начавшейся в советское время, а также способ получить доступ к структурам, принимающим решения относительно учреждения, которым она заведует.

Результаты исследования указывают на несколько особенностей женщины-руководителя. И по мнению жителей, и по результатам наблюдения, женщина-руководитель придает большое значение решению вопросов, касающиеся в основном социальной сферы: детский сад, дом культуры, здравоохранение, окружающая среда. *«Для мужчин не имеет значение, ходит ли ребенок в детский сад или играет на улице грязными руками и т.д. Мужчин интересуют бизнес, торговля, максимум выгоды. Мужчины говорили: нет денег, не нужно снова открывать детский сад. Но женщина понимает как это важно для ребенка и помогает женщинам как-то облегчить свои заботы».* Тем не менее это не означает, что женщина-руководитель избегает решения других проблем.

Сравнение с соседними общинами показывает, что редко встречающийся феномен женщины — руководителя общины привлекает внимание многих международных организаций. *«Сейчас женщинам предают большое значение. Для села это привилегия, что у нас глава женщины: если какая-то организация приходит в регион, в первую очередь в наше село приходит»* (член волонтерской инициативной группы, мужчина средних лет). Это дает возможность реализации многих проектов, направленных на улучшение состояния сельских инфраструктур и развитие общины. *«Я работала с семью руководителями общины, еще с советских времен. До Т. все были мужчины, но никто из них не сделал так много работы для села, как она»* (секретарша аппарата руководителя общины).

Однако большое количество реализуемых проектов в общине не принимается жителями общины однозначно как желание и воля руководителя общины сделать что-то хорошее для села. В общинах распространено мнение, что от реализации этих проектов руководители общины, а иногда и члены сельсовета имеют собственные неформальные выгоды. Практика показывает также, что в группы, реализующие такие проекты в общине, в основном

вовлекаются люди из близкого окружения местных структур власти. И в данной общине многие думают, что руководитель старается привлечь проекты не для пользы села, а для обеспечения своей семьи и своих близких дополнительным доходом. Повод для таких рассуждений есть: все строительные проекты общинного назначения возглавляет муж Т., а в состав инициативных групп входят работники местных учреждений, в том числе и администрации главы общины, члены совета старейшин, которые в основном являются сторонниками главы общины.

Стараясь разрушить вышеназванные негативные стереотипы или подтвердить позитивные в отношении женщины-руководителя, глава общины использовала несколько стратегий.

Чтоб опровергнуть мнение, что женщина не может быть руководителем, она старается выполнять как можно больше работы, доказывая преимущества женщины-руководителя.

Чтобы избежать сплетен и сохранить репутацию добропорядочной женщины, она ездит на собрания и встречи с мужем.

Чтобы опровергнуть стереотип о том, что ей неловко и неудобно перед представителями вышестоящих органов власти, она старается как можно больше привлекать внимание государственных органов к проблемам села и добиться позитивных изменений в селе.

Чтобы доказать, что она заботится об общине, она старается привлечь как можно больше проектов в село.

Из описанной выше ситуации и действий женщины-руководителя общины следует, что в данной ситуации конвенциональные модели поведения (дисплеи) выходят за рамки общепринятых норм поведения, «нарушитель» социального порядка попадает в сложную ситуацию и вынуждена приложить дополнительные усилия, чтобы продолжить свою деятельность.

г) Проявление гендерных стереотипов и стратегий в конкретной ситуации. Выборы в местные органы власти

При изучении конкретного примера гендерного режима в общине интересным является возможно самое важное проявление политического процесса в общине — выборы в местные органы самоуправления. Но прежде чем перейти к анализу, следует кратко описать процесс выборов.

Большое значение во время выборов и влияние на организацию предвыборной борьбы имеет численность общины. Сельские общины

небольшие, и, в основном, все жители знают друг друга. Предвыборной агитации как таковой нет. Кандидаты не готовят буклетов и различных агитационных материалов. *«Я с детства живу здесь, жила в разных местах в селе, потом вышла здесь замуж, у нас был магазин, общение с жителями было каждый день, они знали меня, а я — их»* (глава общины).

К выступлениям по телевидению и статьям в газетах прибегают в исключительных случаях, и то только кандидаты на пост главы общины. Не проводятся отдельные встречи с избирателями. Письменную предвыборную программу можно встретить очень редко, и то написанную от руки, она служит основой предвыборной речи на общинном собрании. Встречи с кандидатами в совет старейшин вообще не проходят. Только один раз организуется общинное собрание с участием всех кандидатов на пост руководителя общины, и то не во всех общинах. Во время общинного собрания все кандидаты в основном говорят о проблемах села, делают акцент на недостатках работы действующего главы общины, и только отдельные кандидаты, как правило, действующие главы общины, представляют проделанную работу и последующие действия. Почти все информанты утверждали, что собрание является чисто формальным, и все, кто приходит туда, и сами кандидаты уже знают, кто кому отдаст свой голос.

Наблюдение за выборами показывает, что, несмотря на вышесказанные доводы «за» и «против» женщины как кандидата на должность главы общины, очень немногие руководствуются этими стереотипами во время выборов. Выбор делается в основном на основе кровнородственных отношений, и здесь на время забывается гендер. В исследуемой общине ситуация была более напряженной, так как два кандидата сами были родственниками: сын и внучка двоих сестер.

Вообще, кровнородственные отношения являются довольно сильной основой организации жизни общины. Некоторые сторонники действующей главы с упреком говорили, что родственник не должен был выставять свою кандидатуру, да и, наверное, семья кандидатки не простит своего родственника за «предательство».

Следующим по важности фактором, влияющим на выбор, является личная выгода (сохранение рабочего места, решения каких-то проблем и т.д.). А пол кандидата упоминают обе стороны для оправдания или обоснования своего выбора, сделанного под влиянием других факторов.

Что касается стратегий, то особого различия между женскими и

мужскими стратегиями во время предвыборной кампании не наблюдалось. Была единственная стратегия: использовать все имеющиеся под рукой рычаги для привлечения голосов. Предположение о том, что женщины не стремятся в политику из-за нечистых выборных технологий, в этом случае не подтверждается. Для привлечения голосов женщина-кандидатка пользовалась своим статусом, положением и связями так же, как этим пользуются мужчины. Пол не акцентируется во время предвыборной кампании, которая сводится к звонкам и встречам со знакомыми и родственниками. Иногда сторонники мужчины-кандидата подчеркивали пол противника, чтобы привлечь на свою сторону жителей, которым ближе традиционное гендерное распределение ролей. Но так как они понимали, что во время выборов такие доводы не принимаются во внимание, особенного акцента на этом не делали.

Факторы, влияющие на политическую активность женщины в сельской общине

Факторы, оказывающие влияние на политическую активность женщин, были предметом анализа во многих феминистских работах. После представления выводов нескольких авторов, мы попытаемся описать, как эти факторы действовали в нашем случае.

Обобщая работы нескольких авторов, российский социолог А. Темкина среди наиболее значимых факторов, определяющих политическую активность женщин, выделяет политическую социализацию, структурные и ситуационные факторы.²³ Считается, что отличная от мужской политическая социализация определяет отношение женщин к политике и общественной активности. Политика считается неподходящей сферой для женщин. Среди структурных факторов, т.е. факторов связанных с социальной структурой общества, выделяются неравномерность в распределении ресурсов, которые женщины и мужчины могут использовать в политике: образование, доходы, опыт работы. Ситуационные факторы связаны с особенностями жизненного пути женщины в современном обществе. Женщины в основном несут на себе ответственность за ведение домашнего

---

²³ См. Темкина А. Теоретические подходы к проблеме гендерного участия: гендерное измерение // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходных период / Сб. научных статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. Центр независимых социологических исследований. Труды. Выпуск 4. СПб, 1996. С.13-19.

хозяйства и воспитание детей и не могут заниматься политической деятельностью из-за нехватки времени и энергии. Темкина отмечает, что конфликт между карьерой и семейной жизнью испытывают и женщины, и мужчины, однако, если мужчины занимаются политикой, несмотря на такой конфликт, то женщины склонны отказываться от карьеры.

Политолог З. Зотова предполагает, что наличие системы гарантий равноправия мужчин и женщин во время избирательного процесса во многом влияют на политическую активность женщин.²⁴ Она выделяет следующие составляющие системы гарантий: политические (демократизм выдвижения кандидатов в депутаты, свобода предвыборной агитации, обязанность кандидатов в депутаты составлять и разъяснять избирателям свою предвыборную программу), организационные (правила, по которым государственные и общественные органы, руководители предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории избирательного округа, обязаны оказывать кандидату в депутаты содействие в организации встреч с избирателями, проведение предвыборных собраний, в получении необходимых информационных и справочных материалов), материальные (создание избирательного фонда кандидата), социально-нравственные (стереотипы о «женском назначении», отсутствие влиятельных женских организаций и движений, отсутствие целенаправленной работы по формированию благоприятного общественного мнения о женщинах-политиках в СМИ) и правовые (избирательное законодательство).

Политолог Н. Шведова в книге «Женщины в парламенте. По ту сторону цифр»²⁵ анализирует несколько препятствий, стоящих на пути женщины в политику. Она выделяет три группы препятствий: политические, экономические и психологические (социально-культурные). Среди политических препятствий выделяются: мужская модель в политике, отсутствие партийной поддержки, сотрудничество с женскими организациями, образование и обучение, избирательные системы. Экономические препятствия включают феминизацию нищеты и безработицы и двойную нагрузку. К психологическим или социально-культурным препятствиям относятся традиционные роли, отсутствие уверенности в себе у женщин-кандидаток, отношение к политике как к чему-то «грязному», недостаточное внимание СМИ к активности женщин и их потенциалу.

²⁴ Зотова З. Гендерные аспекты избирательного законодательства // Гендерная реконструкция политических систем. С. 611-639.

²⁵ Женщины в Парламенте. По ту сторону цифр. Избранные главы. Ереван, 2003.

Все вышеназванные авторы доказывают, что путь в политику для женщин полон препятствий, которые ей предстоит преодолеть, и эти трудности пугают женщин и заставляют отказываться от политической карьеры. Конечно, как мы покажем на примере исследованной сельской общины, некоторые из них действительно оказали позитивное или негативное влияние на женщину в процессе принятия решений, а некоторые из них она проигнорировала или нашла какие-то решения.

Названные факторы более характерны для широкой общности — общества в целом, и более жестки для женщин, идущих в большую политику — в парламент или в правительство. Исследование, проведенное Ассоциацией женщин с университетским образованием, показывает, что женщины — кандидаты в парламент РА — подтверждают наличие названных препятствий.²⁶ Тем не менее, на местном уровне некоторые из этих препятствий или факторов не играют значимой роли в силу существования других правил и практик.

Так как предвыборная кампания несколько отличается на местном уровне, в особенности в сельских общинах, то, например, политические или организационные гарантии не играют особой роли во время предвыборной кампании, так как она сводится только к индивидуальным встречам с родственниками и знакомыми или же телефонным звонкам. Формальных материальных гарантий предвыборная кампания не требует: нет нужды организовать что-то или публиковать информационные материалы. Но высокое материальное положение семьи кандидата дает возможность привлечь на свою сторону избирателей, например, возить их от дома к избирательному участку или же возмещать дорожные расходы избирателей, приезжающих из других населенных пунктов. Анализируемые правовые гарантии сводятся к внедрению избирательных квот в парламент, на местном уровне такие квоты не рассматриваются.

Итак, обобщая результаты исследования, можно описать, какое влияние имели в конкретном случае прихода женщины к власти те факторы, которые определяют участие женщин в политике.

В первую очередь, считается важным рассмотрение фактора двойной нагрузки. Как показывают А. Темкина, З. Зогова и Н. Шведова, именно двойная нагрузка домашних и профессиональных обязанностей часто не позволяет женщинам активно заниматься карьерой, особенно в политической

²⁶ Гендерная ситуация в Армении: следствия преобразовательных процессов и расширение прав и возможностей в контексте целей тысячелетия. Ереван, 2005.

сфере. Сложнее приходится сельским женщинам, которые зачастую почти наравне с мужчинами работают в сельском хозяйстве и в то же время берут на себя всю домашнюю работу.²⁷ В исследуемом селе женщина — глава общины и до избрания на пост главы общины, и в процессе работы не занималась сельскохозяйственными работами, что значительно уменьшает ее нагрузку в семье. Уменьшению нагрузки способствует также наличие в семье бабушки, которая берет на себя часть домашних забот. Кроме того, она попыталась внести институциональные изменения в общину для облегчения как своих домашних забот (один ее ребенок — дошкольного возраста), так и других жительниц общины. Несмотря на скудость общинного бюджета и возражения некоторых членов сельского совета (мужчин), она смогла найти средства для ремонта детского сада и пытается всеми силами обеспечить его работу.

Как уже отмечалось, хорошее материальное положение помогло женщине-кандидатке в предвыборной борьбе. Конечно, средства были потрачены не только на предполагаемые законом взносы, а так же на «организацию присутствия» всех «своих» избирателей на участках. Этот факт доказывает также, что глава общины не относится к политике как к «грязной игре», что опровергает выдвинутое выше предположение. Дело в том, что ее не отпугивали правила этой игры. Наоборот, она сама прибегала к «грязным» предвыборным технологиям и использовала все имеющиеся под рукой рычаги для привлечения голосов.

Что касается партийной поддержки, то в данном случае своего рода партийной поддержкой можно считать поддержку семейного клана, решившего выставить кандидатуру женщины и поддержать ее. Уверенности в себе ей придавало наличие высшего образования, лидерские способности и отсутствие страха конкуренции. Интересно, что когда руководитель общины была избрана в первый раз в 2002 году, ей было всего лишь 27 лет и она не имела опыта работы ни на руководящих постах, ни на общественной работе вообще. Однако отсутствие подходящего опыта не повлияло на ее решимость занять ответственный пост и эффективно работать.

К препятствующим факторам на пути к политике для главы общины относятся традиционные представления и гендерные стереотипы, а также мужская модель в политике. Последняя проявляется в том, что в мужском мире политики, согласно общему мнению, существуют определенные

---

²⁷ Шагинян Г. Указ.соч.

правила поведения, межличностных и трудовых отношений, в которых особое место занимают неформальные механизмы. Однако наша героиня, несмотря на все трудности и неудобства неформального общения, все же пытается игнорировать их или даже изменить. Например, если в мужском политическом мире принято заставлять ждать и откладывать решение вопроса, то женщина пытается не допустить такого отношения к себе и проблемам своей общины.

И, наконец, фактор гендерных стереотипов, которые передаются от поколения к поколению в процессе социализации. Они, конечно, существуют и объясняют поведение людей в определенной среде. Гендерные стереотипы, характерные для исследуемой общины, оказывают большое влияние на повседневное поведение женщины-руководителя, но во время выборов они вытесняются другими правилами и практиками.

Заключение

В исследовании на примере сельской общины были проанализированы факторы, возможности и препятствия, которые существуют на пути женщины в политику, и показано, как в конкретной общности людей не только усваиваются и воспроизводятся гендерные отношения, но и как некоторые субъекты пытаются изменить их и внести новые правила.

Необходимо отметить, что, несмотря на «традиционность» сельской общины, в органах местного самоуправления в селах женщин значительно больше, чем в городских. В этой связи в дальнейших исследованиях интересно было бы сравнить властные отношения в селе и городе и сопоставить факторы, влияющих на участие женщин в политике.

Как показало исследование конкретного случая женщины у власти в общине, существуют определенные позиции как «против», так и «за» выбор женщины на пост руководителя. Интересным является то обстоятельство, что обе стороны в своих доводах опирались на сравнение общины и семьи. Община выступает в качестве большой семьи, и существующие гендерные отношения в семье проектируются на общину.

Результаты исследования показывают, что мотив и решение прихода в политику, а также конкретные действия женщины во главе общины обусловлены политической социализацией, а также структурными и ситуационными факторами.

Характерно, что женщина-руководитель в исследованной общине сделала больше работы для села, чем все предыдущие мужчины-руководители. Во многом это обусловлено необходимостью доказать и жителям общины, и государственным органам, что женщина может быть хорошим руководителем и внести позитивные перемены в жизнь своей общины. Общество не прощает женщинам недостатки в руководстве и предъявляет к ним более высокие, чем к мужчинам, требования. С другой стороны, соответствие этим требованиям придает женщине уверенность в себе, и при наличии определенных качеств более вероятно, что она решится заняться политической и общественной деятельностью.

Наблюдения показывают также, что, несмотря на негативное отношение к женщине-руководителю, во время выборов пол кандидатов играет второстепенную роль: в первую очередь нужно проголосовать за кандидата-родственника, независимо от пола.

На расширение возможностей для женщин заниматься политической и общественной деятельностью большое влияние может оказать деятельность общественных и международных организаций. С одной стороны, они могут содействовать женщине-руководителю в выполнении своих обязанностей, тем самым формируя позитивное отношение к женщине-руководителю. С другой стороны, организации могут реализовать проекты, направленные на устранение препятствий на пути женщины в политику: повышение экономического статуса женщин, обучение, поддержка в избирательной кампании и т.д. Вовлечение женщин в группы, занимающиеся общественными работами, — новая практика в общине и важный шаг в направлении поощрения общественной и политической деятельности женщин.

На позитивное отношение к женщине-руководителю могут влиять также так называемые «*success story*», причем не столько истории удачной карьеры женщин — политических деятелей других стран или даже столицы, а истории, в которых женщина, оказавшаяся в такой же ситуации, как в данной социальной группе, смогла преодолеть препятствия и состояться как хороший руководитель.

Итак, в процессе становления демократического общества важно достижение равноправия мужчин и женщин, и, в частности, предоставление равных возможностей для вовлечения женщин в политический процесс. При этом важным считается поощрение женской активности именно на местном уровне, так как работа в органах местного самоуправления может

являться первым шагом женщины в большую политику. Здесь она приобретает опыт: опыт преодоления стереотипов, опыт общения с жителями в качестве руководителя, опыт общения с вышестоящими органами власти, опыт интеграции в мужское сообщество руководителей, опыт изменения правил игры мужской модели политики, опыт сотрудничества. Достижение позитивных результатов и опыт придадут ей уверенности в себе и в своих силах, ее история может послужить хорошим примером для подражания, что привлечет других женщин в политическую и общественную деятельность.

Екатерина Пирцхалава

ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В СЕМЬЕ

Традиционная культура — это строго ранжированные, упорядоченные и унифицированные отношения внутри общества. Упорядоченность и стабильность этих отношений подразумевают веками апробированные социальные роли. Обществу для оптимального функционирования было важно, чтобы каждый из его членов занимал строго определенную социальную «ячейку» и свято выполнял предусмотренные ритуалы. Женщина должна быть женственной, застенчивой, заботливой и целомудренной, а мужчина — мужественным и напористым.

Постсоветский период для Грузии является периодом радикальных социально-политических изменений во многих сферах. В этот период произошло восстановление независимости государства, смена политического режима и социально-экономического устройства, началось формирование новой социальной стратегии. Перемены в политической, социальной, культурной и экономической жизни общества отразились на всех видах взаимоотношений между людьми.

В результате перемен в постсоветский период перед каждой семьей встала новая жизненно важная проблема: заработать прожиточный минимум. Большинство мужчин потеряли работу (раньше ее обеспечивало государство) и не могут выполнять одну из важнейших обязанностей — материального обеспечения семьи. Часть женщин вынуждена материально обеспечивать семью (в том числе и взрослых мужчин — мужа, брата, свекра и т. д.).

Изменения, произошедшие в Грузии, не могли обойти мое окружение, моих родственников, друзей и знакомых. В разных семьях изменения имели разные последствия. В некоторых семьях работающая супруга, возвращаясь домой, где ее ждут муж и дети, обязана купить сигареты и пиво для безработного мужа, тогда как себя она не балует ничем, чтобы хватило денег на детей. В других — всеми деньгами, заработанными женой, распоряжается муж, который целый день сидит дома и только курит, а в третьих (которых оказалось немало) — женщина приобрела независимость и сама распоряжается домашними ресурсами. Интересно различие

ситуации в расширенных семьях и в семьях, живущих отдельно: по моим наблюдениям, в расширенных семьях, несмотря на то, что молодое поколение зарабатывает неплохо, большую семью содержат старшие (они платят налоги, покупают еду для всей семьи). В семьях, проживающих отдельно, изменяется и стиль отношений между мужем и женой — они в большей степени партнерские, чем в расширенных (где мужа «контролирует» мать). Такая ситуация навела меня на мысль исследовать изменения в распределении гендерных ролей в семьях.

Сегодня сама жизнь определяет гибкость распределения ролей (функций) в семье и в обществе. С изменением роли женщины в обществе женщина взяла на себя такие обязанности, которые всегда выполнял мужчина, что отразилось и на семейных отношениях. Женщина вынуждена работать, чтобы прокормить семью, и к тому же она по-прежнему не освобождается от прежних домашних обязанностей. Экономическая активность дала женщине больше власти, чем она имела традиционно. Исходя из этого, возросла роль женщины в принятии решений, в частности, относительно определения будущего детей, распределения домашних обязанностей, ресурсов и организации досуга.¹

Ниже приводятся основные вопросы, на которые я попыталась ответить в данном исследовании:

1. Изменились ли семейные отношения и гендерные роли
2. Влияют ли экономические и социальные перемены на трансформацию гендерных ролей в семье и на семейные отношения
3. Изменился ли баланс властных отношений, распределение власти в семье, которое определяет поведение мужчины и женщины в семье; как это воспринимается членами семьи
4. Влияют ли эти перемены в равной степени на нуклеарные и расширенные семьи
5. Отличаются ли в оценке традиционных ценностей разные поколения и типы семей

Семья и семейные отношения

Исследованием семьи ученые активно занялись в начале XX века.²

¹ Лыткина Т. Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж. 2001. № 16–17. <<http://socnet.narod.ru/Rubez/16-17/lytkina.htm>>

² Эдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб, 1999.

На сегодняшний день выделяются разные подходы, но в своем исследовании я придерживаюсь функционального подхода³ и системного подхода⁴.

Функционализм (функциональный подход)

Сторонники функционального подхода роль мужчины и женщины трактовали, основываясь на функциональной концепции семьи. Согласно этой теории, дифференциация половых ролей в семье следующая: муж выполняет **инструментальную роль**, связывая семью с внешним миром и обеспечивая ее материально, а жена берет на себя **экспрессивную роль**, регулирует взаимоотношения внутри семьи путем эмоциональной и психологической поддержки. Такое распределение ролей помогает семье выполнять те функции, которые на нее возложило общество.

Американский социолог Т. Парсонс, представитель структурно-функционального подхода, в 1940-х годах сформулировал теорию функционального разделения половых ролей. Ее положения легли в основу полоролевого подхода к анализу гендерных отношений.

Системный подход

Переломным моментом в развитии науки о семье было возникновение представления о ней как о системе. Такой подход к семье означает, что в ней все взаимосвязано, что она есть единое целое — единый биологический и психологический организм. В этом случае она имеет ряд признаков: 1) система как целое больше, чем сумма ее частей, 2) нечто, затрагивающее систему в целом, влияет на каждый отдельный элемент внутри нее, 3) расстройство или изменение в одной части единства отражается в изменении других частей и системы в целом. Поэтому при рассмотрении любого конкретного вопроса, касающегося семьи, всегда необходимо в полной мере учитывать, как этот вопрос связан со всеми остальными сторонами ее жизни.

Анализ социальных институтов, регулирующих отношения между полами, повлиял на разработку понятия «гендерная система». Исследователи, пользующиеся термином «гендерная система», утверждают, что различия по признаку пола являются социально организованными и регулируются определенными правилами.

Объединительная парадигма

Интересна объединительная парадигма на основе концепции габитуса Пьера

³ Parsons T., Bales R.F. Family socialization and interaction process. N.Y., 1955.

⁴ Minuchin S. Families and Family Therapy. Cambridge, 1974.

Бурдьё⁵ и теории структуризации Энтони Гидденса⁶. Применение объединительной парадигмы в гендерных исследованиях означает внимание к взаимной обусловленности структур и практик, формирующих гендерный порядок в обществе. Роберт Коннелл⁷ вместо термина «гендерная система» вводит понятие «гендерная композиция», обозначающее совокупность повседневных практик и структурных условий, организующих различие полов и отношения между ними. На уровне общества в целом гендерная композиция может быть представлена как относительно устойчивый гендерный порядок, закрепленный в исторически заданных образцах **властных отношений** между мужчинами и женщинами и внутри групп, выделенных по признаку пола. На уровне отдельных социальных институтов гендерный порядок проявляется в разнообразных «гендерных режимах». В качестве примеров Коннелл приводит гендерные режимы таких социальных институтов, как школа, семья, подростковое общество, локализованные взаимодействия в рамках городского пространства и пр. Выделяются публичная и приватная сферы, в публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения.

Коннелл выделяет четыре структурных уровня формирования и проявления гендерного порядка: социальное разделение труда, структура властных отношений, структура «катексиса» (эмоциональных отношений) и символический уровень.

Структура социального разделения труда выражается в разделении труда по признаку пола в приватной и публичной сферах. В публичной сфере это вертикальная и горизонтальная сегрегация занятости, распределение престижных и непрестижных рабочих мест, различие в оплате труда. В приватной сфере это организация домашней работы и заботы о детях, больных и престарелых. Существующее разделение труда становится социальным правилом, при котором работа закрепляется за определенными категориями мужчин и женщин.

Структура властных отношений включает контроль и принуждение, осуществляемое государственными и бизнес-иерархиями посредством институционального и личного насилия, отношение господства и подчинения

⁵ Бурдьё П. Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Уч. пос. Новосибирск, 1995. С.16-39.

⁶ Гидденс А. Элементы теории структуризации // Современная социальная теория... С. 40-80.

⁷ Цит. по Здравомыслова Е., Темкина А. Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях // Лекции и учебно-методические материалы к практическим занятиям. Самара., 2003. С. 13.

в семье, регулирование сексуальности. Физическая, интеллектуальная и финансовая власть функционирует как структура, создающая ограничения практик посредством положительных и отрицательных санкций, осуществляющих контроль над «правильным» выполнением практик.

Структура катексиса — это правила и ресурсы эмоциональных отношений. Эмоции управляются правилами, которые регулируют выбор объектов желания, гегемонию гетеросексуальности, сексуальные, дружеские, брачные и родительские отношения.

Гендерная структура символического порядка проявляется в системе значений и репрезентаций мужественности и женственности.

Структуры разделения труда, власти, катексиса и символических репрезентаций являются главными компонентами любого гендерного порядка и любого гендерного режима. Их совокупность создает институциональный каркас «гендерной композиции».

Функциональное разделение половых ролей, разработанное Т. Парсонсом, имеет схожие черты с типологией структур гендерного порядка Р. Конелла, в частности, структура «катексиса» (эмоциональных отношений) содержательно совпадает с эмоциональной функцией, выделенной Т. Парсонсом.

Властные отношения

«Каждую систему характеризуют властные отношения, это выражается в потенциальной или актуальной возможности индивидов влиять на действия других членов социальной системы».⁸ Властные отношения в семье не характеризуются как нечто фиксированное или статическое, семейная сеть растет, делится и кристаллизуется на протяжении всей семейной жизни.

Властные отношения в семье базируются на тех ресурсах, которыми обладает каждый член семьи. В семейных отношениях источники власти не распределяются равномерно, семейная власть рождается при нарушении баланса ресурсов социального взаимодействия.⁹

Изучение властных отношений в семье предполагает постановку ряда вопросов:

1. Кому принадлежит экономическая власть в семье?
2. Кто распоряжается бюджетом?

⁸ Power in Families / Ed. by R.E. Cromwell and David H. Olson. NY, 1975.

⁹ McCall G., Simmons J.L. Identities and Interactions. NY, 1966.

3. Кто принимает решения относительно

- воспитания детей
- экономических вопросов
- судьбы детей
- социальных связей
- развода
- планирования семьи

4. Существует ли, и насколько сильна, власть свекрови, свекра, тещи, тестя?

5. Существуют ли традиции и какие?

Методика исследования

Для исследования властных ресурсов в семье использовались качественные методы, позволяющие уловить и описать реальную повседневную жизнь. Качественные методы применяются в тех случаях, где необходимо понимание контекста, а также закономерностей истории жизни, проблематики жизненного мира женщины и мужчины, процесса конструирования социального пола. В социологическом аспекте в таких исследованиях типизируются объективные конфигурации опыта или процессуальные образцы типичных биографических структур, которые помогают описать и понять положение отдельных социальных групп

Наиболее распространенными методами качественного исследования являются анализ биографических текстов, биографическо-нарративное интервью и устные истории.

Сегодня понятие «устная история» стало одним из наиболее употребляемых в лексиконе гуманитарного знания. Исходя из многообразия дисциплин, школ и направлений, устную историю характеризует широкий диапазон интерпретаций термина. Наиболее традиционным является понимание устной истории как интервью, посвященного воспоминаниям о событиях прошлого его очевидцев. Качественный метод сбора информации был дополнен количественным — анкетным опросом.

В исследовании участвовали 20 семей, проживающих в городе Тбилиси: 10 нуклеарных (семья, состоящая из двух поколений) и 10 расширенных (семья, в которой проживает три поколения).

Семьи, принимавшие участие в исследовании, находятся приблизительно на одном жизненном цикле: в нуклеарных семьях продолжительность

семейной жизни 25-27 лет (двое детей), а в семьях с тремя поколениями стаж семейной жизни — 40-45 лет (родители живут с семьей одного из детей в возрасте от 30 до 43 лет и с внуками в возрасте от 5 до 11 лет).

Интервью проходили дома у респондентов. С каждым членом семьи было проведено отдельное интервью (кроме детей). В исследовании изучались следующие вопросы: принятие решений, доступ к ресурсам, возможность распоряжаться семейными деньгами, роль кормильца семьи и т.д. С целью дополнения информации полученное с помощью интервью заполнялся вопросник. (выше указанными вопросами.)

Результаты исследования

1. Распределение функций в семье

Распределение труда в приватной сфере — это организация домашних дел, забота о детях, о больных и о пожилых членах семьи. В исследуемых семьях подтвердилась структура гендерного распределения труда, в семьях существуют женские и мужские дела. Женские дела — семейные (стирка, уборка, покупка продуктов, одежды, забота о больных и пожилых), они помогают детям в учебе, ходят на собрания в школу (матери и бабушки). Мужчины же содержат семью, платят налоги. Приведем цитату из интервью:

«Все делает наша бабушка — с утра сидит с одним ребенком, вечером с другим, она и в четвертом и в пятом классе вместе с ними. Единственная проблема, что она английского языка не знает, а в остальном она помогает. Когда дети в школе, она готовит, убирает, сейчас у нас хорошая стиральная машина, и она помогает ...» (невестка, 34 года).

Иногда бабушки на себя берут все домашние дела и дела, которые можно было бы перераспределить между членами семьи. Бабушка охотно выполняет всякую работу, чтобы ее «детям было хорошо», она как «мать, потерявшая свои функции», старается не упустить пульт управления. На вопрос: «Почему молодые не помогают вам, пусть они пойдут на рынок и принесут продукты?» бабушка отвечает: *«Гюо (сын) не знает, что купить, он не сможет выбрать, и зачем беспокоить, у него своих дел хватает»* (бабушка, 65 лет; ее сыну 36 лет).

Из другого интервью:

«Я буду рада, если он женится, пусть они живут отдельно, пусть невестка присмотрит за ним, а я буду все делать у них — стирать,

убирать, каждый день приготавливаю еду, буду воспитывать детей ..., только, чтобы они были счастливы» (Тамара, 44 года; сыну 26 лет).

Я думаю, что одной из причин исключения из сферы домашних дел мужчин является чрезмерная забота (заботливость) матерей о своих сыновьях. Для матерей они всегда дети, о которых должны заботиться женщины. После женитьбы эстафету должна принять жена, свекрови всегда стараются контролировать невестку, чтобы она не превратила сына в помощника.

«Пока мы жили у свекрови, мой муж мне не помогал ни в чем, может быть, потому, чтобы мать не подумала бы, что я его сделала тряпкой ... как перешли жить отдельно, он всегда помогает, помогал и в воспитании детей, и в домашних делах» (Манана, 51 год).

В исследованных семьях функции распределены по половому признаку. Если использовать терминологию функционального подхода, мы получаем следующее.

Инструментальную функцию в основном выполняют мужчины (как правило, старшие).

«Мы в основном живем на деньги Демико, а молодые свои деньги тратят» (Элико, 65 лет, бабушка, расш. семья).

«Мой муж содержит нас, несмотря на то, что я тоже работаю» (Тамара, 44 лет, мать, нук. семья).

«Мой муж является главным в этом плане, я тоже работаю, но я играю «лотерею» и потом на собранные деньги покупаю что-то важное» (Мзия, мать 58 лет, нук. семья).

«Несмотря на то, что все члены семьи работают, я являюсь основным кормильцем нашей семьи, фактически думать об этом приходится мне, я плачу все налоги, дети об этом не думают, деньги для света, для газа, для воды ..., больше об этом думаем мы с женой» (Давид, 58 лет, отец, нук. семья).

Но бывают исключения, когда кормильцами являются женщины (среди исследованных семей таких случаев только два).

«Нашу семью содержит мама, знаете, во времена коммунистов было так, у мамы, когда и она и отец работали на государственной службе, зарплата мамы была намного больше, чем у папы, а сейчас, когда на месте, где работает отец, произошли сокращения, он остался без работы, он очень переживает, что Ирина — наш спонсор, и мама очень переживает за него, все в доме ходим на цыпочках, стараемся не обижать папу» (Деа, 23 года, дочь, нук. семья).

Видимо, стереотип мужчины-кормильца прочно лежит в подсознании людей. Несмотря на то, что иногда женщины содержат семью, женщины стараются не говорить об этом и аргументируют это тем, что они были бы рады, чтобы все было по-прежнему, но жизнь вынуждает бороться за лучшее будущее своих детей.

Роль кормильца закреплена за мужчиной, это в грузинской культуре одна из важнейших гендерных ролей, а способность быть кормильцем семьи — главная составляющая образа «настоящего мужчины». В большинстве исследованных семей финансово обеспечивают семью мужчины среднего поколения, на втором месте — их жены и мужчины старшего поколения.

Эти результаты можно сравнить с данными социологического опроса, проведенного в мае-июне 2005 года в Тбилиси:¹⁰

- 41,7% мужчин материально обеспечивают семью. 58,2% мужчин не может материально обеспечить семью, то есть, не выполняет важнейшую традиционно закрепленную за мужчинами гендерную обязанность.
- 16,0% женщин материально обеспечивает семью, то есть, выполняют нетрадиционную роль.
- Разница между количеством мужчин и женщин, которые частично участвуют в материальном обеспечении семьи, невелика (34,3% женщин и 39,3% мужчин).

Что касается эмоциональной сферы в семье, то ее регулируют женщины (матери, жены, сестры, дочери). Из интервью:

«Голубем мира является моя мама, она делает семью спокойной» (Лана, 29 лет, дочь, нук. семья).

«Конфликты между моим братом и отцом всегда сглаживает мама» (Мака, 22 года, дочь, нук. семья).

«Моя жена поддерживает семью эмоционально, знаете, в семье всякое бывает, это не обязательно конфликт, но она всегда на чеку» (Тоги, 49 лет, отец, нук. семья).

«В нашей семье положительный эмоциональный фон создает Манана, она балансирует семейные отношения, она для нас все ..., она, как солнце, выпускает свои лучи, у нее самый мягкий характер, мы знаешь... все одинаковые... какие-то (смеется) и отношения через

¹⁰ Дурглишвили Н. Трансформация семьи в постсоветской Грузии. Отчет для фонда «Открытое общество — Грузия». Рукопись. Тбилиси, 2005.

Манану строим. Мы все вспыльчивы, я похожа на своего отца, он очень вспыльчивый, мой брат вообще ..., Манана — голубь мира, она должна быть менгрелкой (уроженкой Западной Грузии – Е.П.) (смеется), она умеет регулировать отношения» (Мариам, 22 года, дочь, нук. семья).

«Я думаю, что хорошую обстановку дома создает моя дочь, когда она на работе, мы почти не разговариваем друг с другом, как приходит домой, обстановка меняется, у нее хорошее чувство юмора, и она всегда может разрядить ситуацию, которая создается по вине моего сына» (Ладо, 50 лет, отец, нук. семья).

Интересно, что в этом вопросе мнения в семье совпадают, все члены семьи считают, что женская половина семьи является создателем эмоционального баланса.

2. Власть в семье

Традиционно в сфере принятия решений мужчина — главный. В нашем исследовании мы рассмотрели систему отношений в семье в целом, взяв интервью у каждого ее члена. В исследовании под властью подразумевались принятие решений в спорных вопросах — распоряжение деньгами, снабжение детей карманными деньгами, определение профессиональной ориентации детей, помощь детям в начале карьеры и т.п.

Согласно данным опроса, в большинстве семей принятие решений в таких спорных вопросах, как помощь детям в начале карьеры, распределении денег, закреплено за отцом, на втором месте стоит мать. А в определении профессиональной ориентации детей главная фигура — мать.

Большинство респондентов во время интервью утверждали, что семейные решения принимаются совместно (мужем и женой или всей семьей), однако анализ ответов показывает, что в одних случаях решения принимает мужская половина семьи, в других — женская. «Решение принимаем вместе, собираемся и обсуждаем, все высказывают свое мнение, и потом решаем», — эта фраза присутствует почти во всех ответах женской половины семьи, но на вопрос, за кем последнее слово, ответ почти всегда — «решают мужчины». Из интервью:

«Если он решит, и мы как-то не согласны, все равно так будет, возражать не имеет смысла. Сейчас полегчало, после того, как я получаю приличную зарплату, вместе с ним приношу домой деньги и являюсь кормилицей семьи, как и он, но все равно не надо сопротивляться, он не переживет, если в процессе решения вопросов последнее

слово не будет за ним. Это как-то сидит у него внутри, хотя уже видит, что все меняется вокруг и в семье, но не сдается. Честно, если вопрос, который решается дома, чрезвычайно важен для меня, мне приходится принимать разные меры, чтобы было все нормально и отца не обидеть» (дочь, 29 лет, нукл. семья).

«Решение принимают мама с папой, иногда мама, иногда отец, но смотря по каким вопросам. Иногда мы все участвуем».

«Последнее слово за моим сыном, он обеспечивает семью. Так и должно быть, так было тогда когда, мой муж обеспечивал семью, мы вместе работали, я была хорошим работником, иногда про меня писали в газетах (показывает газеты советского периода), я тоже хорошо зарабатывала, и вместе с мужем решали все — что купить, проблемы детей и т.д.» (бабушка, 65 лет).

Часто информанты дают интересные комментарии, например, из интервью очевидно, что свекрови не нравится активное участие невестки в разных делах, ее постоянный доход, при том что муж (сын информантки) работает плотником по заказам. Информантка, несмотря на то, что в свое время она принимала активное участие в жизни семьи наравне с мужем, считает что теперь их семью содержит сын.

Ресурсы (принятие решений в спорных вопросах, распоряжение деньгами, снабжение детей карманными деньгами, помощь детям в начале карьеры), которыми обладает член семьи, определяют его власть в семье.¹¹ В исследуемых семьях ресурсы находятся в руках у мужчин, а женщины решают лишь вопрос профессиональной ориентации детей.

3. Различие между нуклеарными и расширенными семьями

Исследование показало, что расширенные и нуклеарные семьи отличаются в следующем:

- Принятие решений в спорных вопросах в расширенных семьях остается за старшим поколением, часто решения там принимает бабушка, в то время как в нуклеарных семьях решения принимает муж.
- То же относится к распоряжению деньгами: в расширенных семьях бюджет распределяется бабушкой, и иногда – матерью, а в нуклеарных — отцом.

«Главный — мой муж, но как и что тратить, решаю я, всегда так было, я лучше знаю, что нужно семье» (бабушка, 58 лет, расш. семья).

«Циала главная в семье, она делает покупки, молодые же пусть

¹¹ McCall G., Simmons J.L. Opt. cit.

учатся» (Вахтанги, 69 лет, дед, расш. семья).

- Карманные деньги детям дают в расширенных семьях мать и бабушка, а в нуклеарных — отец. Бывает, что мать в расширенной семье не работает, но «отцовские» деньги детям отдает она.

«Деньги приносит Тамаз, я не работаю, но у меня всегда есть для детей, иногда он дает мне, чтобы я дала им» (мать, нук. семья)

- В определении профессиональной ориентации детей, по нашим данным, в обоих типах семей доминирует мать, а помощь детям в начале карьеры оказывают отец и дед.
- Надо отметить, что в нуклеарных семьях жены больше принимают участие в принятии решений, чем в семьях, состоящих из трех поколений; в последних более значимую роль играют старшие члены семьи.

Полученные выводы совпадают с выводами анкетного исследования, проведенного в мае-июне 2005 года в Тбилиси, которое показало следующее:¹²

- В большинстве случаев женщина реже принимает важные экономические решения. Семьи, в которых важные экономические решения принимает в основном женщина, составляют 16,5% (это в основном женщины без мужей).
- Велика процентная доля семей, в которых важные экономические решения принимает муж, — 40,2%. Доля ответов, согласно которым важные экономические решения принимают оба супруга вместе или вся семья сообща, составила 29,40%.
- 70,2% респондентов указывают, что мелкие экономические решения принимает в семье женщина. Причем интересно, что гораздо чаще женщины принимают важные экономические решения вместе с мужчинами, чем мужчины участвуют в процессе решения мелких вопросов.

Можно ли считать эти цифры отражением постсоветских перемен и процессов демократизации семьи в Грузии? Поиск ответа на этот вопрос усложняет то, что аналогичных данных за советский период не существует. Вполне вероятно, что и при советском режиме в Грузии была схожая ситуация.

Относительно того, кто в большей степени — старшее или младшее поколение — несет ответственность за принятие решений, исследование показало следующее: семьи, которые считаются нуклеарными, не независимы от родительской семьи. В том случае, если они отделились от главной

---

¹² Дурглишвили Н. Указ. соч.

(отцовской) семьи, когда семья проходила первую ступень жизненного цикла, они чувствуют себя более свободно, чем те, которые отделились позднее, т.е. некоторое время после создания молодой семьи жили в отцовском доме (7-10 лет). Старшее поколение и в этом случае участвует в принятии решений в семьях «детей», хотя последние уже живут отдельно.

«Моя свекровь — женщина с твердым характером, без нее ничего не могли решать в семье, мой муж свой заработок давал ей, но когда дети стали старше, я сыграла большую роль в отделении от отцовской семьи, но до сих пор, а мы уже 15 лет живем отдельно, она все-таки влияет на нас, мы сопротивляемся, как можем, но она хочет управлять нами, как и семьей деверя ...» (Манана, 51 год, мать, нук. семья).

«Наша бабушка — крепкая женщина, она и на работе управляла людьми, моим отцом и дядей, но мама вовремя вытащила отца оттуда (смеется)» (Мариам, 22 года, дочь, нук. семья)

«В нашей семье все решает Циала (жена), она за все отвечает» (Вахтанги, 69 лет, дед, расш. семья).

«Моя свекровь и свекор принимают все решения, а мы с мужем в нашей маленькой семье маленькие вопросы решаем» (Манана, 28 лет, невестка, расш. семья).

«Я все решаю дома... что готовить на обед, куда поедут летом отдохнуть, мой муж нас всех содержит, а зарплату моего сына они сами решают, где потратить, но заботы о семье — на мне» (Циала, 61 год, бабушка, расш. семья).

Однако бывает по-другому:

«Дети» работают на высокооплачиваемой работе, решают они, сами делают ремонт, сами платят налоги, однажды прихожу домой и вижу вот этот стол, они решили и купили, если какой совет нужен и они обращаются, мы всегда рады, мое жалованье хватает мне только на сигареты» (Тазо, дедушка, расш. семья).

Исследование показывает, что в нашем обществе отделение молодой семьи от отцовской происходит очень болезненно, так, что семья и после отделения чувствует влияние большой семьи в решении разных вопросов, которые касаются молодой семьи. Это тормозит развитие личностной независимости членов общества, препятствует индивидуальной самореализации. Фактически, это признаки патриархата, когда решения принимают старшие, апеллируя к своему опыту и необходимости помощи молодым, и это видится единственно правильной стратегией.

Основные выводы

Полученные данные дают достаточно противоречивую картину. Радикальные изменения в обществе повлияли на семейные отношения, но существенных изменений в исследуемых семьях не произошло. Анализ интервью показывает, что экономические и социальные перемены повлияли на трансформацию гендерных ролей в семье, но это не афишируется, и семьи, принимавшие участие в исследовании, демонстрируют в публичном дискурсе распределение ролей по половому признаку, как это было описано теоретиками функционального подхода. При этом наблюдения за повседневной жизнью в Тбилиси явно свидетельствуют об изменениях в гендерных стереотипах. В разных городах Грузии выросло количество женщин за рулем, что для Тбилиси не ново, но в других городах таких случаев было очень мало. В ресторанах можно увидеть множество женщин без сопровождения мужчин, при этом «женское» застолье копирует обычаи «мужского» — есть тамада, говорят тосты, пьют алкоголь.

Исследование показало, что перемены в обществе по-разному повлияли на нуклеарные и расширенные семьи, в частности, в нуклеарных семьях больше чувствуется тенденция к партнерству. Муж больше советуется с женой по разным вопросам и в большей степени является помощником, чем в расширенных семьях, где старшие члены семьи сопротивляются таким изменениям.

Владение ресурсами, которые определяют власть в семье, в основном приписывается мужчинам в семье. Оценки властных отношений противоречивы, иногда письменные ответы в опросном листе расходятся с информацией, данной в интервью.

Грузинская семья, несмотря на перемены, в общем сохраняет традиционные и патриархальные контуры, определенные грузинской культурой. Традиционное распределение ролей в семье определяется представлением, по которому мужчина, особенно старший, должен быть доминантой, он должен быть руководителем семьи, принимающим стратегические решения и ответственным за экономическое состояние семьи. Но в некоторых интервью прослеживается тенденция противостояния этому стереотипу. Молодое поколение, в том числе женщины, стремится добиться независимости в принятии решений, в чем им помогает материальная независимость от старшего поколения.

ГОРОД И СРЕДА

Заруи Амирагян

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЙОНА КОНД В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Введение

В постсоветский период в некоторых городах на территории бывших советских республик начались процессы реструктуризации. Бурное экономическое развитие, особенно в крупных городах и столицах, не могло не отразиться на социально-пространственных характеристиках населенных мест.

В Армении процесс становления новых рыночных отношений также идет быстрыми темпами и оказывает большое влияние на социально-экономическую и градостроительную структуру городов, в первую очередь Еревана. В Ереване постоянно происходила замена старой застройки новой. Особенно активно эти процессы происходили после 1924 года, когда был утвержден генплан Еревана, согласно которому город должен был стать на путь «европеизации» и оставить в прошлом так называемую «культуру восточной отсталости».¹ Тогда в процессе реконструкции городским властям удалось создать новый образ столицы Армении и, сохранив только несколько отдельных зданий и островков исторического города, построить новый Ереван.²

Уже после становления второй независимой республики желание иметь новую столицу, соответствующую современным представлениям о городе, снова повлекло за собой целый ряд градостроительных проектов. Так возникла проблема застройки старых районов центра Еревана, которые физически и морально устарели, при этом процесс подстегивался подорожанием земли. Уже в течение последнего десятилетия были разрушены многие памятники истории и архитектуры, встал вопрос и о сносе самого древнего района Еревана — Конд, пережившего многочисленные городские реконструкции благодаря своему сложному рельефу, непригодному для многоэтажной застройки.

---

¹ Григорян А.Г. Современная Архитектура Армении. Ереван, 1983.

² Долуханян Л.К. Архитектура Советской Армении, 20-ые годы. Ереван, 1980.

Сложность задачи сохранения Конда состоит в том, что на данный момент район не соответствует ни требованиям современных санитарных норм, ни требованиям безопасности. Уличная сеть пропускает только ограниченное количество машин и создает трудности для движения, особенно в зимний период. Эти проблемы и еще ряд других способствовали формированию мнения населения самого района и жителей Еревана в целом о том, что Конд нужно сносить. Стоит отметить, что и в профессиональных кругах многие разделяют такую точку зрения. Очевидно, что это поверхностный взгляд на проблему, но даже в еще неутвержденном генплане Еревана район Конд и другие исторические места в границах города намечены для новой застройки. Перед градостроителями, считающими, что развитие исторических городов должно происходить не за счет сноса старого города, а наоборот, при его выгодном использовании, встают задачи не только принятия экстренных мер по охране исторической местности, но и работы с широкой общественностью.³

В связи с этим необходимо разработать ряд ограничительных градостроительных предложений, которые будут соответствовать современным нормативным требованиям, с использованием системного подхода в вопросах реконструкции исторической городской среды, как это происходит во многих европейских городах (Дубровник, Вильнюс и т.д.).

Перед исследователем стояли следующие вопросы: различаются ли понятия **исторический город** и **урбанистический памятник**;⁴ защищены ли законом объекты культуры и градостроительства, имеющие всенародное значение, независимо от колебаний общественного мнения; как развивается современный город с исторической основой; в чем смысл сохранения и использования культурного наследия, т.е. его «модернизации».

Ереван как исторический город

Армянские градостроители сравнительно недавно обратились к серьезному исследованию проблем, возникающих в наших городах. Одной из самых острых является проблема развития исторических городов. В этом отношении существуют самые разные мнения. Некоторые исследователи и ученые утверж-

³ Смоляр И.М. Градостроительство и демократия // Градостроительство России XX I века / Сб. науч. ст. РААСН. М., 2001. С. 23-25.

⁴ Пруцын О.И. Архитектурно-историческая среда. Историко-градостроительные концепции. Архитектурно-эстетические компоненты // Градостроительство России XXI века. С. 214-222.

дают, что многое из того, что принято считать культурным наследием, вовсе не является таковым. Особенно резко расходятся мнения, когда затрагивается вопрос сохранения исторических кварталов Еревана, в частности квартала Конд. Поэтому мы начали исследование с поиска теоретической основы, с помощью которой может быть выбрано оптимальное направление развития Еревана как города с историческим прошлым и решен вопрос сохранения исторического района Конд.

Работу по сохранению исторических слоев города нужно начинать с изменения восприятия и отношения жителей и властей города к проблеме городского управления и к понятию «городское культурное наследие». Решение этой задачи во многом усложняется и тем, что часто город не воспринимается как самоценный объект, а представляется лишь «большой деревней».

В типологии городов отдельно выделяется «исторический город». Под этим понимается непрерывно формирующийся культурный феномен, оставляющий материальный и интеллектуальный след в памяти сменяющих друг друга поколений городских жителей. Эта память позволяет сохранить представление о прошлом города даже в случае неизбежных утрат отдельных исторических памятников. Поэтому рассмотрение городов в исторической перспективе предполагает как сбор и анализ архивного материала, так и бытующих среди населения устных историй о городских местах.

Сложно сказать, воспринимают ли сами жители Еревана его как исторический город, отдельных исследований на эту тему пока не проводилось. Но при проведении данного исследования в ходе ряда интервью и частных бесед выяснилось, что образы старого Еревана увековечены не только во многих литературных и других художественных произведениях, но и в памяти людей, чьи семьи жили в Ереване несколько поколений. При этом в ностальгических воспоминаниях сохраняются и те городские объекты, которые сейчас уже не существуют.

Здесь следует отметить, что культурологический подход к изучению городов складывался постепенно, на протяжении всего XX века.⁵ Рассмотрение Еревана как объекта исторической памяти живущих в нем людей началось только тогда, когда город почти на 90% утратил свои исторические особенности. Город растет и развивается все с большей

---

⁵ Саваренская Т.Ф. Историко-культурный потенциал города и его место в современном градостроительстве // Градостроительство России XXI века. С. 211-213.

скоростью. Ереван обрастает новыми зданиями с облицованными фасадами причудливого стиля, инвесторы спешат возвести свои строения как можно ближе к ядру города, плотно застраивая старые кварталы. Возникающие же в городской среде новые здания часто имеют фасады странного стиля, якобы спроектированные с «учетом исторической среды», хотя эта архитектура по большей части не может считаться органическим продолжением исторической застройки города.

Так или иначе, но аутентичная историческая среда во многих исторических городах постепенно теряется среди современной застройки.⁶ «Исторический город» начинает «тонуть» среди новых построек, и может случиться, что старый Ереван станет невидимым для будущих поколений. Именно поэтому так необходимо изучать историю Еревана не только с точки зрения трансформации его объемно-пространственной структуры и стиля, но рассматривать культурные мифы и практики бытования города в различные исторические периоды.

Квартал Конд в контексте истории города

Как видно из описаний, данных Шарденом,⁷ а за тем и Тавернье,⁸ Ереван в XVII веке был большим городом, состоящим из двух частей, — крепости и собственно города. Из этих описаний становится ясным, что Ереван в то время был истинно восточным городом с характерной для него инфраструктурой. Крепость была хорошо укреплена. В ее составе особо впечатляющим считался замок наместника, который, как и сама крепость, не сохранился (на его месте в 1937-61 гг. построили винный завод). В самом городе наряду с ветхими домами, находилось также множество церквей, бань, каравансараев, площадей и т.д.

Начиная с XVI века город являлся административным центром Ереванского ханства,⁹ которое в конце XVIII века, став бейлербейством¹⁰ в военном отношении, подчинил себе большую часть персидских владений Закавказья, что повлияло на рост города.

К этому времени сам Ереван состоял из трех основных кварталов

⁶ Давыдов Ю.Н. Культура и природа // Традиции истории и культуры. М., 1978.

⁷ Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг. / Пер. с франц. Тифлис, 1902.

⁸ См. в: Аюбян Т.Х. Очерк истории Еревана. Ереван, 1977.

⁹ Там же.

¹⁰ Бейлербейство — административная единица в Персии, являющееся военным центром.

— Старого квартала, Конда и Караанка. Уже позже к ним присоединились Дзорагех и Новый квартал. Во всех кварталах находилось множество садов, которые обобщенно называли так же, как и квартал, где они и находились.

В городе жили как христиане, так и мусульмане. Социальное положение населения было разным. Здесь жили аристократы, духовенство, торговцы, ремесленники, земледельцы, садоводы и т.д.

Конд же в течение всего времени формирования города вплоть до 1930-х годов занимал особое положение. Он отличался от остальных районов не только географическим расположением, находясь на возвышенности над ущельем, но и составом населения, которое было активно как в обороне города, так и в общественно-политической жизни. Этот факт особенно интересен, поскольку со временем квартал постепенно терял свой высокий статус и значение, превращаясь в один из самых обойденных вниманием районов центра города. Однако подробное описание архитектурной структуры города¹¹ дает нам представление о том, что в наши дни квартал примечателен не только тем, что когда-то он имел характерные архитектурно-средовые особенности, но, что особенно важно, он сумел сохранить в себе эти качества до наших дней. Это самая главная отличительная черта квартала Конд, и именно этот факт делает его уникальным для города.

¹¹ Шагазиз Е. Старый Ереван. Ереван. 2003.

Структура Конда

Конд всегда был особым кварталом Еревана, отличающимся от остальных кварталов города. В чем же заключалось его отличие?

В квартале всегда преобладало христианское население, хотя в городе также проживало много мусульман. Образование квартала началось со строительства ста домов армянских боша¹²; они отличились своей смелостью во время героической обороны Еревана в 1724 году и оказывали влияние на управление городом. Также в Конде проживала семья Мелик-Агамаянов, игравшая большую роль в политической и общественной жизни города. Судя по письму Х. Абояна¹³ к Гакстгаузену, Саак Мелик-Агамаян (близкий друг Х. Абояна) был одним из наиболее влиятельных меликов и пользовался огромным доверием в народе. Примечательно, что единственная читальня в Ереване была организована в доме Агамаянов. Также можно отметить, что первая подпольная коммунистическая конференция в Армении прошла в Конде в январе 1920 года.

Характерная застройка Конда в первую очередь определяется местностью, на которой расположен квартал. Конд находился в западной части города, на возвышенности, откуда и пошло название самого квартала Конд, то есть возвышенность. Квартал связывался с городом Назаровской (ул. Амиряна), Бебутовской (ул. Бюзанди) и Царской (ул. Арами) улицами, идущими из центра города прямо в квартал. Со стороны Каравансарая, находившегося на Большой площади, в квартал вела Банная улица. С северной стороны находилось кладбище Козер, с которым квартал был связан Тифлисской улицей, а также улицей Козернской. Внутри квартала тоже сформировалось несколько улиц, основная из которых связывала Банную и Тифлискую улицы. Она как бы разделяла квартал по оси север-юг.

Структура квартала имеет позднесредневековую основу застройки. Застройка квартала происходила постепенно. Сначала он в основном застраивался по периметру. С западной стороны Конда находилось Разданское ущелье. Так как с этой стороны климат был более благоприятным, естественно, квартал там застраивался более интенсивно. В основном квартале строились жилые дома — либо из камня, либо из кирпича, либо глиняные землянки. Дома в Конде строились в соответствии с климатическими и

¹² Боша — цыгане.

¹³ Хачатур Аветикович Абоян (1809-1848) — первый армянский просветитель, демократ, выдающийся педагог, основатель новой армянской литературы.

рельефными условиями, квартал застраивался сгруппированными домами, создавая в центре пространство для двора. Это создавало благоприятные условия для проживания как в жаркое время года, так и зимой.

В основном строились одно- или двухэтажные здания. Они имели подземный этаж, предусмотренный для хозяйственных нужд (кладовая, погреб и место для хранения продуктов на зиму), а наземные этажи были жилыми. На жилых этажах комнаты распределялись в один или два ряда. Вход в комнаты открывался из небольшого холла, так называемого ашт'а, со стороны внутривдворового балкона. Большое значение придавалось ориентации комнат, так как климат в Ереване всегда был континентальным. Балконы (внутривдворовые и парадные) были важны для удобства жильцов, а также служили интересной архитектурно-художественной деталью. Внутривдворовые балконы были большими и широкими, иногда даже тянулись по всему фасаду. В теплые месяцы балконы использовались как жилые. Здесь проходила часть повседневной жизни — обедали, отдыхали, спали, сушили фрукты, выстиранную одежду и т.д. Парадные балконы были несколько меньше, чем дворовые. Помимо их практического значения, они обладали декоративной функцией, были богато украшены. Нередко на балконах можно было встретить деревянные колонны, арки, украшенные резьбой и т.д. Они, как правило, находились прямо над «даланом» (аркой) в центре фасада. Выход на парадный балкон был из распределяющей комнаты или же из размещенной в центре дома гостевой комнаты.

Очень большое значение придавалось также дворам и приусадебным участкам. Обычно со стороны двора перед домом устраивали покрытую камнем, кирпичом или просто утрамбованную площадку небольших размеров. Хозяйственные постройки рядами или по отдельности размещали в задней части участка. Всю остальную территорию занимали зеленые насаждения. Жители домов любили разбивать цветники в центре двора, иногда даже с маленьким фонтаном. Зелень и вода создавали микроклимат данного участка. Вода для орошения бралась из канав, бегущих по краям улиц.

В Конде находилось множество домов, построенных в персидском стиле. Они отличались своими архитектурными деталями. Очень интересны настенные арки на фасадах кирпичных домов Конда. На фасадах стрельчатые арки, характерные для восточной архитектуры, чередовались с полукруглыми арками — явными элементами армянской архитектуры.

Конд в период изменения форм собственности на землю (1991—2005 гг.)

В постсоветский период сформировалась принципиально новая градостроительная ситуация, которая не могла быть предвидена генпланом 1971 года. Стало понятно, что городские службы Еревана не были готовы действовать в новых условиях и чрезвычайных ситуациях. В результате разрушения централизованной планово-административной системы, энергетического и экономического кризиса, транспортной блокады Армении промышленность остановилась, пострадали транспортная и инженерная инфраструктуры города, зеленые массивы. В первые годы переходного периода реализация каких-либо мероприятий, намеченных генпланом 1971 года, была невозможна. Застройка города, за исключением нескольких случаев, проводилась без учета строительных нормативных требований, экономии земельных ресурсов, комплексного развития территорий и их функционального значения, принципов охраны окружающей среды.

С наступлением стабилизации и улучшением экономического положения началось восстановление нарушенных систем жизнеобеспечения города и реализация нескольких мероприятий, предусмотренных генпланом. В основном эти мероприятия относятся к усовершенствованию транспортной системы Еревана, например, строительство моста через реку Раздан, транспортная развязка у села Аргаванд, транспортная развязка на Аштаракском шоссе, строительство Северного проспекта, а также ремонт и реконструкция внутригородских трасс и кварталов. В последние годы увеличиваются масштабы инвестиций во всех отраслях, возрос интерес инвесторов и к земельным участкам в центральной части города.

Генплан Еревана, представленный на утверждение правительством в 2006 году, является генпланом переходного периода. Его основные задачи сформулированы достаточно расплывчато:

1. восстановление инфраструктуры города, стабилизация ситуации, обеспечение минимального удовлетворительного уровня;
2. модернизация, оптимизация и восстановление систем;
3. переход к устойчивому развитию.

Прочитав пояснительную часть проекта нового генплана, трудно поверить, что речь идет о ныне существующем Ереване. Дело в том, что, просматривая главу «Историческое формирование Еревана»,

читатель сталкивается с рядом несовпадений текста с реальностью. Бросаются в глаза старые названия улиц (переименованные более десяти лет назад) и другие неточности в названиях. Но самое поразительное, что в главе перечисляются как сохранившиеся исторические места именно те участки, на которых уничтожаются старые здания и строятся, а иногда даже уже построены, новые высотки. Например, в генплане в качестве памятников застройки персидского периода перечислены следующие территории (в скобках даны комментарии автора):

1. Отрезок между улицами Пароняна, Сарьяна и Фрика, площадью 17.5 га. **(Находится в очень плохом физическом состоянии).**
2. Отрезок между улицами Абовяна, Туманяна, Теряна и Пушкина. Внутридворовая застройка, площадью 3 га **(На указанной территории уже не существует старой застройки, так как она является стройплощадкой для Северного проспекта).**
3. Отрезок между улицами Абовяна, Арама, Теряна и Пушкина. Внутридворовая застройка, площадью 1.5 га. **(Территория также отошла под строительство Северного проспекта).**
4. Отрезок между улицами Абовяна, Бюзанда, Налбандяна и Пушкина. Внутридворовая застройка, площадью 0.7 га. **(Предусматривается снесение квартала после окончания строительства Северного проспекта).**
5. Отрезок между улицами Ханджяна, Главного проспекта, Анрапетутян и Тигран Меци. Внутридворовая застройка, площадью 3 га. **(Предусматривается снесение квартала в перспективе).**
6. Последний отрезок находится между улицами Е. Кочара и А.Манукяна. Имеет площадь в 3.2 га. **(Параллельно Кольцевому бульвару. Сохранился).**

Как можно заметить, самой большой площадью исторической застройки является квартал Конд, который занимает 17,5 га. Значимо также то, что в Конде сохранилась своеобразная структура застройки в совершенно неизменном виде. По сравнению с остальными пятью указанными участками, Конд пока еще находится в более благоприятном положении, так как здесь пока не ведется строительство, и есть возможность реабилитации квартала.

К сожалению, нет закона, который содержал бы определение «памятника», разъяснял, что значит в юридическом смысле этот статус, какую документацию должен иметь «памятник», как надо работать с «памятником»

и т.д. Закон Республики Армения от 12.12.1998 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в целом состоит из классификации памятников, перечисления типов памятников и других общих формулировок, но не содержит конкретных мер по защите памятников.

Как и другие постсоветские государства, Армения находится в процессе бурных экономических трансформаций, и в связи с этим Ереван как столица претерпевает значительные изменения как положительного, так и отрицательного характера. Актуальна проблема обновления, оздоровления и благоустройства центра, комплексная реконструкция которого не проводилась в течение длительного периода, когда все силы были брошены на массовую застройку периферийных районов. Особенно пагубно это отсутствие внимания к центру отразилось на исторических зданиях. Воспользовавшись сложившейся удобной ситуацией, городские власти, заинтересованные в частных финансовых вложениях в городское строительство и лоббирующие интересы отдельных застройщиков, решили не реконструировать, а перестроить некоторые участки центра города. Возникла угроза утраты памятников культуры и архитектуры национального и, в некоторых случаях, международного значения. За последние четыре года город уже потерял значительные участки исторических зон, и если продолжать действовать такими же темпами, то максимум через пять лет в центре города не останется зданий или строений старше 60 лет.

Одной из «зон реконструкции» может стать Конд. Квартал расположен в таком престижном месте, и цены на недвижимость в этой зоне настолько высоки, что снесение Конда почти не оставляет сомнений. Кроме того, что квартал расположен в самом центре города, природно-климатические условия в этом квартале, можно сказать, лучшие из возможных в центре города. С западной стороны квартала находится детский парк, а с восточной стороны квартал граничит с самым центром города. Сам Конд расположен на возвышенности, тогда как весь остальной центр расположен на низком плато, что делает квартал Конд предпочтительным участком для жилой застройки.

Возникает вопрос, почему квартал до сих пор не разделен на лоты и не снесен под новую застройку? Причин этому несколько.

Во-первых, пока не завершены проекты уже начатых Северного, Главного проспектов и остальных участков, где проводятся строительные работы. Есть опасения, что в будущем поток масштабных инвестиций может иссякнуть, и до тех пор, пока не распроданы все лоты на этих участках, опасно начинать новые проекты.

Во-вторых, застройка Конда чересчур хаотичная и не имеет какой-либо регулярности. Дома «врастают» друг в друга и сложно представить, как можно разделить участки. Это создает большие трудности в распределении лотов.

В-третьих, в Конде очень неравномерная плотность населения. На некоторых участках она во много раз превышает норму. Часто на маленьком участке в крошечной временке живет несколько семей. Это значит, что потребуются значительные средства для выплаты компенсаций жителям.

В-четвертых, Конд, как уже отмечалось, построен на территории со сложным рельефом. Там сложно будет организовать подъезд для тяжелых строительных машин. Плохие дороги и старая транспортная система создают дополнительные трудности.

В-пятых, строительство в Конде будет требовать больших средств, чем в других частях малого центра, так как в Конде требуется также проведение современной инженерной инфраструктуры (газ, вода, канализация и т.д.).

В-шестых, в последнее время в Ереване активизировалось движение общественности, которое пытается привлечь внимание к проблеме сноса исторических зданий и выступает в их защиту. Проводятся громкие акции, форумы, сборы подписей, организуются телепередачи, печатаются статьи. Звучат даже угрозы в адрес городского руководства. Нельзя сказать, что движение достигло больших результатов, но определенные сдвиги в общественном сознании происходят.

Перспективы квартала Конд

Размышляя о будущем квартала Конд, очевидно, что можно выдвинуть несколько совершенно разных версий развития этого района, и каждая альтернатива будет иметь какое-то приемлемое обоснование. На наш взгляд, можно выделить три основных внешних фактора, которые оказывают влияние не только на развитие отдельных кварталов, но и на развитие города в целом. Во-первых, это политическая и экономическая ситуация в стране, которая во многом определяет вектор градостроительных процессов. Во-вторых, это социально-демографический фактор. В-третьих, на ход событий оказывает влияние общественное мнение. Учитывая эти факторы, мы предпримем попытку сконструировать два сценария будущего квартала Конд — оптимистичный и пессимистичный.

А. Сценарий оптимистичный

Наиболее благоприятным для Конда вариантом было бы восстановление его статуса охраняемой зоны и в перспективе создание особой градостроительной городской зоны. Концепция градостроительной реконструкции, реабилитации и использования квартала как единого целого, как ядра городского исторического центра предполагает сохранение морфологической системы и воссоздание ее утраченных элементов, градостроительную реставрацию планировочной структуры, городских пространств и характерной среды.

Сохранение культурно-исторического наследия в качестве градостроительной основы развития Еревана должно определяться генпланом Еревана. Сегодня мы имеем новый генплан, который в целом не предусматривает развитие города с использованием реальных имеющихся у него исторических ресурсов. Данный генплан в общем представляет собой документ-«ширму», прикрывающую интересы некоторых групп, заинтересованных в новом строительстве на площадях в центре. Принимая во внимание этот фактор, нужно искать обходные пути для сохранения исторического наследия города.

Сейчас в Ереване практически ежедневно появляются новые неправительственные организации, гражданские движения и другие общественные формирования, которые выступают против действий правительства и органов местного самоуправления (муниципалитета, районной администрации и т.д.). Пока эти организации и движения действуют неэффективно и редко достигают своих целей, но при их объединении могут стать действенной силой. Те слои общества, которые были исследованы нами (представители художественной элиты, Союз архитекторов, представители оппозиционной партии Национально-демократический союз, Гражданская инициатива «Reaction for Kond», «Helsinki citizen's assembly Armenia» и т.д.), тоже готовы присоединиться в борьбе за свое законное право принимать участие в решениях муниципалитета.

Основываясь на материалах интервью, проведенных в рамках исследования (анкетный опрос жителей, интервью с автором проекта реконструкции Конда 1985 г. А. Агеяном, с председателем Союза архитекторов М. Минасяном, с управляющим Ереванским региональным отделом Агенства охраны памятников истории и культуры К. Айвазяном и т.д.) и частных бесед, было решено, в случае решения о застраивании Конда поэтапно реализовывать следующие шаги.

Этап 1-ый

Стоит начать с проведения опроса жителей Еревана относительно судьбы Конда, со сбора подписей среди сотрудников ответственных организаций (проектные институты, профсоюзы, неправительственные организации), институтов, занимающихся смежной деятельностью (музей истории Еревана, Research on Armenian Architecture), в защиту Конда. С целью обсуждения результатов опросов необходимо будет организовать общественные дискуссии с участием экспертов, городской администрации, общественных организаций и представителей городской элиты. В результате может быть создано обращение к правительству с требованием восстановить статус квартала как единственного сохранившегося историко-архитектурного и градостроительного памятника и лучшего образца народной архитектуры, находящегося на территории Еревана, на основе обновленной версии списка памятников 1983 года.

Этап 2-ой

Эффективность защиты и использования градостроительного наследия может быть повышена только при наполнении понятий «памятник», «исторический город или поселение», «заповедная территория» реальным правовым и экономическим содержанием (до сих пор отсутствующим). Необходим пересмотр основы экономических взаимоотношений между «владельцем» и «пользователем» памятников. Город должен получать компенсации за использование частными лицами и организациями культурно-исторических, градостроительных, архитектурно-ландшафтных «ресурсов». Это может быть как единовременная, возможно аукционная, рыночная цена, сформированная с учетом исторической ценности, так и плата за долгосрочную аренду этих «ресурсов», определенная в соответствии с ценностью памятников и исторически ценных территорий и объемами их «потребления». При этом возможно комбинирование различных видов оплаты. Например, квартал Конд — зона представляющая культурную ценность, находится в самой престижной части города, что дает большие возможности для разработки разных вариантов условий передачи прав на использования памятников.

Этап 3-ий

Необходимым условием сохранения культурно-природного наследия является осознание его широкой общественностью в качестве градоформирующего фактора. Что это значит?

Наследие должно рассматриваться как целостный культурно-природный комплекс, включающий не только отдельные памятники, а также связанные с ними характерные ландшафты, памятники природы. Для каждого жителя-обитателя данной местности это должно означать, что среда в которой он/она живет — среда особая, имеющая общественную ценность. Жить в такой среде означает иметь культуру проживания в исторической среде, ценить возможность наслаждаться выпавшей уникальной возможностью, какую не могут иметь обитатели неисторических городов и городов, не сумевших сохранить свое богатое наследие.

В качестве культурно-природного наследия, обладающего градоформирующим потенциалом, программирующим и регламентирующим развитие и реконструкцию города, застройку и благоустройство исторического квартала, следует рассматривать в первую очередь пространственную организацию, структуру квартала, характерную именно для него.

Определение градообразующего и градоформирующего потенциала исторического наследия требует не только методически выверенной «технологии» исследований, знаний о городе, о его культурно-историческом развитии. Необходимы творческий подход, развитие градостроительной культуры профессионалов, ознакомление с современными тенденциями развития исторических городов, повышение культуры эксплуатации исторических памятников, осознание ценности исторической застройки самими жителями города.

Б: Сценарий пессимистичный

Учитывая тот факт, что согласно последнему разработанному генплану Еревана, ряд городских территорий предусмотрено передать под первоочередную застройку с расчетным сроком до 2020 года, и что среди этих участков находится и квартал Конд, велика вероятность его сноса. Именно пессимистичный вариант является наиболее реалистичным. Причин этому несколько.

Изучение слоев квартала делает очевидным тот факт, что в течение последних пятидесяти лет в квартале были допущены грубые градостроительные нарушения. Так, сегодня с двух сторон (со стороны улиц Сарьяна и Прошяна, т.е. с восточной и западной сторон) Конд полностью застроен новыми домами, респектабельными офисными зданиями, ресторанами, отелями и другими коммерческими учреждениями, которые имеют владельцев и их уже, можно сказать, невозможно будет оттуда убрать. То есть квартал уже почти по всему периметру застроен новыми домами, а его исторические части больше не видны ни со стороны города, ни со стороны

ущелья. Зрительно рядовой ереванец уже фактически потерял восприятие Конда как исторической местности. Для него эта часть сегодня ассоциируется с такими понятиями, как «дорогие земельные участки», «респектабельные дома», «рестораны-шашлычные» и т.д.

Кроме того, уже через две недели после издания указа мэра города от 09.11.2005 о признании прав на собственность жителей 416 домов Конда на этих домах появились объявления о продаже. Таким образом, при существующей ситуации сами жители исторических домов отказываются от них. Мы знаем, что на сегодняшний день, кроме церкви св. Оганеса, в Конде юридически ни одно здание не является памятником и не подлежит сохранению или реставрации. Можно предположить, что не пройдет и года, как жители старых домов, распродав свое обветшалое старое жилье, переедут в другие дома, а эти участки вскоре перейдут либо в руки инвесторов, либо в собственность муниципалитета и в любом случае пойдут под новую застройку. Таким образом, без конфликтов между муниципалитетом и жителями разрешится вопрос о сносе Конда. При таком развитии событий ни инвесторы, ни муниципалитет, ни жители не имеют никаких претензий друг к другу.

Этот пессимистичный вариант намного проще превратить в реальность, чем оптимистичный, для реализации которого понадобилось бы много усилий, работы, желания и понимания важности сохранения культурного наследия и поддержки естественного роста и развития города.

Тамара Хоштариа

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИРОВОЧНОЕ РАЗВИТИЕ КУРОРТОВ БОРЖОМСКОГО РАЙОНА

Введение

Боржомское ущелье ассоциируется с хвойным лесом, минеральной водой, лыжным спортом в Бакуриани. В советское время Боржом назывался «всесоюзной здравницей», в Бакуриани проводились широкомасштабные спортивные соревнования, курорты были полны туристов и отдыхающих.

В начале 1990-х гг. в Боржомском районе начался социально-экономический кризис: остановились производства, прекратился поток туристов из республик Советского Союза. Санатории и гостиницы заполнились вынужденными переселенцами из Абхазии и Самачабло. Были разрушены неработающие промышленные объекты, пострадали памятники архитектуры, началась широкомасштабная вырубка леса, загрязнение рек и источников водоснабжения. Местное население, основной сферой занятости которого был туризм, оказалось безработным. С наступлением относительной политической стабильности во второй половине 1990-х гг. курорты стали постепенно восстанавливаться. Возобновился розлив воды «Боржоми», появился интерес к недвижимости в регионе, началось хаотичное строительство, особенно активно в Бакуриани.

Высокий потенциал курортов Боржомского района не вызывает сомнений. Но также очевидно, что курорты района не отвечают современным требованиям. Бывшие советские «здравницы» с трудом могут быть трансформированы в курорты мирового уровня. Большинство санаториев и гостиниц находятся в таком плачевном состоянии, что доведение их до современного уровня потребует огромных инвестиций, возврат которых вызывает сомнения. Кроме того, в окрестных селах и небольших городах отсутствует современная инфраструктура, существующие инженерные системы безнадежно устарели, крайне неудовлетворительны коммунальные условия, неважно организована транспортная система, и самое главное — экология курортов подвергается негативному воздействию, что угрожает самому их существованию в качестве курортов. Заинтересованность пра-

вительства в развитии этого региона не раз демонстрировалась, но для обеспечения устойчивого развития населенных мест необходимо решение целого ряда проблем.

Данное исследование призвано помочь определить некоторые конкретные мероприятия по улучшению функционально-планировочного, градостроительного, экологического и социально-экономического развития курортов Боржомского района.

Общие данные о Боржомском районе

По археологическим исследованиям, Боржомское ущелье, или Тори, было населено с древнейших времён. Торская земля достигла наибольшего расцвета в XI-XIII вв., до монгольского вторжения. С XVI века Боржомское ущелье принадлежало князьям Авалишвили. После присоединения Грузии к Российской Империи многолетний спор между семьей Авалишвили и правительством привёл к выплате компенсации семье Авалишвили и передаче имения российскому императорскому двору. В 1844 г. Михаил Воронцов был назначен управителем Кавказа, а Боржоми стал его летней резиденцией.

Лечение минеральными водами Боржоми в виде организованного туризма началось с 1830-х годов, хотя население и раньше пользовалось минеральными источниками.¹ В 1840-х годах был учреждён курорт, который активно развивался. С конца девятнадцатого века Боржоми считался одним из ведущих курортных центров Российской Империи.

С развитием курорта развивалась и экономика. В Боржоми был построен завод по розливу минеральной воды, который не имел аналога во всей империи по технологическому оборудованию и производительности. Были построены: стекольный завод, железнодорожные пути Боржоми-Хашури и Боржоми-Бакуриани, автомобильные дороги, мосты, первая в империи гидроэлектростанция в 300 лошадиных сил (1898 год);² кроме этого, строились гостиницы, дачи, парки, объекты бытового обслуживания и т. д. Были обустроены бюветы минеральной воды, действовал пивоваренный завод. О Боржоми много упоминаний в источниках XIX века, но в конце века он все еще был посёлком: *«Что такое однако Боржомъ? Геогра-*

¹ Джаншиев Гр. Перль Кавказа. М., 1900.

² Абуладзе В. Прошлое и настоящее Боржомского Ущелья. Тбилиси, 1983 (на грузинском. яз., перевод здесь и далее автора).

*фически это – поселокъ, расположенный на отрогахъ малаго Кавказа подь 41°53' северн. шир. и 43°24' вост. долг. (отъ Гринвича)... съезжаются какъ для пользования во внутрь и вне известными щелочными водами, называемыми Кавказское Виши, так и для лечения целебным, живительным горным воздухом».*³

После установления в 1921 году советской власти значительно возросло промышленное производство минеральной воды, стекла, мебели; началась добыча бакурианского андезита. В 1960-е годы Боржомский район пережил строительный бум: были построены многие курортные, здравоохранительные, культурные, хозяйственно-производственные объекты — гостиницы, базы, санатории, пансионаты, больницы, новые жилые корпуса, береговая несущая стена Куры и др.⁴

По данным переписи 2002 года население Боржомского района составляло 32 422 человека, из них 20372 постоянных жителя. При этом в службе трудоустройства было зарегистрировано 3000 безработных. В Боржоми живут также 2622 вынужденных переселенца. Наблюдается тенденция уменьшения населения из-за миграции, что особенно чувствуется в городах.

Сейчас промышленность в Боржомском районе представлена в основном предприятиями по розливу минеральной воды «Боржоми», строительными и деревообрабатывающими предприятиями. Возможно, скоро начнется розлив минеральной воды «Митарби». В сфере развития сельского хозяйства перспективно пчеловодство, животноводство. Сейчас эти отрасли развиты в сравнительно небольших масштабах, но условия располагают к дальнейшему развитию. Большие перспективы имеет переработка опилок для вторичного использования, что очевидно при посещении района, где на каждой обочине можно увидеть горы неиспользованных опилок. Об этом также заявляют деревообрабатывающие предприятия и местное самоуправление.

Основные виды транспорта — железнодорожный и автомобильный. Действуют железная дорога Тбилиси—Боржоми и узкоколейки Боржоми—Бакуриани, Боржоми—Цагвери. Организация городского и особенно районного автотранспорта неудовлетворительна. Район обслуживается транспортными средствами ООО «Боржомтранс», в последние годы количество автотранспортных средств в этой фирме уменьшилось, а работающие — устарели как физически, так и морально. Во время туристического сезона машин катастро-

³ Джаншиев Гр. Перль Кавказа, М., 1900. С. 77.

⁴ Басилая Л. Что происходило в Боржоми. Тб., 2004 (на грузинском яз.).

фически не хватает. Дорожное покрытие требует качественного капитального ремонта. Хотя ремонт проводится два раза в год, но из-за плохого качества ремонта дороги вновь быстро приходят в негодность.

На данный момент отсутствуют реальные показатели о среднегодовой посещаемости курортов, загрузке гостиниц, санаториев, домов отдыха и частного сектора. По нашим расчётам,⁵ средний годовой оборот гостиниц Боржомского района составляет в сумме около 3 580 000 лари, а среднее количество посетителей и туристов Боржомского района — более 70 000 в год. Эти данные дают примерное представление о среднегодовом количестве туристов в Боржомском районе, проживающих в гостиницах. К сожалению, данных по частному сектору не существует.

Курорты Боржомского района

В Боржомском районе много как климатических, так и бальнеологических курортов, курортных местностей. Это курорты Боржоми, Цагвери, Цеми, Ахалдаба, Бакуриани; курортные местности Тба, Мзетамзе, Цихисджвари. Рассмотрим подробнее основные курортные и туристические ресурсы района.

Ярко выраженный «детский» профиль определился у **Цагвери**, где находятся так называемые «кислые» или «железные» воды, отличающиеся от минеральной воды «Боржоми» по составу. Удачное расположение, здоровый среднегорный климат могут способствовать развитию этого небольшого курорта в будущем. Здесь могут быть организованы семейные гостиницы, возможно строительство современных туристических комплексов.⁶ Сейчас в Цагвери функционирует пансионат «Кечхоби» и гостиница «Натврисхе». При большой нагрузке курорта Бакуриани зимой у Цагвери также есть перспективы действовать как зимний курорт.

Промышленность в этом районе представлена лесопилками, дрова являются также единственным средством отопления для местных жителей, поэтому лесной покров вокруг Цагвери стабильно уменьшается. Примерно в полутора километрах от селения строится завод по розливу минеральной воды Митарби. Транспорт — узкоколейная железная дорога от Боржоми; от Тбилиси

⁵ Расчёты произведены автором на основе данных налоговой службы Боржоми за 2005 год.

⁶ Были попытки построить такой комплекс в некотором отдалении от основной застройки, но после начала кризиса строительство остановилось. Сейчас эти здания запущены и разграблены.

можно добраться на машине. Как и во всём районе, не хватает внутрирайонного транспорта.

Бакуриани — известный горнолыжный курорт с достаточно развитой гостиничной инфраструктурой. Во время зимнего сезона Бакуриани полон отдыхающих и спортсменов. Летом Бакуриани превращается в семейный курорт с лечебным профилем — астматические и другие заболевания дыхательных путей. В летнее время Бакуриани производит более неблагоприятное впечатление — открывается взору всё, что зимой прикрывает снег. Однако и летом цены в гостиницах достаточно высокие.⁷ Постоянно растёт стоимость земли, активно ведётся частная застройка.⁸ Каждый год растёт количество гостиниц. Отдельно располагается «Новый Бакуриани» — южная часть поселка, застроенная современными гостиницами в последние годы. Однако в поселке мало современных и удобных объектов торговли и питания.

Архитектура Бакуриани в историческом плане особого интереса не представляет, хотя курорт действует с XIX века. Бакуриани — прекрасный полигон для современной архитектуры, но сейчас в функционально-планировочном аспекте наблюдается полный хаос, строительство не подчиняется регулируемому надзору архитектурных служб. Рассматривая аэрофотоснимок курорта Бакуриани, трудно уловить регулярность или порядок застройки. Можно выделить зону основной жилой застройки, зоны расположения гостиниц, которые сливаются с жилой зоной, спортивные зоны, примыкающие к лыжным трассам. Существуют свободные участки, которые можно считать зоной перспективной застройки, но при этом застройка должна регулироваться, иначе может пострадать облик курорта и его функциональность. Желательно, чтобы от застройки были ограждены участки озеленения — ботанический сад и примыкающие к лыжным трассам участки леса и лугов.

Вокруг Бакуриани располагаются лесопилки; в ограниченном режиме действует карьер, где добывается андезит. Действует узкоколейная железная дорога Боржоми-Бакуриани, но основным является автотранспорт. В зимний сезон работает гужевой транспорт.

Как и во всем ущелье, здесь остро стоит проблема заболевания леса, но вместо санитарной рубки производится рубка здоровых молодых деревьев на стройматериал. Происходит и рубка деревьев для отопления жилищ, несмотря на то, что Бакуриани обеспечен природным газом. Не решена проблема утилизации твердо-бытовых отходов (ТБО).

⁷ Цены начинаются с 20 долларов США за сутки и достигают 300.

⁸ 25-40 долларов США за квадратный метр.

Цихисджвари – красивое место в предальпийской зоне, в 10 км от Бакуриани. Здесь располагается бальнеологический курорт, действуют молочные фермы. Но на полную мощность ресурсы этого места не используются.

Потенциально курортом может стать **Митарби**, где находятся источники минеральной воды. Но пока из-за необустроенности и бездорожья местные села Диди Митарби и Патара Митарби служат только летним пристанищем для животноводов.

В **Гуджарети** (около 25-30 км от Боржоми) сейчас находятся летние пастбища, а также головное сооружение боржомского водоснабжения. Здесь может развиваться как летний, так и зимний туризм, но необходима большая работа по благоустройству территории, проведению коммуникаций, дорожному строительству.

Мзетамзе в советское время считался детским курортом. Как указывает наименование⁹ курорта, это солнечное и открытое место. Деревня Мзетамзе и сегодня представляет интерес для семейного туризма, но туристическая инфраструктура здесь, как и в большинстве курортов Боржомского района, развита плохо.

Цеми — прекрасное место с относительно сухим климатом, высоким уровнем инсоляции и чистым воздухом. Замечательные природные условия и здоровый климат располагают к развитию курортного и экотуризма.

Тба — деревня, окруженная со всех сторон лесом. Здесь удивительно красивые ландшафты, особенно в ущелье реки Борджомулы. Климат немного влажный. Место пока редко посещается туристами.

В Боржомском районе сохранилось более двухсот исторических памятников, среди них монастырские комплексы Тимотесубани (XII-XIII вв.), Тадзриси, Недзви, Квирикети, «Зелёный Монастырь», церкви Квabisхеви, Ликани, Даба, (XIV в.), множество крепостей, а так же здания, построенные семьей Романовых в Боржоми в XIX-XX вв. Эти места также могут быть объектами туристического интереса.

Развитие туризма в Боржоми

Застройка Боржоми, как и многих городов Грузии, исторически развивалась вдоль рек, главным образом вдоль Куры, а также Гуджарулы и

---

⁹ В переводе с грузинского — «солнце солнц».

Борджомулы, притоков Куры. Архитектура застройки правого¹⁰ берега Куры имеет ярко выраженный исторический характер, хотя по климатическим свойствам левый берег более солнечный и тёплый. На правой стороне Куры находится Боржом-парк, одна из главных достопримечательностей города, а также основная часть исторических объектов. Отдельно стоит отметить дворец и парк в Ликани, это место и сейчас сохраняет статус отдельной, обособленной территории.

На индустриальной периферии города — в Чархистскали и Квибиси — находятся первый и второй заводы минеральной воды, а также развалины бывших стекольного и мукомольного заводов. Территории бывших заводов функционируют как «деловые дворы» и занимаются приёмом металлолома, а также продажей стройматериалов, которые можно извлечь из разрушающихся зданий заводов. Руины, находящиеся прямо на пути к Бакуриани, могут оказаться проблемой, которую еще долго не удастся решить, и они наверняка не порадуют ни экспертов Олимпийского комитета, ни гостей курортов.

Зоны жилой застройки на периферии — Вашлована, Ахалшени, Папа, деревня Ликани, примыкающая к Боржому, Чархистскали, Ардагани. Зоны реконструкции и перспективной жилой застройки, нуждающиеся в частичном сносе зданий, — территории, примыкающие к Ардагани на левой стороне реки Гуджарула. Здесь находятся бараки и временные сооружения. Также реконструкция требует старый город на правом берегу Куры — Чархистскали, примыкающий к заводу минеральной воды.

Боржомское самоуправление заявляет свои амбиции: *«Миссия города: на уровне международных стандартов обеспечить туристическое и курортное обслуживание для местных и иностранных потребителей. Стратегическая цель/видение: Боржом станет туристическим и курортным очагом, с развитым курортным и туристическим обслуживанием»*. Для достижения этих целей городу предстоит пройти долгий путь. В отличие от Бакуриани, где чётко определён горнолыжный профиль и туризм, хотя спонтанно, но развивается, курортный бизнес в Боржоме находится практически в стагнации. Боржом известен как лечебный курорт, но для увеличения потока отдыхающих необходимо модернизировать гостиницы и другие места проживания отдыхающих, а также создать привлекательную для туристов городскую атмосферу.

¹⁰ Берега Куры называются левым и правым по отношению к вектору течения реки; левый берег — южный, а правый — северный.

Важным туристическим ресурсом Боржоми может стать интересная архитектура XIX—начала XX вв. Но многие здания, являющиеся исторической ценностью, требуют срочной реконструкции. Население перекрашивало фасады по своим возможностям, не пытаясь сохранить исторический вид. Пока комплексного решения проблемы реконструкции исторических зданий не найдено. Во многих случаях реконструкция фасада не имеет смысла при аварийном состоянии здания, но особенно интересными в историческом плане являются здания, находящиеся в тяжёлом состоянии. Следует отметить здание бывшей старой поликлиники в «Малом парке»: оно не включено в список памятников, хотя относится к одним из интереснейших архитектурных образов города. К сожалению, ситуация с этим интересным зданием совершенно неясна, пока не находится средств на необходимые укрепляющие работы и восстановление. К историческим памятникам городского значения можно отнести жилой дом на ул. Костава 31, которое также имеет серьёзные повреждения.

Среди памятников архитектуры в городе Боржоми, как и в других курортах Боржомского района, нередко можно встретить примеры деревянного зодчества. Встречаются здания, полностью выстроенные из дерева, другие имеют отдельные деревянные строительные части и детали, скомбинированные с камнем и кирпичом. В основном это вторые этажи, мансарды, резные декоративные элементы балконов, а также канты вдоль крыш и окон.¹¹ Своеобразием отличается архитектура деревянных жилых домов в греческом селе Цихисджвари.

Памятником техники является бывшая электростанция (1898), находящаяся в Боржоми-парке. Этот памятник, как и многие другие, рушится. Инженерные сооружения здесь полностью утрачены. Здание разграблено, а историческая техника, по-видимому, попала в металлолом. Прекрасным примером инженерного искусства можно считать железно-

Санаторий «Фирюза», конец XIX в.

дорожный мост между Цагвери и Цеми, который проходит над глубоким

¹¹ Например, деревянный дом на ул. Руставели 117 (XIX в.); декоративные элементы из дерева есть в здании «старой поликлиники» (начало XX в.); красивый деревянный балкон — на здании санатория «Фирюза» (начало XX в.), а также частные дома XIX и начала XX вв. на улицах Гамсахурдиа, Думбадзе, 9 Апреля. Нужно отметить также деревянный дом начала XX в. в Цагвери.

Жилой дом, начало XX в.

ущельем реки Цемисцкали. Авторство этой конструкции приписывают самому Эйфелю. Она была привезена из Франции и смонтирована на месте. Наконец, узкоколейная железная дорога, где движется «Маленький поезд», или «Кукушка», также является памятником инженерного искусства, так как правильно спроектировать и построить

подобную конструкцию в сложных условиях горного рельефа очень нелегко.

В Боржоми в последние десятилетия произошла приватизация объектов, которые находятся в списке памятников архитектуры. Большинство зданий конца XIX — начала XX вв., которые сохранились в Боржоми, являются частной собственностью. Приватизированы электростанция, здание старой почты,¹² историческое здание санатория «Фирюза» и др. Сегодняшние владельцы заявляют, что эти здания (за исключением электростанции) не являются памятниками и, соответственно, не защищаются как памятники, что вызывает постепенное изменение внешнего вида и разрушение конструкции. К памятникам архитектуры в Боржоми условно причисляют лишь средневековые крепости Гогиясцихе и Петресцихе.

В то же время, у Боржомского отдела охраны памятников существует устаревший список исторических памятников города Боржоми, составленный на основании реальных оценок исторической значимости зданий. Остаётся непонятным, как, не нарушая закона, возможно лишить статуса памятника здания, не подпадающие под определение в первом пункте закона.¹³ Паспорта этих памятников и сегодня находятся в соответствующем отделе охраны памятников, подчиняющемся министерству культуры.

Архитектура советского периода также оставила след в Боржоми. Многоэтажные жилые дома кажутся совершенно неуместными в курортном

¹² Сейчас там располагается редакция газеты «Боржоми».

¹³ Согласно «Закону Грузии об охране культурного наследия» от 25.06.1999, по положению от 17.11.2005, глава 17:

«1. Памятник теряет статус недвижимого памятника, если он уничтожен или повреждён в такой степени, что потерял признаки недвижимого памятника и восстановление памятника невозможно.

2. Отчисление недвижимого памятника из Государственного реестра осуществляется таким же образом, каким ему был присвоен статус недвижимого памятника.» (перевод с грузинского яз. автора)

городе, к тому же качество строительства оставляет желать лучшего. При строительстве не были учтены климатические условия и специфика инсоляции горных местностей. Шестнадцатизэтажный дом, заселенный сотнями людей, не может быть снесен, но возможно улучшение его внешнего вида. Интересным решением было бы превратить этот дом в символ, изменив форму крыши с помощью надстройки, как «Дом-карандаш» в Роттердаме, или использовать его как панорамный рекламный щит. Можно воспользоваться опытом немецких архитекторов в восточной Германии, где в период ГДР были построены многоэтажные панельные дома. После объединения страны появились проекты фасадных реконструкций таких домов. Подвесные фасады со слоем наружной теплоизоляции широко используются при подобных реконструкциях. Дополнения в виде декоративного остекления лестничных пролётов, изменение формы крыш и игра цвета на фасадах позволяет сделать эти дома более привлекательными.

Культурная жизнь города также требует оживления. В районном центре Боржоми нет мест, где мог бы отдохнуть посетитель с интеллектуальными потребностями. Многие иностранные гости выражают удивление, что в таком прекрасном курортном городке нет элементарного бара, где можно отдохнуть и послушать спокойную музыку (в городе работает пара шумных ресторанов). Выставки художественных работ устраиваются раз в год, во время ежегодного музыкального фестиваля классической музыки.

В плане функционально-планировочного развития Боржоми интересным представляется придание туристического характера нескольким историческим улицам в старом городе. Их застройка включена в список памятников градостроительства. Первые этажи почти всех зданий имеют витрины, где могут расположиться небольшие кафе, сувенирные магазины, выставки и т.д. Для этого необходимо решить вопросы приватизации собственности, выяснить интерес жителей к ведению такого рода бизнеса и возможности привлечения внешнего инвестирования.

Одной из проблем считается прохождение через Боржоми автомобильной дороги, ведущей из Тбилиси в Вале, к турецкой границе.¹⁴ Трудно сказать, насколько это мешает развитию курорта: ведь исторически многие города развивались именно благодаря существованию торговых путей. Разумеется, при таком варианте не избежать дополнительного шума и загрязнения воздуха. Есть идея освободить левую сторону Боржоми от части

¹⁴ По словам управляющего строительными работами Боржомского района.

зданий и устроить здесь скоростную трассу, а основная часть города в этом случае должна быть на правой стороне Куры. Это решение не учитывает, что правая сторона — северная, и при непосредственной близости к реке здесь давно существует проблема затопления подвалов. В холодное время года температура здесь на несколько градусов ниже, чем на левой стороне. Это, конечно, не исключает возможности развития правого берега Куры, где находится основное историческое «ядро» города. При планировке правой стороны нужно внимательно отнестись к расположению зданий, стараться не затенять соседние здания и «ловить каждый луч солнца». Несмотря на подобные меры, затраты на отопление здесь будут значительно выше, поэтому также очень важна хорошая теплоизоляция домов.

В последние годы местное самоуправление на средства государственного бюджета начало работы по ремонту фасадов и пешеходных дорог, реконструкции стадиона и площади Руставели. Обновление фасадов ряда зданий и некоторых малых архитектурных форм предусматривается и программой «Красивый Боржоми», которую проводит ООН (в рамках программы развития — UNDP). Основной задачей этого проекта является обеспечение местного населения рабочими местами. Нужно подчеркнуть, что программа ограничивается реконструкцией фасадов только тех зданий, которые не имеют серьезных повреждений.

Реставрация фасадов, безусловно, придает городу более свежий вид. К сожалению, во многих местах подобная «раскраска» города маскирует здания, требующие капитального ремонта.¹⁵ Нигде не проводятся работы по укреплению конструкций, по восстановлению повреждённых частей зданий, имеющих признаки памятника городской архитектуры. Если бы в комплексе с фасадными работами была проведена функциональная реконструкция хотя бы пары исторических зданий и мостов, город получил бы действующие туристические объекты. Среди таких успешных реконструкций можно назвать обновление железнодорожного вокзала станции «Боржоми-парк».¹⁶

Первым шагом в комплексном развитии туризма можно считать организацию Национального парка Боржоми-Харагаули.¹⁷ Парк был образован

¹⁵ Например, здание т.н. «Цицинатела» на ул. Костава 2.

¹⁶ Реконструкция проводилась Железнодорожным департаментом.

¹⁷ Парк был создан в 1995 году в исполнение Указа Президента Грузии № 447, 28.07.95 «О мероприятиях, поддерживающих образование системы охраняемых территорий и о создании Национального парка Боржоми-Харагаули» при финансовой помощи немецкого правительства (проект KfW - Kreditanstalt für Wiederaufbau) и с участием WWF — Международного фонда защиты природы. Административно Национальный парк подчиняется Министерству защиты природных ресурсов и окружающей среды, департаменту охраняемых территорий. Он объединяет территории шести районов — Адигени, Ахалцихе, Багдати, Боржоми, Харагаули и Хашури. Официальное открытие состоялось 11 апреля 2001 года.

на территории бывшего Боржомского заповедника, который функционировал с 1935 года, с присоединением к нему прилегающих территорий. Парк является одним из самых крупных в Европе: его площадь 79 000 гектаров. Этот проект считается успешным примером в сфере охраны окружающей среды и развития экотуризма.

Уникальное разнообразие природных ландшафтов Национального парка Боржоми-Харагаули обеспечивает туристам незабываемые впечатления. Администрация парка занимается организацией туристических походов по разработанным маршрутам. Проводятся тренинги по экскурсоводству для местных жителей, мероприятия по повышению уровня экообразования.

Национальный парк особенно интересен обилием в нем мест, не тронутых цивилизацией. В современном мире, и особенно на европейской территории, это большая редкость. Парк Боржоми-Харагаули можно сравнить с «национальными парками» в Англии и «природными парками» в ФРГ, которые *«близки по смыслу к «охраняемым ландшафтам» других стран и в значительной степени служат целям рекреации»*.¹⁸

Однако по мнению Ассоциации урбанистов Грузии, при проведении работ не было учтено, что парк является памятником садово-паркового искусства национального значения, в результате чего получен сомнительный симбиоз курортного и луна-парка. С этим трудно не согласиться. Но и в советский период не особенно учитывалось то, что парк является памятником, и здесь действовали аттракционы, хотя они не были так заметны. Уже тогда при планировке игнорировался факт, что парк является историческим памятником, например, было построено перекрытие бювета минеральной воды в современном тому времени «советском» стиле. В те времена вообще старались не подчеркивать связь Боржоми с именем Романовых, хотя именно Российскому императорскому двору принадлежит заслуга учреждения здесь курорта.

В непосредственной близости от Национального парка Боржоми-Харагаули в так называемой вспомогательной или буферной зоне находится множество крупных курортов и исторических достопримечательностей. Почти все курорты здесь отличаются лечебными минеральными или термическими источниками разного состава.

Несколько искусственным выглядит попадание Боржомского района

---

¹⁸ Борисов В.А., Белоусова Л.С., Винокуров А.А. Охраняемые природные территории мира. М., 1985. С. 5.

в буферную зону Национального парка, так же, как и его место в территориально-государственном устройстве Грузии — подчинение региональному центру Ахалцихе. На основании концепции Ассоциации урбанистов Грузии, некоторые районы должны иметь особенный статус и непосредственно подчиняться столице. Район Боржоми — курортная зона, не имеющая аналогов в государстве, поэтому предлагается предоставить ему статус федеральной территории с условным названием «Тори».

Олимпиада 2014 года в Боржоми: есть ли шанс?

Боржоми является заявителем на проведение зимних олимпийских игр 2014 года. Хотя природные условия здесь прекрасные, слабая инфраструктура практически не оставляет шансов на победу. Заявление Грузии на проведение зимних игр 2014 г. в Бакуриани воспринимается с долей юмора, и Боржоми упоминается как город, о котором мало кто знает в мире,¹⁹ но при положительном решении можно ожидать резкого скачка в развитии курортов Боржомского ущелья.

Подготовка к проведению зимних олимпийских игр требует решения множества проблем не только в Бакуриани, но во всем Боржомском районе и даже во всей Грузии. По мнению представителей районной власти, инфраструктуру можно создать и за очень короткий срок. Но возникает вопрос, насколько качественно будут произведены работы, будут ли эти действия должным образом продуманы и спланированы. Если обратиться к опыту подготовки к олимпиаде в разных странах, то окажется очевидным, что у Бакуриани очень мало времени.

Тем не менее, в Бакуриани ведутся подготовительные строительные работы для сооружения олимпийской деревни в Дидвели, Бакуриани посещают группы экспертов. По заявлению Г. Топадзе, председателя Федерации зимнего спорта Грузии, при оперативной работе подготовка будет закончена в срок. Если допустить, что Боржоми станет олимпийским городом, то можно ожидать серьёзного влияния подготовки к олимпиаде на развитие Боржомского района. Но нужно иметь в виду, что кроме улучшения экономической ситуации, это может привести и к отрицательным последствиям — ухудшению экологической обстановки и др.

¹⁹ International Olympic Committee, news < www.olympic.org > (20.08.2005).

Экологические проблемы района

Главной экологической проблемой является уменьшение лесов за счет многолетнего потребительского отношения и загрязнения окружающей среды. Многие лесные массивы были включены в территорию Национального парка (что означает полный запрет на рубку), но те, что остались во вспомогательной зоне, которая не входит непосредственно в парк, уничтожаются с катастрофической скоростью, и практически ничего не делается для их восстановления. Трудно представить, насколько уменьшился лесной покров за последние 15 лет. Из-за уменьшения лесного покрова возрастает уровень атмосферного загрязнения, усиливаются ветры. Рубка леса вызывает эрозии почвы. С уничтожением леса будут утрачены климатические и бальнеологические качества курортов.

Существующая научная литература о состоянии лесов Грузии не отражает всей тяжести положения лесов Боржомского района. Мероприятия по восстановлению леса с начала 1990-х годов почти не проводились, а многие известные лесные массивы были искусственно посажены еще в 1920-х годах.²⁰ Экологическое состояние лесов требует детального изучения, на основании чего необходимо будет планировать и проводить конкретные мероприятия по восстановлению леса в Боржомском ущелье.

В лесном хозяйстве якобы проводятся ухаживающие и санитарные рубки.²¹ Сомнительно, что рубку деревьев в поредевших лесах Боржомского ущелья можно назвать природоохранным мероприятием; в программе развития района нет ни слова о восстановлении повреждённого пожарами и рубками лесного покрова. Но здесь говорится о продолжении борьбы с болезнью, появившейся в 2002 году в Боржомских лесах.²² Поэтому многие необоснованные и самовольные рубки легализуются и оформляются как санитарные. Крупные предприятия получают необходимые документы от лесных хозяйств и вывозят из района большие количества леса. Особо следует отметить, что «бизнесмены», занимающиеся вывозом леса в особо крупных масштабах в виде бревен или досок, безостановочно ведут свою деятельность, а малые предприятия и мастерские, которым нужны небольшие количества, требующиеся для продолжения их промысла, не могут добиться разрешений от лесного хозяйства.²³

²⁰ Гигаури Г. Леса Грузии. Тбилиси, 2004 (на грузинском яз.).

²¹ Программа социально-экономического развития Боржомского района.

²² Типограф — насекомое, поражающее деревья, рост популяции которого был замечен с 2001 года.

²³ Имеются в виду малые мебельные предприятия, например в Ахалдаба, которые уже оплатили стоимость материала в лесном хозяйстве, но не могут его получить.

В лесном хозяйстве не существует менеджмента леса; имеются лишь льготы для сильных и запреты для слабых, что нельзя назвать адекватным методом борьбы за экологическое равновесие.²⁴

Второй крупной проблемой является загрязнение окружающей среды, в особенности во время курортного сезона, в тёплое время года. Одна из причин загрязнения — нефункционирующая коммунальная система, а также низкий уровень экологического сознания населения. На данном этапе грубо нарушается «Закон о воде», производственные (в основном большие количества опилок) и хозяйственные ТБО выбрасываются в реки. Берега украшены пестрыми лоскутками полиэтиленовых пакетов и пластиковыми бутылками. Инвесторов, готовых финансировать мусороперерабатывающие предприятия, нет, как нет и мотивации у местного населения разделять разные виды мусора. Мероприятия, проводящиеся в районе Боржоми по очистке территорий от ТБО, носят локальный, одноразовый характер и не решают основную проблему загрязнения рек и их берегов.

Теоретической угрозой экологии района может стать и нефтепровод Баку-Джейхан, трасса которого проходит по территории вспомогательной зоны Национального парка в 17 км от Боржоми до Вале (Ахалцихский район) и пересекает границу с Турцией. Южнокавказский газопровод Шах-Дениз протекает параллельно нефтепроводу и соединяется в Турции с газораспределительной системой в Эрзруме.

Международные проекты в районе

На улучшение инфраструктуры и экономики района нацелен ряд международных проектов. Это проекты Кредитного банка реконструкции (Kreditanstalt für Wiederaufbau — KfW), Общества технического сотрудничества (Gesellschaft für die technische Zusammenarbeit — GTZ) и нефтяного концерна British Petroleum (BP).

С помощью немецких организаций проводилась реабилитация коммунальной инфраструктуры вспомогательной зоны Национального парка.²⁵

²⁴ Основанием для этих заключений являются результаты изучения положения малых предприятий в Боржомском районе в рамках «Программы развития бизнеса Боржоми».

²⁵ На основании указа президента №386 от 23.08.2002 «О мероприятиях, улучшающих системы водоснабжения и канализации вспомогательной зоны национального парка Боржоми-Харагаули». Строительные работы выполнялись с помощью финансирования Kreditanstalt für Wiederaufbau (2004-2005); юридические и институциональные рамки обеспечило GTZ.

Трудно назвать этот проект успешным, так как при планировке не были учтены местная специфика и проблемы загрязнения воды Боржомского района. В результате проект был прекращен, а вода в Боржоми осталась загрязненной. Теперь восстановление водопровода должно проводиться силами государства.

British Petroleum является строителем нефтепровода Баку-Джейхан и газопровода Шах-Дениз. Население районов, через которые проходят трубопроводы Баку-Джейхан и Шах-Дениз, получает от исполнителей проектов солидные денежные компенсации в десятки тысяч долларов за то, чтобы трубопровод пересёк их земельные участки, а также имеют косвенную выгоду в виде выторгованных у предприятия «Бритиш Петролеум» мероприятий по улучшению инженерной инфраструктуры. По заявлениям компании, нефтепровод и газопровод не представляют опасности для экологии страны и Национального парка. Но так как теоретическая угроза все-таки существует, компенсируя это, BP финансирует различные природоохранные мероприятия. BP вместе с GTZ IS²⁶ взяло на себя решение некоторых экологических проблем, таких как очистка рек и организация вывоза ТБО из Боржоми и Бакуриани. Безусловно, хорошо, что программа BP и GTZ IS помогает Грузии в решении одной из главных экологических проблем Боржомского района, но вызывает сожаление тот факт, что районное управление не может решить эту проблему для других курортов Боржомского ущелья.

Одним из новых проектов является Программа развития бизнеса в Боржоми (Business Development Programme) — совместный проект BP и GTZ IS, имеющий целью развитие малых и средних предприятий и содействие росту экономики в Боржомском районе в целом.

Рекомендации по развитию курортов Боржомского района

Можно выделить три основных причины недостаточного развития туризма в Боржомском районе. Первая причина, относящаяся к Грузии в целом, — нестабильность страны, высокий рейтинг в мировом списке опасных стран. Вторая, и наиболее весомая, — неполноценная инфраструктура. Третья — низкий уровень туристического сервиса, недостаток образования в сфере гостиничного бизнеса, элементарный «дефицит улыбки». К этому добавляются

²⁶ Gesellschaft für die technische Zusammenarbeit International Services.

энергетические проблемы, из-за которых большинство гостиниц и частный сектор Боржоми не готовы принимать гостей в холодное время. Круглогодично действует только курорт Бакуриани, хотя в летний сезон и там возникают проблемы из-за неудовлетворительных санитарных условий.

Для развития туризма в Боржомском районе можно предложить некоторые конкретные рекомендации:

- реконструкция исторической части Боржоми, создание туристических улиц;
- оценка состояния гостиниц и санаториев, их модернизация;
- строительство новых гостиниц;
- развитие семейных гостиниц;
- развитие туристических фирм;
- учреждение консультационного туристического сервис-центра;
- усовершенствование городской и районной транспортной системы;
- решение вопроса вывоза ТБО в районном масштабе;
- восстановление культивирования саженцев для уплотнения повреждённых частей леса;
- создание и поддержка малых производств по изготовлению качественных деревянных изделий и стройматериалов;
- развитие сельскохозяйственных сфер, в частности, животноводства и пчеловодства;
- налаживание системы торговли экологически чистыми и высококачественными продуктами местного производства;
- создание местных «брендов» с соответствующими фирменными знаками.

Предложения по сохранению экологического равновесия Боржомского района

Необходимо постепенно внедрять щадящий подход к окружающей среде. Перспективно использование альтернативных способов отопления и энергоснабжения. Разумеется, широкое внедрение подобных инноваций пока нереально, но можно на нескольких примерах показать преимущества подобной системы. Уже есть попытки использовать солнечную энергию, что при высокой инсоляции курортов Боржомского района может быть достаточно эффективным. Пока что солнечные коллекторы самодельны и примитивны, например, подобный коллектор используются для подогрева

воды в частной гостинице в Цеми. Кроме использования природных энергий, перспективно постепенное внедрение в строительство «низкоэнергетических» домов с повышенной теплоизоляцией, что позволит существенно сократить расходы на отопление и поможет сохранить часть лесного покрова. Необходим строгий архитектурно-строительный контроль норм теплоизоляции. Безусловно, определённую проблему создаёт высокая стоимость изоляционных материалов, но в некоторых случаях можно использовать местные ресурсы. Отходы лесопилен при правильной организации могут служить как сырьём для изоляционных стройматериалов, так и использоваться для отопления.

Перспективы дальнейших исследований

Заявляет о себе необходимость разработки генплана землепользования не только для Боржоми и Бакуриани, но и для всех курортов Боржомского района. Данная работа может послужить предпроектным исследованием для их разработки.

Если серьёзно воспринимать заявку на организацию зимних олимпийских игр в Бакуриани, то необходимо систематизировать данные градостроительного развития Боржомского района, чтобы работа над генеральными планами землепользования была поддержана исследовательской (текстовой и графической) частью. Создание локальной урбан-обсерватории в Боржоми может обеспечить проведение дальнейших исследований города-курорта. Анализ сильных и слабых сторон города (SWOT-анализ) поможет определить те сферы, которые нужно развивать в первую очередь. Лаборатория может осуществлять и мониторинг рынка недвижимости в Боржомском районе, в чем сейчас явно есть потребность. Такие исследования помогут сориентироваться частным заинтересованным лицам, а также инвесторам и девелоперам, которые обязательно придут в Боржомский район, независимо от того, будут ли здесь проводится зимние олимпийские игры.

Заключение

Восстановление курортной нагрузки советских времён не представляется ни реалистичным, ни необходимым для курортов Боржомского

района. Не имеет смысла и реконструкция тех санаториев, которые уже давно не отвечают современным требованиям. Необходимо сохранение неповторимых исторических зданий, культурного наследия, которое скоро невозможно будет восстановить. Без этих зданий курорты потеряют свой неповторимый характер.

Если учесть экологические и культурные факторы, то курорты Боржомского района могут быть охарактеризованы как особые территории, которым может быть присуждён статус особого пространственно-территориального регулирования.²⁷ Такое решение помогло бы сохранить эти уникальные места.

В заключение, можно привести цитату из бальнеографического очерка, описывающего самое начало развития курортов Боржомского района:

*«Время изгладитъ несовершенства, и те, которые по нашему вызову и на основании скудных сведений наших, посетят страну... не оставят исправить погрешности, пополнить недостатки и заменить скромную брошюру томами прекрасных описаний и целыми тетрадями живописных изображений, ибо есть надежда, что старое, истёртое веками здесь возобновится молодым бытом и возживёт новую жизнью, пределы которой теперь ещё непредвидимы».*²⁸

---

²⁷ Закон Грузии «Об основах пространственного планирования и градостроительства».

²⁸ Андреевский Е. Абастуманъ, Боржомъ, Урavelь, главнейшия из карталинских минеральных вод. Бальнеографический очерк, напечатанный по приказанию наместника. Тифлисъ, 1852. С. 2-3.

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЗЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ Г. ТБИЛИСИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Введение

Зеленые насаждения в городах имеют не только архитектурно-планировочное и социальное назначение, но также играют важную роль с санитарно-гигиенической точки зрения. Зеленые насаждения регулируют тепловой и радиационный режим, создают микроклимат, обеспечивающий комфортные условия внешней среды, являются мощным фактором защиты населенных мест от пыли, газов, ветра и шума.

За последние пятнадцать лет озеленение города Тбилиси резко ухудшилось: экономический кризис в стране и разрушение структур городского управления привели к тому, что в течение нескольких лет работы по озеленению не велись. Энергетический кризис вынудил население пойти на рубку зеленых насаждений. Благодаря коррупции приватизация земель, занятых зелеными насаждениями, с последующей их застройкой приняла массовый характер. Все это способствует тому, что площадь зеленых территорий Тбилиси начиная с 1989 года неуклонно сокращается.

В 2003 году Тбилиси был признан самой загрязненной столицей Европы. Следствием отмены обязательного ежегодного технического осмотра автомобилей, снижения пошлины на ввоз подержанных автомашин и повышения пошлин на ввоз новых машин стало увеличение доли технически неисправного транспорта. Изменения в регулировании транспортных потоков («треугольник одностороннего движения», переадресовка маршрутных такси на узкие улицы и т.д.) вызвали, по мнению многих экспертов, замедление движения автомобилей во многих районах, что еще больше увеличило загрязненность атмосферного воздуха.

За последние пять лет, согласно статистике Министерства охраны труда, здоровья и социального обеспечения, выросла заболеваемость опухолевыми, эндокринными, аллергическими заболеваниями, а также заболеваниями органов дыхания, на развитие которых прямо влияет загрязнение окружающей среды. Исходя из вышесказанного, особую

актуальность приобретает вопрос оздоровления среды обитания на территории столицы Грузии, одним из главных и экономически целесообразных способов чего является увеличение площади озелененных территорий и улучшение их состояния.

Конечной целью исследования системы озелененных территорий г. Тбилиси являлось определение мер по повышению эффективности управления озелененными территориями и определение возможностей по дальнейшему развитию системы зеленых территорий.

Материалы и методы исследования

Для достижения целей нашего исследования мы должны были идентифицировать конкретные проблемы и установить причины их возникновения. Главным объектом нашего исследования являлись как сами озелененные территории, так и система их менеджмента, в частности механизмы нормативно-правового регулирования, схема институционального устройства и функционирования, финансирование. Нами также был проведен исторический анализ озеленения города и его окрестностей. Кроме этого, мы выяснили отношение экспертов и граждан к данному вопросу. Эти группы для нас были интересны как заинтересованные лица (жители города) и как субъекты, влияющие (конечно, в разной степени) на состояние озеленения города и его дальнейшую судьбу. Источниками получения информации нам также служили письменные (научная литература, законодательные акты) и графические материалы (карты, планы, фотографии и рисунки).

В процессе исследования нами были использованы различные методы — анализ документов, интервью, анкетный опрос и наблюдение. Выборка экспертов для интервью строилась по принципу охвата основных экспертов в данной теме, работающих в учреждениях разного профиля в Тбилиси. В выборку вошли государственные служащие (министерств, различных служб мэрии города), независимые эксперты или работающие в частном секторе, политические деятели, научные сотрудники. Нами также был проведен анкетный опрос горожан, проживающих в разных районах города.

История и структура озеленения Тбилиси

Территория Тбилиси с древних времен была покрыта лесами.¹ Вследствие множества набегов завоевателей в прошлом, а также нерационального использования лесных ресурсов постепенно лес деградировал, и оставшимся лесным массивам требуются постоянная поддержка и уход. Зеленые территории Тбилиси интересны не только с санитарно-гигиенической, архитектурно-планировочной, почвоудерживающей и исторической точки зрения, они также включают в себя интересные по биоразнообразию природные экосистемы, популяции и индивидов, а также самобытные природные ландшафты и образования.

В Тбилиси и его окрестностях выделяют три пояса природных лесов: 1) пояс речных пойменных лесов и лесов низменностей; 2) пояс светлых лесов и 3) пояс грузинского дубового леса, который интересен в плане флористического состава.

Первый пояс представлен на первой и второй террасе реки Кура и ее притоков. Согласно Н. Кецохели и В. Гулисашвили, растительность первой террасы (поймы) Куры была представлена осиново-ивовыми лесами (кавказская белолистка, осокорь, южная ива). С ними в виде подлеска были смешаны облепиха, лох и другие виды. Вторая терраса, которая также представлена в основном алювийными почвами, была занята лесами низменностей, которые состояли из черешчатого дуба, вяза, клена полевого, разных боярышников, мушмалы обыкновенной, бирючины обыкновенной, ломоноса, хмеля и других видов. Из этой растительности до сегодняшнего дня дошли лишь незначительные остатки в виде малых групп и одиночных деревьев. Отдельные экземпляры остались и на территории города.

В окрестностях Тбилиси пояс светлого леса представлен на обширной площади на склонах гор правой и левой стороны Куры, на высоте от 400-450 до 500-600 метров над уровнем моря. Светлые леса и их остатки встречаются в ближайших окрестностях города — в границе Тбилисского ботанического сада, занимают южные склоны Сабурталинских холмов, окрестности Цкнети и Багеби и склоны горы Давида. В окрестностях Тбилиси породами, создающими светлый лес, были ладанное дерево, каркас кавказский, груша иволистная, можжевельники и кустарники (держидерево, крушина Палласа, жимолость грузинская, кизильник и т.д.). Как на правой, так и на левой стороне

¹ Тбилиси. Экономическо-географическое исследование / Под ред. В. Джаошвили. Тб., 1989. (на грузинском яз., перевод здесь и далее автора).

Куры светлые леса с нижней стороны граничат с пойменными и низменными лесами, а с верхней — с поясом грузинского дуба.

Пояс грузинского дуба начинается на высоте 600 метров над уровнем моря и кончается на высоте 1000-1200 метров. Для этого пояса характерны следующие древесные растения: грузинский дуб, ясень, граб, грабинник, полевой вяз, пробковый вяз, ильм, кавказская дикая груша, берека, липа, лесной орех, грузинский глог, мушмала обыкновенная, кизил, южный глог, бирючина обыкновенная, бересклет, боярышники и другие.

В ассортименте зеленных насаждений Тбилиси почти нет местной флоры, имеющей большое значение в озеленении городов (если не считать их присутствия в естественных растительных группировках). Для озеленения в основном использованы следующие виды деревьев: платан, ясень, клен, тополь, конский каштан, кедр, сосна, кипарис и др. При этом множество местных видов как по устойчивости к местным условиям, так и в декоративном отношении часто превосходит используемых экзотов.² Надо отметить, что в Западной Европе еще в XIX веке в культуре использовались ирисы разных видов, в том числе и грузинский ирис, лилии и маки, вследствие чего грузинский ирис был почти полностью истреблен в окрестностях Тбилиси.

Планирование озеленения Тбилиси

С 2005 года³ в Грузии законодательно принята следующая иерархия документов пространственного планирования: генеральная схема устройства страны; план пространственного устройства района; генеральный план землепользования поселения и план регулирования застройки поселения. Первые три из этих документов определяют пространственно-территориальную структуру страны, в том числе по категориям: природно-ландшафтные, рекреационные и курортные территории; охрана и развитие лесных массивов; система охраняемых территорий и предпосылки улучшения структуры природного ландшафта. Планирование системы озеленения населенного пункта происходит на стадиях разработки генерального плана землепользования поселения и плана регулирования застройки поселения.

² Экзоты — растения или животные, ввезенные из стран с климатом, резко отличным от климата страны, в которую они ввезены.

³ Закон Грузии «Об основах пространственного устройства и градостроительства». 2005.

В истории Тбилиси действовало три генеральных плана реконструкции и развития города (1934, 1953 и 1970 гг.), при разработке которых ставились задачи по созданию здоровой экологической среды в городе и рекреационных зон для населения. Последним из планировочных документов, корректирующим планы озеленения города, был разработанный в 1983 году «План озеленения и обводнения г. Тбилиси», в котором особое внимание уделялось созданию единой системы озеленения и равномерному распределению озелененных территорий соответственно структуре района и количеству населения. По градостроительным требованиям рекомендовалось включать в застройку крупные массивы растительности (500-1000 га) или «клинья» шириной не менее 0,5 км.⁴ Одним из принципов зеленого строительства в городе по плану являлся ввод зеленых массивов в структуру Тбилиси и их связь с лесопарковым поясом вокруг города. В Тбилиси проветривание происходит по направлению ущелий рек, в основном ущелья р. Кура, поэтому планировалось, чтобы зеленые языки из пригородов и прилегающих к городу территорий сходили до ущелья р. Кура.

Один из таких клиньев должен был соединять город с пригородной зоной вдоль ущелья реки Вере. В его состав входили Тбилисский зоопарк, парк «Мзиури», сад Тбилисского государственного университета и т.д. Озелененная территория переходит с одной стороны в университетский сад и с другой граничит с парком «Мзиури», где еще сохранились остатки природной растительности, и далее продолжается и выходит за пределы города по ущелью реки Вере. Этот массив, бесспорно, имеет огромное экологическое значение. Он является частью единственного «зеленого клина» входящего в центральную часть города. Вышеописанной территории угрожает опасность исчезновения, так как в декабре 2005 года мэрией г. Тбилиси был объявлен конкурс на подготовку плана застройки большей части нынешней территории парка «Мзиури». Опасность угрожает и еще одному важнейшему участку клина — Тбилисскому ипподрому. Осенью 2005 года была попытка начать его застройку, но местное население, поддержанное неправительственными и политическими организациями и жителями других районов, смогло ее приостановить.

По нормативам СССР, для городов южной зоны на одного жителя было рассчитано 11,6 м² парковой площади. По генеральному плану 1970 г. в Тбилиси к 2000-му году площадь зеленых насаждений общего

⁴ База данных для проведения полноценной экологической экспертизы. Тб., 2002. С. 206-220.

пользования должна была увеличиться до 20,5 м² на одного жителя (при общем увеличении с 545 до 2570 гектар). В реальности этот показатель составил всего 5,16 м².⁵

Общая площадь скверов и бульваров в 2000 году составила 211,3 гектар, т.е. в 2,5 раза меньше, чем было запланировано, а общая площадь садов и парков по сравнению с 1985 годом сократилась на 15% и была в 6 раз меньше запланированных 2070 гектар.⁶ Учитывая то обстоятельство, что за последние пять лет многие сады потеряли значительную часть занимаемой территории, на данный момент картина может быть еще более печальной.

На сегодняшний день большая часть земельных участков, где по последнему генеральному плану намечалось устройство новых озелененных территорий, передана в частное владение при грубом нарушении законодательства. Часть этих участков пока еще не застроена, но в большинстве случаев вернуть их государству безвозмездно не представляется возможным, потому что пересмотреть законность приватизации нельзя из-за истечения срока давности.

Классификация озелененных территорий

Теперь мы охарактеризуем озелененные территории Тбилиси по принятой (но не закреплённой законодательством) классификации. По видам предназначения они делятся на три категории — общественные (общего пользования), ограниченного пользования и специального назначения.

К общественным озелененным территориям принадлежат самые крупные планировочные элементы системы, в частности: парки, сады, скверы, бульвары, лесопарки и др. Эти объекты предназначены для их использования всеми гражданами с целью рекреации. Бульвары должны играть роль «зеленных артерий», по которым происходит обмен воздуха между центральной частью города и пригородной зоной, и использоваться для передвижения и кратковременного отдыха граждан. В случае постройки бульваров с двух противоположных от проезжей части сторон жилой сектор хорошо защищается от вредных воздействий. В Тбилиси статус бульвара присужден шести озелененным территориям. Важнейшим недостатком планирования бульваров Тбилиси является то, что они не соединяются, образуя так называемую «сеть озеленения», и поэтому не могут обеспечить

⁵ Материалы подготовки генплана. По данным планировочного управления ООО «Тбилгорпроект».

⁶ Там же.

свободное передвижение пешеходов и велосипедистов по территории города.

Скверы — самые малые по размеру (от 0,2 до 2-3 га) объекты озелененных территорий. По данным 1990 года в Тбилиси насчитывалось 266 скверов. По данным на 2005 год их количество сократилось по всем районам города до 201 сквера, малого сада и декоративного уголка. Согласно данным районных управлений города в 2005 году общая площадь скверов в сравнении с 2000 годом все же мало изменилась.⁷ Это дает нам повод усомниться в точности данных, так как в 2000-2004 годах в городе интенсивно происходило присвоение земель зеленых территорий с целью их последующей застройки. Исходя из этого, можно предполагать, что их площадь на сегодняшний день сократилась в еще большей степени.

Основным видом городских озелененных территорий являются **парки и сады**. Парки разделяют на объекты общего и специального назначения. По нормативам, действовавшим в Советском Союзе, территория парка должна составлять не менее 6 гектар. Максимально допустимая нагрузка должна была быть не более 100 чел/га, т.к. уменьшение норм вызывает деградацию растительности объекта. Номинально сегодня этот статус присвоен девяти озелененным объектам, из них семь — это парки культуры и отдыха, а два являются городскими парками.⁸ Часто рекреационная и экологическая роль специализированных парков выходит за пределы специальных функций, как, например, происходит в случае Тбилисского зоопарка, Ботанического сада, Этнографического музея, Центрального выставочного комплекса и ипподрома.

Территория районного сада должна составлять не менее 4 га, а микрорайона — не менее 1 га. На 2005 год 14 озелененных территорий имели статус городского сада⁹ — восемь районных садов (если верхний и нижний сад «9-го апреля» считать одним садом) и шесть садов микрорайонов.¹⁰ Сады по районам города распределены следующим образом: Ваке-Сабуртало — 2, Мтацминда-Крцаниси — 5, Исани-Самгори — 2, Дидубе-Чугурети — 2, Глдани-Надзаладеви — 3 сада.

Озелененными территориями ограниченного пользования являются

⁷ По перечню расположенных в районах озелененных территорий. Данные из официальной переписки с районными службами города. 2005.

⁸ По данным Грузлеспроекта. 1990.

⁹ По данным Комитета защиты окружающей среды (упразднен в 2005 г.).

¹⁰ По данным о площадях т.н. «городских садов», полученным нами от ныне упраздненного Комитета защиты окружающей среды и природных ресурсов.

дворы промышленных, учебных, научных, культурных, медицинских учреждений и другие режимные территории, спортивные сооружения ограниченного пользования. К этой категории принадлежат такие важные с исторической и декоративной точки зрения объекты Тбилиси, как сады Дворца учащейся молодежи, Курдиани, Арто, ТГУ и т.д. В основном (не считая сада Дворца молодежи, где вход закрыт даже для учащихся этого заведения) они используются в том же режиме, что и озелененные территории общего пользования, и страдают от тех же негативных явлений. Внутриквартальное озеленение почти полностью истреблено вследствие массовой постройки гаражей и пристроек. Многочисленные постройки были возведены и во дворах учреждений.

В категорию зеленых насаждений специального назначения входит озеленение улиц и площадей, леса, склоны, питомники растений, кладбища и зоны санитарной охраны. Площадь кладбищ на территории города возрастает каждый год. Начиная с 1990-х годов создание новых кладбищ и увеличение территорий ранее существующих происходило, как правило, без соблюдения требований соответствующих нормативных актов. Часто в этом процессе уничтожаются крупные массивы компактно расположенных зеленых насаждений (например, расширение территории Сабурталинского кладбища). Ни одно кладбище не соответствует требованиям по их озеленению. Их озеленение носит стихийный характер и в основном проводится родственниками усопших. Еще одной причиной деградации зеленых насаждений является уничтожение зеленых насаждений с целью освобождения территории для новых могил.

Законодательно-правовая база

Части объектов городского озеленения присужден статус охраняемых государством памятников садово-паркового искусства. Всего на территории Тбилиси памятниками являются 15 озелененных территорий, расположенных в четырех районах города, среди них: 4 парка, 5 садов общего пользования, 5 садов ограниченного пользования и один сквер. Статус охраняемых государством памятников садово-паркового искусства национального (республиканского) значения имеют пять объектов: 1. Сад Дворца учащейся молодежи; 2. Сад «9 апреля»; 3. Парк «Муштаиди»; 4. Парк Победы (Ваке);

5. Мтацминдский парк. Согласно муниципальным актам статус присужден еще десяти объектам городского озеленения, это: 1. Сад Казбеги*; 2. Парк культуры и отдыха «Надзаладеви»*; 3. Верийский парк*; 4. Сад «Арто»**; 5. Сад «Гофилект»**; 6. «Олимпийский сад»**; 7. «Научно-исследовательский» парк, созданный дендрологом Соломоном Курдиани**; 8. Парк «Дедаэна»**; 9. Парк «9 марта»**; 10. Сквер «Орбелиани»**. ¹¹ Эти памятники относятся к XIX веку и советскому периоду. Большинство из них локализовано в районах, включающих в себя исторические части города. На территории районов Мтацминда-Крцанисского и Дидубе-Чугурети.

Несмотря на присвоение статуса, не утверждена соответствующая учетная документация данных недвижимых памятников, не проведена их паспортизация, фиксация, экспертиза, оценка их исторического, научного, художественного и иного культурного значения. Не обеспечены мероприятия защиты памятников: не установлены их охранные зоны, не ведется соответствующий государственный контроль осуществления запланированных и текущих работ на объектах. Их территории сильно деградированы, площадь постоянно уменьшается, нередко происходит застройка, нарушающая законодательные нормы охраны культурного наследия и архитектурно-планировочную композицию произведения искусства. Они потеряли свою первоначальную архитектурно-планировочную структуру, для восстановления которой им необходима реставрация. Часто в разрушении памятников садово-паркового искусства принимают участие организации, в прямые обязанности которых входит их охрана. Например, Городская служба культуры финансирует установление малых архитектурных форм в виде памятников в этих садах (а иногда и строительство театров, как в случае сада «9 апреля»).

Зона охраны природного ландшафта представляет собой составляющую часть системы охранных зон недвижимого памятника. Историческая часть Тбилиси является памятником как исторически сложившийся организм с соответствующей структурой планировки, масштабом застройки, характером, силуэтом и ландшафтом. Зона защиты ландшафта установлена для сохранения и восстановления первоначального вида природной среды, определяющей индивидуальный внешний вид города. В зону

¹¹ «*» обозначены сады и парки, получившие статус Постановлением кабинета муниципалитета Тбилиси №12.01.255 «О проведении дополнительных мероприятий с целью сохранения и защиты садов, парков, скверов и других видов озелененных территорий» (25 июня 1998 г.). Приложение 1.;

«**» — получившие его Постановлением правительства г. Тбилиси № 13.04.284 от 18 ноября 1999 г. «Об утверждении дополнительного списка памятников садово-паркового искусства г. Тбилиси».

защиты ландшафта исторической части Тбилиси входят гора Табори, ущелье р. Цавкисисцхали, территории, прилегающие к горе Мтацминда и Черепашьему озеру, и в ней должна быть предусмотрена защита исторической среды — планировки, застройки, ландшафта, возможность восстановления параметров потерянных элементов.

На сегодняшний день в городе не охраняется ни один объект ни одной категории, присвоенной по закону Грузии «О системе охраняемых территорий Грузии», хотя на территории Тбилиси в советский период находилось несколько памятников природы. В 1996 году был упразднен статус памятников природы, присужденный на основе подзаконного акта закона ГССР «Об охране природы».¹² Вплоть до сегодняшнего дня, в течение девяти лет, не были утверждены новые списки, и состояние природных памятников не было пересмотрено согласно категориям охраняемых территорий, используемым Международным союзом охраны природы (IUCN). Существуют некоторые постановления о присуждении статуса, которые были приняты не на основе старого закона «Об охране природы». Исходя из этого и принимая во внимание, что территория памятника природы может быть только государственной собственностью и внутри защищенной территории запрещено разрушение и изменение вида экосистемы, до утверждения нового списка каждый случай, в котором фигурирует памятник природы, должен рассматриваться отдельно.

Первый национальный парк в Грузии «Национальный Парк Сагурамо» был создан в 1973 году. В 1979 году он был переименован в «Тбилисский Национальный Парк». В 1996 году приказом главы Департамента лесного хозяйства парк был упразднен (законность упразднения статуса вызывает сомнения) и переименован в «Тбилисское комплексное лесное хозяйство». В следующие годы территория была разделена: небольшая территория осталась под тем же именем, а остальные части были переданы разным лесным хозяйствам. Восстановление статуса и благоустройство этого национального парка предоставили бы городу уникальные рекреационные возможности нового типа.¹³

Категория «лесов зеленой зоны» присуждается лесам, принадлежащим фонду государственного лесного хозяйства, распложенным на прилегающих к городам и другим населенным пунктам территориях. Основной

¹² Согласно 58 пункту закона Грузии «Об охране окружающей среды».

¹³ Грузинское отделение WWF проводит проект «Инициатива охраняемых территорий. Леса для жизни», целью которого является создание национального парка на базе территорий бывшего «Тбилисского Национального Парка» и «Сагурамского Заповедника».

целью ведения лесного хозяйства в них,¹⁴ должна быть их защита и улучшение их рекреационного, санитарно-гигиенического и эстетического состояния. В них запрещается рубка с целью добычи древесины и т.д. Требования закона часто не выполнялись, чему способствовало и то, что прилегающей к городу территорией является семикилометровая зона вокруг города — также расплывчатое определение, пока ее границы точно не зафиксированы. Об этом свидетельствуют проблемы на территориях, граничащих с прилегающими к Тбилиси регионами.

Приватизация земель лесного фонда, расположенных в пределах города и его окрестностях, изменение их категории, любое строительство, использование в специальных целях, устройство охотничьего хозяйства и сдача их в аренду до недавнего времени были запрещены. С конца 2005 года на территориях «лесов зеленой зоны» разрешается приватизация, аренда земельных участков и строительство на них в случаях значительных проектов развития курортно-рекреационной инфраструктуры, строительства церквей и в случаях, когда ожидается экологическое улучшение условий города и его окрестностей.¹⁵ Это может иметь пагубные последствия для Тбилиси, так как фактически узаконивается строительство дачных поселков, гостиниц, ресторанов и т.д., тем более что «прямым предназначением этих земель» авторы поправки считают их использование в рекреационных целях,¹⁶ а леса, выращенные трудами многих поколений, могут быть уничтожены. Оценка значительных проектов и проектов строительства церквей осуществляется производится правительством Грузии, им же принимается соответствующее решение. Границами г. Тбилиси считаются границы, установленные согласно действующему генеральному плану перспективного развития г. Тбилиси.¹⁷

Менеджмент зелены насаждений

Озелененные территории Тбилиси можно разделить на объекты, находящиеся в подчинении города, леса и земли, принадлежащие лесному

¹⁴ Лесной кодекс Грузии (1999).

¹⁵ Согласно поправке, принятой в декабре 2005 года, к закону Грузии «Об особой защите зеленных насаждений и государственного лесного фонда в границах города Тбилиси и на прилегающей к ней территорий».

¹⁶ Пояснительное письмо к проекту закона о внесении изменений в закон Грузии «Об особой защите зеленных насаждений и государственного лесного фонда в границах города Тбилиси и на прилегающей территории».

¹⁷ Закон Грузии «Об особой защите зеленных насаждений и государственного лесного фонда в границах города Тбилиси и на прилегающей территории».

фонду Грузии и территории, принадлежащие другим владельцам. Описанное выше плачевное состояние всех видов озелененных территорий во многом вызвано неэффективностью систем их менеджмента.

Законодательная регуляция озелененных территорий в г. Тбилиси должна осуществляться на основе 34 и 37 статей Конституции Грузии; международных правовых документов, в том числе «Конвенции ЕЭК ООН о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (Орхусская конвенция), обеспечивающей экологические права человека; законов Грузии «Об основах пространственного устройства и градостроительства», «О защите культурного наследия», «О системе охраняемых территорий», «Лесной кодекс Грузии», «Об особой защите зеленых насаждений и государственного лесного фонда в границах города Тбилиси и на прилегающей территории», «Санитарный кодекс Грузии», целью и задачей которого является защита права человека, гарантированного Конституцией Грузии, — жить в безопасной для здоровья окружающей среде; «О столице Грузии — Тбилиси» и других законодательных актов. Несмотря на многочисленность нормативных документов, решение множества вопросов зависит только от воли правительства и заинтересованности конкретных чиновников соответствующих административных структур.

Озеленение находится в сфере управления как центральной, так и местной администраций. В целом эта система характеризуется крайней неэффективностью. Причиной этому служит нескоординированная деятельность и нечеткое разделение полномочий вовлеченных в нее структур. Немаловажным фактором является некомпетентность кадров и высокий уровень коррупции.

В последние годы интенсивно происходят процессы реструктуризации органов государственного управления и контроля с целью оптимизации их работы. Это выражается в объединении разных институтов, ликвидации части структур, изменении функций органов государственного управления и контроля, перманентном сокращении и замене государственных служащих. Вследствие вышесказанного исследование нынешней системы управления озелененными территориями города представляется довольно затруднительной задачей. В 2005 году были упразднены следующие городские службы, участвовавшие в процессе менеджмента озелененных территорий: Комитет охраны окружающей среды и природных ресурсов и Городская инспекция

государственного санитарного надзора. Часть их функций были переданы другим службам или на их базе были созданы новые службы.

Ниже мы коротко опишем основные функции государственных структур, отвечающих за эту сферу, и их работу.

В управление зелеными территориями г. Тбилиси прямо вовлечены следующие министерства: охраны окружающей среды и природных ресурсов; культуры, охраны памятников и спорта; охраны труда, здоровья и социального обеспечения; экономического развития. Министерства подготавливают и проводят нормативные акты и другие регулирующие документы в своей сфере и осуществляют соответствующую политику. Но они не только не выполняют своих функций, связанных с охраной и развитием зеленых территорий, что является действием, преследуемым законом, но часто активно вовлечены в противозаконные действия по хищению земель и уничтожению зеленых насаждений и массивов.

К задачам департамента лесного хозяйства Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов относится: сохранение и качественное улучшение лесных массивов, имеющих почвозащитные, водоохранные, климаторегулирующие, санитарно-гигиенические и другие функции. Компетенция департамента распространяется на значительную часть озелененных территорий, расположенных в пределах административных границ Тбилиси и в его окрестностях, на землях лесного фонда Грузии. С 2002 года лесные массивы, находящиеся в городе, подчиняются лесным хозяйствам граничащих с городом районов.¹⁸

Сферой и задачей департамента охраняемых территорий Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов является обеспечение работы инфраструктуры охраняемых территорий в соответствующем режиме, надзор над средствами охраны и их учет. Инспекция охраны окружающей среды соответствующего министерства является единым централизованным органом государственного контроля в сфере охраны окружающей среды. Генеральная инспекция того же министерства осуществляет внутриведомственный контроль.

В подчинение департамента культурного наследия Министерства культуры, охраны памятников и спорта входят озелененные территории, имеющие статус памятников культуры, и зоны охраняемого ландшафта

¹⁸ Гардабанскому л/х принадлежат следующие лесные участки: Цкнети, Коджори, Шавнабада, Самгори, «Клдис», Марабда, Варкетили и Ортачала, а Мцхетскому л/х - лесные участки: Лиси, Тбилисское комплексное лесопарковое хозяйство, а также дендрологический учебный центр.

памятников.¹⁹ Департамент должен пресекать незаконную передачу права собственности и неразрешенную деятельность на территории памятников.

Министерство охраны труда, здоровья и социального обеспечения ответственно за регулирование и разработку стандартов санитарной гигиены, включая стандарты озеленения, и за контроль над их выполнением. До 2005 года Министерство включало Центральную инспекцию государственного санитарного надзора,²⁰ которая также рассматривала проектную документацию строительства (реконструкции) объекта и выдавала гигиеническое заключение.

Министерство экономического развития также имеет отношение к управлению зелеными массивами, в частности, нас интересуют департамент строительства и урбанизации и государственный статистический департамент Грузии. Департамент строительства и урбанизации сотрудничает с органами государственного и местного управления и самоуправления в сфере формирования местной политики городского развития, а также в подготовке планировочных документов. В подготовке градостроительного кадастра принимает участие государственный статистический департамент Грузии, который обязан разрабатывать национальную систему классификации и регулирующие ее документы, национальные кодексы классификации и другие документы.

Из органов местного управления и самоуправления участвуют в управлении зелеными территориями Тбилиси следующие службы: городского планирования и благоустройства города. Городская служба надзора должна выполнять функции контроля.²¹

В функции службы городского планирования²² входит подготовка концепции перспективного развития города и генплана города, а также осуществление капитального строительства на основе тендеров и конкурсов. Служба благоустройства города осуществляет уход за озелененными территориями города и их реабилитацию. В компетенцию городской службы надзора входит участие в рассмотрении тех мероприятий, программ и перспективных проектов, осуществление которых связано с возможным вредным воздействием окружающей среды на здоровье населения. Она обязана осуществлять контроль над соблюдением норм охраны и профилактики в проектах планирования и

---

¹⁹ Согласно 8 статье Устава Министерства.

²⁰ В начале 2006 года этот орган был упразднен и пока неясно, кому будут переданы его полномочия.

²¹ Данные о составе служб приведены на 15.11.2005.

²² В 2005 году была упразднена городская служба капитального строительства с 32 штатными единицами, и ее функции были переданы городской службе городского планирования (бывшая служба градопланирования и пространственного планирования).

застройки города и при их реализации, следить за соблюдением санитарных норм по озеленению. Служба образования и культуры обеспечивает уход и благоустройство парков культуры. Она решает вопросы использования парков для проведения определенных мероприятий и программ. Районные службы благоустройства являются структурами районных управлений (гамгеоба) и подчиняются начальнику правления отдельного района (гамгебели). Они осуществляют работы по восстановлению и созданию части зеленых территорий.

Неэффективность менеджмента зеленых территорий вызвана также недостатком финансирования, что свидетельствует о том, что для правительства данный вопрос не является приоритетным. Этот вывод очевиден при рассмотрении бюджета города. В бюджете Тбилиси в 2005 году на работы по озеленению города было выделено 4 275 000 лари. В этом году объем финансирования по отношению к показателям предыдущих лет возрос на 1 130 000 лари, то есть на 26%. С другой стороны, доля расходов на озеленение города в бюджете Тбилиси сократилась с 1,3% до 1%. Финансирование памятников садово-паркового искусства из центрального бюджета через Министерство культуры, охраны памятников и спорта в 2005 году не предполагалось. Это можно расценить как еще одно доказательство того, что озелененные территории на этом этапе не являются приоритетными для правительства. Следует особо отметить, что большинство статей расходов, отведенных в бюджете города для озелененных территорий, не были полностью профинансированы, и, следовательно, работы не были завершены.

Мнение граждан

Для выяснения отношения граждан к проблеме озеленения города был проведен анкетный опрос населения. С помощью опроса мы также попытались установить, насколько население волнует проблемы озеленения, насколько оно готово принять участие в деле озеленения города и в работах по уходу за зелеными насаждениями. Анкетный опрос населения проводился в декабре 2005 года. Всего было опрошено 200 респондентов, проживающих в пяти районах Тбилиси.

Ответы на открытый вопрос «Что вы считаете экологическими проблемами г. Тбилиси?» после обработки данных мы распределили по нес-

кольным основным группам. В результате ответы распределились следующим образом в процентном отношении:

1. Проблемы в сфере озеленения города – 18,6 % ответов;
2. Загрязнение атмосферного воздуха – 28,8 %;
3. Проблемы в сфере менеджмента твердо-бытовых отходов – 27,9 %;
4. Загрязнение водных ресурсов – 6,0 %;
5. Проблема бездомных животных – 7,5 %;
6. Стройки, проводящиеся с нарушением экологических требований, – 3,5 %;
7. Низкий уровень экологического сознания – 2,4 %;
8. Грызуны – 2,4 %;
9. Иное – 2,9 %.

Полученные данные указывают, что население считает проблему озелененных территорий одной из самых значительных для Тбилиси. Для опрошенных она отстает лишь от проблем загрязнения атмосферного воздуха и проблемы твердых бытовых отходов. Ответы населения отразили спектр проблем озелененных территорий, который мы отнесли к первому блоку: недостаток озеленения, вырубка зеленых насаждений, неправильное планирование системы озелененных территорий, строительство на озелененных территориях и т.д. Также надо отметить, что соответствующая планировка озеленения города могла бы отчасти решить проблемы, входящие в блок «загрязнение атмосферного воздуха».

Анализ ответов на другой вопрос показал, что **74%** респондентов считает Тбилиси плохо озелененным городом, хотя и с разной степенью радикальности этой оценки: 27,5 % считает, что город озеленен плохо, а 46,5 % — «скорее плохо, чем хорошо». По мнению 23,5% опрошенных степень озеленения города удовлетворительна и лишь 2,5% считает город хорошо озелененным.

Отвечая на вопрос «Какие функции озелененных территорий важнее всего?», респонденты должны были ранжировать шесть вариантов. Выяснилось, что самой важной функцией горожане считают функцию очистки атмосферного воздуха и его обогащение кислородом (1-е место), отдыха и развлечения (2-е место) и почвозащитную и противоползневую функции (3-е место). Это подтверждает обеспокоенность населения города загрязнением атмосферного воздуха, а также то, что оно осознает роль озеленения в смягчении вредного воздействия загрязнения на здоровье.

В вопросе «Что является, по вашему мнению, самой большой проблемой для озелененных территорий Тбилиси?» было предложено 13 вариантов ответов для ранжирования. На первом месте оказалась проблема неухожженности, следующие значительные проблемы — замусоренность (2-е место), беспечное отношение граждан (3-е место) и застройка озелененных территорий (4-е место).

На вопрос «По вашему мнению, кто должен заботиться о городских озелененных территориях?» преобладающее большинство респондентов ответило «правительство и общество вместе». Также большинство опрошенных (75%) считает, что озеленением дворов жилых домов должны совместно заниматься правительство и товарищество владельцев квартир. 18,5% опрошенных считает, что за прилегающими к домам озелененными территориями должно ухаживать население близлежащего дома, товарищество владельцев квартир. Когда речь идет о прилегающих к домам озелененных территориях, то число ответов, предполагающих, что ответственность за зеленые насаждения всецело лежит на правительстве, меньше, по сравнению с ответами относительно городских озелененных территорий.

Только 21% опрошенных ответили, что посещают общественные озелененные территории Тбилиси хотя бы раз в неделю, из них только 6,5% посещают их почти каждый день. Большинство (43,5%) посещает озелененные территории лишь несколько раз в год, 15 % опрошенных ответили, что почти никогда не посещают озелененные территории. Несмотря на редкость посещения озелененных территорий большинство респондентов, отвечая на вопрос о том, нужны ли им лично или нет озелененные территории, 97% ответило положительно. Тем самым они подчеркнули понимание их экологического и санитарно-гигиенического значения. Но нельзя сказать, что респонденты не ценят рекреационное значение этих объектов. Это видно из распределения ответов на вопрос о причинах, по которым они не посещают озелененные территории чаще. Большинство ответили, что у них не хватает времени. По нашему мнению, несмотря на этот ответ, свидетельствующий о тяжелом социально-экономическом положении граждан, в случае благоустроенности садов и парков их посещаемость сильно возросла бы.

Более половины опрошенных никогда не принимала участие в уходе за зелеными насаждениями, хотя абсолютное большинство (90%) ответило, что желали бы принимать участие в таких мероприятиях.

Выводы и рекомендации

Возможности развития озелененных территорий Тбилиси

Исследование показало, что ситуация в системе озелененных территорий города очень сложная. Развитие озелененных территорий не считается приоритетным направлением для властей города. Тенденция разрушения парков, садов, скверов, лесов продолжается. Однако анкетный опрос населения города показал, что население, в отличие от властей, придает большое значение озеленению города. Для защиты общественных интересов и сохранения тех, и так малочисленных, озелененных территорий, которые еще остались в городе, необходимо принять неотложные меры.

При рассмотрении возможностей развития системы озеленения Тбилиси в первую очередь надо учесть огромную роль, которую она может сыграть в улучшении общественного здоровья. К сожалению, сейчас застраиваются и те озелененные территории, которые еще находятся в государственном владении. Необходимо частично сомкнуть озелененные территории вокруг города и в отдельных местах ввести «клинья озеленения» в городскую структуру. Создание идеального озеленения в центральной и исторической части Тбилиси на сегодняшний день нереально без нанесения серьезного урона другим потребностям городского населения. Оно потребовало бы реконструкции всего города. Освоение новых природных территорий и превращение их в парки для рекреации и отдыха населения также требует серьезного подхода, т.к. многие природные, естественно озелененные территории, находящиеся на территории города, содержат эндемические и исчезающие виды растений и представляют собой уникальные биоценозы, являющиеся средой обитания редких животных.

Реконструкция города и его возрождение путем рационального планирования озелененных территорий возможны лишь в том случае, если в ближайшее время будет принят запрет на строительство новых коммерческих или жилых зданий в центре города. Примером может служить возрождение Барселоны, в которой городская администрация смогла быстро добиться успеха, несмотря на ограниченные финансовые возможности.²³

Особое внимание надо уделить озеленению и созданию парков в сравнительно новых районах массовой застройки, а также восстановлению

---

²³ Лэндри Ч., Грин Л., Матарассо Ф., Бьянчини Ф. Возрождение городов через культуру. М., 1999. С. 24-52.

внутриквартального озеленения. Обязательным является более полное вовлечение населения в процессы как планирования, так и ухода за зелеными территориями. Наше исследование показало, что население достаточно мотивировано и готово принять личное участие в озеленении своего города.

Озеленение исторической части города является одним из самых трудных, противоречивых и даже на теоретическом уровне не решенных полностью вопросов.²⁴ Уличное озеленение здесь проблематично из-за узких улиц, а строительство скверов и садов — из-за компактности застройки и по причине необходимости очень осторожного подхода к любому вмешательству в сложившуюся историческую среду. Даже «вертикальное озеленение» является неоднозначным решением, т.к. внешние фасады зданий, имеющие культурную ценность, будут закрываться. Очень ценным для улучшения гигиенических условий в этом случае может оказаться «вертикальное озеленение» внутренних фасадов и дворики, которые характерны для домов исторической части города. Надо отметить, что на внутренних фасадах в «старом городе» традиционно распространено использование вертикального озеленения.

По нашему мнению, важно, чтобы при планировании работ по озеленению населенных пунктов, кроме создания благоприятной жилой среды, задачей ставилось сохранение редких и исчезающих видов местной флоры. В Тбилиси возможно выращивание многих видов редких и исчезающих растений дикой флоры (в том числе внесенных в «Красную Книгу» и «Красный Список» узколокальных, реликтовых, эндемических видов Грузии и Кавказа), часть которых дико произрастает на территории Тбилиси. Многие виды распространенных в Грузии эндемиков, редких и исчезающих видов в природе почти уничтожены из-за их хозяйственных, лечебных и декоративных свойств, а также из-за разрушения среды распространения. Для сохранения им требуются защита, размножение и реинтродукция. Введение их в ассортимент озеленения может стать одним из способов их защиты. На сегодняшний день в ландшафтной архитектуре Тбилиси возможно использование 126 редких видов растений.²⁵

²⁴ Вардосанидзе В. Озеленение Старого Тбилиси. Историческая ретроспектива и градостроительный контекст. Рукопись. Фонд охраны культурного наследия Грузии, 2005.

²⁵ Ратиани Н, Цицвидзе А, Асишвили Л, Ерадзе Н, Сирадзе М. Результаты интродукции эндемических, редких и находящихся на грани уничтожения растений Кавказа в Тбилисском ботаническом саду // Труды Тбилисского ботанического сада. 2001. № 91. С. 124-150.

Рекомендации

С целью усовершенствования правовой базы и приведения существующих актов в единую систему необходимо принятие закона о системе озелененных территорий городов и населенных пунктов. Принятие закона «О Тбилисском Национальном Парке» было бы значительным шагом в развитии всего города и открыло бы огромные возможности. Для развития и охраны озелененных территорий необходимо принятие подзаконных актов о нормах и правилах озеленения города, присуждении им категорий, правилах их учета и регистрации. Желательно, чтобы в скорейшем времени произошло определение статуса каждого конкретного объекта. Требуется утверждение списка памятников природы и охраняемых ландшафтов, существующих на территории Тбилиси.

В городе необходима структура, осуществляющая разработку и реализацию городской политики в сфере управления озелененными территориями и охраны зеленых насаждений.

Требуется также неотложное проведение учета **всех** озелененных территорий, находящихся на территории города, уточнение их границ и проведение работ по инвентаризации. После уточнения границ города, леса, находящиеся в его пределах, желательно передать в подчинение города. Озеленение города должно проводиться в рамках единого подхода, установленного планировочной документацией города. Для создания «зеленого каркаса» города в первую очередь надо связать озелененные территории, находящиеся в городе, и леса окрестностей путем создания бульваров и парков. Необходима постройка системы обводнения города.

Расширяя ассортимент видов зеленых насаждений, надо принимать во внимание вопросы здоровья населения, исторически сложившийся вид района, эстетическую ценность растений и мнение местного населения. Перспективным представляется увеличение вертикального озеленения в городе, особенно в его исторической части.

Для повышения ландшафтно-архитектурной ценности создаваемых озелененных территорий, необходимо проводить открытые конкурсы на разработку соответствующих проектов.

SUMMARIES

Hrant Ter-Abrahamyan

YEREVAN URBAN MILIEU AND DISSENT

The author makes an attempt to reveal and substantiate the connection between urban anthropology and dissidence by the example of Yerevan in 1960-1980. It is quite possible that the background prerequisites for the emergence of an urban opposition to the official system were created by the very «meta-ideology» of the architecture of the city. The author assumes that the urban environment forms a basis for the alternative discourse, social network and «civic consciousness». Furthermore, the specific Yerevanian urban self-consciousness of that period appears evolving from opposing oneself to the common Soviet way of thinking. The connection between concrete dissident activity and urban alternative milieu is evident, as is the isomorphism of the everyday dissident and city cultures. The author believes that urban «alternative» of the 60's – 80's undoubtedly affected the national and democratic movements of 1988-1990.

Hakob Hakobyan

SOME FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE ROCK MOVEMENT IN ARMENIA

In this work, an attempt is represented to reconstruct histories of the development of rock music in Armenia from 1960-1980. This reconstruction includes historical reconstructions, rock milieu description and discourses, and characteristic for this milieu.

Several different means were used for this purpose, including sources from different Internet resources; however, the researcher chose to rely primarily on oral informants' memories, and the entire perspective was specially created on the basis of this information.

In this work, «rabiz» also is described as a social and musical phenomenon. The description of this phenomenon is given due to its importance in the process of model identification in people associated with rock music.

Ilham Abbasov

NATIONAL HISTORY IN SECONDARY SCHOOLS IN THE CONTEXT OF THE IMAGE OF «HISTORICAL ENEMY»

The appearance of so-called national states, be it in the early 20th century after the collapse of the Austro-Hungarian Empire, or at the end of the century when the Soviet Union disintegrated into 15 republics, is accompanied by the active construction of ethnic historical myths. This historical revision of the community which is now called «nation» took place in Azerbaijan too. This process can be precisely observed in its development. In the course of the revision and elimination of «black spots» in Azerbaijan's history, a number of ethnic myths emerged to service the official ideology of the newly independent state. Professional historians were the primary creators of these myths. At the same time, only a minority of professional historians actually take part in the active development of new narratives. The majority then fulfil the function of telling every citizen of the country the officially endorsed picture of ethnic history.

An ordinary citizen obtains basic knowledge of national history at secondary school, and school textbooks, accordingly, are the most popular narrative of history. At a certain age and with varying degrees of attention, every citizen reads this official history. We believe that it is of paramount importance to study how this new ideology forms on a conflict basis; it is no secret that school textbooks are already presenting Armenians as an embodiment of evil. Understandably, the war, the huge number of victims, and the loss of territories are largely responsible for this. But people leading the country should understand that whether we want it or not Armenians and Azeris are bound to live side by side, and they should think about whether it is correct to teach schoolchildren with ethnically intolerant educational material on the history of the relations between the two countries. This is not about Armenia only. The topic of Southern Azerbaijan (Northern Iran) is increasingly being developed in this country, and not only by representatives of nationalist parties. This topic is gradually taking on the shape of an emerging irredentist movement for the unification of all Azeris. Neighbouring Iran is often presented as an absolute evil, and Russia too is becoming an «evil power».

The research itself was devoted to the description of a wide circle of

ethnic myths. In this text the main attention is concentrated on an ethnic myth which is central for Azerbaijan - the one about a «sworn» or «historical enemy».

The text of this article, like the research itself, is divided into two parts. The first is devoted to the study of written sources, focusing mainly on secondary school national history textbooks. The second part is devoted to an analysis of field material. These are, first of all, the texts of problem-oriented interviews with teachers of history in schools and universities. I believe that the method itself, holding problem-oriented free interviews with history teachers, has a purpose in this case only on the basis of the presumption that teaching is a dynamic, largely creative process which cannot be fit into the bed of Procrustes (right) of official discourse. This is true inasmuch as alternative points of view of historical processes become accessible to the historian-specialist himself. Modern communications and the significantly thinner information curtain allow people to familiarise themselves with narratives which differ from those forming part of official propaganda. In addition to historians, problem-oriented interviews were also held with pupils of secondary schools and this part of the research was also presented in this text concerning the myth about the «sworn enemy».

Suren Manukyan

THE GENESIS OF NATIONALIST DISCOURSE IN SOVIET ARMENIA AT THE BEGINNING OF THE 1960'S: THE RISE OF UNDERGROUND GROUPS

The beginning date for this phenomenon is considered to be April 24, 1965, when the anniversary of the Armenian genocide was finally commemorated after years of being prohibited and ignored.

The use of violence by authorities to break up the meeting of April 24 in 1966 became the impetus for the appearance of numerous patriotic underground groups, including the strongest representative of the Armenian underground movement of the 1960's-80's – the National United Party.

Without ignoring the enormous influence of the above-mentioned events on the formation of a favourable atmosphere for the appearance of national patriotic movement, the spontaneous development of such a strong movement without an pre-existing background and corresponding prerequisites seems improbable.

It should be noted that national questions for the average Armenian were always the most important and foremost. Even during the Soviet years the underlining of Armenian identity and ethnicity was an inherent part of the nature of any Armenian. It is not possible to consider the construction of the Soviet person (the so called «Homosoveticus» phenomena) in this republic as a successful project. Throughout all the years of the existence of the USSR, the inhabitants of Armenia considered themselves first of all as Armenians. Soviet citizenship was a secondary, less important self-perception. As specialists of national identity issues and nationalistic discourse among Armenians emphasise, the main roots of this interesting feature of Armenian reality are a strong identity, a rich and traditional culture, and an ancient national history.

That's why even in these conditions the beginning of the 1960's can be called the period of national revival. Ordinary, «everyday» nationalism was caught and headed by intelligentsia, which gave form and direction to public moods. It formed the unconscious desires and the actions of the population in the ordered system, which was named the «revival of national

consciousness». A similar intellectual and cultural atmosphere, naturally, generated a stratum of political dissent. While it did not have an especially strong position, it nevertheless initiated some political considerations and discussions in society.

In this atmosphere the earliest evidence about the organized forms of the national-patriotic movement of the 60s is the sentence of so-called «seven patriots». They were Vigen Babayan, Khachatur Amirdjanyan, Meruzhan Hovhannisyan, Karapet Kiramijyan, deacon Grigor-Hovhannes Eghian, Khachik Safaryan and Edward Kakosyan; all of them were blamed for nationalistic and anti-Soviet views and for the creation of secret organisations.

Leyla Sayfutdinova

ARMENIANS IN AZERI FICTION LITERATURE: INTERGROUP BOUNDARY AND THE FACTORS OF ITS STRENGTHENING/WEAKENING

This article explores representations of the Armenian-Azerbaijani interethnic boundary in the Azerbaijani fiction written and published after the breakout of Nagorno-Karabakh conflict (1988-1989). The findings are then compared with the fiction of the previous, relatively peaceful historical period. With the purpose of determining the inter-group boundary, the author looks at the identification of Armenians and the differences between Armenians and Azerbaijanis. Characteristic Armenian names and surnames are the major identification marker. Another common way of identifying Armenians is by directly pointing out ethnicity. Armenian identity is also often revealed through geographic and historical context. The differences between the two groups are rooted in the religious distinction between Christians and Moslems. In many cases this fundamental difference is shown by directly referring to characters' religious identity. This difference can also be invoked indirectly – by using characteristics such as eating pork and drinking alcohol, which are prohibited in Islam. The markers and indicators of the inter-group boundary are consistent throughout all of the 20th century.

The inter-group boundary is weakened by the experience of Armenian-Azerbaijani co-residence and emotional attachment to the land of Azerbaijan and Azerbaijani friends. Again, this trend is consistent throughout the 20th century. In the literature of the conflict period, the fates of these Armenians are tragic. Unable to fully identify with either group, they die, killed either by Azerbaijanis or by other Armenians.

There is one specific plot that is reproduced time and again – a love story between an Azerbaijani man and an Armenian woman. But, regardless of the strength of the feelings and the lovers' will to be together, these love stories also end tragically with one or both people dying.

The boundary is reinforced by the hatred that Armenians feel towards Azerbaijanis and Moslems in general. This is a common theme in many

examples of fiction published after the breakout of the conflict. Unlike Armenian «friends», who had lived with Azerbaijanis side by side, such hostile Armenians also are usually outsiders – they come from outside of Azerbaijan and the Caucasus.

The research showed that the representations of Armenians as enemies and as friends coexist in the fiction of the conflict period and the first has not superseded the latter. The more troubling development is the tragedy of even the most positive representations of Armenians and lack of even imaginary peaceful coexistence and cooperation of the two groups, as if the conflict and the cleavage are natural and forever.

Sevil Huseynova

AGENTS OF REPRODUCTION OF ETHNICITY IN THE CONTEXT OF THE AURA OF FATALITY OF NATIONALITY

Throughout the year, the author researched the everyday practices and the construction of the identity of Armenians of the city of Baku. The consequences of the Armenian-Azerbaijani confrontation of the late 1980s - early 1990s (pogroms, deportations, war) have made it impossible to talk about any institutionalized community of Armenians in the city. The statistics of their very number in Azerbaijan, outside Karabakh, are very contradictory and vary, according to different figures, between 1,500 and 30,000. These are mainly women who are married to Azeris. Their everyday life is, as a rule, limited to the circle of their neighbours and family, while their contact with the outside world is reduced to a minimum. Thus, the difficulty of finding informants inevitably arose during the research. In this situation, the only possible way to make contact that was selected was to do it through informal connections (acquaintances, friends, relatives and rights activists).

The Armenian identity itself is defined by society. For this, it is enough for one of the parents, either father or mother, to have been identified in the Soviet period as Armenian (a column in the passport) or for their neighbours/colleagues to know about the official identity of the informant's parents or the informant himself in the Soviet period, i.e. before the beginning of the confrontation. In such a situation, any marker that can be associated with ethnicity becomes a problem that the actor tries to get rid of. However, even if the surname, name and other signs that demonstrate the person's ethnicity are changed, the social environment in which the actor underwent socialisation and which has knowledge of the circumstances of his «previous life» often continue to identify the informant as Armenian. Self-identification in these conditions is not perceived by people surrounding the informant as his free choice. However, considering the fact that the significance of ethnicity which has suddenly arisen, and the certain potential of danger which Armenian ethnicity accumulates in itself, informants themselves are also compelled to

build their everyday practices oriented towards the strict requirements of the social aspect.

This article is a case-study analysis of one interview or, rather, one life story. Using the example of this autobiographical interview, we were able not only to trace the social history of the life of an Armenian woman in Baku, but also to see its completion. The informant - let us refer to her as «N» - is a woman born in 1970, with higher education, married, who emigrated from Azerbaijan in autumn 2005. Thus, in light of the specifics of this research, her story is over to us. At the same time, N's every-day life demonstrates in a certain sense two practises which we singled out as typical, but which seem to be merged into one. On the one hand, for her social environment, N's identity is determined by her father, an Armenian, whose surname she bore up until the events (as the Nagorno-Karabakh war/conflict between Armenia and Azerbaijan is usually referred to) . The surname is the primary ethnic marker operating here. N experienced the events when she was a young and socially active woman, first as a student and then when she worked in different private organizations. This is the radical difference between her life experience and the experience of the majority of Armenian women, who are compelled to lead a closed lifestyle limited to their family and relatives. N then experienced the events of the late 1980s - early 1990s as a single woman. She later married an Azeri and thus, up until her divorce, she had some social capital which added to the ethnicity of her mother, who was Russian. As a result, this interview allows us to observe more clearly the significance of the presence/absence of a husband. Most importantly, the informant, who in her every-day life fully experienced the sensations of an identity imposed on her by society, escaped suffering strict pressure (loss of housing, property, job, etc). Thus, although this interview does demonstrate recollections of the actors' habitual every-day practices that we described as typical of Armenians, at the same time it shows a certain diversity of survival strategies in a hostile social space.

Ana Chelidze

ETHNIC NATIONALISM IN GEORGIAN ORTHODOX CLERGY

The work is mainly based on the analysis of scientific literature on the issue and data of qualitative sociological research, including in-depth interviews with experts (12 experts were interviewed) and with representatives of the Orthodox clergy (5 respondents); as well as the analysis of homilies by the Orthodox clergy (homilies of 13 priests) and clerical literature (involving religious press from January 2004 to August 2005).

The work mainly concerns the problems of nationalism and religious nationalism and their dissemination in Georgia. The idea of nationalism has two conceptual meanings. The first refers to the idea of nation in a civil-political meaning, which implies the identification of a nation with the citizens of the state – liberal nationalism. The second is ethnic nationalism, which defines a nation in ethnic terms and is the radical form of nationalism which often appears as religious nationalism.

Religious nationalism implies nationalism characterized by religious shades. It is a tendency to identify being a representative of a nation or ethnic group with being part of a certain confession. This is not just an emotionally neutral tendency; it involves a certain amount of aggression towards those who are not members of this confession or nation. The basic thesis ensued from religious nationalism is ‘To be Georgian means to be Orthodox, not to be Orthodox means to be an enemy’.

One problem of stemming from the importance of the Georgian Orthodox Church is Orthodox religious nationalism, which according to the experts and some clergy is followed by the discrimination of the rights of religious and ethnic minorities and the distortion of Orthodoxy itself. The church tries to dictate its own political values to society, which mainly do not coincide with civil values.

Experts have singled out several characteristic features of Orthodox nationalism in Georgia. The existence of this nationalism in the Georgian Orthodox Church is illustrated by an analysis of the interviews and homilies of

the clergy, as well as the reviews of religious press: the identification of a Georgian with an Orthodox; claiming the superiority of the Georgian nation over others; outlining the special qualities of the Georgian language and alphabet; a negative attitude toward religious minorities that is justified by the negative influence they supposedly have on the Georgian people; anti-globalization tendencies and denouncing liberal values; etc.

Hence, among the Georgian Orthodox Clergy, Orthodoxy is mainly viewed as 'national ideology', and 'the national role' of the church for them is higher than its social role. Consequently other religious trends and ethnic groups are considered to be a menace to the Georgian state and national integrity, which provokes an aggressive attitude to other religious trends and ethnic groups.

Aysel Vazirova

HIJAB IN A CITY: MODERN DISCUSSION ON UNITY, FREEDOM AND HEADSCARVES IN AZERBAIJAN

This article examines an element of the legal and political conflict between government institutions and Muslim women wearing headscarves in Azerbaijan. The conflict has taken the form of heated public discussion, court cases and collective public protests. The two opposing sides fought over Muslim women's right to attend classes in state educational institutions and to take passport pictures veiled (covering everything but face).

Contemporary interpretations of the hijab are set against the rich cultural and political background of the issue of veiling in modern Azeri society. The modernization that took place under Soviet rule strongly focused on the transformation of the private sphere and the creation of new women, actively involved in mass education and production. The transformation for Muslim women was described through the language of liberation, more specifically in the act of unveiling (forced and voluntary). Contemporary interpretations follow this tradition by representing hijab as either a prison for Muslim woman or liberation from imposed norms of Western femininity. These clashing interpretations are entrenched in common discourse which relates the covering and uncovering of female bodies to individual and social freedom.

I proceed with a close reading of the legal provision that sets the standards for passport pictures of Azerbaijani citizens. The Ministry of Foreign Affairs and a group of Muslim women supported by human rights activists presented two opposing interpretations of this provision during court proceedings in 1999. The former grounds its argument on the principle of equality of all citizens and considers it unacceptable to alter the laws of a secular state according to individual religious beliefs. The latter considers a ban on «veiled» passport pictures a violation of the individual freedom of consciousness guaranteed by the constitution. The article continues with a suggestion that different ideas about the appearance of normative citizen on passport pictures are at the core of this debate. Modern ideas of citizenship, as demonstrated by R.Brubaker's analysis of citizenship in France and Germany, reflect particular ways of imagining the national community.

A thorough examination of a wide spectrum of opinions represented in public discussion demonstrates that arguments are set within the meta- narratives of nation building and human rights. I propose that two discourses map the field of this public discussion in Azerbaijan. The official discourse of the nation-state in modern Azerbaijan merges «equality» and «unification» into the idea of political and cultural unity («birlik»). Cultural unity presupposes the unified production of religious interpretations and a certain mode of Islamic religiosity, included in the list of national values. Political and cultural unity is regarded as vital for the survival of the national community in its highest form, the nation-state. The language of cultural unity sets distinct borders for visual representations of the normative citizen. Veiled bodies are placed outside of these borders in the realm of otherness. The oppositions between unity and division, authenticity and otherness are essential for this argument. Significant element of the discussion in newspaper articles and other sources includes the questioning of the authenticity of hijab in local tradition, or the incompatibility of veiling with the secular nature of Azerbaijan's state institutions. At the same time the discourse of human rights considers veiled female bodies to be a reflection of individual choices protected by the freedom of consciousness. The main opposition used here is between «human rights» and «discrimination». Thus the idea of freedom emerges again in the discussion as tied to the act of veiling. However this time freedom is placed within the general framework of recognition with regard to diversity of human beliefs and practices.

The two discourses described above are used by opposing sides in the conflict and are hardly compatible. In their argument the opponents of hijab consider equality as a core of the institution of citizenship. This idea is closely tied to the political and cultural unity of citizens as essential for the survival of nation-state. Within this language, diversity is described as carrying a potential threat of division. On the other hand the language of human rights used by proponents of hijab treats unification as detrimental to the freedom of individual choices.

I conclude by suggesting that the conflict around passport pictures reflects the challenges in bridging the gap between two discourses organizing the discussion of hijab in Azerbaijan and may bring to the fore a reconsideration of dominant ways of imagining the nation, religion and freedom.

This article is a part of a broader research conducted in 2005 with the support of H. Boell Foundation.

Ia Tsulaia

PAST, PRESENT AND FUTURE OF KIST IDENTITY

This research aims at the study of Kists identity transformation during recent decades and tries to identify the circumstances that led to this transformation. The research is based on interviews with Kists.

Kists, who are originally Vainach people, have been living in the Pankisi gorge for the last 200 years. Their surnames sound Georgian, they received education in Georgian language, and most of them consider Georgia as to be their homeland. In these 200 years they have adopted Georgian culture, although they are Muslims and still speak their own Kist language.

The Kist identity experienced great changes in the last decade when Chechen refugees came to Pankisi gorge. Kists have been transforming their ethnic identity into the Chechen one as they discovered that they have a lot in common with Chechens (who also originated from Vainachs). Although the interpretations of the Kist identity in the Soviet period varied across families, today the idea of Chechen origination is most common.

The author analyses several reasons for the transformation of Kist identity into a Chechen one. After the breakdown of the USSR and rise of national movement in Georgia, ethnic minorities in Georgia faced discrimination. At that time Chechnya became an ideological partner of Georgia in the fight for independence from Russia. The prestige of Chechnya among the Kists particularly increased in that period. Kists 'choose' to be Chechens, in spite of the fact that they also have the same roots, for example, with Ingushes. When the Chechen refugees came to the Pankisi gorge, on the one hand it facilitated the process of transformation of the Kists' identity, but on the other hand reinforced negative practices (drug circulation, criminality). As a result, some Kists started identifying themselves with 'ancient', 'true' Chechens, and the people who managed to save Vainach culture and language in the most pure form.

The question of identity led to a generation gap in the Kist society. The older generation prefer to keep their unique Kist identity, and rely mostly on unwritten rules (adapt) in their everyday life. The young generation tends to consider itself as Chechen and becomes more and more religious.

TAT-SPEAKING ARMENIANS: 15 CENTURIES FROM «ARMENIANHOOD» TO «ARMENIANHOOD»

The issues of ethnic identity, formation, and historical development of Tat-speaking Armenians have been unexplored in Armenian, Iranian and Caucasian Studies.

The historical, ethnographical and linguistic data attest to the fact that this group of people consists of ethnic Armenians. Under certain historical conditions they were submitted to assimilation and they lost their native language, becoming Tat-speaking (Iranian language family). However these people have kept their Armenian self-consciousness, Christian religion, and cultural originality up to the present day.

The group began its development from the 6th century in North-Eastern Transcaucasia in Armenian military settlements. The formation of the group was closely linked with political and ethno-cultural developments on the territory of Eastern Transcaucasia. Analysis of the facts shows that the transformation in language hasn't led to changes in self-identity, and there is still a strong Armenian substratum in the Tat-Armenian dialect. Besides this, an important role should be given to the factor of religion which helped to keep, express, and activate the group identity.

During last 100 years there have been interesting transformations in the expressions of identity among Tat-speaking Armenians.

1. The image of «Turks» as «other – enemy» continued despite the ideological and political context of the Soviet period. The tragic events at the beginning of 20th century, when the group, together with the Armenian population of Eastern Transcaucasus, was subject to persecution and ethnic cleansing also served as a «resource» for the actualisation of that image. These events also facilitated the consolidation of the «us» component, which is manifested in behavioural models of solidarity with «the Armenians» and construction of «shared tragic historical fate».
2. In spite of Soviet ideology and policies, religious perceptions did not undergo

profound changes. It can also be stated that the confessional factor, despite its important role in the group identity, gradually gave way to an ethno-national component which was expressed in different ways.

The confessional factor of identity in the context of traditional religious holidays and rituals «moved» from public institutions (churches) into the families and was sustained there.

3. As to the Tat-speaking aspect of the group, this identity factor underwent profound transformations. First of all, the common name of that language cannot be traced at least within the last 100 years.

In particular, the term «Tat» is used by the Armenians of Qilvar village, while Armenians from Madrasa village use the term «pharsi». Armenians from Karabagli village (Dagestan, Russia) and town of Budionovsk (Russia) refer it as «djhuda (Jewish) language» or «kegacieren» («village» language), while in Edessia village (Stavropol region, Russia), according to linguistic criteria, it is a completely different language – «bizimcha»- i.e. «our language – Turk».

Essentially «pharsi» was passed down the generations only in the milieu of the formation of the group, i.e. in the Eastern Transcaucasus, and to varying degrees its bearers were inhabitants of Madrasa and Qilvar in the Azerbaijani SSR. The North Caucasian part of the group has preserved only memories about the «djhuda language» or «kegacieren». The Armenians in Budionovsk are Russian speaking, and among Armenians of the village Karabagli Armenian- Russian billinguism prevails; Edessians use «Turkish»-Russian.

Complicated cultural linguistic processes have been underway in the village of Edessia during past 100 years. As a consequence, according to linguistic criteria, a different language, «bizmicha», is used there.

4. As in the contemporary trends in the Armenian identity for the Tat-speaking Armenians and their descendants in the North Caucasus, the main «time axis» is the year 1988, which is linked to Karabakh events.

As a result of the deportation of the last representatives of this group, the inhabitants of Madrasa and Qilvar villages, from the historically formed area, i.e. the contemporary Azerbaijani Republic, part of this population is in Armenia, while the majority is in the North Caucasus. This circumstance forces them to «search» for or construct new forms of identity. In this context and under quickly changing conditions, this part of the group undergoes active processes - for example, group forms of self organization, etc. But the main

direction of these trends is the ethnicisation of identity.

The descendants of the re-settlers of the late 18th century, i.e. inhabitants of Budionovsk, Edessia and Karabaglov, advanced «national projects» in the framework of «Armenianhood».

Diana Ter-Stepanyan

CONSTRUCTION OF POWER THROUGH INFORMAL PRACTICES

Informal institutionalization, e.g. the predominance of informal practices beyond formal institutions, is one of the widespread consequences of post-authoritarian transformations. It was not possible to avoid it in Armenia.

In this article we attempt to characterize the structure and the nature of the authoritative relationship in the urban community through revealing informal practices and mechanisms of power implementation. The construction of a system of power through informal practices is the subject of real survey.

The choice of urban community for surveying the structure of authority relationships is due to the fact that the system of administrative governments in an urban community represents a model community where the system of representational and executive powers acts institutionally.

A qualitative approach was made based on the nature of the surveyed subject. The survey was conducted using a case-study strategy. A process having the most important role in the political life of any community – elections for local self-governmental bodies – was taken as the «case». In the survey classical qualitative methods for performing a case study have been used: free interview, observation, analyses of normative documents, printed mass media, as well as analyses of video materials.

As it appears in the result of the survey, the network approach is the most adequate for the explanation of survey analyses in the characteristics of authority structures and relationship inside it. In the framework of a network approach asymmetrical connections like patron-client are reviewed along with symmetrical connections, which provide an explanation in the framework of this survey.

The main characteristics can be determined from the results of the survey, allowing us to talk about the network character of the authority structure in the urban community:

The formal role of the subject is implemented or not under the pressure of his informal role;

The relationship between patron and client is an expression of informal agreements, sometimes even unspoken, in the framework of formal roles

carried out by individuals;

The same subject can be a patron and a client, but for different levels of the clientele network;

Patron-clientism stands on the vertical order of subjects, which determines their unequal access to resources as the basis of dependent relationship;

Vertical connections as a base of patron-clientism form administrative capital, connected with capability of some actors to regulate the access to resources and the types of activities other actors.

The hierarchy creates the system of dependence of elements on the basis of unequal access to resources. Resource dependence is the concealed spring of coercion that appears as voluntary activity. The «patron-client» relationship is determined as a stable system of subject relationship, possessing the ownership of resource differentiations in the result of affiliation to different levels joining them to the hierarchy. The patron takes care of the client according to the resources under his command, gathering the responding tribute in the manner of gratitude for care. «The basis of the patron-client relationship creates the exchange between two people of unequal power and status. The patron is the leading and more powerful participant of this relationship, who suggests his care and provides access to deficit resources (land, employments, investments) to the less powerful participants, the clients who are depending upon him. Clients in their turn provide support to the patron and render him various values and services, which should be called 'tributes'» (E. Kovalev).

Thus, resuming the surveyed case, we concluded that the head of the region is in a «patron-client» relationship, with the head of urban community acting as a patron. The community head in his turn acts as a patron towards the member-clients of community council, and those act as patrons in the relationship with others. Thus, on the level of local-self government of the city, representative power in the community council, which is provided as the function of balancing the executive power, instead finds itself at the mercy of the mayor. Thus, the whole system of the local self government becomes dysfunctional.

In this way, the relationships formed in the structure of the authority structure of the city D. are characterized as networks in which the possessors of formal power act in informal relationship as «patrons-clients».

Tamar Charkviani

INFORMAL LABOUR RELATIONS IN GOVERNMENTAL INSTITUTIONS

The effectiveness of social institutions in a constitutional state depends greatly on formal norms, on the one hand, and on the mutual correspondence of norms and real practice on the other. In well developed legal society laws and norms are interpreted by most citizens as fair, and they are acknowledged in mass social practice. In transitional, transforming societies the prolonged weakening of institutional systems is followed by the stabilization of illegal social practices that deviate from formal norms. The combination of various mass practices is a chief issue of the given work. It forms the real life of Georgian society and corresponds to formally-established effective laws and norms related with the state service.

The research included the following stages:

Study of relevant literature devoted to the theory of state service, concept of formal and informal practice. The works (theories) of the following authors were analyzed: M. Weber, W. Beck, E. De Soto, Murdal etc.

The next section deals with a documentary study of formal norms linked with labour relations and the detailed analysis of the «Law on State Service in Georgia». Some drawbacks of the law have been evinced and their solutions formulated. Emphasis has been made on the fact that some discrepancies in the law encourage informal practice.

A sociological study has been carried out consisting of two stages: a) a qualitative sociological research and the survey of experts in particular, and b) a quantitative sociological research.

State institutions in Georgia grow into informal relations and private bonds, and undergo a kind of deformation involving an analysis of unfair labour practices in federal service, e.g. nepotism, protection, patronage, etc. This results in a failure to function as planned according to the general rules of the game.

It was proved that not only are these unfair practices widespread in practice, but they also become stable, permanently producing phenomena

that integrate with the forming system of public relations. They become norms of social factors and consequently they become internal.

In conclusion, it can be asserted that serious differences that exist among formal norms and actual practice in federal service negatively affect the welfare of society and its future. It is common knowledge that practice coinciding with law has not only a relative judicial benefit on the community, but also influences the rule of society and the possibility of affecting its development by means of the appropriate laws and norms.

Khatuna Gvaradze

CHARACTERISTICS OF THE WOMEN'S MOVEMENT AT THE END OF 19TH AND THE BEGINNING OF 20TH CENTURY IN GEORGIA

Based on Georgian press and media, historical documents, and archival materials (records of proceedings of women's organizations, annual reports, reports of cases, biographies of Georgian female public figures, memoirs), this article covers the chronological frames of the characteristics of the women's movement in Georgia. To highlight this in context, the stages of the women's movement in Russia have also been pointed out.

The last quarter of the 19th century's press included articles not only about the human rights of foreign women, but they also reviewed in depth the conditions of Georgian women. Nevertheless, in spite of the fact that Georgian women were fully aware of the women's movement abroad, their unification with foreign feministic organizations or suffrage movements did not occur. The character of the Georgian women's movement within the Russian one was very fragmental as well. According to what the press highlighted at that time, it seems that support from very progressive Georgian men in the activeness of Georgian women was very high, though through very tense control. The Georgian women's movement could not develop because of several factors such as the lack of connection to the outer world; at that time they were only informed about the processes abroad through the press and very poorly translated literature.

Women's social activeness in different cities in Georgia (from the last quarter of the 19th century), forming women's circles and establishing public organizations, was mostly based on charity, while the women initiating the activity were from higher levels of society.

Despite the bourgeois-democratic revolution in 1905-1907 and its result in the unified national movement, the women's movement did not change its character; it did not fight for gender equality. Furthermore, women's organizations were formed only for charity purposes from 1913 - 1917.

During the revolution 1917, the only women's club that aimed to rehabilitate the civic and political rights of women was established in Georgia. However, its activity consisted only of publishing newspaper articles, with no further movement of either political rights, slogans, or any other similar characteristic action.

The main characteristic of the women's movement was that women's issues coincided with national interests, and Georgian society viewed this social activity of women as a part of the common conflict with the colonial policy of Russia.

Anna Papyan

POLITICAL AND PUBLIC ACTIVITY OF WOMEN IN RURAL COMMUNITIES OF ARMENIA

Despite the ratification of major international documents regarding gender equity and the consolidation of the principle of gender equity Constitution and a range of laws, women are in practice marginalized from the decision making process in Armenia. To achieve equal involvement in politics, documents are not enough. In the process of change, perceptions about gender roles in society and the willingness of people to change it are more important.

The main purpose of this paper is to discover what the cultural and psychological context related to gender roles in a small social group is, and to describe how some women try to be involved in political and public life in and out of these groups. A rural community has been selected for research for two reasons: first, it is the lowest level of decision-making and second, traditional norms are more entrenched in rural areas.

The research has qualitative character and is presented through a case study of a rural community headed by a woman. The description and analyses include: finding out the stereotypes related to the role of women in a community, work habits of the woman in power, and the display of stereotypes and women's strategies in the main political process of the community – elections of local self governance bodies.

The results of the research showed that there are both positive and negative attitudes towards the female head of the community. One of the main findings of the research is that both sides justified their position comparing community and family. The role of woman in the community is projected from the gender roles in the family. Community is perceived as a big family, where, as in a common family, the man should be the head. Inside the community there is a private and outside there is a public sphere. Woman should not appear out of the community to the world, where men dominate. At the same time, the supporters of the female head justify their position by the following: as a woman can organize the life of her family, she can organize

the life of community, too, and she will take care of the community like her family. It was interesting that during the process of election the gender stereotypes were not as significant, as in this case another rule dominates: the main basis of the voting is a close relationship with the candidate.

The information gathered during research shows that the community is more demanding toward a female head: she should have a higher education, preferably in agricultural, be independent in her opinion, have more democratic relations with the village council, and be impartial toward community members. On the other hand, a male head should not necessarily have the same characteristics. In this environment, the female head of community uses some strategies to create a positive example of female leader. In order to prove that woman can manage the life of community, she tries to involve the community in as many projects as she can.

In conclusion, positive examples are very important for a society to change the perception on the role of women in the social-political sphere. Changes on the community level will be helpful to gradually achieve social and political activeness of women on the national level.

Ekaterina Pirtskhalava

TRANSFORMATION OF GENDER ROLES AND THEIR INFLUENCE ON POWER DISTRIBUTION IN THE FAMILY

As a result of changes in the post Soviet period, each Georgian family confronted a new, essential problem: to earn the subsistence wage. Forming a new state and introducing new economic relationships changed people's lives within the post Soviet space. The majority of males lost their jobs (previously provided by the state) and can't realise one of the most important gender responsibilities - the function of material support of the family. Some women have to provide material support for their families taking over a difficult duty, which is untraditional for Georgian women. Changes presently assigned to the Georgian family are connected to these particular problems.

Gender aspects of family life deserve particular attention; how did changes in the public life affect family relationships and the gender distribution of roles in the family?

Investigation of the family in the perspective of gender relationships was carried out using a system approach.

The method of «oral story» was used in the research - interview and the quantitative method - a questionnaire with each family member.

20 families living in Tbilisi took part in the research: 10 nuclear families (consisting of two generations) and 10 expanded families (with three generations).

As a result of the research we stated:

Despite cardinal changes in society, essential changes in the investigated families didn't take place. The functions in the families are divided by gender.

Economic and social changes didn't have a large influence on the transformation of gender roles in the families investigated.

In the regions of Georgia the number of women possessing a car has increased; this was quite usual for Tbilisi but not for the regions. More and more women spend time in restaurants without accompanying their husbands at weekends.

Changes in society had a different influence on nuclear and expanded

families. Nuclear families reveal more tendencies towards partnership. The husband takes more advice from the wife and helps more than in the expanded families, where elder family members change with more difficulty (difficulties in destroying traditional stereotypes).

A controversy was revealed in assessing who has to be the head of the family: nuclear families more than expanded ones agree that it has to be the father.

Possessing resources defining the power in the family are basically assigned to male family members. The perceptions are sometimes controversial, and written assessments sometimes are different than those obtained during the interview. Traditional stereotypes are fixed in our conscience in a way that they interfere with real perception. Issues connected to the distribution of gender roles were first given close to reality, but while filling the questionnaire, the answer for the question - Who makes the decisions? - was «My husband of course - who else?»

It was revealed that in the assessment of traditional values, different generations and even family types differ. Families consisting of three generations reveal more traditional values than nuclear families.

Despite changes in society, traditional and patriarchal roles are revealed in the families according to the culture of Georgia. The traditional distribution of roles within a family is expressed by the perception of a man as the head of a family responsible for making decisions and guaranteeing the economic well-being of the family.

According to the interviews, representatives of the younger generation express their protests against the dominance of man in the family; in addition, though the young generation reveals a respect towards the older generation, it tries to redefine its power position in the family using its economic independence from families as a resource.

Zaruhi Amiraghyan

DISTRICT OF KOND: HISTORICAL AND CULTURAL CAPACITIES AND ITS PLACE IN THE CONTEMPORARY SOCIAL-ECONOMIC AND URBAN-PLANNING CHANGES

The collapse of the Soviet regime and the beginning of new economic relations led to the restructuring of a number of cities in the former Soviet republics. Economic development was boosted up primarily in large towns and capital cities.

The process of a new market economy in Armenia is widely spread and affects, first of all, the social-economic and urban-planning structure of Yerevan. The tendency of replacing old buildings with new ones has always been the norm here. The trends were especially intensified beginning in 1924, when the Yerevan general plan was approved. This provided for «Europeanization» and a moving away from the so-called «culture of Oriental backwardness». The city administration then succeeded in creating a new image for the Armenian capital and a new Yerevan, having mainly preserved some separate buildings and isles of the historical city hidden behind the reconstruction.

After the Second Independent Republic was formed, the desire for a new capital that would correspond to contemporary notions of a city once again resulted in a number of unresolved problems.

This is how the problem of building up the old districts in the centre of Yerevan, due to their physical and moral exhaustion, developed. The increase of prices on land intensified the process. The question of dismantling the oldest district in Yerevan – the Kond – which has survived numerous reforms owing to its complicated landscape, useless for multi-storey buildings that have become ruined during the last decade.

The complexity of the problem of preserving the Kond is in its actual physical condition, in that it does not fulfil modern sanitary and security requirements. The street network capacity for cars is also limited and creates difficulties, especially in winter. These problems, along with a number of others, have led to the formation of the opinion among residents both of the

district itself and Yerevan as a whole that the Kond needs to be dismantled. Many experts also share this viewpoint.

Obviously, the problem is not fully developed and its perception is superficial. The newly approved general plan of Yerevan provides for new construction of the Kond, along with other historical parts of the city.

Some urban-planners support a different approach in developing historical cities, i.e. using the old city to the advantage of overall development, rather than developing at the expense of the old city. These people face the necessity of taking urgent measures for preserving the historical locale and disseminating information on the problem to disclose it to the public.

To do this calls for the elaboration of a number of restricting urban-planning recommendations that are included in the contemporary normative requirements, using a systemic approach in the reconstruction of the historical urban environment. This method of urban planning is used in many European cities, including Dubrovnik, Vilnius, etc.

The choice for the best alternative option, based on a multidimensional evaluation, will facilitate a full-range solution of the urgent problem of reconstructing the centre of Yerevan.

Manana Gedevanishvili

RESEARCH OF THE TBILISI LANDSCAPING SYSTEM AND OPPORTUNITIES FOR ITS DEVELOPMENT

This article considers the problems of Tbilisi landscaping and prospects of the further development of its planted territories. Since Georgia's independence after the collapse of the Soviet Union, the situation has worsened. Economic crisis and the destruction of city structures have caused the cancellation of planting for a number of years. Energy crises in Georgia have induced the population to cut down flora for firewood. In addition, the seizure of forested territories has become common due to widespread corruption. Hence, green territories of the city have been reduced steadily and regularly since 1989.

The result of our research enables us to draw the conclusion that the situation in the system of tree and shrub planting is dismal. The development of tree and shrub plantings is not considered as a priority by city authorities. On the contrary, the tendency of destroying parks, gardens, squares and woods continues.

The City population questionnaire has shown that citizens, unlike the authorities, give much more value to city gardening. It is urgent that drastic measures be taken in order to protect the public interest along with the preservation of areas of the city that already have planted trees and shrubs. We suggest forbidding the construction of new building in the city for a certain period of time.

In our opinion it is essential to specify that many important varieties of local flora are almost ignored in the assortment of green plantings, though they exist as natural vegetative groupings and thrive in local conditions, not to mention their decorative aspects, compared with more commonly used exotic plants.

To us, it is important that in the process of planting gardening settlements, the same attention should be paid to the preservation of rare and disappearing kinds of local flora as to creating a favourable dwelling space for city inhabitants. It is possible to cultivate and grow plenty of rare and disappearing sorts of wild flora in Tbilisi (including indigenous, relict varieties

of Georgia and the Caucasus already listed in «The Red Book» and «The Red List»), part of which grows wild in our surrounding nature. Duplications and reintroductions are required for their protection. The introduction of these species into city gardening may become one of the main means of their protection.

Restoration is required in landscape gardening art. The restoration of the status and arrangement of «Tbilisi National Park» can give Tbilisi unique opportunities for further development.

Tamara Khoshtaria

FUNCTIONAL PLANNING DEVELOPMENT OF HEALTH RESORTS IN THE BORJOMI DISTRICT

Resorts are one of the main tourist resources of Georgia. Beautiful landscapes, mild climates, and natural mineral waters made these resorts very popular among the local population and the citizens of the USSR. However, after the crash of the Soviet Union and following the social and economic crisis of the 1990s, Georgian resorts experienced a great decline. Decayed tourist infrastructure, a badly organized transport system, social problems, illegal wood felling, solid waste mismanagement, destruction of historical monuments – this is an incomplete list of obstacles hampering tourism development. Although Borjomi is one of the applicant cities for the 2014 Winter Olympic Games, the current condition of the district gives little hope for its selection.

The main objective of this investigation was to explore the potential of Borjomi district health resorts and suggest some concrete arrangements to make them more attractive for tourists.

The author analyzes several resorts and places that could become resorts in the future, pointing out the specific resources and problems of each place. Bakuriani ski resort and the city of Borjomi, along with its surroundings, were studied in more detail.

Borjomi is an old resort town that is famous for its mineral water. It started functioning in the 1840s and was one of the most visited resorts of the Russian Empire. Today it lacks modern tourist infrastructure, suffers from poor ecological management, and its historical buildings are falling apart. However, the architecture of the XIX and early XX centuries (especially wooden houses) can serve as one of the main attractions of the city.

Bakuriani is a small rural town near Borjomi which was a popular ski resort in Soviet times and managed to re-emerge in the late 1990s. It also functions as a balneal resort in the summer. Bakuriani has recently been experiencing a construction boom. However, much of the building that goes on is unregulated, leading to confused planning and a potential threat to green areas. Land value has been consistently rising for the last 10 years, and a

number of new and modern hotels were built and a new part of the village emerged – New Bakuriani. Nonetheless, the area as a whole can hardly be called tourist-friendly. The roads are in poor condition, the transport system is out of date, and the problem of waste management is unresolved. The settlement has very limited facilities for shopping, eating, and going out.

The author also describes some successful examples of tourism development in the district during last years, including international projects. One of the showcases is Borjomi-Kharagauli National Park, which was regenerated several years ago.

In the conclusion, suggestions are made concerning future steps in tourist development. They include the following: renewal of the general plans of all Georgian resorts; reconstruction of the historical town centre in Borjomi and animation of the town; fighting against illegal wood felling and forest regeneration; solving the problem of waste management on a district scale; developing of tourist services; establishing an urban studies research unit in Borjomi, etc.

**Heinrich Böll Foundation regional scholarship programme for
young social scientists in the South Caucasus**

South Caucasus: Spaces. Histories. People.

Collection of papers

- n Modern history**
- n Sociology**
- n Sustainable urban development**

Heinrich-Böll-Foundation

South Caucasus Regional Office

5 Radiani St., Tbilisi 0179, Georgia

Tel: (+995 32) 22 77 05

Fax: (+995 32) 91 28 97

E-mail: info@boell.ge

www.boell.ge

**SOUTH CAUCASUS: SPACES. HISTORIES. PEOPLE.
COLLECTION OF PAPERS.**

Scientific editor

Ekaterina Gerasimova, PhD, Centre for Independent Social Research,
St.-Petersburg

Volume editor

Nino Lejava, Programme coordinator, Heinrich Boell Foundation
South Caucasus regional office

Cover design

Giorgi Tabliashvili

Layout

Nino Guruli

© Фонд им. Генриха Бёлля, 2006

© Heinrich Böll Stiftung, 2006

– Tbilisi, HBF, 2006. 400 p.

Printed by Diogene Publishers

Diogene Publishers, Tbilisi 0179, Kekelidze 6
tel. 95 63 96, tel./fax 96 79 71 www.diogene.ge